Егоров Валентин

1941 ГОД

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Мы только что отпраздновали 70-летие победы в Великой Отечественной войне, в войне которая оставила след в каждом из нас! Мы никогда не забудем, что весь советский народ встал на оборону нашей родины! Но почему-то мы всегда вспоминаем именно начало войны, но мало что сами говорим об этом самом начале войны, так как все убеждены в том, что Красная Армия подчистую проиграла все пограничные сражения. Но так ли это?! Когда я знакомился с военными документами то к своему стыду обнаружил, как славно и храбро сражались с дивизиями Вермахта наши отцы и деды. Эта книга рассказ без прикрас о первых десяти днях войны, но с некоторой фантазией, разумеется!

- Валентин Егоров
  -
  - Часть первая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Часть вторая
    - Глава 1
    - Глава 2
    - Глава 3
    - Глава 4
    - Глава 5
    - Глава 6
    - Глава 7
    - Глава 8
    - Глава 9
    - Глава 10
  - Примечания

Валентин Егоров
1941 год

Москва. 1940 год

Часть первая

Глава 1

1

Утром Иван из-за плохого самочувствия матери задержался дома, поэтому он опаздывал на урок литературы, который вот-вот должен был начаться в школе. Сегодня была пятница четвертого мая 1940 года, это был обычный учебный, ничем не выделяющийся день в жизни семнадцатилетнего москвича. В этом года Иван Фролов должен был получить аттестат зрелости, навсегда покинуть школу, начать взрослую жизнь. Поэтому в школу Иван очень спешил, он почти бежал вниз по Самотечному переулку. До школы ему осталось пробежать совсем немного, перебежать трамвайную линию, а затем повернуть направо и вбежать в школьные ворота. Как-то получилось так, что ноги парня неплохо выполняли свою работу, они быстро несли его по московской мостовой. Голова же этого выпускника школы была занята далеко не детскими мыслями, Иван думал о своих родителях, об отце и матери.

Три года назад НКВД арестовало его отца, заподозрив его в связях с немецкой разведкой! В свое время отцу пришлось немного поработать вместе с немецкими инженерами в одном из советских конструкторских бюро, там они вместе разрабатывали новый тип гражданского самолета. Вот и нашлись люди на авиазаводе, на котором он тогда работал, которые позавидовали успехам его отца, достатку семьи, красивой жене и сыну, и накатали на него телегу в Наркомат внутренних дел СССР! Через полгода расследования отца выпустили из тюрьмы из-за недоказанности улик, выдвинутых в анонимке. Вернувшись домой, там отец обнаружил страшную картину, его жена в прошлом из дворянской семьи, не выдержала своего даже столь короткого одиночества. За время своего девичества, первых лет замужества она слишком уж привыкла к легкой, обеспеченной жизни супруги советского инженера! Поэтому арест мужа, злой язык соседей пролетариев, другие беды и напасти, она не перенесла, сломалась душевно! А вслед за надломом души, молодая и красивая женщина начала злоупотреблять водкой, чтобы ею отгородиться от своего бытия, отрешиться от тогдашних реалий жизни.

Отец уже три года, как вернулся домой, казалось бы, былое благополучие вместе с ним снова вернулось в его семью. Каждый утро отец уезжал на работу, а жена в его отсутствие все больше и

больше пила водку, к тому времени своей меры она уже не знала! Эта женщина перестала присматривать за своим единственным сыном, обращать на него внимание, хорошо, что Иван достаточно к этому времени повзрослел, уже мог за собой присматривать. Женщина забывала готовить завтраки мужу перед уходом на работу и сыну перед школой. Все в хозяйстве этой семьи начало разваливаться прямо на глазах! Ни постоянные убеждения мужа, ни горячие просьбы сына не пить водки, на все это молодая женщина перестала обращать внимание, она оказалась безвольной натурой.

Вот и сегодня Иван, проснувшись рано утром, услышал, как зло и коротко, хлопнула входная дверь их квартиры. Это отец отправился на авиазавод, на котором работал ведущим авиаконструктором, так и не позавтракав. Натянув на себя майку, Иван отправился в ванную комнату, умыться и почистить зубы. Когда Иван вошел на кухню чего-нибудь перекусить перед школой, то там увидел свою мать. Она стояла у окна, пальцем водила по запотевшему оконному стеклу, напевала что-то очень грустное, по ее глазам текли слезы.

Что-то грустно душе, что-то сердцу больней,
Иль взгрустнулось мне о бывалом?
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.

Иван стоял на пороге кухни, смотрел на мать у окна, по его глазам потекли слезы. После возвращения отца из тюрьмы, они много вечеров проводили вместе на этой кухне, пытаясь убедить эту женщину, их жену и мать, начать борьбу со своим пороком. Но все их попытки ее уговорить оказывались совершенно напрасным делом. Утром на следующий день она их провожала на работу и в школу приготовленным завтраком, а вечером встречала бегающим взглядом, пустой бутылкой водки, которую только что распила на своей кухне!

Все чаще и чаще Иван, возвращаясь домой после уроков в школе, заставал мать на кухне, но уже вместе с собутыльниками. Каждый раз ее собутыльниками становились местные пьяницы, которые были готовы пойти на все, чтобы только выпить за чужой счет. Они охотно принимали приглашения хозяйки дома, еще более охотно пили бесплатную водку за ее здоровье. За выпивкой говорили целые речи, славасловия хозяйке. Они не отказывались, беспрекословно бегали за новой бутылкой водки. При появлении на кухне ее сына школьника эта подъездная пьянь также беспрекословно поднимались на ноги, отправляясь с кухни

восвояси!

Чаще всего среди этих собутыльников Иван видел дворника дома, в котором находилась их квартира, дядю Мишу, который особо много не пил, поэтому у соседей не считался пьяницей. Эта гадюка подколодная ради того, чтобы заработать лишний рубль, стал из-под полы втридорога продавать матери Ивана бутылки с паленой водкой. При появлении на кухне Ивана, вернувшегося из школы, дядя Миша прерывал свою беседу, злобно посматривал на мальца, тяжело поднимался из-за стола, направляясь к выходу из квартиры. Несколько раз отец пытался усовестить, урезонить дворника, один раз он его даже сильно побил, но дядя Миша продолжал регулярно появляться на их кухне, регулярно продавать матери Ивана паленую водку. Мать Ивана также регулярно продолжала пить эту паленую водку, причем, ее здоровье ухудшалось день ото дня.

Апрель этого года выдался прохладным месяцем, поэтому Иван, как и всю зиму, второй весенний месяц проходил в своем стареньком демисезонном пальтишке. Из этого пальто он уже давным-давно вырос, сейчас на его плечах оно более всего походило на демисезонную куртку, и было оно ему только до пояса. Сегодня впервые после майских праздников пришло настоящее тепло, поэтому Иван, натянув на себя простенькую рубашку и вельветовую куртку с молнией, отправился на уроки в школу. Он переступил порог школы именно в тот момент, когда громко прозвенел школьный звонок, объявляя о начале первого урока. Он вошел в класс, когда преподаватель русской литературы и одновременно их классный руководитель, Анна Николаевна, уже пригласила учеников его класс занять свои места. Иван застыл у дверей, терпеливо ожидая, когда Анна Николаевна обратит на него свое внимание, разрешит ему сесть за парту.

Несколько минут классный руководитель не поворачивала своей головы в его сторону, что-то изучая в классном журнале. Иван, как и все ученики класса, прекрасно знал, что Анна Николаевна его успела увидеть, но сейчас она перед всеми учениками притворялась, делала вид, что его она пока не видит. За последний месяц в отношениях Ивана с преподавательницей русской литературы появились непонятные ему трещины, настоящие проблемы! По русской литературе Ивану стала грозить четвертка, хотя он был первым кандидатом на получение красного аттестата. За все годы учебы в школе Иван Фролов еще ни разу не получал, хотя бы одной четверки! Школа до последнего ученика была тоже уверена в том, что в июне месяце ученик из 10А Иван Фролов получит красный аттестат!

— Хорошо, Фролов! — В этот момент послышался голос Анны Николаевны. — Займи свое место за партой! Но ты уже постарайся больше не опаздывать на мой урок!

Иван прошел к стене с окнами, затем прошелся вдоль этой стены, чтобы сесть за самую дальнюю парту в том ряду. Но только он устроился за партой, как в дверь класса снова кто-то вежливо постучал.

Донельзя возмущенная этим обстоятельство, Анна Николаевна подошла к двери, слегка ее приоткрыла. Тут же послышался чей-то шепот. Иван сидел слишком далеко от этой двери, чтобы разобрать, о чем это там шептались. Он из портфеля достал учебник русской литературы, положил его на угол парты. Татарка Машка, его соседка по парте, мазнула по нему взглядом своих черных глаз. По этому страстному взгляду Иван догадался о том, что соседка хотела его о чем-то спросить, но в этот момент Анна Николаевна с ничего особенно не выражающим лицом отошла от двери, негромким, спокойным голосом произнесла:

— Иван Фролов, выйди, пожалуйста, в коридор. С тобой хотят поговорить!

Иван недоуменно пожал плечами, поднялся из-за парты и, пройдя через весь класс, открыл тяжелую дверь класса и вышел в коридор. Там он тут же застыл на месте от полной неожиданности, от того, что увидел перед собой! В школьном коридоре находилась директор школы, двое военных в форме НКВД и два красноармейца с винтовками за плечами. А за его спиной, за закрытой дверью класса послышал ровный голос Анны Николаевны, которая обратилась к ученикам Иванова класса:

— А сейчас, друзья, мы начнем наш урок литературы. Сегодня мы поговорим о Михаиле Лермонтове, его «Мцырях»…

В этот момент Иван Фролов находился в полной растерянности, он явно не ожидал увидеть подобной картины в этом школьном коридоре! Парень начал даже осматриваться по сторонам, желая разыскать еще одного человека, к которому могла бы прийти такая странная компания! Но никого другого в этом коридоре он так и не нашел.

В этот момент один из командиров НКВД злобно ухмыльнулся, выхватил наган из кобуры, прыжком подскочил к Ивану со спины. Он с такой неожиданной силой оттолкнул школьника подальше от двери класса, что Иван грохнулся на колени, больно ударившись им о школьный пол, и на них проехал метра полтора от своего класса. С большим трудом мальчишке удалось сдержать свой первый стон. Но он также не успел подняться с колен на ноги, как тот же энкеведешник дуло своего нагана приставил к его затылку, злобным шепотом прокричал:

— Ты, что, курва, глазами рыскаешь по сторонам, что бежать надумал?! Да, я ж тебя, предателя родины, сейчас же поставлю к стенке, на расплав души пущу!

Иван Фролов, по-прежнему, молчал, он не понимал, что с ним сейчас происходит?! Он стоял на коленях, склонив голову к полу, а по его шее уже текла кровь, это энкеведешник дулом своего нагана рассек кожу ему на затылке. Иван не молил энкеведешников о снисхождении, так как он оказался в ситуации, когда его мальчишеское сознание попросту отказалось воспринимать все эти вещи сейчас с ним происходящие! Энкеведешник же с наганом в руках не успокаивался, он все больше и больше бесился! Видимо, молчание арестованного мальца его сводило с ума, размахнувшись он рукояткой револьвера ударил по голове Ивана. Удар оказался таким сильным, рукоятка нагана уже в нескольких местах рассекла тому кожу на голове. Из ранений на голове парня хлынул целый поток крови, который тут же пролился на его лицо, сделав его каким-то красным и липким. Иван попытался лихорадочными движениями своим рук стереть с лица эту прилипчивую красноту, но у него ничего не получалось.

Директор школы, наблюдая со сторону картину избиения школьника своей школы, ничего не могла ему помочь, но ее женское сердце ее продало. В какой-то момент она вскрикнула, но тут же свои руки эта пожилая женщина подняла ко рту, чтобы не позволить себе политических высказываний! Склонив свою голову к полу, директорша начала плакать и громки всхлипывать! На ее поведение обратил внимание второй командир, до этого момента стоявший совершенно спокойно, наблюдавший за тем, как его товарищ профессионально избивал школьника.

Он к своему товарищу по службе, серьезно разбушевавшемуся, руками, ногами и револьвером избивавшего Фролова, чтобы тихо прошептать тому на ухо:

— Сема, прекрати буйствовать! Не забывай о том, что мы не на службе, а арестовываем предателя родины в школе. Скоро в этом коридоре появится наша малышня. Здесь будет сплошная толкотня из детей и женщин! Многие из них могут неправильно истолковать твои методы работы!

— Ну, и что? Не мешай мне работать! Мы должны сейчас и здесь расколоть этого изменника родины, решившего пойти по стопам своего отца! Нужно, чтобы он сейчас признался, сообщил бы нам имена своей преступной группы! В другом месте, этого нам труднее будет добиться!

— Я полностью с тобой согласен по этому вопросу, Сема. Но ты пойми, свою работу мы должны делать тихо, без свидетелей и

без громкого детского рева! Ну, а ты только представь себе, как дети будут реагировать на твое разумное поведение! Словом, мы должны, как можно скорей, покинуть эту школу, а этого молокососа должны доставить в тюремную камеру.

Энкеведешник Сема внешне успокоился, согласился со своим товарищем, посоветовавшему ему, спецобработку арестанта перенести в камеру тюрьмы на чуть более позднее время! Он свой наган убрал обратно в кобуру, поправил под ремнем гимнастерку и молча по коридору отправился к выходу из школы. Второй же командир НКВД повернулся к красноармейцам, и им спокойным голосом приказал:

— Парни, забирайте этого предателя, отведите его в наш воронок!

Тюремный фургон стоял на школьном дворе. Этот двор в основном использовался для проведения общешкольной линейки первого сентября каждого года. С этим двором у школьников были связаны одни только радостные воспоминания, в тот день на нем собирались празднично ученики всех классов школы, приходили родители. По окончанию линейки будущие выпускники школы на свои плечи сажали первоклашек с большими букетами цветов, таки на своих плечах первоклашек разносили по классам, там они рассаживали их по школьным партам. Это мероприятие сопровождалось громкой и веселой музыкой, детским смехом и детскими слезами радости.

Сегодня же этот двор встретил Ивана, конвоированного двумя красноармейцами, полной тишиной, а также тюремным воронком с гостеприимно распахнутой дверью. Когда Ивана Фролово вывели на этот двор из школьного подъезда, то он вдруг ощутил, что занятия в школе прекратились, а все ее ученики прильнули к школьным окнам, наблюдая за тем, как их товарища подводят к этому страшному грузовичку, тюремному воронку. Обернувшись, Иван хотел рукой поприветствовать своих товарищей, но он увидел одни пустые окна. Эта школа и его товарищи по школе оказались равнодушными к несчастию, только что с ним случившемуся! Только одна дуреха стояла раскрытого школьного окна, она открыто и громко ревела, его провожая в тюрьму. Эти слезы его соседки по парте, татарки Машки, словно кувалда кузнеца, ударили по голове Ивана! Парень вдруг осознал, понял, что все происходящее с ним это дело серьезное и надолго. Что может случиться и так, что он, Иван Фролов, уже никогда не вернуться в эту школу! Что в этом учебном году он уже не будет сдавать экзамены на аттестат зрелости!

Сейчас Иван Лавров пока еще не знал о том, что этот арест

навсегда изменил его жизнь, его будущее, его судьбу! Что с этого дня он в свое будущее пойдет другой дорогой, которая уже не будет той дорогой, по которой в свое будущее пойдет подавляющее большинство советских школьников!

2

Когда конвоиры подвели Ивана к тюремной карете, то энкеведешник Сема неожиданным ударом кулака снова сбил его с ног. Красноармейцы, отложив винтовки в сторону, ухватили парня за руки и ноги, начали его тело раскачивать в воздухе. На счет «три» они ловко, видимо, им неоднократно приходилось проделывать подобное упражнение, швырнули Иваново тело за решетку тюремной кареты. Всю дорогу до Лубянской тюрьмы Ивана избивали в этой карете, остервенело, били кулаками, сапогами. В какой-то момент Иван в этой дикой для него кутерьме интуитивно попытался защищаться. Ему удалось ударом кулака заехать в переносицу одному из энкеведешников. Тогда энкеведешники, отобрав винтовки у красноармейцев, принялись его избивать прикладами винтовок. Прикладами они переломали ему все ребра, нанесли тяжелую черепно-мозговую травму, лицо парня превратили в одну кровавую массу. Сломали одну ногу и все продолжали бить, бить, калечить парня.

Когда на тюремном дворе Ивана волоком вытащили из зарешеченного кузова грузовика, швырнули на бетонный пол. Иван не то, чтобы уже не мог самостоятельно стоять на ногах, передвигаться, к этому времени парень с большим трудом дышал. Мимо проходили работники НКВД СССР, ни один из них не подошел к Ивану, не попытался ему помочь! Пришедший его принимать, тюремный старшина укоризненно посмотрел на командиров НКВД, покачал головой и сказал:

— Мужики, ну, а за что вы его так? Он, что дорогу вам перешел? Я его, конечно, приму, но только после медицинского освидетельствования. Нести ответственность за жмура я не собираюсь, так что идите, зовите тюремного доктора. Когда тюремный доктор его осмотрит, даст свое заключение, тогда мы с вами и подпишем документ о передаче вашего арестанта в мои руки.

Доктор, пришедший осматривать Ивана, при одном только взгляде на едва дышавшее тело парня тут же его отправил в тюремную медсанчасть. Затем он посмотрел на тюремного старшину и сказал:

— Этот парень больше не жилец на этом свете! Я не понимаю,

за что конвой его так отделал! Какие-то личные счеты, наверное! А может и действительно чей-то шпион! Только мал он уж очень, ему же всего семнадцать лет, у него вся жизнь была впереди! А теперь, если его и вылечат, то он будет хромать, ездить в инвалидной коляске!

В медсанчасти Иван Фролов провел почти месяц, прежде чем его тело оправилось от ушибов, нанесенных побоями, но пока не срастались ребра в груди, постоянно и сильно болела голова. В одну из ночей в медсанчасти ему вдруг приснился очень странный сон. В этом сне его кровать, а он лежал на ней, стояла в очень большой палате какой-то больницы. Фролов не видел, но ощущал, что в палате очень много больных, почти умирающих человек. Их обходили врачи, которые с ними беседовали. Один из таких врачей подошел к нему, внимательно его осмотрел, затем он сверился со своими записями в блокноте, повернул лицо к Ивану и тихим голосом сказал:

— Молодой человек у тебя сильная черепно-мозговая травма, несовместимая с жизнью. Но ты не умрешь, Всевышний, сказал, таких, как тебя больных, лечить, возвращать в родные пенаты! Так что сейчас тебя прооперируют, но я должен тебя заранее предупредить о том, что такие гематомы, какая сейчас находится у тебя в голове, просто так без последствий не извлекаются. Будь готов к тому, что впоследствии у тебя появятся необычные для человека способности! Мой тебе совет, смирись, продолжай жить, пока не наступит твое окончательное время.

Ровно через месяц Ивана Фролова выпустили из тюремной медсанчасти, тюремный врач только развел руками, когда директор тюрьмы у него поинтересовался:

— Послушай, что же произошло, почему этот парень все еще жив и здоров, а не покоится на погосте, как ты мне раньше обещал?!

Из медсанчасти Иван Фролов попал в общую камеру, в которой сидели пятьдесят арестантов, высший криминальный элемент и политические, по делам которых все еще велось следствие. Политические встретили Ивана с гостеприимством, а вот с представителями криминала ему пришлось пару раз подраться, отстаивая свои гражданские права. Причем, вдруг в этих драках выяснилось, что заключенный Фролов был знаком с такими приемами и способами ведения рукопашного боя, в результате чего он оказался не по зубам быкам преступного элемента.

Время в тюремной камере для Ивана Фролова потекло размеренно, но уж очень медленно, он рвался на волю. Изредка, два раза в неделю следователь вызывал его на допрос, но ни разу

на допросе он его пальцем не тронул! Да к тому же этот следователь практически уже ничем особо не интересовался! Преступный элемент камеры после двух драк стал относиться к новичку нейтрально, но с уважением. Ивану отвели не очень плохое, но и не очень хорошее место в камере. Все свободное время он был предоставлен самому себе, начал заниматься спортом, тренироваться в дальнем углу камеры, подальше от всех, стараясь никому из заключенных и арестантов не мешать своим бегом на месте, прыжками в высоту, выполнением физических упражнений на развитие мускулатуры живота, рук и ног! Кое-что у Ивана получалось, но очень многие упражнения ему приходилось выполнять снова и снова, добиваясь лучшего результата.

В перерывах между занятиями спортом, Иван Фролов уже вместе с представителями преступного мира осваивал новый для себя язык, воровскую феню! Вскоре он научился говорить на фене лучше, чем кто-либо еще из его камеры. Потихонечку этот паренек своей настойчивостью, стремлением к новому, стал и доброму, стал заметен в среде преступного элемента советского общества, сумел завоевать авторитет. Через полгода пребывания в Лубянской тюрьме кое-что изменилось по его тюремному делу. Иван не знал того, что его отец не выдержал допросов с пристрастием, он покончил с собой в тюремной одиночке, повесившись на оконной решетке! После его смерти надуманное следователем дело начало разваливаться. Тогда этот следователь НКВД, ведший его дело, обеляя самого себя перед начальством, принял решение, расследуемое им дело из политического дела переклассифицировать в криминальное расследование. Эта переклассификация сказался на положении Ивана Фролова в тюрьме. Теперь он больше не преследовался по политическим причинам, а стал простым криминальным элементом, или, проще говоря, Иван стал уркаганом.

Словом, после смерти отца Ивана всего пару раз вызывали на допрос к следователю, а потому о его существовании как бы забыли! Но дела не прекратили и на волю Ивана Фролова не выпустили! Дело Фролова рассматривалось в суде, это был редкий случай даже по тому времени, судья в приговоре советского суда присудил Ивану пятнадцать лет трудовых лагерей без права переписки. Этот срок урка Иван должен был отработать в сибирских трудовых лагерях. Из Лубянской тюрьмы Ивана перевели в одну из московских тюрем. Некоторое время его еще продержали в этой московской тюрьме, а затем отправили в трудовой лагерь под Долгопрудным, где формировались этапы для отправки на Дальний Восток! Осужденного уркагана Фролова

должны были очередным этапом отправить в далекий Магадан. Но в лагере под Долгопрудным уркаган Иван Фролов почему-то надолго задержался. Он там провел целых полгода, прежде чем руководство магаданского трудлагеря вспомнило о существовании этого своего зека. Оно перед руководством ГУЛАГа подняло вопрос о включении Фролова в этап, для последующей транспортировки на Дальний восток.

Когда Ивана Фролова под конвоем доставили в трудовой лагерь под Долгопрудным, то он к этому времени почти уже превратился в уркагана. Научился неплохо владеть ножом, говорил только на фене. Ему оставалось только обкататься какой-нибудь кражей, чтобы официально стать вором. Но в жизнь этого молодого парня москвича снова внезапно вмешалась такая ветреная женщина, как его судьба!

Она с этим парнем поступила очень интересным образом! Однажды, будучи пойман за нарушение одного лагерного правила, Иван Фролов был наказан. Трое суток он провел в лагерном карцере. В тот же момент в карцере отбывал срок еще один зек. Случайно оказалось, что этим двум зекам предстояло провести трое суток вместе в этом железном ящике. Карцер имел такие размеры, что оба зека ничем не могли в нем заниматься, разве что одним лишь разговором по душам, так быстрее летало время их отсидки. В первый день знакомства Иван своему новому товарищу в деталях поведал историю о том, каким это образом он образом загремел на пятнадцать лет трудлагерей строго режима.

Внимательно слушая рассказ своего товарища, Михаил, так себя назвал товарищ Ивана по карцеру, неожиданно ему предложил, под его непосредственным руководством научиться новому комплекс специальных упражнений. По словам Михаила, этот комплекс упражнений сделает Ивана сильным и уважаемый в лагерных кругах человеком, поможет ему выживать даже в самых нечеловеческих условиях. Но опять-таки, снова и снова повторял Михаил:

— При условии, Ваня, что этими упражнениями ты будешь заниматься по часу каждый божий день!

Разумеется, Иван заинтересовался этим предложением Михаила. Еще во время их пребывания в карцере он под надзором Михаила приступил к освоению этого волшебного комплекса упражнений. Два последних дня Ивана в карцере пролетели, словно одно мгновение, он снова и снова принимал стойку, а затем приступал к выполнению различных упражнений для укрепления мускулатуры пресса живота, бицепсов предплечий. Причем, одно упражнение переходило в другое, образовывая цепочку из звеньев спортивных упражнений, крепко связанных

между собой.

Вернувшись в лагерный барак, теперь Иван каждое утро отправлялся в барак, где содержался Михаил. Там, неподалеку от барака, они нашли свободный пятачок земли, где оба в паре снова и снова выполняли одни и те спортивные упражнения. Первое время Ивану казалось, что он только зря теряет время с Михаилом, танцуя вместе с ним на этом пятачке. Но вскоре он почувствовал, как неведомая сила начала извне в него вливаться. Немного быстрее заработал его головной мозг. Он стал более быстро просчитывать и анализировать различные житейские ситуации. Иногда случалось такое, что Иван уже знал конечный результат, когда другие люди только-только приступали к рассмотрению той или иной ситуации!

А затем наступило время, когда неведомая сила оккупировала его мускулы, пресс стал непробиваемым, кулак одним ударом пробивал практически любую доску. Движения его тела стали настолько быстрыми, что другие профессиональные борцы попросту не успевали брать его в захват, как сами оказывались на лопатках! А Михаил продолжал настаивать на аккуратном исполнении этого чудесного спортивного танца, череды спортивных упражнений, от которых Иван Фролов становился только сильней.

Однажды вечером, прогуливаясь перед лагерными бараками, до сигнала горна отхода ко сну оставалось еще время, Михаил вдруг поинтересовался у Ивана:

— Ваня, а какими иностранными языками ты владеешь?

Фролов очень серьезно отнесся к этому вопросу своего товарища, он подробно ему рассказал:

— Понимаешь, Миша, моя мама была урожденной дворянкой. Она даже имела какой-то титул, то ли баронессы, то ли графини. Сегодня я уже не помню, каким именно это был ее титул?! Всю жизнь она никогда не работала, ни разу не стояла за ткацким станком! Поэтому мама так и не смогла найти кусочек своей жизни в этой нашей большой пролетарской жизни. Но моя мама свободно владела французским и английским языком. Французский-то язык я под ее руководством легко усвоил, ну а на английском сейчас я говорю так себе! Отец хорошо знал немецкий язык, и он меня научил этому языку. Могу похвалиться тем, что я могу на немецком языке говорить, как истинный немец!

— То есть, ты хочешь этим сказать, что свободно владеешь французским и немецким языками, и более слабо английским языком?!

— Может быть, и так, Миша! По крайней мере, я их понимаю,

а иностранцы понимают меня!

Вскоре после этого разговора Михаил познакомил Ивана с различными упражнениями рукопашного боя. Он своего друга познакомил с боевым ножом, научил его мастерскому владению этим ножом. Очень скоро Иван мог своим ножом насмерть поразить любого врага. Фролов мог выстоять и добиться победы в любом поединке с ножом в руке или просто кулаками. Михаил обучил его, как во время упражнений по эквилибристики, акробатики и просто в борьбе голыми руками убивать людей. Иван Фролов оказался способным учеником, к этому времени сформировался его характер.

Эта, казалось бы, очень странная дружба Ивана с Михаилом, закончилась также странно и неожиданно, как и началась!

Они даже не успели по-хорошему попрощаться, поговорить, когда Михаила внезапно отправили по этапу в неведомые края. Придя однажды утром к девятому лагерному барака, Иван вдруг обнаружил, что этот барак плотно окружен охранниками, мимо которых не могла проскользнуть даже опытная барачная крыса. Присмотревшись, Иван увидел, что в том бараке шел большой шмон! Охранники лагеря по одному выводили из барака зеков, вывернув им руки за спину, заломив их кверху. В таком согнутом в три погибели виде зеков подводили железнодорожному вагону, только что подогнанному к бараку. Как бы Иван Фролов не старался увидеть, но он так не смог увидеть своего друга Михаила! С тех пор Ивану пришлось заниматься самостоятельно всему тому, чему его обучил Михаил! Но добрая память об этом несломленном зеке так навсегда осталась в памяти Фролова!

3

Старшина, отвечавший за барак N 2, подошел к нарам заключенного Ивана Фролова, коснулся его плеча и негромко, чтобы не разбудить других зеков, произнес:

— Вставай, парень, настала и твоя пора отправляться в дальнюю дорогу!

— А куда, не подскажите? — Вежливо поинтересовался парень, на локтях приподнявшись на нарах.

— Сказал бы, если бы только знал! — Тяжело вздохнул старшина, ему нравился этот спокойный и сам себе на уме парень. — Но сейчас я хочу тебя предупредить о том, что бойцы и командир охраны этого этапа не очень-то хорошие люди. Наши командиры за их спинами часто говорят о том, что уж слишком много трупов они собой привозят из этих этапов. Так что ты,

паренек, с ними поостерегись, лучше с ними не связывайся. Потерпи, рано или поздно, когда ты прибудешь на место своего назначения, то там тебе будет более спокойно, чем на этапе!

Сказав заключенному на прощанье необходимые слова, старшина незаметно перекрестился, и, тихо шаркая ногами в валенках, направился глубже в барак, поднимать на ноги других зеков этапников.

Иван поднялся на ноги, начал неторопливо одеваться. Он давно уже решил для себя, что, когда его будут отправлять на этап, то он какого-либо багажа с собой брать не будет! Поедет с пустыми руками, и одеждой, что сейчас на нем! Натягивая сапоги, он прежде в шов одного из сапог засунул длинную стальную иглу. В свое время Михаил ее нашел, заточил и закалил, а затем передал Ивану, научив его, как ею пользоваться в качестве оружия. Другого оружия Иван Фролов решил с собой не брать, так как его легко можно было бы обнаружить!

К этому времени Иван из ложки, им же украденной из лагерной столовой, сам себе заточил стилет. Получилось очень неплохое оружие, но спрятать его на себе сейчас не было никакой возможности. Как он часто слышал в разговорах бывалых этапников зеков, при малейшем подозрении охрана зеков бросалась шамонать всех подряд, и правого, и не правого зека. Если охрана обнаружит какое-либо оружие, то этот зек уже не доезжал до конечной точки своего этапа.

Поэтому Иван свой стилет сунул под подушку молодому зеку, спавшему на нарах у выхода из барака. Этот парень последнее время почему-то стал набиваться ему в дружбаны, что было несколько подозрительно. Натянув на плечи ватник, Фролов вышел во двор барака. Декабрь сорокового года оказался каким-то слякотным, слишком уж теплым месяцем, температура по ночью не опускалась ниже минус пяти градусов мороза. Уже на подходе к строю зеков этапников, Иван Фролов незаметно для всех выполнил небольшую серию согревающих тело упражнений.

В серой массе зеков Иван Фролов обычно выделялся своим ростом. Подобно деревенской каланче, он почти на голову возвышался над зеками и охраной. Хотя сам Фролов был лишь немногим выше среднего роста! Но этот его рост позволял ему всегда занимать левый фланг любого зековского построения. Так и в этом случае Иван встал в строй на левом фланге зековского строя, причем, он оказался одним из последних зеков этапников, ставших в строй.

Командиры НКВД находились на своих местах. Они уже бегали, суетились, вдоль зековского строя. Слюнявя во рту химические чернильные карандаши, они делали поспешные

заметки в своих блокнотах, вели какие-то несложные подсчеты. А затем уже по одному они подбегали к командиру этапа, тянулись перед ним, ему громко рапортуя о том, что команда зеков построена и готова к отправлению по этапу.

Более внимательно присмотревшись к этому командиру энкеведешной охраны, Иван Фролов внезапно и с душевным трепетом в нем узнал того психически неуравновешенного командира НКВД, по имени Сема, который арестовывал его в школе. Этот самый Сема бросился его избивать еще в школьном коридоре на глазах директора школы. Он едва его не убил, требуя признаться в предательстве своей родины, а затем избивая в воронке во время транспортировки арестанта в тюрьму. Душевные волнения Ивана оказались настолько велики, что его затрясло, словно от жесточайшего озноба! В этот момент перед глазами Ивана фотографии отца, повесившегося в тюремной камере, матери, спившейся от внезапно обрушившегося на нее горя, татарки Машки, когда она его целовала, горячо шептала:

— Ты, Ваня, мой любимый до конца моей жизни. Мы восточные женщины влюбляемся раз в своей жизни и навсегда! Я буду тебе всегда верна!

Лицо Маши позволило Ивану взять себя в руки, внутренне успокоиться. Глубоко внутри Ивана Фролова вдруг родилась уверенность в том, что школьное избиение на этот раз не повториться. За полгода пребывания в тюрьме и в трудовом лагере кое-что в Иване изменилось, сегодня он уже не прежний московский пацан, пока еще не нюхавший воровской жизни. Он пока еще не стал настоящим уркаганом уголовником, реальным продуктом тюремного воспитания, но уже сейчас имел достаточно сил, был готов за себя постоять!

В этот момент прогудел старенький паровозишко «Овечка», он на территорию лагеря заталкивал печально известный всей России-матушке столыпинский вагон. Вагон остановил перед зековским строем, первым в него поднялся Сема, командир охраны этого зековского этапа. Вместе со своими сержантами Сема осмотрел вагон, вскоре он снова в вагонном тамбуре. Жестами своих рук приказал бойцам охраны, подниматься в вагон. Пятнадцать бойцов охраны с карабинами, винтовками за плечами и с пистолетами в кобурах на поясах, один за другим по ступеням поднялись в тамбур, исчезая в его недрах.

Когда охрана вернулась и по ступенькам тамбура ее бойцы спустились на землю, но уже без винтовок, то они тут же выстроились для погрузки в вагон зеков. Командир этапа по общему списку вызывал того или иного зека. Специально выделенные бойцы охраны этого зека вместе с вещами провожали

от строя до вагона. Затем они внимательно отслеживали, как зек по ступенькам поднимался в тамбур. В тамбуре этого зека встречали другие бойцы охраны, они конвоировали его до железной клетки в вагоне.

Как только командир этапа озвучил его фамилия, то Иван Фролов вышел из общего строя и в сопровождении двух бойцов прошелся до вагона. Но, как только он поднял ногу, чтобы ее поставить на ступеньку тамбурной лесенки, чья-то твердая рука ухватила его за локоток. Она сначала Ивана попридержала, а затем с силой развернула его к себе лицом. Иван Фролов перед своими глазами увидел лицо энкеведешника Сему, командира его этапа. Сема злорадно улыбался и, увидев, что Иван Фролов на него вполне спокойно смотрит, то рассмеялся и, продолжая весело ухмыляться своими тонкими губами, сказал:

— Ба, знакомый человек! Да, ты все еще, оказывается, живой, пацан? В тюрьме не умер?! Так, как ты говоришь, твоя настоящая фамилия, куда ты следуешь, болван? Приказываю отвечать!

— Иван Фролов, заключенный N 15334442. Куда следую, не знаю! Мне не говорили! Багажа с собой не имею!

Сема начал нервно перелистывать бумаги, хранившиеся в его командирском планшете. По нервным и судорожным движениям его рук Иван легко догадывается о том, что этот капитан НКВД в своем планшете не находит его сопроводительных документов! В этот момент к капитану подбегает еще один посыльный из штаба лагерной охраны, он командиру этапа протягивает несколько папок. Тот внимательно их просматривает, затем удовлетворенно улыбается и, словно ребенок, громко и удовлетворенно причмокает своим губами:

— Ну, вот, как видишь, Иван Фролов, заключенный N 15334442, в нашем мире существует высшая справедливость! Я уж было начал подумывать о том, твоя фамилия в моем списке, — это ошибка! Что тебя необходимо передавать в этап на Дальний восток. Солнечный Магадан ждет свое зека! Тогда на этом своем первом этапе ты, Иван Фролов, может быть, и избежал бы божьего наказания! Но твои сопроводительные документы, как видишь, Ваня, сейчас находятся в моих руках, а это для тебя означает, ты вместе со мной отправишься на запад. Но, как я понимаю, что до места назначения доедет только один из нас! Ну, а кто это будет, Ваня, пусть, решит божье провидение! Так, что ты, вшивая урка, полезай скорей в вагон, а то на этой мерзкой декабрьской погоде ты вдруг замерзнешь и снова заболеешь, чтобы от меня удрать в свою благословенную медсанчасть!. Старшина Старостин, приказываю тебе, принять в свои руки еще одного нашего подопечного зека. Посади его на короткую цепь в нашу самую

почетную клетку люкс! И не дай тебе боже, старшина, что этот подопечный тебя обманет и от нас сбежит! Тогда за твою шкуру я не дам и копейки!

Иван снова подошел к вагону, как только он по ступенькам поднялся в тамбур, то там его подхватили сильные руки. Они Ивана с силой притиснули к стенке тамбура. Пьяный голос пробормотал под ухом Ивана Фролова:

— Дай-ка я тебя запомню, морда косоротая! Мой капитан, впервые так много слов произносил о каком-то вшивом зеке! Да ты совсем мальчишка, сколько же тебе лет?

— Восемнадцать!

— За что сидишь?

— За измену родины!

— Как и когда успел изменить, предать нашу великую родину:

— Не знаю, может быть, когда учился в школе!

— Благодарю за честные ответы, а теперь иди в свою клетку! В ней ты будешь сидеть в полном одиночестве. Информация для тебя, этот наш этап по времени в пути, наверное, самый короткий из всех, которыми я ездил, всего лишь сутки в пути! Выдержишь издевательства капитана, останешься жив! Не выдержишь, твой труп сдадим в Лиде, на нашей конечной станции следования. Так что надейся только на себя, никто тебе из нас здесь уже не поможет!

Железная клетка, в которую поместили Ивана Фролова, оказалась действительно уникальной. Она имела размеры полтора метра на полтора. В этой клетке человек должен был находиться в постоянно полусогнутом состоянии. Когда Ивана в ней заперли, то он с большим трудом нашел в этой клетке более или менее удобное положение для своего тела. В этом положении он мог полулежать, полусидеть, не испытывая особо жесткого неудобства. Все это время Иван лихорадочно размышлял о том, что же он должен был бы сделать для того, чтобы избежать своего позорного конца. Ведь, как только поезд с вагоном этапников тронется от перрона, то Сема энкеведешник обязательно к нему придет. Он не отстанет до тех пор, пока Иван не превратиться в труп. По отдельным репликам его товарищей, Иван узнал о том, что у капитана Семы от служебного рвения давно поехала голова, что в нем самом мало чего осталось человеческого!

Размышляя о путях, ведущих к его свободе, Иван одновременно пальцами правой своей руки ощупывал навесной замок своей клетки. Изучал, как этот замок можно было бы быстро открыть?! Но, как он ни старался. придумать наиболее быстрый способ открытия этого замка, ему пока не удавалось.

Требовалось достаточно много времени даже на то, чтобы попросту его взломать. Иван Фролов, чтобы навсегда покинуть этот столыпинский вагон, понимал, что ему потребуется какая-то минута времени для того, чтобы оказаться вне поля зрения всех пятнадцати бойцов охраны этапа. За эту минуту ему нужно было бы поработать и открыть замок своей клетки. Затем выйти на свободу, то есть иными словами, чтобы бежать, он должен был бы уничтожить всех бойцов охраны НКВД.

Что касается описания внутренностей вагона для транспортировки зеков, то можно было бы сказать о том, что этот столыпинский вагон был чем-то похож на обыкновенный плацкартный пассажирский вагон. Только входы в купе этого вагона были перекрыты железными дверьми с засовами для замков. В клетках могли бы разместиться столько зеков, сколько этого пожелает энкеведешный командир всего этапа. Ивана разместили в центровой клетке, которая разделяла два купе, обычно занимаемыми бойцами и командирами охраны. По высоте эта клетка специально положенными железными прутьями была, как бы разделена на две части, на верхнюю и нижнюю части! То есть в этой клетке могли разместиться только два зека! Сейчас его заперли в нижней части этой центровой клетки.

Тем временем погрузка зеков в вагон была окончена, Паровозик «Овечка» этот вагон с зеками оттащил на главный путь, прицепил его к составу, который должен был отправиться по маршруту Москва — Вильнюс.

Западный этап оказался не очень-то большим, он насчитывал всего семнадцать или восемнадцать зеков. Сейчас вагон был очень плохо освещен, горели только две лампочки в начале и в конце вагонного прохода. Но слабое освещение не помещало охране этапа дважды произвести общий пересчет заключенных. Когда поезд тронулся, покинул перрон Киевского вокзала, то лампочки в проходе стали светить более ярко. При их свете охрана этапа снова начала переселение зековских народов. Зеков стали осторожно переводить из одной клетки в другую, формируя такие зековские группы, которые должны были бы покинуть этап в том или ином белорусском городке.

Затем охрана этапа и ее командиры, видимо, проголодались. Сухие пайки зекам были небрежно разбросаны по клеткам. Бойцы охраны собрались в одном из своих купе, где устроили шикарный обед и выпивон. Каждый вертухай получил по половинке тушки курицы. Пятнадцать бойцов с громким чавканьем пожирали курицу, стаканами пили водку, а кости швыряли в Ивана Фролова, стараясь попасть ему в лицо. Но тот хранил молчание даже тогда, когда кость попадала ему в лицо. Фролов хорошо

понимал, что этим нелюдям нужен был лишь повод для того, чтобы с ним расправиться. Пару раз капитан Сема подходил к его клетке, ногой пытался ударить по его копчику, но каждый раз не доставал. Точно прицелиться ему мешали сами железные прутья клетки Ивана. Последний раз этот капитан нагнулся к Ивану, и прошептал ему на ухо:

— Извини, Ваня, но я сегодня сильно устал! Мы только что сдали сибирский этап зеков в Москву всего лишь с двумя трупами. Ты представляешь, эти люди имели наглость умереть от инфаркта, правда, это лагерный доктор им так написал, не захотев сам стать таким же жмуром. Я же хорошо помню то, как одному из зеков едва не пробил грудь своим кулаком, а второй задохнулся от тряпки, намоченной в его же мочи. Так что ты, Ваня, немного подожди, когда завтра утром мы проснемся, то тут же примемся за наши труды праведные. Постараемся, чего-нибудь новенького придумать и для тебя, Ванюша.

С этими словами капитан Сема развернулся и пьяным трупом рухнул на свое нижнее место в командирском купе. Вскоре все бойцы охраны храпели в обоих купе, только двое часовых расхаживали туда и обратно по вагонному проходу. Несколько раз Иван просчитал их ритм хождения, затем он из шва своего сапога достал иголку, поковырялся ею в замке своей клетки. Тихо лязгнув, замок раскрылся. В этот момент проснулся капитан Сема, он присел на своей лавке, почесывая затылок. А затем поднялся на ноги и, не надевая своих синих галифе, шатаясь и кривя лицом, он прошел к дверям соседнего купе, где спали зеки. Полчаса он мочился на только что заснувших зеков, стараясь своей струей попасть на их лица. На свое унижение зеки не ответили капитану Семе даже свои ропотом. Посмеявшись над ошарашенными зековскими лицами, капитан НКВД вернулся на нижнюю лавка своего купе. По дороге он успел пригрозить пальчиком Ивану, напоминая ему о своем обещании с разделаться утром. Затем капитан Сему свою голову положил на подушку, он тут же крепко заснул.

Иван Фролов, не торопясь, вытащил замок из петель, сам выбрался из клетки, выпрямился во весь свой рост, желая восстановить кровообращение в своих руках и теле. Когда к дверям командирского купе подошел первый часовой, то он тень скользнул к нему, погружая иголку на всю ее длину в правый висок охранника. Он вовремя поддержал тело охранника и его винтовку, не позволив им с громким лязгом грохнуться о железный пол этого вагона.

Иван, едва успел выпрямиться, как в этот момент его глаза встретились с глазами второго, только что подошедшего

охранника. Тот находился от него всего в полутора шагах, этот охранник своими дрожащими от страха руками пытался снять с плеча ремень винтовки. Иван, молча, протянул вперед свою правую руку, ее ребром сильно ударил в кадык часового. Тот аж захлебнулся от крови, нехватки дыхательного воздуха, когда вдребезги разбитый кадык перекрыл его дыхательное горло. Иван нагнулся, свою иголку он вытащил из виска первого охранник, чтобы с силой вонзить ее в висок второго охранник, все еще бьющегося в агонии. Когда второй охранник окончательно успокоился, перестал дышать. то Иван выпрямился и с окровавленной иглой в руке задумался о том, с какого же купе ему продолжить эту серию убийств бойцов охраны.

Очень осторожно Иван зашел в купе, где спали одни солдаты рядовые и старшины. Их винтовки он перетащил в вагонный проход, а затем солдатское купе перекрыл железной дверью, набросил засов, вставил замок в петлицы засова и повернул ключ замка. Обезопасив себя от бойцов охраны, Иван перешел в соседнее купе, где спали энкеведешные командиры, опять-таки осторожно их разоружил, наганы и пистолеты он осторожно вынес в коридор. А затем снова задумался, его кровь требовала жестоко наказать капитана Сему, лишить его жизни, но разум этому всячески препятствовал. Он пытался убедить своего хозяина в том, что хватит ему убивать людей!

Словом, разум Ивана Фролова восторжествовал над его жаждой убийства капитана. Снова, осторожно ступая, он прошел в командирское купе, забрал со столика планшетку капитана со всеми сопроводительными документами зеков. Затем вернулся в проход, закрыл и запер на замок командирское купе. Затем Иван в коридоре присел на корточки. Он долго рассматривал оба нагана и два пистолета Токарева, выбирая себе оружие. Затем Иван осторожно, касаясь пистолета ТТ одними только кончиками пальцев, поднял его с железного пола вагона, проверил его обойму. А затем этот пистолет он спрятал за пояс штанов под свою пазуху.

Снова поднялся на ноги, посмотрел в зарешеченное окно, близился рассвет. Только одна сторона этого зековского вагона имела окна, вторая же стена была глухой, так что охранники не смогли бы сбежать, разбив стекла окон, поднять тревогу. Иван просмотрел документацию, хранившуюся в капитанском планшете, отобрал документы, в которых упоминалась его фамилия или его лагерный номер. Все другие документы обратно вложил в планшет.

Теперь Иван Фролов почувствовал, что он настало время ему навсегда покинуть этот тюремный вагон. Но, немного подумав, он

решил воспользоваться еще одной возможностью для того, чтобы еще более запутать свои следы. Он подошел к зековской клетке и, не отпирая ее, толчком руки разбудил одного зека.

— Кто в вашей группе является воровским паханом или авторитетом? — Поинтересовался Иван.

Тот удивленно приподнял голову, что-то соображая. Но, по-видимому, этот зек узнал Ивана, тихо, чтобы не разбудить товарищей по купе, прошептал:

— Седой такой мужик, он во втором купе спит на нижней койке справа!

Поблагодарив за информацию, Иван тенью скользнул к второму купе. Действительно на нижней лавке этого купе с правой стороны спал крупный мужчина с приятным лицом. Посмотрев на этого мужика, Иван даже вспомнил его имя, Артамон, или другое, но очень похожее имя. Он вспомнил даже то, что Михаил этого человека почему-то называл Моней. Не открывая железной двери этого купе, Иван слегка ногтем постучал по железной решетчатой двери и очень тихим голосом обратился к мужику, когда тот приоткрыл глаза на этот стук:

— Моня, я могу с тобой переговорить?!

Через секунду здоровяк Моня стоял перед решеткой, внимательно всматриваясь в глаза Ивана Фролова.

4

Иван Фролов некоторое время постоял на железнодорожной насыпи, наблюдая за огнями хвостового вагона поезда Москва-Вильнюс, быстро удаляющимися в ночную темноту. Вскоре огни поезда исчезли, навсегда ушли из его жизни. Фролов машинально по шпалам прошелся вперед, словно собирался догнать поезд, внесший столько изменений в его жизнь. А главное, этот поезд снова сделал его свободным человеком! Сделав несколько шагов, он остановился, огляделся кругом. Внизу под насыпью угрожающе чернел большой лесной массив. Память Ивана ему сразу же подсказала, что это бы не лес, а лишь небольшой подлесок, лежавший между железнодорожными путями и шоссе Клайпеда — Лида!

Иван Фролов кубарем скатился по этой насыпи к ее подошве. Там он поднялся на ноги, отряхнулся от песка, перепрыгнул сточную канаву и оказался в подлеске. Через минуту, уже шагая по колее, оставленной крестьянскими телегами, что-то перевозившими от шоссе к железной дороге, он шел по подлеску. Эта тележная колея сегодня превратилась в нечто вроде лесной

дороги, до колен заросшей дикой травой. Ивану все время приходилось придерживаться центра этой колеи, чтобы острыми ветками деревьев случайно не повредить свои глаза в этой густой темноте леса. К тому же Ивана на этой лесной тропе время от времени вдруг пробивал мелкий озноб, когда он снова и снова вспоминал свои последние минуты пребывания в зековском вагоне. Впервые в жизни он почувствовал себя человеком, от желаний которого, его приказов зависели жизни других людей. Это сильное чувство так пьянило Иванову голову, что у него начиналась бешено кружиться голова, его в лесу начинало швырять из стороны в сторону так, что он терял свою тропу.

Разбудив пахана Моню, Фролов передал ему бразды правления в зековском вагоне, власть над зеками, командирами и бойцами охраны НКВД. Все эти люди находились взаперти в железных клетках вагона. В разговоре с Моней, Иван ему предложил две альтернативы, бежать вместе с ним или же поступать по своей воле. Моня выбрал второй вариант, так как его серьезно беспокоили судьбы своих товарищей зеков. Иван же прошел в тамбур вагона, открыл там дверь и на полном ходу, прямо с тамбурной площадки вагона сиганул в ночную темноту. Приземлился Фролов на полусогнутые в коленях ноги, чтобы погасить инерцию движения поезда, он был вынужден упасть на правое плечо. Перевернувшись пару раз через это свое плечо, он застыл в неподвижности на самом краю откоса высокой железнодорожной насыпи!

Михаил, несколько месяцев проработав с ним, сумел вбить в его дурную голову одно хорошее правило. Суть этого правила заключалось в том, что ты должен всегда относиться к своему противнику, кто бы он ни был, с должным уважением, полагая, что он сильнее, серьезнее и умнее тебя! Такое отношение к неприятелю, по мнению Михаила, в дальнейшем тебе позволило бы на шаг его опережать, планируя и осуществляя боевые операции! Такое уважительное отношение к противнику станет залогом всех твоих успехов, не раз он внушал Ивану.

Поэтому Иван Фролов, покидая зековский вагон, сделал все возможное для того, чтобы, как можно больше инсценировать свой побег. Ему хотелось бы, чтобы следователи милиции и НКВД, которым поручат вести расследование такого преступления Ивана Фролова, как его побег с этапа и убийство двух бойцов охраны, искренне поверили бы в то, что в тот момент он горел одним только желанием, как можно скорее вернуться в Москву, чтобы там начать мстить своим противникам.

Иван же хорошо понимал, что пока в Москве ему пока было нечего делать. Да, как хороший сын, он обязан был бы выяснить,

кто же был тем подлецом, который дважды брался за перо, чтобы написать доносы в НКВД на его отца? Он не понимал, кто и с какой целью написал на него, простого московского школьника, донос в НКВД СССР. Не понимал он также, почему его не выпустили из тюрьмы, когда после смерти отца закрыли его дело. Ивана же по судебному приговору отправили в трудовые лагеря на пятнадцать лет? Без поддержки друзей, товарищей и знакомых, Иван Фролов бы не в состоянии что-либо сделать в Москве. Ведь, как только он покажется в столице, то без должной поддержки, мог бы быть практически сразу же арестован милицией или НКВД, и уж тогда ему было бы совсем вырваться из лап своего противника, чтобы в полной мере отомстить недругам! Словом, этот парень жил желанием отомстить всем тем подлецам, разрушившим его семью, заставившим повеситься отца и спиться маму, но он с холодным сердцем, как этому научил его Михаил, подходил к решению этой своей проблемы.

Поэтому Иван решил вместо Москвы после побега с этапа добираться до белорусской Лиды, на время осесть в этом маленьком провинциальном городишке, который всего год назад вошел в состав СССР. В нем же начать готовиться к своей поездке в Москву. Но опять-таки Фролов хорошо понимал, что свои истинные намерения, он должен хорошо замаскировать.

Иван шагал по ночному лесу, время от времени он поднимал руку для того, чтобы еще раз коснуться своего зековского дела, которое сейчас лежало за пазухой его рубашки. В этом деле находились копии показаний его друзей, приятелей и товарищей по школе, а также его школьных преподавателей, которые с упоением в сердцах расписывали сказки о том, как их школьный товарищ стал прожженным предателем родины. Анна Николаевна, его классный руководитель, не поленилась, собственноручно написала о том, что этот ученик ее класса всегда был испорченным мальчиком с порочными наклонностями. Поэтому она была нисколько не удивлена тем обстоятельством, что Иван Фролов встал на путь предательства своей родины. Жорка Дорохов целых три страницы исписал своими фантастическими рассказами о том, какое у Ивана он видел оружие, как он им пользовался и где его хранил. Первым донос в НКВД написал Владимир Дронов, который, видимо, по подсказке своего отца, стукача НКВД, целую страницу исписал о том, как его соклассник Ваня Фролов добывал секретные разведданные, как он передавал их своему отцу, шпиону Германии.

В этой большой кипе листов бумаги, из которых в основном и состояло его уголовное дело, Иван искал, но так и не нашел показаний, которые должны были бы написаны его соседкой по

школьной парте, татаркой Машкой. Пока Фролов не знал того, что эта девушка ревела, как белуга, категорически отказывая следователю НКВД написать что-нибудь плохое об Иване, своем соседе по школьной парте! Машка оказалась единственной девчонкой во всей школе, которая его так и не предала надуманными сказками!

Сейчас Фролов, находясь в бегах, очень надеялся на свою удачу. Ведь в случае возникновения какого-либо осложнения, когда милиция начнет проверку документов на дороге, он всегда мог сказать, что он латыш или литовец. По всем характеристикам расовой принадлежности его легко можно было бы отнести к представителям этих наций. У него были европейские черты лица. Он, благодаря своей матери, имел слегка рыжеватые волосы на голове, прямой нос и вытянутое треугольное лицо. Мог говорить по-русски с латгальским, литовским или немецким акцентами.

Не зря Иван Фролов надеялся на свою удачу, как только он вышел на шоссе Клайпеда — Лида, то вдали показались святящиеся фары приближающегося легкового автомобиля, ехавшего по направлению к Лиде. Иван на всякий случай поднял кверху свою руку, этим всем известным знаком, он как бы просил водителя, приближающегося автомобиля подвезти его до города. Поднимая руку, Иван в душе не верил, что такое может случиться на пустом и безлюдном шоссе перед самым рассветом. Но удивительное дело, автомобиль вдруг замедлил скорость и остановился рядом с ним. В автомобильном окне с опустившимся стеклом показалось лицо полного человека с усиками, которые тонкой полоской приклеились к его верхней губе. Этот человек и был водителем автомобиля, он, видимо, плохо видел, так как на у него на носу были очки в черной черепаховой оправе. Водитель автомобиля поинтересовался, когда он заговорил, то в его голосе Иван услышал густой еврейский акцент:

— Молодой человек, сейчас я направляюсь в город Лиду. Если хотите, то я могу и вас подвезти в этот город, но с одним небольшим условием. В течение всей дороги до города я буду с вами разговаривать. Рано утром я выехал из Риги, весь день провел за рулем, сильно устал. Сейчас я очень хочу спать. Вот, чтобы не заснуть, я и решил вас подобрать. Поддерживая с вами разговор, я не усну! Так что, молодой человек, вы согласны на это мое условие?

— Да, согласен! Обещаю вам, что я буду вас внимательно слушать всю ночь напролет. Следить за тем, чтобы вы не заснули в дороге! — Ответил Иван.

Вскоре он уже сидел рядом с водителем, на пассажирском

сиденье автомобиля. Через ветровое стекло Иван хорошо видел, как фары автомобиля высвечивали отдельные участки шоссе Клайпеда — Лида, которые на скорости летели навстречу автомобилю. Шоссе оказалось не очень хорошим, автомобиль постоянно трясло, чем сильнее была скорость, тем сильнее была эта тряска! Автомобиль постоянно заваливало то в одну, то в другую стороны. Иногда Фролову казалось, что, когда ему приходилось с силой сдерживать стук зубами, что они едут по самой настоящей гладильной доске, а не шоссе. Не комментируя, Иван в такие времена попросту удивлялся тому, как вообще можно было бы заснуть в таком трясучем, готовым вот-вот рассыпаться автомобиле. Пока он молчал, водитель тоже не задавал обещанных вопросов, а, молча, и даже как-то ожесточенно крутил баранку автомобиля, стараясь объехать стороной наиболее глубокие рытвины и высокие ухабы.

Но вскоре водитель все же заговорил:

— Меня зовут Морис Бернынш, я латыш по национальности, но с глубокими еврейскими корнями. До прихода Советов в Латвию и в Западную Белоруссию наша семья имела хороший бизнес в парфюмерном деле. Наши духи и женская косметика продавались по всей Восточной Европе, приносили семье очень хорошие деньги. Сейчас же мне приходится сворачивать этот бизнес, оставшиеся деньги аккумулировать на счетах шведских и немецких банков. Вы разрешите мне, молодой человек, задать вам мелкий, но уж очень нескромный вопрос?

Он дождался, когда Иван утвердительно кивнет ему головой в знак согласия, а затем огласил свой вопрос:

— Не могли бы вы мне сказать всей правды, молодой человек, не течет ли в ваших жилах немного нашей еврейской крови?

Иван подумал, спокойно выдерживая любопытный взгляд Мориса, а затем уклончиво покачал головой, и сказал:

— Я этого попросту не знаю! Мой отец, поляк, служил капитаном в польской армии. Он пропал на второй день польско-немецкой войны, его артиллерийский дивизион был окружен и разгромлен немецкими танками. Мама пропала во время бомбежки Варшавы. Сестру забрала тетка в свое поместье. Я же пошел добровольцем в польскую армию, неделю нас, как крестьянское стадо, перегоняли с одного места на другое, но нам так и не пришлось повоевать ни в одном бою с немцами. Тогда я решить бросить войну в самой Польше, так как это оказалось совершенно бестолковым занятием. Решил отправиться в Англию, чтобы там послужить в польской воздушной эскадрилье. Но почему-то я с каждым днем все дальше и дальше удаляюсь от

Польши, от Балтийского моря, на берегах которого родился.

— Интересная у вас биография, молодой человек, а чем же вы сейчас занимаетесь?

— Да ничем! До армии учился, после армии решил пожить в Лиде! Может быть, там отыщу своих пропавших родственников. Сейчас же у меня ведь нет ни паспорта, одно лишь офицерское удостоверение личности! Если красные остановят нас для проверки документов, то они меня обязательно попытаются арестовать, как подофицера польской армии. Тогда мне придется отстреливаться, так как я не хочу свою жизнь окончить в русских трудовых лагерях!

С этими словами Иван показал Морису свой пистолет Токарева, а затем снова засунул его за пояс. Минут двадцать после этого они ехали, молча, не разговаривая друг с другом. Морис явно раздумывал о чем-то серьезном. Иван же в тот момент размышлял о том, что он, видимо, переборщир и зря свой пистолет показал этому латышскому бизнесмену. Он не хотел Мориса испугать этим своим пистолетом. В этом общем молчании они подъехали к Лиде, показались первые городские кварталы, Морис, снижая скорость автомобиля, поинтересовался:

— Мое доверенное лицо в этом городе в своем распоряжении имеет неплохой особняк. Я всегда останавливаюсь в этом особняке, когда посещаю в Лиду по делам. Правда, эта моя поездка, вероятно, станет моей последней поездкой в этот город. Больше в Лиду, я уже не приеду! Вскоре мне придется покинуть и Ригу, так как при советах в этих городах мне больше делать нечего. Советы запрещают нам вести торговлю парфюмерией и косметикой, так что мы уже больше не сможем делать деньги на этом своем бизнесе. Сейчас я планирую переехать в Швеции, осесть там, так как немцы очень странные люди. Слишком уж они не любят евреев, не дают нам работать в полную силу, часто устаивают на нас охоту. В этой связи мне хотелось бы в этих городах оставить своих людей. Через этих людей в Лиде и в Риге я мог осуществлять свой малый бизнес, малыми или контрабандными партиями продавать советским женщинам косметики и парфюмерию! Помимо работы по поддержанию бизнеса эти люди могли бы регулярно меня снабжать информировать обо всем, что будет происходить в этих городах при советской власти. Этим своим людям я готов регулярно платить очень большую заплату, со временем смогу им помочь в получении шведского паспорта.

Дом Мориса Берньша располагался в самом начале Советской улицы, практически за городом, за пределами Лиды. Когда они на автомобиле подъехали к воротам этого дома, то

ворота сразу же, словно они были автоматическими, начали открываться. За воротами их встречали две веселые девчонки, у одной на талии болтался пистолет в кобуре. Почему-то Вальдемару не понравились обе эти девушки, но больше всего ему не понравился пистолет в кобуре, болтавшийся на поясе одной из девушек. Как недавний москвич Иван хорошо знал о том, как милиция и правоохранительные органы Советского Союза относятся к людям, незаконно носящим оружие! Словом, эти две девушки показались ему слишком бедовыми, слишком бесстрашными для того, чтобы быть простой прислугой у Мориса Бернышша.

Эти негативные чувства по отношению к обеим девушкам у Ивана возникли во многом благодаря советам и поучениям его опытного, но куда-то внезапно исчезнувшего друга Михаила. Когда они по вечерам перед отбоем прогуливались перед лагерным бараком, то Михаил частенько его поучал о том, как он должен был бы себя вести во время разведывательного поиска во вражеском тылу. А также частенько говорил о том, кому можно или нельзя доверять:

— Иван, мой тебе совет, старайся особо никому не доверять в этой нашей и так не простой жизни! Не доверяй всем людям, тебя окружающим, или не доверяй одному специфическому человеку до той поры, пока сам на своем опыте не убедишься в том, что ему можно доверять! Даже, когда тебя, Иван, заберут в армию, на первых порах не доверяй даже своим командирам. Разумеется, ты обязан выполнять командирские приказы, на то она и армия, но можешь не доверять своим непосредственным командирам, как людям!

Разумеется, познакомившись с этими девчонками, Фролов не бросился, сломя голову, к Морису, не стал того убеждать в том, что этих девчонок требуется срочно уволить. Уж слишком они были своенравными, бедовыми и самостоятельными. Он решил за ними присмотреть, а уж потом решать, что с ними делать. Автомобиль Морис Бернышш оставил прямо во дворе, не стал его загонять в гараж. Ступая по ярко зеленой траве двора, скошенной, как английский газон, Морис сказал, обращаясь к Вальдемару:

— Вальдемар, если ты не возражаешь, то я остановлюсь во втором этаже дома, а ты уж занимай первый этаж, чувствуй себя там, как дома!

Иван Фролов так и ничего не ответил на слова своего только что приобретенного друга, Мориса Бернышша. Несколько минут назад, перед самым въездом во двор этого дома, Морис вдруг Ивану предложил:

— Иван, а почему бы тебе сейчас не стать Вальдемаром

Косински, так назывался один мой знакомый в Польше. Его почему-то немцы одним из первых расстреляли, когда они захватили Вестерплятте на Балтийском море. По моему мнению, быть поляком в Советском Союзе не такая уж плохая идея. По крайней мере, ты Иван можешь быть обвинен советским НКВД в шпионаже, но уж ни в коем случае уголовщине!

Ивану понравилось это предложение Мориса, вот он и решил, по крайней мере, попытаться поляком Вальдемаром Косински. Пройдя в помещения первого этажа, Вальдемар Косински там обнаружил вполне удобные помещения, — столовой, гостиной, спальни, несколько туалетов, в подвале небольшой бассейн и бильярдная. Там же он обнаружил ванную комнату с кабинкой для душа и большую ванну. Но больше всего его удивило, что в ванную комнату подавалась холодная и горячая вода. Скинув в спальне свое зековское одеяние, пистолет ТТ спрятав под одеяло, Вальдемар практически сразу же завалился отмываться от лагерной грязи в горячую ванну. Пару раз он менял в ванной воду, смывая с себя лагерную грязь. С ужасом Вальдемар подумал о том, что так цивилизованно он уже давно не мылся. Наверное, целый год прошел с тех времен, когда он последний раз мылся холодной водой в ванной своей московской квартиры. Углубившись в воспоминания, Вальдемар Косински задремал.

Его разбудил сам Морис, который к нему зашел, успев переодеться у себя на этаже в белый шерстяной халат. Морис уверенно прошел к креслу, стоявшему у распахнутого окна. Он начал с удобством устраиваться в этом кресле, видимо, собирался продолжить разговор, начатый в салоне автомобиля.

Но Иван не дал ему и слова вымолвить, он первым заговорил:

— Морис, ты не будешь возражать, если наш разговор мы продолжим чуть позже, сегодня вечером перед сном. Мне потребуется немного времени для того, чтобы в этом городе встретиться со знакомыми людьми. Переговорить с ними, узнать, какая сегодня обстановка в этом белорусском городке после года пребывания в Советском Союзе. Так что, Морис, наберись терпения и дождись результата моих встреч. Да и своих девчонок ты попроси на всякий случай привести в порядок твой автомобиль, нужно его бензобак до краев наполнить бензином.

— Честно говоря, Вальдемар, я не понимаю этой твоей подозрительности ко всему! Иногда мне кажется, что ты постоянно чего-то боишься, ожидаешь неприятностей со всех сторон. Свое лицо ты постоянно прячешь от людей, избегаешь моих обеих служанок. Я же сам нанимал этих белорусских девчонок, полностью им доверяю, так что расслабься и наслаждайся жизнью, Вальдемар.

— Ты, Морис, когда-либо имел дело с НКВД? Если хочешь, я расшифрую, что означают эти заглавные буквы…

— Не надо этого делать, Вальдемар! Я и сам хорошо знаю, что они на деле эти буквы означают!

— Так вот, Морис, я на собственной шкуре испытал, что означают застенки НКВД. Попав однажды в один из них, даже в том случае, что ты ни в чем не виновен, ты уже никогда из этих застенок не выберешься! Оттуда только могут вынести только твой бездыханный труп! Мне сильно не повезло, я целый год провел в одном из таких застенков НКВД. Со мной работали такие энкеведешники, которые делали все для того, чтобы я душевно и физически сломался, чтобы предал родителей и своих друзей. Мне без суда, вынесли жесточайший приговор, пятнадцать лет трудовых лагерей, хотя я был ни в чем не виноват! Только, благодаря своим друзьям, мне удалось вырваться на свободу!

— Ты, Вальдемар, говоришь о том, что получил пятнадцать лет лагерей?! Но это может лишь означать, что ты прожженный уголовный рецидивист!

— Нет, Морис, я выпускник обыкновенной московской школы. Меня арестовали во время урока русской литературы. За мной прислали конвой из четырех энкеведешников и черный воронок.

— Черный воронок, это…

— Тюремная карета. В этой тюремной карете меня так сильно избили конвоиры, что начальник тюрьмы не захотел меня принимать, так как в тот момент я больше походил на труп, а не на живого человека!

— Знаешь, дорогой Вальдемар, чем больше ты мне о себе рассказываешь, тем более я утверждаюсь в мысли о том, что именно в тебе я нашел так нужного мне человека, представителя своей компании по Лиде! Видимо, не случайно фортуна нас свела на том пустынном шоссе в столь ранний час! А теперь, отвечая на твои слова о девчонках, я подтверждаю, что готов подождать до завтрашнего утра. Сейчас ты, Вальдемар, свободен, можешь заниматься своими делами. Я подожду. Да, и последнее, что я хотел бы тебе сказать. Если тебе потребуется еще оружие, помимо твоего пистолета ТТ, ты мне скажи об этом, тогда я смогу тебе подыскать еще кое-что!

С этими словами, Морис Бернынш покинул ванную комнату. Иван от истомы и удовольствия, охватившее его тело, потянулся в горячей воде, прикрыл глаза. Но вскоре мочалка снова принялась за свою работу, смывая с его тела последнюю грязь. Покинув ванну, по пояс завернутый в полотенце, Иван прошел в свою

спальню. Он сразу же заметил, что куда исчезла его арестантская роба, а на стуле аккуратной стопочкой была сложена его новая одежда. Все предметы одежды оказались ему впору. Уже одетый, Иван подошел к окну и, не раздвигая штор, осмотрел двор.

Ему сразу же бросилось в глаза, как обе девчонки были заняты серьезным делом, обе они отмывали автомобиль, которым он Морисом только что приехали, от дорожной пыли и грязи. Ивану не понравилось только то, что они почему-то мыли автомобиль прямо напротив окон его спальни. Продолжая скрытно наблюдать за работой прислуги, Иван подумал о том, что Морис, может быть, и прав, когда говорил о том, что он слишком уж раздражителен, что ему чуть ли все не нравится! Иван еще раз через щелочку в шторах посмотрел во двор, общая картина помывки автомобиля не изменилась.

Тогда Иван прошел вглубь спальни, осмотрел себя в зеркало. Новая одежда ему понравилась, но вот белые брюки, по его мнению, слишком уж резко контрастировали с его черными полуботинками и темной рубашкой апаш. Хотя сами брюки были вполне элегантными, они ладно сидели на нем и, как вторая кожа, обтягивали его бедра. Но Иван прекрасно понимал, что эти белые брюки, подобно белым парсам бригантины, наверняка, будут заставлять окружающих его людей, обращать на него свое внимание! Михаил же его всегда поучал тому, чтобы он умел бы бесследно растворяться в любой толпе людей! Тогда Иван подошел к гардеробу, который занимал чуть ли не треть спальни, раскрыл его дверцы. Он оказался прав, все полки этого шкафа, были забиты предметами мужской одежды. Немного порывшись на полках, Иван нашел черные брюки, которые он тут же натянул на себя. Эти брюки оказались ему впору, только он теперь уже больше не выделялся своими брюками в любой людской толпе.

Глава 2

1

Моня по-хозяйски расположился в глубине пивного бара при городском рынке, там он пил пиво с воблой. За одним столом с ним сидели два амбала уголовника, его телохранители, которые пили чай по старинке. Горячий чай наливали на блюдечко и, подув на кипяток, они аккуратно пили его с блюдечка вприкуску с сахаром рафинадом. Войдя в зал бара, увидев эту картину, Иван Фролов замер на месте от умиления.

Этот пивной бар занимал небольшое помещение всего на шесть столиков. Перед вечерним наплывом народа в нем пока еще было очень мало посетителей. Моня со своей охраной, да еще один местный парень со своей девчонкой. Но эти двое явно наслаждались компанией друг друга, на Моню и его парней они, похоже, не обращали ни малейшего внимания. Парочка не подняли голов, не посмотрели на Ивана, когда он проходил мимо их столика. Только миновав этот столик, Иван вдруг сообразил, что эти двое влюбленных почему-то заняли столик, который обязательно оказывался на пути всех входящих в бар посетителей. Но он почему-то решил, на это обстоятельство не обращать своего внимания.

Поздоровавшись, Иван присел за столик Мони. Оба охранника Мони без излишнего напоминания тут же поднялись на ноги, пересели за другой столик вместе со своими стаканами чая, блюдечками и сахаром.

— Как дела? — Поинтересовался Иван.

— Нормально! — Ответил Моня. — В вагоне мы поступили так, как ты нам и посоветовал. На свободу ушли еще двое, я и еще один авторитет, остальные же зеки остались на этапе! Пока их держат в местной тюрьме, но по городу пошли слухи о том, что уже завтра новый вагон с зеками нашего этапа прицепят к другому поезду, отправят в Гродно. Что касается второго человека, который бежал вместе со мной, то я не стал его приглашать на встречу с тобой, так как ты не знаком с ним, ничего о нем не знаешь. Нам сейчас лучше поостеречься, лучше перебдеть, чем попасть впросак! Словом, энкеведешники, вернув власть над этапом в свои руки, не стали останавливать поезд, не бросились нас или тебя преследовать, разыскивать! А тот энкеведешник, о котором ты мне рассказал, когда он освободился из железной клетки, то повел себя вполне предсказуемо,

спокойно и разумно. Только однажды при всех он не сдержался и зло сказал, что он все равное он кого-то разыщет и строго накажет! Под этими словами он, вероятно, имел в виду только тебя, Иван, но опять-таки не нас!

— Спасибо, Моня, за информацию! Что ты сам собираешься делать в этой Лиде, нужна ли помощь с моей стороны?!

— Ну, во-первых, я решил все-таки задержаться в этом городке, навести в нем свой порядок. В Лиде очень много скрытых перспектив и, прежде всего, он совсем недавно стал советским городком. К тому же в нем проживает большое количество еврейских семей, которые по сей день ведут собственное хозяйство, занимаются своим ремеслом, владеют собственными магазинами, лавками. Словом, в нем имеется полное раздолье, где я мог бы развернуться. Только мне сейчас нужно заняться подбором таких неприкаянных пареньков, ну, типа тех, что сидит за столиком за нашими спинами. С их помощью я мог бы хорошо поработать с городским контингентом, о котором я только что говорил. Для начала начнем помаленьку пощипывать эти еврейские семьи, так по очень немного, чтобы они только бы не побегли милицию за защитой от нас!

— Моня, я бы с местными богачами поступил бы иначе! Может быть, тебе с ними стоило бы поступить другим способом, наоборот, этим богатейчикам я бы предложил свою защиту от конкурентов и от самой милиции за отдельную, конечно, плату. А в местной милиции, не жалея на то денег этих богатейчиков, начал бы искать и покупать нужных себе милиционеров, чтобы ими покрывать или крышевать свои городские дела и делишки.

— Интересную ты, Иван, высказал идею! Мне ее следует немедленно опробовать на деле! Ты прав в том, что местные богатеи, наверняка, готовы будут мне заплатить какие угодно деньги, чтобы в своей душе сохранять хотя бы маленькую уверенность в том, что советская власть их не затронет, не отправит эшелоном на восток.

В этот момент бармен, спящий за стойкой, вдруг оживился, как-то странно засуетился, когда в его пивном баре вдруг появились четверо парней в одежде железнодорожников. Вместо того, чтобы бежать в зал и поприветствовать своих новых посетителей, бармен змею шмыгнул в маленькую дверцу, скрывавшуюся за стойкой. Иван, внутри себя сильно удивившись тому, что в баре в столь неурочное время вдруг появились железнодорожники, когда ни пересменки, ни обеденного перерыва у них еще не было, сквозь прищуренные глаза внимательно наблюдал за тем, как эти четыре парня располагались за столиком, напрочь перекрывшим им выход из

пивного бара.

Честно говоря, сейчас Ивану Фролову не нравился и сам этот пивной бар, и его посетители. Когда он только перешагнул порог этого пивного бара, то внутри его появилось и стало расти ощущение того, что он вдруг оказался в ловушке. Что кто-то его пытается заставить сыграть роль несчастных мышек, решивших полакомиться бесплатным сыром! Тогда Иван еще подумал о том, что коты, имевшие солидный опыт по ловле этих мышей, сейчас ее обкладывают своими опытными котами бойцами, чтобы в определенный момент одним ударом покончить, передушить этих несчастных мышек сладкоежек. Подозрения Ивана получили еще одно подтверждение, когда сладкая парочка неожиданно для него вдруг обменялась специфическими взглядами с вошедшими в бар парнями. Словно между ними прошла перекличка:

— Ну, как все готово? Когда тогда начинаем?

Да, и эта сладкая парочка, проводившая время в пивном баре, была одета в кожаные куртки, которые так любили носить чекисты в незабвенном 1917 году. Словом, этот бар-ловушку Иван решил, им следует покинуть, из него нужно было бы бежать, как можно быстрее!

— Моня, извини, но я хочу тебя спросить! Ты пойдешь со мной, или будешь прорываться со своими парнями, но уже без меня?! Очень похоже на то, что нас в этом баре кто-то обкладывает своими бойцами, они хотят нас арестовать. Я уверен только в одном, что сейчас против нас работают не энкеведешники, они бы с нами так по-дилетантски бы не поступили! Так что решай, Моня, если ты пойдешь со мной, то забудь о своих парнях охранниках, просто следуй за мной по пятам. Но только имей только в виду, что сейчас я буду стрелять, иначе нам отсюда не уйти! Считай до трех, Моня, я начинаю действовать! — Прошептал Иван, глядя в глаза Артамона.

Он достал папиросу из пачки «Беломорканала», глазами поискал на столе или спички, или зажигалку. Но ни того, ни другого на столе не было, пахан Моня не курил. Пришлось Ивану подняться на ноги и, легко ступая, он направился к столику с влюбленными, которые оба курили папиросы. Подойдя к их столику, он к парню обратился с вежливой просьбой:

— Вы не будете возражать, если я воспользуюсь вашими спичками, чтобы прикурить свою папиросу?

Парень, сидевший к нему спиной, повернул к нему свое удивленное лицо, он не слышал и не видел, как Иван к нему подошел, а девчонка, не отрывая своих серых глаз, смотрела на него. Ее лицо вдруг покраснело, на лбу появилась самая настоящая испарина, в ее глазах появился и застыл испуг,

переросший в дикий ужас. Этот ужас в глазах девчонки появился в тот момент, когда она увидела, как ствол пистолета Токарева, который так внезапно появился в руках этого незнакомого парня, на которого они вели охоту, вдруг осветился выстрелом. По помещению бара еще не рассеялся громкий звук пистолетного выстрела, как голова парня с кровоточащей дыркой в виске, деревянно стукнулась о поверхность столика, замерла в неподвижности.

— А ты, девочка, зря решила принять участие в охоте на человека! Это не женская работа, ловить и убивать других людей! К тому же не забывай, что некоторая охотничья добыча умеет защищаться! И тогда останешься живой! Я не буду тебя убивать, как твоих напарников, но ты должна забыть о наших лицах! — Медленно произнося последние слова, Иван воспользовался гипнозом, стараясь воздействовать на память этой дурехи.

Резко повернувшись от этого столика, он четырьмя выстрелами кряду прикончил четверку Яковы железнодорожников, сидевшую за столом при выходе. Затем он снова повернулся к девчонке, чтобы окончательно решить, как же с ней поступить, оставить в живых или все же пристрелить, она же видела его лицо?! Девчонка, не живая, но и не мертвая, продолжала сидеть за своим столиком. Она, не отрывая своих глаз от головы парня, наблюдала за тем, как кровь, вытекавшая из-под головы ее напарника, растекалась по столу, подбираясь к ее руке с пистолетом, безвольно лежавшей на столе.

Затем Иван протянул к ней руку и потребовал:

— Отдай мне свое оружие, чтобы ты случайно не выстрелила мне в спину, когда я отойду от твоего столика!

Девчонка медленно протянула ему свою руку, в которой она держала новенький немецкий пистолет «Вальтер Р38». За стенами бара прогремели новые выстрелы, это Моня под прикрытием своих бандитов прорывался на волю. Ловкими движениями своих рук Иван Фролов новой обоймой перезарядил свой Токарев, снял с предохранителя «Вальтер Р38», который он только что забрал из дрожащей руки девушки. Он неторопливо направился к стойке бара, оставив столик с девчонкой за своей спиной. Зайдя за стойку он оказался на кухне бара.

В этот момент в помещении пивного бара послышался громкий женский крик отчаяния и горя. Вернувшись обратно, Иван из-за стойки увидел девчонку, которая стояла на ногах и, запрокинув голову, плакала и кричала. При входе в бар замелькали еще несколько человеческих фигур, они бежали к входу в бар и, припав на колени, стреляли из своих винтовок. Одна из этих винтовочных пуль попала девчонке в голову, этот

крик отчаяния сразу же прекратился. Девчонка еще немного постояла, а затем она грузно осела на грязный пол. Иван неумело перекрестился, он не хотел ее убивать, но судьба снова вмешалась в его жизненный путь, поступила по-своему! Снова послышалась россыпь револьверных выстрелов и отчаянный русский мат. Иван догадался, что парни Мони, их новая попытка вырваться была остановлена милиционерами!

Фролов снова вернулся на кухню бара, сейчас он разыскивал владельца этого пивного бара. Это он, владелец бара, наверняка, и вызвал местную милицию, навел ее на криминального авторитета Моню.

Артамон пока еще в этом областном городе был чужим человеком, он не успел создать своей банды, не успел местный криминал подчинить своей воли. Поэтому его местные фраера поспешили сдать милиции. Пусть, для начала она с ним разберется, решили они, а мы со стороны посмотрим, кто из них, Моня или милиция, окажется сильней. Кто из них окажется более сильным в этой стычке, тому и подчинимся!

В дальнем углу кухни Иван увидел еще одну дверь, а по щели, расположенной у самого пола, то и дело пробегали какие-то тени. Очень походило на то, что там, в помещении за этой дверью спрятался хозяин-предатель этого пивного бара. Не обращая внимания на то, что у него само уже совсем не оставалось времени на бегство из окружения, Иван подбежал к этой двери, сильным ударом своих советских полуботинок распахнул эту дверь. В этот момент хозяин бара сидел на стуле за столом, он разговаривал по телефону. Увидев Ивана, входящего в его коморку, мужчина громко прокричал в телефонную трубку:

— Он все-таки меня нашел! Он уже здесь, сейчас он меня убьет!

Сухо треснул выстрел «Вальтера» в руке Ивана, телефонная трубка выпала из рук хозяина бара, со стуком упала на пол. Голова хозяина бара с красной точкой в середине лба, запрокинулась на спинку стула. Иван уже совсем было собрался покинуть эту каморку, как за спиной хозяина увидел еще одну дверь. Одновременно он прислушался к звукам перестрелки, которые вдруг зазвучала у него прямо за спиной, из-за чего не трудно было догадаться о том, что милиция только что прорвалась в помещение бара. Теперь ему туда не стоило бы возвращаться! Тогда Иван Фролов стал продвигаться вперед, к видневшейся впереди второй двери. Осторожно стволом пистолета он повернул ручку двери, своим плечом нажал на дверь, ее приоткрыл дверь и перешагнул порог. За дверью он небольшой городской сквер, который, насколько Иван мог

вспомнить, располагался справа от пивного бара.

Неподалеку на земле валялся толстый сук дерева, Иван подобрал с земли этот сук и им припер дверь, через которую он только что покинул помещение пивного бара. По дорожке сквера он стал удаляться от бара, продолжали греметь выстрелы, раздавались матерные крики людей, ведших перестрелку. Его друзьям уголовникам, видимо, так и не удалось вырваться на волю, милиция окружила их в баре, не позволяя им оттуда и носа высунуть! Теперь Моня со своими телохранителями или погибнет, или его милиция возьмет в плен, арестует!

Отойдя на довольно-таки значительное расстояние от пивного бара, Иван Фролов вдруг подумал о том, что без поддержки Мони ему будет особенно трудно выжить в этом белорусском городке. Эта мысль, внезапно позвучавшая у него в голове, заставила Ивана остановиться и глубоко задуматься. Затем он медленно повернулся лицом к бару и, едва переставляя ноги, побрел в его направлении. Сначала он медленно шел, все еще продолжая над чем-то раздумывать. Затем его медленный шаг сменился на рысь, вскоре он быстро бежал к бару, оба его пистолеты уже были у него в руках.

Милиционеры к этому времени троих уголовников снова загнали в помещение пивного бара. Милицейская группа захвата, вначале потерявшая более чем половину своих бойцов, к этому времени была поддержана целым дежурным взводом милиционеров. Сейчас этот взвод милиционеров, загнав бандитов в пивной бар, перегруппировывался, готовился к финальному штурму бара, чтобы покончить со все еще сопротивляющимися уголовниками. Поэтому милиционеры слишком поздно обратили внимание на подбегающего к ним со спины молодого человека. Они так же слишком поздно обратили внимание на то, что этот парень имел по пистолету в каждой из своих рук.

Первые выстрелы в спину милиционерам прозвучали неожиданно! Молодые милиционеры не выдержались обстрела, словно кролики, они в панике мгновенно рассыпались по кустам и укрытиям. На земле остались лежать еще два трупа молодых парней в милицейской форме. В итоге Ивану удалось прорвать милицейское оцепление, он снова оказался в помещение пивного бара.

Там, внутри он пробежался вдоль всех окон, имевшихся в помещении этого бара. В каждое из окон он выстрелил по два — три раза. Этими выстрелами он хотел отсрочить штурм помещения, стараясь у милиционеров создать впечатление, что у них в окружении находится довольно-таки большое количество уголовников. Моня и оба его телохранителя были тяжело ранены,

они лежали пластом, потеряв способность самостоятельно двигаться. Моня получил тяжелое пулевое ранение в живот, сейчас он был без сознания. Его телохранители лежали поблизости, у одного из них было прострелено бедро, а у второго имелось серьезное ранение в ногу. Сейчас оба молодых парня хорошо понимали, что их жизнь, из-за полученных ранений, подходит к концу.

Ивана особенно удивило то обстоятельство, что оба эти молодца хладнокровно отнеслись к своему бедственному положению, они не требовали у него, чтобы он вынес бы их из-под милицейского обстрела.

Один из телохранителей промолчал, а второй спокойно так и заявил Ивану:

— Забирай нашего пахана! Мы же прикроем твой отход!

Иван Фролов нагнулся, попытался Моню погрузить на свое плечо, но у него в его руках все еще были пистолеты. Тогда Иван один пистолет засунул себе за пояс брюк, а второй, это был пистолет Токарева, бросил одному из телохранителей. Затем он снова нагнулся, на этот раз ему удалось взвалить Моню себе на плечо. Слегка пошатываясь, он пошел на кухню, чтобы через нее и вторую дверь незаметно покинуть пивной бар.

Все шло хорошо, он спокойно прошел кухню и кабинет-каморку владельца бара, но, когда Иван попытался открыть последнюю дверь, то вдруг оказалось, что тот сук, им приставленный к двери, хорошо удерживает закрытой эту проклятую дверь. А в зале бара снова послышалась россыпь выстрелов, это милиционеры добивали телохранителей Мони.

В этот момент дверь внезапно распахнулась, Иван с телом Мони на плечах едва не вывалился через нее наружу. Там же стояла какая-то старушенция с клюкой в руках. Она с какой-то растерянностью и с испугом в глазах посмотрела на перепачканного в крови Ивана. Затем бабка перекрестилась, а затем повалилась на землю, на ее лице застыла испуганная улыбка. Бабуля умерла, чтобы дать еще немного пожить двум мужчинам!

2

Чтобы раненого Моню перевезти в дом Мориса Бернышша, Ивану Фролову пришлось искать и нанимать крестьянскую подводу на городском базаре. Люди на этом базаре хорошо слышали перестрелку, только произошедшую в пивном баре. По базару тут же начали бродить, мгновенно плодиться тысячи

разные слухов о причинах перестрелки. Люди говорили, что это ловили вражеских диверсантов, или что лесные братья, решившие снова милиции показать, что они существуют и полностью не разгромлены! Крестьяне владельцы подвод и телег, приехавшие в город на базар с продуктами своего хозяйства, с сильным подозрением отнеслись к самому человеку, просившего их перевезти раненого человека. Советская власть всего лишь только год простояла в Лиде, но, тем не менее, она уже успела показать свою силу и непреклонность. А белорусское крестьянство было народом пугливым, оно не любило лезть на рожон против сильного!

Моня в это время истекал кровью, лежа в наспех сделанным схроне, расположенным неподалеку от базара. Прежде чем отправиться на базар за подводой, Иван сделал ему перевязку, разорвав на бинты свою собственную рубашку. Но ранение Мони в живот было очень серьезным делом, поэтому Иван хотел его, как можно быстрей, перевезти под крышу дома. После этого можно было заняться поисками хирурга, который должен был удалить пулю из живота его друга, Мони!

В конце концов, после долгих торгов на базаре Ивану удалось найти подводу, уговорить одного крестьянина, владельца подводы, за очень большие деньги перевезти Моню в дом Мориса Берныньша. Иван, в принципе, был готов за перевоз Мони заплатить такие бешеные по тем временам деньги, как сто рублей царскими золотыми десятирублевками, которые почему-то оказались в карманах самого же Мони.

Но ему в этой связи совершенно не понравились мысли, забродившие в голове этого белорусского хитреца! Он решил поохотиться сразу же на двух зайцев, согласившись на перевозку раненого человека, он захотел не только получить большие обещанные деньги, но остаться на хорошем счету у милиции. Рассуждения этого белорусского крестьянина, как их прочитал Иван в его крестьянском сознании, сводились к следующему. Если его подводу по дороге во время перевозки раненого остановит милиция, то крестьянин был готов заявить милиционерам, что это Иван его заставил везти раненого под угрозой оружия, под дулом своего пистолета! Если же он благополучно довозит раненого до места назначения, то в этом случае он может сам добровольно обратиться в милицию, чтобы там дать показания о том, что он перевозил раненого человека по следующему адресу, и назвать адрес того места, куда он привезет того раненого человека.

Словом этот крестьянин был из тех людей хитрецов, которые искренне полагали, что он способен выйти сухим из воды, что в

самой сложной ситуации он может изыскать разумный способ не выполнять ранее данного же им обязательства во. Но он и подумать не мог, чтобы предположить, что на белом свете может существовать человек, который мгновенно по его же мыслям узнает о его скрытых замыслах, о его желании сухим выйти из воды. Что этот человек предпримет меры, чтобы разрушить эти замыслы, не дать ему совершить предательства!

Ударив по рукам с этим белорусом, Иван на его подводе покинул базар. Они подъехали к месту, где в схроне Моня ожидал их появления. Как только Моню они вдвоем перенесли на подводу, то Иван сильным ударом рукояткой своего пистолета по темени крестьянина, аккуратно ввел того в бессознательное состояние. Обоих, раненого Моню и потерявшего сознание крестьянина, Иван ворохом сена прикрыл от любопытных глаз и, не подгоняя лошадей, на подводе поехал в дом Мориса. В этот день служанки имели выходной день, они должны были вернуться на работы поздним вечером.

Крестьянин все еще был без сознания, когда Иван довез Моню до дома, перенес друга в свою спальню, где уложил его в постель. Затем телегу с ее владельцем крестьянином, он отогнал подальше от дома Мориса Бернынша. Там он лошадь оставил на обочине дороге, привязал ее к дереву на длинный поводок, чтобы он могла пощипать травы. Перед уходом отсыпал, как и было уговорено, крестьянину в карман сто золотых десятирублевок, и был таков. Крестьянин же должен был прийти в сознание максимум через час.

Вернувшись в дом, Вальдемар Косински переговорил с Морисом Бернынышем, рассказал ему о том, что произошло в городе, как ранили Моню. В разговоре Вальдемар не скрыл от Мориса, что его друг является уголовным авторитетом. Они вместе спустились в его спальню, так как Морис захотел сам осмотреть рану Мони. Раненый все еще находился без сознания. Осмотрев его рану, Морис сильно разволновался, сказав, что раненому срочно требуется полостная операции по удалению пули, которая застряла в ране. Что из-за этой пулю наблюдается повышение температуры тела, а также возможно, что в рану попала грязь. Пришлось Ивану успокаивать Мориса, он, глядя тому в глаза через его стекла очков, тихим голосом произнес:

— Не волнуйся, Морис! Я хорошо понимаю, что тебе, как западному бизнесмену очень трудно разобраться в суровой действительности советской власти. Я также хорошо понимаю и то, что тебе очень трудно принимать решения, которые в чем-то противоречат твоим жизненным понятиям. Ты всегда полагал и думал, что уголовник, — это человек, преступивший

общепринятые законы своего общества! Поэтому заботиться о таком человека, делать все возможное, чтобы уголовник, получив пулю в живот от представителя власти, выжил, по твоему мнению, это может стать богопротивным делом! В этом случае я хочу тебе сказать, что этот уголовник, что лежит на постели, с раной в животе — мой друг, ради него я готов многим в своей жизни пожертвовать! Если тебе не нравится такая перспектива, через меня подружиться и помочь выжить уголовнику, то я готов, хоть сию минуту, покинуть твой дом. Морис, поискать помощь и поддержку на стороне!

— Вальдемар, ты совсем неправильно меня понял! Ничего подобного не было в моей голове! Но я честно признаюсь тебе в том, что сейчас я пока я не понимаю, чем же конкретно могу тебе или твоему другу помочь?! Если тебе нужны мои деньги, то можешь взять у меня столько денег, сколько их тебе потребуется! Мой сейф в этом доме для тебя всегда открыт! Если тебе нужен хирург для проведения операции, то среди местной еврейской диаспоры, я могу поискать хирурга, способного его прооперировать в таким условиях. Но мне хотелось бы знать о том, что ты собираешься со служанками, когда они сегодня вечером вернуться в дом. Я хорошо помню твои слова, сказанные утром, что моей прислуге нельзя доверять?!

— Морис, я не отказываюсь от своих прежних слов, касательно твоей прислуги! Сегодня друзья в городе мне сообщили о том, что ты, Морис, твои друзья и товарищи, которые хоть бы раз посетили этот твой дом на ночевку, внесены в специальную картотеку НКВД СССР с пометками «для дальнейшей разработки»! Работу с такими людьми НКВД обычно проводит в основном ради своих специфических целей в будущем. Сегодня же ни один оперативник этой службы не придет, не посетит твой дом! Так что сегодня вечером мы находимся в полной безопасности. Можем прооперировать Моню, спасая его жизнь! Морис, ты понимаешь, о чем именно я тебе рассказываю?

— Да, Вальдемар, я хорошо тебя понимаю! Досконально понимаю все то, о чем мне ты говоришь! Но в этой связи у меня возникает вопрос, откуда ты, совсем еще юноша, имеешь столь глубокие познания о деятельности НКВД, о способах и методах работы этой Сталинской организации?

— Морис, я тебе уже много рассказывал о том, что прямо со школьной парты меня арестовали, бросили в казематы этой организации. Случай мне помог случайно встретить человека, который меня научил тому, как я, даже в одиночестве, могу противостоять этим зверям, следователям НКВД.

— Хорошо, Вальдемар, я помню и этот твой рассказ. Правда, иногда мне кажется, что он несколько преувеличен. Я не совсем понимаю, как один человек может на равных бороться с такой громадной системной организацией, как НКВД Советского Союза! Но все это мне позволяет еще и еще раз убеждаться в том, что ты, Вальдемар, являешься именно тем человеком, который сможет и должен мне помочь, занявшись делами моей фирмы в Лиде в мое отсутствие. В этой связи пообещай мне, что примешь мое предложение и поработаешь со мной! А сейчас, мой друг, позволь тебя покинуть. Я должен навестить одного своего старого друга, который во время войны в Испании оперировал солдат в полевых условиях. У меня такое предчувствие, что этот человек не откажет твоему другу в медицинской помощи. Но в этой связи возникает еще один вопрос, чем ты ему заплатишь, Вальдемар, или ты хочешь, чтобы я сам бы ему заплатил?!

— Нет, Морис, тебе не стоит этого делать! У нас есть деньги, твоему другу хирургу мы заплатим царским золотом, полновесными золотыми десятирублевками! И последнее, если ты не будешь возражать, то с твоими служанками я хотел бы сам переговорить. Словом, я жду твоего возвращения, Морис! Если нам Моню удастся прооперировать сегодня ночью, то уже к утру решим, кто из нас и чем будет дальше заниматься!

Иван стоял у окна своей спальни, через щелочку в шторах, он наблюдал за тем, как Морис, коротко переговорив с только что появившимися во дворе служанками, садился в свой автомобиль. Затем он запустил его двигатель, медленно задом выехал со двора за ворота. Как только его автомобиль миновал створ ворот, одна из девчонок бросилась их закрывать, сводить вместе их створки. Вторая же служанка, не торопясь, направилась в свою сторожку, где, как Иван знал, стоял неизвестно кем установленный телефонный аппарат с выходом в город.

Иван Фролов поспешил и чуть ли не бегом выскочил на крыльцо дома. Оттуда он прокричал, привлекая внимание обеих служанок:

— Девушки, вы бы не зашли бы ко мне, мне хотелось бы с вами обсудить один небольшой хозяйственный вопрос!

Все это время Иван простоял на крыльце, наблюдая за тем, как обе служанки под различными предлогами пытались, хотя бы на секундочку, заскочить в свою сторожку. Но Фролов им этого не разрешал под предлогом того, что их встреча будет краткой. После встречи девчата могли заниматься всем тем, чего они только не пожелают! В конце концов, находясь под строгим взглядом парня, служанки как бы смирились, прошли в вестибюль первого этажа. Там Иван попросил их сесть в кресла, стоявшие

рядом друг к другу. Девчонки, демонстрируя смирение и покорность, расположились в креслах. В этот момент Иван своим нутром прямо-таки ощущал, как от этих Яковы послушных и таких дружелюбных овечек исходят флюиды неприязни и гнева. Впервые за время работы в этом доме с этими девчонками служанками хозяин обходился так жестко, требовательно!

Фролов в этот момент метался по помещению, не зная, как же ему начать столь серьезный разговор с такими симпатичными девчонками. В конце концов, он решил, со служанками поговорить открыто, но жестко, продемонстрировав свою уверенность в том, о чем он собрался говорить. Иван прекратил свое метание, встал перед девчонками и как бы, между прочим, поинтересовался:

— Девушки, вы меня извините за глупость, но мне хотелось бы вам задать один вполне серьезный вопрос. — Он сделал небольшую паузу, а затем продолжил свою речь. — Скажите, готовы ли вы обе сейчас умереть за свое родное отечество, за великий Советский Союз. Служите ли вы в НКВД СССР, чем там занимаетесь?

Фролов специально остановился в таком месте, которое ему позволяло в равной мере наблюдать за лицами обеих служанок. Он следил за тем, как после заданных им вопросов, быстро сменялись выражения этих девичьих лиц. Сначала их лица были сильно искажены гримасой, которую можно было бы отнести к страху, почти ужасу, словно кто-то со стороны случайно раскрыл самый большой девичий секрет! На смену страху тут же пришло чувство превосходства, словно две служанки были на голову лучше Ивана во многом потому, что они были крепко-накрепко связаны со своей родиной. Он же, как чужак, не имел своего родного отечества, поэтому он стал изгоем, вынужден, ютится по чуждым ему углам чужбины! Когда чувство превосходства в сознании девчонок сменилось на холодный расчет, а в их глазах появилась решительность, то в этот момент Иван пояса из-за спины достал свой «Вальтер Р38», его ствол направил на девиц, и строгим, лишенным интонаций голосом приказал:

— Девочки, свои руки держите на столе так, чтобы я их хорошо видел! А сейчас медленно, одной только рукой достаем свое оружие! Не касаясь рукой предохранителя или курка, пистолет бросаем перед собой, на пол.

Обе служанки вначале как бы встрепенулись, но затем замерли в своих креслах, их глаза заледенели. Фролов нутром почувствовал, как эти девицы начали просчитывать последствия своих возможных действий, он начал свой отсчет времени. Они явно просчитывали свои действия, направленные на то, чтобы его

обезоружить, а затем руки и ноги связать веревками, чтобы в таком виде доставить в районное отделение милиции НКВД. На счет десять, Иван произвел выстрел из своего «Вальтера», причем, он стрелял таким образом, чтобы пуля после его выстрела пролетела между этих двух девчонок, заставив их, отшатнуться друг от друга.

— Следующий раз я буду стрелять в колено одной из вас! — Ледяным спокойным голосом произнес Иван.

Первой сдалась более молодая девчонка. Она левую руку осторожно завела под свой фартук. Из-под него вытащила небольшую кобуру с каким-то дамским пистолетиком. Эту кобуру небрежно швырнула под ноги Ивану. Вскоре аналогичным образом поступила и вторая девица. Но по тому, как обе девицы продолжали держаться напряженно, Иван догадался о том, что они оставили себе еще какое-то оружие. Не желая более собой рисковать, Иван Фролов притворился, что собирается брошенное ими на пол оружие. Он сделал два осторожных шага по их направлению к оружию. Но вместо того, чтобы наклониться и поднять с пола обе кобуры, он сделал стремительный шаг к более молодой девушке. Оказавшись рядом с ней, он с размаху сильно ударил ее по голове рукояткой своего «Вальтера». Затем повернулся ко второй девице и коротко ей бросил:

— Поднимайся с кресла, свою подругу крепко свяжи по рукам и ногам!

Когда Морис просигналил за воротами, прося их открыть, то именно Иван Фролов открыл ему ворота. Морис проехал к входным дверям особняка, остановился и выключил двигатель. Вслед за ним из салона автомобиля вышел человек в гражданской одежде, в шляпе и с докторским саквояжем в правой руке. Не здороваясь, он вслед за Морисом прошел в дом. В гостиной Морис и гость разделись, а затем в сопровождении Ивана они прошли в его спальню. Моня лежал полуголым на кровати. Видимо, боли в области раны его сильно беспокоили, поэтому он сбросил с себя одеяло и сейчас пот покрывал его лицо и тело. Доктор, привезенный Морисом, подошел к кровати раненого, внимательно осмотрел область раны, осторожно, кончиками пальцев ее несколько раз коснулся. Затем он повернулся к Морису и сказал:

— Мне нужен операционный стол, яркий свет над этим столом, много чистых простыней, ваты, кипятка и помощник.

— Все из материалов я тебе сейчас приготовлю! — Сказал Морис. — Но я не могу стать твоим помощником. Ты же сам прекрасно знаешь о том, что теряю сознание при виде крови!

Морис, повернувшись в сторону Вальдемара.

поинтересовался:

— А где мои девочки! Что ты с ними сделал, куда полевал?:

— Они сейчас спят в гостиной! Нам их лучше сейчас не беспокоить!

— Ну, что ж, хорошо, что они еще живы! Вальдемар, тебе придется стать ассистентом хирурга на время операции, а я займусь снабженческими делами!

Операция продлилась два с половиной часа, все это время Иван прислушивался к хирургу, четко исполнял его приказы, когда тот требовал подать то один медицинский инструмент, то другой. Два с половиной часа операции в сознании Ивана превратились в некую мещанину различных действий хирурга. Наиболее хорошо он запомнил один момент из всей этой мешанины, когда ланцет хирурга наискосок прочертил красно-синее поле раны. Из этого глубоко пореза высоко в воздух брызнула ярко красная кровь. У него тогда сильно закружилась голова, Иван едва удержался на ногах, не свалился в обморок. После этого эпизода Фролов уже работал на полном автомате, иногда не сознавая того, что именно ему говорил хирург. Он брал в руку и уже держал в руке тот или иной инструмент, который, как он знал, вскоре должен был ему понадобиться.

— Когда я тебе снова потребуюсь хирургом, Иван, то ты только позови и я к тебе присоединюсь! — Сказал хирург, покидая дом, направляясь к автомобилю, в котором за рулем уже сидел Морис. А затем он обернулся и сказал:

— Между прочим, меня зовут, Борис Олберг!

3

За этот нервные день и ночь Иван Фролов сильно устал. Пропустив через ворота во двор автомобиль Мориса, он их закрыл, а затем подошел к вышедшему из автомобиля и закурившему Морису, чтобы ему пожаловаться на свою усталость:

— Морис, эта Монина операция выбила из меня из седла, забрала мои последние силы. Я чувствую себя таким усталым, что у меня едва мозги в голове ворочаются. Поэтому, Морис, хочу тебе предложить, сначала нам немного поспать. Проснувшись же утром мы можем и поговорить, ведь торопиться нам будет некуда!

Морис, блеснув в лунном свете линзами своих очков, согласно, но молча, кивнул головой. Свой окурок он ловко швырнул в урну, и так и, не произнеся ни едино слова, по лестнице начал подниматься на свой второй этаж. Иван же

вернулся в свою спальню и, стараясь не разбудить Моню, который снова заснул, разобрал то нагромождение, которое хирург назвал операционным столом в полевых условиях. Затем он из спальни вынес весь мусор, оставшийся после операции. Постелил себе простыню на диване, стоявшего у раскрытого окна. А сам затем пошел во двор, чтобы перед сном подышать ночным воздухом.

Вскоре Фролов глубоко спал на своем диване! Но выспаться Ивану так и не дали. Только-только солнышко взобралось на небосклон, как послышался тихий звон стекла раскрытого окно Ивановой спальни. Подняв голову с подушки, Иван за окном увидел трех парней во дворе дома. Они трое стояли почти рядом с его окном, с первого же взгляда эти ребята, показались Ивану хулиганистого типа. На них были старые, широкие брюки, расклешенные книзу. Их пиджачки были заужены в плечах и в талии, на головах у них были супер модные в те времена кепки аэродромы. Эти парни стояли перед глазами Ивана, нерешительно переминаясь с ноги на ногу. По всему было видно, что они были впервые во дворе такого богатого дома, в этой связи чувствуют себя не в своей тарелке.

Иван сразу же догадался о том, кем же были эти молодцы, почему они так рано утром появились в него под окнами?! Эти три парня, были начинающими бандитами местного криминала. Их старшие товарищи этих парней послали проведать, самочувствие пахана Мони, узнать, что же сейчас с ним происходит, когда его можно будет перевозить в родные пенаты!

— Что надо, парни? Зачем, парни, пришли? — Негромко поинтересовался Иван.

— Старшие просили проведать, как дела у нашего пахана Мони, готов ли он к операции? В принципе, мы готовы хоть сию минуту его с собой забрать! Что касается его операции, то вчера вечером мы, исполняя наказ старших, весь город обежали, стараясь найти доктора, который смог бы прооперировать нашего пахана. Нам повстречался только один такой доктор, который мог бы сделать операцию, достать пулю из живота пахана. Правда, при этом он добавил, что возьмет большие деньги за такую операцию! Но он хотел бы эту операцию сделать на операционном оборудовании отделения хирургии районной больницы.

С некоторым удивлением Иван посмотрел на одного из парней, который так грамотно и так полно ответил на его вопросы. Подумав немного, он предложил:

— Ты, парнишка, мне показался умным и расторопным, так что полезай ко мне в окно. Мне с тобой обговорим наши действия по перевозке Мони на операцию! Вы же, двое, пока отойдите немного в сторону, или спрячьтесь вон за теми кустами, что

никто из домочадцев вас бы не видел! Там и подождите своего друга подождите, он скоро к вас вернется!

Парень, умник и грамотей, ловко перескочил оконный подоконник. Как только он оказался в спальне Ивана, он тут же начал с громадным любопытством и восторгом в глазах осматриваться вокруг. Иван же, со стороны наблюдая этого парня, хорошо понимал, что этот мальчишка впервые оказался в такой богатой обстановке барского дома. Находясь в его спальне, парнишка себя чувствовал себя не вполне уверенно, но этого он старался не показывать. Наоборот, сейчас парнишка всеми силами старался Ивану показать, что подобная обстановка дома дело для него не совсем новое! Парнишка слегка расслабил плечи, руки засунул глубоко в карманы расклешенных брюк, его лицо превратилось в маску полного безразличия ко всем вещам, что находились в спальне. Но Иван же хорошо видел, как этот парнишка себя с трудом сдерживал, насупив брови и руки он засунул в карманы, чтобы не взять в них какую-нибудь вещь и поинтересоваться у Ивана, что же это такое. К тому же получилось так, что борясь сам с собой, со своим интересом, детским любопытством он инициативу встречи передал в руки Ивана.

Тогда Иван, чтобы незаметно для этого паренька, чтобы не усугубить возникшей проблемы, простым жестом руки пригласил его следовать за собой. Они практически через всю спальню прошли к кровати, стоявшей в алькове, скрытом от глаз. На кровати под простыней лежал Моня, он, широко разметал на постели свои руки и ноги, сейчас Моня спал на спине. Паренек, гонец от бандитов, на несколько минут замер перед спящим Моней. Он стоял, внимательно рассматривая те части тела пахана, которые не были прикрыты простыней. Особое внимание этого парня привлекала, бинтовая перевязь живота пахана. В самом центре этой перевязи находилось ярко красное пятно, которое по своей конфигурации было очень похоже на чернильную кляксу.

— Так, значит, вы его уже прооперировали? — Поинтересовался парень.

Иван Фролов еще раз внимательно осмотрел этого парнишку, который и был года на четыре — пять его моложе. Этот парнишка только начинал свой путь в мире советского криминала. Но его поведение, простоватое выражение его лица, вызывало у Ивана симпатию к его личности. Но наука Михаила о том, чтобы он никогда не спешил раскрывать свои истинные мысли или чувства перед незнакомым человеком, и на этот раз взяли верх. Поэтому Иван решил пока не раскрываться перед этим симпатичным

пареньком, но и дальше продолжать проявлять свою сдержанность в отношениях с ним.

— Ночью была проведена операция по удалению пули из тела Мони. Она прошла успешно. — Сказал Иван, обращаясь к пареньку. — Сейчас Моня нуждается только в одном, в отдыхе и в питании. Его нужно содержать в таком месте, где бы его никто не нашел, и особо много бы не беспокоил! Доктор, делавший операцию, ему порекомендовал в ближайшее время, как можно меньше пить. Можно только влажной тряпочкой смачивать ему губы. Не очень много есть, дать зарасти его порванным кишкам. Через неделю Моню нужно перевести на другое, более насыщенное питание. Доктор, много раз мне повторяя, говорил о том, что профессиональный врач должен наблюдать Монин курс выздоровления. Я же со своей стороны хочу вам, ребята, посоветовать, предостеречь от одной ошибки. Нельзя делать так, чтобы врач осматривал бы Моню в том месте, где вы его прячете!

Паренек слушал Ивана, затаив дыхание. Время от времени он утвердительно кивал головой, как бы соглашаясь с высказываемым мнением Ивана. Одновременно иногда он высовывал свой язык изо рта, облизывая пересохшие от внутреннего волнения свои губы. Тем самым этот паренек как бы косвенно подтверждал мысль Ивана о том, что ему первый раз в жизни поручили такое ответственное задание, как организация нового убежища для пахана Мони, и его перевозка в это новое место!

— И последнее, — продолжал говорить Иван, — я хотел бы вернуться к нашему разговору о враче, с которым вы уже контактировали по вопросу о возможности проведения операции для Мони! Кто из вас с ним встречался, кто именно вел с ним разговор о возможности проведения такой операции? И насколько вам знаком этот врач, который пообещал Моню прооперировать в районной больнице?

— Мы все трое к нему ходили на работу! И мы все трое говорили с ним на эту тему. Он нас хорошо знает, и мы знаем о нем! Лида очень небольшой областной городок. Мы родились и живем в этом городке. Так что мы знаем едва ли не всех жителей этого городка, а они, наверняка, слышали о нас!

— То есть, иными словами, этот врач знает каждого из вас троих?! — Как бы в задумчивости переспросил Иван Фролов. — Извини, но тогда мне кажется, ребята, что вы совершили большую глупость, ошибку, обратившись к этому врачу. Ты уверен в том, что этот врач вас не выдаст, не пойдет и не заявит в милиции о том, что обращались к нему с просьбой прооперировать местного пахана, раненого в перестрелке с этой же милицией. Причем, в

той перестрелке, насколько я слышал, погибло очень много милиционеров!

Подумав, паренек ответил:

— Я не уверен, не могу твердо сказать, что этот врач этого не сделает!

— Вот видишь, какая получилась глупость, вы начали разговор с человеком, с которым было бы лучше вообще не разговаривать на эту тему!

— Но он же, как и мы, родился в этом городе?! Зачем ему идти в милицию, там говорить о том, что мы к нему приходили и просили помочь человеку, попавшему в беду!

— Для твоей информации, хочу тебе, парень, рассказать о том, что любая операция, которая должна проводиться врачами районной больницы, регистрируется, информация о ней передается в районное отделение НКВД. Так, что могло бы случиться и такое, когда этот врач начал бы оперировать Моню в районной больнице, то в операционную могла заявиться милиция, чтобы всех вас там арестовать!

— Но этого теперь не случится! Моня прооперирован вам! Так что мы об операции теперь можем не беспокоиться!

— Ты плохо знаешь, что это такое Наркомат внутренних дел СССР! Если ты когда-либо попал под подозрение оперативных работников этого наркомата, то они постараются сделать все возможное, чтобы начатое дело довести до завершения! Они не остановятся до тех пор, пока ты не окажешься в тюрьме! Единственная возможность того, чтобы этого не случилось с тобой или твоими приятелями — это ликвидировать врача, с которым вы трое контактировали!

— Как это «ликвидировать врача»? — Переспросил парень, а лицо его посерело от ужаса.

— Ты, что, паря, в своей жизни еще не убивал людей, не сидел в тюрьме, не был на зоне? — С явным любопытством поинтересовался Иван. — Это может означать только одно, что ты в должной мере не владеешь ножом, носишь его за поясом, лишь ради баловства, чтобы время от времени им похвастаться перед своими друзьями сверстниками!

Иван замолчал, немного подумал, а затем продолжил свою мысль:

— Ты знаешь, паренек, хорошо, что мы друг с другом встретились! Эта наша встреча позволит тебе и твоим дружкам сделать первый шаг наверх в воровской жизни! Я попытаюсь тебе более или менее объяснить, что вы должны сделать для того, чтобы пересилить себя и сделать этот шаг. Если ты не хочешь этим вечером быть арестованным, чтобы выйти из тюрьмы лет

через десять, пятнадцать, сегодня ты должен решить проблему этого врача максимум через два часа! Подожди меня, я сейчас тебе принесу одну небольшую вещь, которая облегчит выполнение этой задачи.

С этими словами Иван Фролов покинул спальню, но уже через минуту он снова вернулся с небольшим свертком в руках. Подойдя к столу, на него он положил этот свой сверток, а затем осторожно его развернул. Перед глазами парня показались два тонких ножа с отличной заточкой, два новеньких дамских пистолета «Вальтер РРК» с двумя запасными обоймами каждый. У парня глаза аж загорелись, когда он увидел такой дорогой подарок. Руки парня сами собой потянулись к пистолетам, но Иван тут же пистолеты прикрыл материей.

Некоторое время он задумчиво смотрел на парня, а затем тихим голосом принялся тому объяснять, что и как он должен сделать:

— У тебя есть перчатки? — Поинтересовался он у парня. — Нет, тогда возьми мои перчатки! — С этими словами он на сверток с оружием бросил тонкие кожаные перчатки, которые достал из комода. — А теперь, парень, наберись терпения, и внимательно меня выслушай! Да, между прочим, а как тебя зовут?

— Сашка!

— Сашка, ты говоришь?! Хорошее это имя, Александр! А теперь внимательно выслушай меня. Сегодня ты, Сашка, должен любой ценой избавится от врача предателя. Если ты этого не сделаешь, то энкеведешники уже сегодня арестуют сначала тебя и твоих дружков! Затем они придут за Моней, который с такой дыркой в животе вряд ли выживет в тюрьме! А уж затем придут ко мне, арестуют меня и владельца этого дома, который не имеет никакого к городскому криминалу, но он еврей! Произведя аресты местных воров, они перейдут на аресты в еврейской среде, а это местная торговля и местное ремесло. В конце он перейдут на политические аресты. Так что, Саша, ты понимаешь, что вы втроем наделали, со своей просьбе о помощи раненому пахану, обратившись не по адресу?!

В заключение своего пространного выступления Иван Фролов сверток с оружием протянул Александру. Сашка поплотнее затянул концы этого сверка, и быстро засунул его за пазуху своей рубахи.

— Ну, что ж, Саша, кажется, мы с тобой обо всем договорились? Надеюсь, что мы хорошо поняли друг друга! Поверь мне, парень, я бы не хотел просить тебя, убить человека! Но сегодня, Саша, в твоих руках находится судьба сотни или

тысячи человек, которые, возможно, сгниют в тюрьмах, навсегда исчезнут из нашего мира! Так что все решай сам! А теперь нам настало время расставаться, может быть и навсегда, а может, когда-либо снова встретимся! Теперь ты, Саша, зови своих товарищей, а я разбужу Моню, подготовлю его к переезду! — Сказал Иван.

— В новом убежище нашего пахана никто даже не будет искать! — Каким-то охрипшим и деревянным голосом похвастался Александр.

— Ну, и замечательно! Там Моня быстрей поправится, а затем с вашей помощью начнет командовать ваш местный криминалитет! Так, что счастливого тебе пути, Саша!

И Иван Фролов протянул Александру свою руку для рукопожатия на прощанье. Александр крепко пожал Иванову руку, затем подошел к открытому окну, чтобы тихим голосом позвать своих товарищей.

Для транспортировки Мони, эти сметливые уркаганы заранее притащили с собой большую транспортную тележку на двух больших колесах с резиновыми шинами. На транспортную телегу парни заботливо сначала положили большую и мягкую перину, а затем уже на нее уложили Моню, который пока еще находился в тяжелом забытьи из-за некачественного наркоза. Своего пахана парни аккуратно накрыли теплым одеялом, после чего тележку покатили к воротам.

4

Иван Фролов стоял в воротах с разведенными створками, наблюдая за тем, как по дороге от дома медленно удалялась транспортная тележка, на который возлежал раненый, пахан Моня. Трое парней, окружив тележку с трех сторон, осторожно ее катили по дороге, выбирая наиболее ровные участки, чтобы окончательно не растрясти раненого человека. Скоро они повернули в переулок налево, который вел и заканчивался на берегу реки Лида.

— Видимо, они собрались дальше плыть по реке, увозя Моню из города! — Подумав Иван.

Когда тележка окончательно скрылась из его глаз, то он закрыл ворота, не забыв засов вставить в специальные пазы. В тот момент его мысли снова вернулись к размышлению о том, что же ему дальше делать в этом городе, в котором вдруг стало так опасно. Раньше он думал о том, что проживая в доме Мориса Бернышша, он как бы окажется вне присмотра советской

милиции и НКВД. Но разговор-допрос служанок, а также только что выслушанный рассказ Сашки о враче, все перевернуло с ног на голову. Оказывается, что этот дом, да и сам Морис Бернынш уже давно находятся под колпаком НКВД. Теперь же к этому дому Иван, своим в нем присутствием, протянул еще одну ниточку, криминального характера. Так что теперь он не удивится тому, что сегодняшним днем или вечером оперативники НКВД посетят этот дом, чтобы получше в нем разобраться, как именно он связан со шпионажем и с криминальным миром?!

Этой информацией Иван пока еще не поделился с Морисом Бернынш, хозяином дома. Но в нем росло предчувствие того, что им обоим следует, как можно быстрей, покинуть стены этого дома, отправляться в бега. И, возможно, им было бы лучше всего следовало бы бежать по направлению к Балтийскому морю!

Иван Фролов, убедившись в том, что ворота плотно прикрыты, направился к дому. Через распахнутое окно своей спальни он вернулся во внутреннее помещение дома. Ему очень не хотелось самому себе признаваться в том, что ему не хотелось возвращаться в свою спальню через гостиную, где сейчас должны были спать на полу обе девчонки служанки. Он прямо-таки ощущал себя виноватым в том, что вынудил их рассказать ему о себе всю правду! Ведь, если говорить честно и открыто, то их признание очень походило на то, что он их сломал, заставил стать предательницами своего дела! Во время этого проклятого допроса они как бы нашли общий язык, девчонки правдиво рассказали о том, что Мориса Бернынша НКВД использует в качестве их прикрытия. Они даже показали тайник, где прятали свои рации для регулярной связи с Москвой. Иван Фролов понимал, что у него не так бы сильно сегодня болела бы душа, если бы одна из этих девчонок ему бы не проговорилась:

— Ты, парень, что творишь? Ты, что не понимаешь, что скоро начнется большая война! Что немецкие войска нападут на нашу родину! Что они оккупируют часть ее территории. И тогда мы со Светой станем одним из ручейков радиосвязи честных людей с Москвой!

Сказав эти слова, Нина тотчас же заткнулась, ушла в себя! И, сколько бы с ней Иван потом не бился. Она больше не произнесла ни слова, с неприкрытой ненавистью в глазах поглядывая на него!

Сон не возвращался, снова через окно Иван Фролов вылез во двор, полез на сеновал, где он снова предался своим мучительным размышлениям о том, что же ему делать в ближайшее время? Он, по-прежнему, понимал, что с его стороны было бы величайшей глупостью отправиться в Москву там заняться выяснением обстоятельств своего ареста. В этой Москве

его, наверняка, ждали, ведь НКВД никогда не простит ему побега с двумя трупами бойцов охраны, но теперь оставаться в Лиде он тоже не мог! В свое время Михаил ему рекомендовал, что в случае обострения обстановки с его положением, то он должен покинуть Советский Союз до тех пор, пока страсти НКВД по нему не утихнут, некоторое пожить в какой-нибудь соседней стране.

— Я нигде не могу найти свою прислугу! Что ты с ними сделал, Вальдемар? — В этот момент послышался тихий и какой-то грустный голос Мориса.

Приподняв голову, Фролов увидел Бернынша, который стоял в проеме распахнутой двери сарая с сеновалом.

— Они связаны по рукам и ногам! Должны спать в гостиной первого этажа! — Ответил Иван.

— Но их там нет, Вальдемар! Я только что был в той гостиной. Там увидел матрасы, разбросанные по полу, повсюду разбросаны кровавые бинты, какие-то рваные обрывки веревок. А в одном месте я увидел большие пятна крови! Ты, Вальдемар, что ли бил этих несчастных девочек?! — Не произнес, а простонал Морис.

Но Иван Фролов уже его не слышал! Одним прыжком он спрыгнул с сеновала. Очень быстро добежал до окон гостиной, ударом кулака разбил стекло в одном из окон. И, отшвырнув в сторону оконную штору, стал всматриваться в гостиную, но внутри он только смог увидеть сбившееся в кучу постельное белье. Ни одной живой души в гостиной уже не было. Иван, с громким стоном сожаления, отпрянул от окна. Осмотрелся вокруг, за его спиной уже стоял Морис Бернынш, его лицо пылало самым настоящим гневом.

— Ты, Вальдемар, настоящий подлец! Ни один настоящий мужчина никогда не согласится пытать слабых женщин?! Такого себе не может, не должен был себе позволить ни один настоящий…

— Помолчи, Морис! У нас с тобой сейчас нет времени на распри! Понимаешь, Морис, твоя прислуга, это не простые девочки, в чем ты меня пытаешься убедить! Повторяю, Морис, твои любимые девочки никогда в своей жизни не были служанками. Они прошли специальную подготовку, стали агентами НКВД. Их основная задача, в случае начала войны с немцами, организовать узел связи в твоем доме. Они, как радистки, должны ретранслировать радиосигналы с далекого Запада на Москву, а между своим основным делом, шпионили за той Морис!

— Что за глупость ты говоришь, Вальдемар! Такие красивые девочки не способны ни на что подобное!

— Заткнись, Морис! Беги в гараж и быстрей заводи свой автомобиль. Выводи его из гаража! Мы должны покинуть дом сию минуту, иначе будет поздно! Я не хочу, я никогда не соглашусь, снова попасть в руки в НКВД! И тебе, Морис, не советую этого делать!

Пистолет, внезапно появившийся в руке Вальдемара Косински, наиболее всего убедил Мориса Бернышша в серьезности и опасности их положения. Наконец-то, и до его сознания дошло, что им угрожает реальная и смертельная опасность. Но прежде чем бежать в гараж за машиной, он негромким и спокойным голосом обратился к Ивану:

— Вальдемар, ты гораздо моложе меня, ноги твои быстры! Как можно быстрей, ты сбегай в мою спальню. Там, на кровати лежит большой кожаный портфель! В нем хранятся очень важные для меня документы. В спальне ха шкафом встроен сейф, а в нем — все мои деньги. Код сейфа — «война», это слово пишется с прописной буквы. Забери, пожалуйста, документы и деньги, без них мы с тобой пропадем в этом мире! Так что, Вальдемар, беги в мою спальню, а я пока займусь автомобилем, буду выводить его из гаража!

Портфель, как и говорил Морис, лежал на кровати в его спальне. Сейф тоже оказался на своем месте, за одежным гардеробом. Но он так и не открылся, когда Иван первый раз набрал слово «война». Тогда Фролов по одному пальцу размял пальцы правой руки, начал снова набирать кодовое слово. Тут в его память прозвучали слова Мориса о том, что это слово набирается с прописной буквы, тогда Иван сбросил набранное слова, и принялся пароль к сейфу набирать по-новому. Послышался щелчок замка, дверца сейфа гостеприимно распахнулась! Его полки были забиты валютой, североамериканскими долларами, британскими фунтами и швейцарскими франками. Прошло несколько минут, прежде чем Ивану удалось все эти банкноты запихать в портфель с документами. Сам портфель раздулся до невероятных размеров, того и гляди, что он вот-вот лопнет.

Иван Фролов уже почти бежал, спускаясь по лестнице со второго этажа. В этот момент во дворе дома, вдруг послышались какие-то странные звуки. Как парню показалось в этих звуках выделялись какие-то чужие голоса, хотя кроме него и Мориса в доме никого уже не было. Иван замедлил свой спуск по лестницы, вслушиваюсь в эти странные звуки. К сожалению, эта лестница была построена в той части дома, где никаких окон не было. Ивану снова показалось, что среди чужих голосов временами был слышен голос Мориса Бернышша.

В этот момент кто-то из незнакомцев появился на первом этаже. Причем, это был не один, а, по крайней мере, два человека. В тот момент Иван застыл на середине лестницы. Он опасался спускаться ниже, на первый этаж, так как не видел, где именно находится те два человека, голоса которых услышал. Перегнувшись через перила этой лестницы, Ива попытался высмотреть, что это за люди появились на первом этаже, но пока он ничего не видел. Потихоньку он начал все сильней и сильней злиться на Мориса, почему тот голосом ему не подскажет, что это за люди появились в доме и на дворе. Только в этот момент в голове Ивана мелькнула отгадка того, что Морис молчит. Он, видимо, молчал из-за того, что не желает его жизнь подвергать опасности. Это в свою очередь могло означать только одно, что они все-таки не успели вовремя покинуть этот опасный дом!

Иван Фролов осторожно портфель переложил в левую руку, а в правую руку взял свой «Вальтер» с полной обоймой. Очень осторожно он спустился на первый этаж, где ни единой живой души в тот момент не было. В этот момент из гостиный послышался чужой голос:

— Эй, ты, жирная еврейская свинья, что в этой комнате твой товарищ пытал наших девчонок? Если подойдешь к окну, то сам и увидишь порванное и окровавленное постельное белье, которым он им затыкал рты и связывал руки. Так, где твой товарищ? Почему ты молчишь? Словно сам не видишь, что этот парень бежал, бросив тебя на произвол судьбы! Поэтому, господин Бернынш, хочешь молчать, то здесь можешь и помолчать, но в своих подвалах мы заставим тебя говорить!

Видимо, в этот момент в Ивановой спальне появился второй человек, который очень тихо и на ухо первому что-то начал рассказывать. Иван нагнулся и в угол при выходе осторожно на пол поставил портфель до безобразия забитый документами и иностранными деньгами. «Вальтер» ловко перебросил в левую руку, а в правую взял финку. Сейчас он был готов к бою, теперь нужно было дождаться выгодного момента, когда можно было бы начать этот бой!

— Ты чего боишься? Шепчешь непонятное мне в уши! Говори громче, ничего не бойся. Нас должны всякие бояться, а не мы — всяких! — Прогромыхал тот же самый голос, который, вероятно, принадлежал командиру этой группы. — Так ты мне говоришь, что этот парень прячется где-то в этом доме. Ну, что ж, может быть, ты и прав! Так мой тебе совет, не дрейфь, бери карабин наперевес. Пройдись-ка с ним по всем помещениям этого дома! Увидишь, где того парня?! Так сразу же стреляя в него! А я же пока повожусь в этой комнате, может быть, тут я найду кое-что,

что мне позволит этих московских мочалок отправить под расстрел. Ишь, чего москвичи придумали, своих людей по нашей наводке, ставят для того, чтобы вести за нами наблюдение под предлогом подготовке к войне. Так что ты, дорогой товарищ, иди выполняй мой приказ, а я займусь своим делом!

На этот раз Фролов хорошо слышал, как по направлению к нему, шел чужой человек. Шел он неаккуратно, его сапоги довольно-таки поскрипывали на паркетном полу. Но этого чужака выдавал смрадный запах давно немытого тела, махорочный аромат был настолько сильным, что Иван с большой точностью мог бы определить, где сейчас находился этот энкеведешник. Он стоял за дверь, ведущую в вестибюль с первого, дышал равно через нос, готовый в любую секунду нанести смертельный удар ножом, чтобы тут же укрыться за другой дверью. Какое-то чувство внутри него только что ему подсказало, что этот командир группы захвата НКВД своим громким голосом, предметом разговора пытается его ввести в заблуждение в отношении своих истинных намерений.

Фролову не стоило особого труда догадаться о том, что этот командир энведешник в чем-то оказался настоящим подлецом! Он своего подчиненного запустил вперед в основном для того, чтобы отвлечь его, Ивана Фролова, внимание. Он же сам будет следовать вплотную за своим подчиненным и, как только Иван на него нападет, завяжет с ним борьбу, то у него тогда появляется возможность убить Ивана без особой угрозы своей жизни!

Невдалеке скрипнула дверь, Иван сдержал дыхание, это был третий человек в той компании, которая сейчас пошла на него на первом этаже. Значит этот энкеведешник прикрывал не себя, а этого третьего человека, о существовании которого Иван только что узнал. Решение задачи с тремя неизвестными оказалась очень трудной задачей, Иван на секунду задумался и решил действовать так, как ему подскажет его тело, и как всегда советовал Михаил на их полевых занятиях.

В поле зрения его глаз показалась фигура человека, которая осторожно кралась вдоль стены. В руках эта фигура держала автоматический самозарядный карабин Симонова. Присмотревшись более внимательно к этой фигуре человека, Иван понял, что этот стрелок своим телом кого-то прикрывает. Он передвигался не так, чтобы прикрыть самого себя от выстрелов противника, а таким способом, чтобы собой прикрыть другого человека. И тот человек вот-вот должен был пройти в ту часть столовой, где он мог бы стать виден Фролову.

Только Иван подумал о такой возможности развития событий, как в столовой показался человек, в котором Иван

моментально узнал второго командира НКВД, который вместе с неким Семой арестовывал его в школьном коридоре. Фролов моментально вскинул руку с «Вальтером», прогремел первый выстрел. Тот человек выронил из рук пистолет ТТ, обеими руками схватился за голову и упал на паркет пола. Шедший впереди стрелок, явно растерялся, вместо того, чтобы где-нибудь укрыться от невидимого врага, он побежал вперед и оказал прямо под дулом Иванова «Вальтера». Хлопнул второй негромкий выстрел «Вальтера», стрелок согнулся в три погибели, пуля попала ему сердце. Так и не разогнувшись, в позе эмбриона он свалился на пол.

В этот момент Иван почему-то, видимо, следуя приказам своего тела, бросился не в свою спальню, где по идее должен был бы прятаться третий на него охотник, а по лестнице начал быстро подниматься на второй этаж. Он был на последней ступеньке лестницы, собирался уже перебежать в первую комнату второго этажа, когда из нее выскочил третий стрелок. Тот явно не ожидал увидеть Ивана, попридержал этот свой бег, а Ивану оставалось только и четвертый раз нажать курок своего «Вальтера». Два выстрела в упор заставили стрелка разогнуться, выпрямиться во весь рост и, роняя из рук снайперскую винтовку, он замертво свалиться на пол.

Какая-то внутренняя сила заставила Ивана подойти к телу снайпера, перевернуть его на спину, внимательно всмотреться в его лицо. Вначале оно показалось Ивану совершенно незнакомым, лицо, как лицо, ничего в нем не было особенного. Но более внимательно в него всмотревшись, Иван узнал этого человека. Он проживал в девятом бараке их лагеря, в том бараке, где постоянно жил Михаил. И он был тем парнем, который прямо-таки набивался Михаилу в кореша. Этому ему Иван оставил свой стилет, который он выточил из простой столовой ложки, уходя в этап!

Иван убрал свой «Вальтер» в кобуру скрытого ношения, нож вернул на прежнее месте в чехол на поясе. Медленно нагнулся, поднял с пола снайперскую винтовку, это была СВТ40, проверил наличие патронов в обойме и направился к ближайшему окну второго этажа. Случай или судьба позволили Ивану занять наилучшую позицию для снайпера, существовавшую в этом доме. Он оказался в башенке, выросшей над самим крыльцом этого дома. Через ее окна просматривался весь двор. Там все еще стоял автомобиль Мориса Бернышша, его двигатель тихо урчал на малых оборотах. Сам Морис находился в окружении четырех милиционеров с винтовками Мосина за плечами. Они неторопливо сворачивали козьи ножки, собираясь покурить

махорки. На Мориса милиционеры мало обращали внимания, но не разрешали ему покидать своего места. Фролов про себя удивился странной ситуации, он четыре раза стрелял в доме, а милиционеры себя вели, как ни в чем не бывало, словно выстрелов в доме совсем не было.

Иван приложил приклад винтовки к своему плечу, через визир начал выбирать поочередность своих выстрелов. С милиционерами он должен был покончить так быстро, чтобы они не успели бы убить Мориса! Проведя три разных репетиции очередности своих выстрелов, Иван передохнул, снова СВТ40 приложил к плечу и четыре раза подряд нажал ее курок. Удивленный выстрелами Морис Бернынш стоял на виду у всех, а у его ног лежали четыре трупа милиционеров. Фролов облокотился на подоконник окна, через которое стреляя, он собирался Морису прокричать о том, чтобы тут упал бы на траву и не поднимался бы на ноги до тех пор, пока он не прочешет дом и двор.

Но в этот момент из окна его спальни показался короткий ствол немецкого автомата МП38. Он тотчас же озарился тремя вспышками. Морис как-то странно и нервно дернулся, подпрыгнул, словно собираясь взлететь в небо, но земля его удержала, не дала от себя оторваться. Морис Бернынш молчаливо свалился на землю, несколько раз поскреб руками и ногами, а затем навсегда успокоился. Иван с высоты своей огневой позиции хорошо видел, как рядом с милиционерами лежал Морис Бернынш, очки отскочили в сторону, широко раскрытыми удивленными глазами он смотрел в небо. По этим его не моргающим глазам, легко можно было бы догадаться, что Морис Бернынш умер, что он больше уже никогда не поднимется на ноги! По щекам Ивана Фролова потекли крупные, не прошенный слезы. После потери Михаила, Морис стал вторым его настоящим другом, с которым его свела судьба, а сейчас так просто и безжалостно она его с ним развела!

Три раза Иван Фролов прочесывал дом, принадлежавший Морису Бернынышу, разыскивая его убийцу с немецким автоматом в руках, но даже его следов в своей бывшей спальне, откуда тот стрелял и убил Мориса, не нашел! Только три латунные гильзы, валявшиеся у раскрытого окна, как бы стали доказательством того, что этот убийца не был каким-то фантомом, а существовал на самом деле! Но он так и нигде не оставил следов, откуда он пришел и куда скрылся. Тяжело вздохнув. Фролов решил собираться в дорогу, настала пора ему покинуть Лиду.

В автомобиль Фролов первым делом перетащил портфель с

документами и деньгами, а затем немного продуктов с кухни. Перед тем, как садиться в автомобиль и отправляться в дорогу, он еще раз прошелся по дому, собирая оружие погибших энкеведешников, чтобы на всякий случай это оружие запрятать в дальний угол подвального помещения дома.

В этом, казалось бы, совсем простом деле Ивана Фролова поджидала большая неожиданность. Один из трех энведешников, которые его атаковали на первом этаже, еще дышал, он был жив! Когда он нагнул и хотел забрать карабин из его рук, то тот вдруг застонал и открыл свои глаза. Только по этим глазам Иван узнал этого энкеведешника. Им оказался второй командир НКВД, появившийся в школе для его ареста! Это он успокаивал своего друга Сема не бить выпускника Ивана Фролова на глазах школьников и учителей. Но, когда это избиение было перенесено в воронок, то именно этот парень выхватил винтовку из рук конвоира красноармейца и начал его избивать прикладом винтовки!

Глава 3

1

У Ивана Фролова внезапно образовалась очень серьезная проблема, и этой проблемой стали деньги. И не то, чтобы у него не хватало денег на жизнь, к этой проблеме парень уже давно привык, свыкся, он не обратил бы на нее особого внимания. Дело оказалось в том, что денег Мориса Бернышша, забранных им из сейфа перед бегством из дома, оказалось слишком много!

После гибели Мориса Бернышша, покидая его дом, Фролов неожиданно для самого себя на автомобиле поехал не по направлению к Москве или к Риге, что было естественно. Совершенно случайно он оказался на шоссе, ведущим в литовский Вильнюс. Весь день, словно в горячее, он не покидал салона автомобиля, гнал его все дальше и дальше от Лиды, нигде не останавливался и ничего не ел на протяжение всего времени нахождения в автомобиле.

Расстояние от Лиды до Вильнюса было не более ста километров и, если бы Фролов находился бы в нормальном состоянии, то этот путь он проехал бы за два-три часа максимум. Но перестрелка в городском пивном баре, где по его вине погибло почти десять милиционеров, бессонная ночь, когда Моне делали операцию, а затем попытка милиционеров или оперативников НКВД арестовать Фролова и Бернышша — все эти обстоятельства сказались на нервах Ивана. Когда он бежал из Лиды, то все это время ему казалось, что кто-то его постоянно кто-то преследует, хочет арестовать. Фролов снова и снова нажимал на акселератор, стараясь, как можно дальше, уехать, убежать от Лиды, от своих преследователей!

К тому же Иван Фролов все же ехал не по одному только шоссе Лида — Вильнюс, он, видимо, часто менял направления своего движения, а то иначе он давным бы давно в этот же день был бы в литовском Вильнюсе. Получилось же так, что утром он покинул белорусскую Лиду и только под самый вечер этого же дня оказался в десяти километрах от Вильнюса. То есть в дороге Иван провел не менее десяти часов, хотя по прямой он проехал всего девяносто километров.

Кончился бензин в баке автомобиля, Иван Фролов был вынужден остановиться на обочине шоссе для того, чтобы решить проблему заправки топливом своего автомобиля. Он специально вышел на шоссе, чтобы у прохожих поинтересоваться, где

находиться ближайшая автозаправка. Тогда его еще удивил тот факт, что уже начало темнеть, день переходил в ночь, а на вильнюсском шоссе все еще были путники, правда, пешеходов, как таковых, на нем не было, в основном по нему ехали сильно загруженные крестьянские повозки. Словом, поговорить Фролову было с кем, но литовские возницы как-то странно реагировали на его вопрос. Услышав русский голос, они вместо того, чтобы остановиться, начинали вожжами подхлестывать своих лошадей, чтобы быстрее мимо него проехать. Удивленный этим обстоятельством, Иван тот же вопрос задал на немецком языке, практически тут же он получил обстоятельное объяснение, как ему проехать до первой же сельской заправки бензином.

Снова сев за руль автомобиля, собираясь завести его двигатель, чтобы на остатках топлива доехать до заправки, Иван вдруг вспомнил о деньгах. Но сколько бы он не рылся по своим карманам, так ни одного рубля не смог найти. Но, прекрасно понимая, что в любом случае за бензин ему все равно предстояло расплачиваться, а для этого требовались деньги. Фролов вынужденно заглянул в портфель с деньгами Мориса Бернышша. Из-за одного своего неосторожного движения рукой, портфель повалился на бок, распахнулся, банковские пачки североамериканских долларов, английских фунтов стерлингов и швейцарских франков потоком хлынули на автомобильное сидение. От полной неожиданности всем случившемся с ним, Фролов машинально сглотнул образовавшийся ком в горле! В течение некоторого времени парень не мог своих глаз оторвать от картины такого большого количества денег, как бы в беспорядке валявшихся на соседнем сиденье!

Слишком уж неожиданным чувством оказалось для Ивана Фролова, почувствовать себя миллионером, когда он своими руками начал копаться в пачках долларов, фунтов и франков! Он считал и пересчитывал эту валюту, никак не мог ее пересчитать! К тому же Фролов вдруг оказался в положении, когда не знал попросту, что же ему с этими деньгами делать, где их хранить?! Он попытался, эти деньги снова переложил в портфель, но портфель на его же глазах раздулся до таких непомерных размеров, что он попросту за него испугался. Так как ему показалось, что все эти деньги больше не уместятся в этом портфеле с документами, изрядное их количество все еще продолжало валяться на сидении!

Но наступил момент, когда сам Иван Фролов почувствовал, что прекратилась лихорадка, горячку по поводу денег, преследования, что он снова стал здравомыслящим, здоровым человеком. Он отложил в сторону две банкноты по сто долларов,

остальные деньги убрал в портфель и закрыл на замок. Для большей надежности, перетянул его ремнями, а затем положил на заднее сиденье автомобиля. Запустил двигатель своего автомобиля и выжал педаль сцепления, автомобиль мягко тронулся с места.

В ближайшем литовском селе он подъехал к деревенской аптеке, попросил аптекаря заполнить топливный бак его автомобиля. С литовским аптекарем Иван разговаривал на немецком языке. Этот сельский аптекарь сильно разволновался, когда Фролов заговорил с ним на немецком языке. В ответ он тут же поинтересовался у Ивана, заговорив на ломанном, но понимаемом немецком языке:

— Господин, вы не подскажете мне, когда великая немецкая армия снова вернется в Литву? Когда она освободит нас от большевиков и коммунистов? Вы знаете, что наши крестьяне не признают советской власти, борются с ней, как только могут! Некоторые из них не сдают коммунистам урожаев со своих наделов. А другие своих старших сыновей отправляют в отряды «зеленых братьев», с оружием в руках сражаться с милиционерам и энкеведешниками!

По этому вопросу Фролову было не трудно догадаться о том, что этот литовский аптекарь принял его за немецкого шпиона. Хотя Иван ненавидел и боролся с отдельными представителями советской власти, но в целом он положительно воспринимал советский народ. И самого себя он относил к великому советскому народу, поэтому заявление этого литовского аптекаря, он воспринял, как личное оскорбление.

Ему захотелось подойти к этому литовцу, взять его за шкирку, вырвать его кадык из гортани. Но сдержался, не стал вступать с незнакомым человеком в спор на политическую тематику. Иван дождался, когда заполнится топливный бак своего автомобиля, вытащил сотенную долларовую бумажку в качества платежа за бензин и протянул ее аптекарю. Тот в ответ аж прослезился, был готов расцеловать своего клиента.

Машина с рижскими номерами все-таки не выдержала бесцельного мотания по отвратительным литовским дорогам, частично мощенным брусчаткой. Она сломалась под самым Вильнюсом. Ивану пришлось ее бросить рядом с автомастерской и рестораном, он не захотел ждать, когда автомобиль отремонтируют, не смог купить себе нового автомобиля. К тому же литовское население слишком уж враждебно воспринимало личность Ивана Фролова, как представителя советского народа. Словом Фролов был вынужден теперь уже пешком добираться до Вильнюса.

Примерно в десять часов вечера Фролов вошел в Вильнюс. Знакомых или друзей у него в этом городе не было, поэтому ему пришлось побродить по городу в поисках неприметной гостиницы, где мог бы остановиться, не вызывая подозрений со стороны персонала этой гостиницы. Но в какую-либо гостиницу он не заходил, то литовский персонал разговаривал с ним, как бы очень любезно, но как только он собирался оплатить проживание в номере иностранной валютой, то портье за его спиной начинали хвататься за телефонные трубки, кому-то звонить с кем-то вести бесконечные разговоры. В такие моменты Иван чувствовал себя не вполне комфортно, ему снова начинало казаться, что литовцы ведут эти телефонные переговоры с одной только целью, собираясь его сдать милиции или оперативникам НКВД. Поэтому, как только начинались телефонные переговоры, Иван Фролов тут же разворачивался к портье спиной и, не попрощавшись с гостиничным персоналом, покидал негостеприимную гостиницу!

К одиннадцати вечера Иван едва держался на ногах, его продолжал терзать голод, а также появилось большое желание погреться в теплом помещении, немного там подремать. В тот момент он шел по Каменной улице, проходил мимо небольшой харчевни под названием «Русский трактир». Какая-то неведомая сила его туда потянула, Иван зашел в харчевню, надеясь, хоть немного отдохнуть, поесть и получить какую-нибудь информацию, где он мог бы поспать в этом Вильнюсе!

В харчевне было много посетителей, все столики в обеденном зале были ими заняты, посетители вели степенный разговор, пили напитки и ели мясо. Все они говорили на литовском языке. Ивану было не трудно догадаться, что сейчас русских нет в этой харчевне. Фролов понимал, что ему было бы лучше покинуть эту харчевню, но из-за беса противоречия он забрался в самый дальний и темный угол харчевни, там он в полном одиночестве расположился за столиком. И в ожидании, когда на него обратят внимания владельцы этой харчевни, Иван принялся знакомиться с отдельными документами из портфеля, которые он заранее достал из портфеля Мориса Берньньша!

Когда сломался его автомобиль, то Иван Лавров в его багажнике разыскал дорожный баул. В него он и бросил портфель с документами, с иностранной валютой. Этот баул сейчас висел у него за плечами. В пачке просматриваемых документов Иван Фролов вдруг обнаружил несколько паспортов. Среди них имелся новенький шведский паспорт на имя Вальдемара Косински. Если судить по информации в паспорте, то он, как гражданин Польши поселился в Швеции всего лишь месяц назад, причем успел подать заявление и документы на шведское гражданство. Причем,

в этом паспорте уже имелась его фотография, хотя Иван так не мог вспомнить, кто и когда его фотографировали на этот паспорт?! Видимо, Морис Бернынш, находясь в Лиде, все-таки не терял зря времени, каким-то чудом он сумел в этом провинциальном белорусском городке получить шведский паспорт. Хотя, насколько Иван был информирован, в самой Лиде никогда каких-либо шведских генконсульств не существовало!

Бросив свой шведский паспорт обратно в портфель, Иван Фролов на скорую руку просмотрел другие паспорта. Их оказалось ровно двенадцать штук. Четыре паспорта из этих восьми уже имели вклеенные фотографии, три из которых принадлежали самому Морису, оказывает, он был гражданином Швеции, Латвии и США. Остальные восемь паспортов не имели фотографий, их параграфы не были даже заполнены. Иван все эти паспорта вместе со своим шведским паспортом аккуратно сложил в специальном отделении портфеля, затянув на нем молнию. На время пребывания в Вильнюсе, он решил пользоваться справкой о досрочном освобождении из лагеря, которую ему успел сделать Моня. В этой справке говорилось о некой криминальной личности, о воре в законе Якове Косом, в миру который был известен, как Яков Владимирович Костецкий. Милиционеры и оперативники НКВД, проверяя документы, эту его справку прочитывали от корки до корки. После чего они начинали улыбаться, дружески похлопывать Ивана по плечу, называя его корешом, братаном или товарищем!

Воспоминания о встречах с милиционерами и энкеведешниками были прерваны появлением владельца «Русского трактира». Статный старик подошел к его столу, чтобы принять заказ у нового посетителя. По его мягкому выговору с одесским акцентом Иван Фролов сразу же догадался, что он не был русским, а был самым литовским иудеем. Увидев грустное и, даже можно было сказать, несколько изможденное лицо Ивана, его одежду в дорожной грязи, то сердце старика не выдержало, он присел за стол к Ивану, и вежливо поинтересовался:

— Щалом адони, ты почему такой грустный? У тебя, что мама умерла? Посмотри, каким был замечательным сегодняшний день за окнами моего трактира! Зима уходит, ей на смену идет теплая весна! Ты, видимо, адони, совсем голодный! Если ты плохо знаешь русское меню, то я могу сам выбрать тебе самые замечательные блюда?!

Ивану Фролову, после полутора часового путешествия по городу, чувствовал себя усталым и разбитым, ему было очень трудно ворочать во рту одеревеневшим языком. Он устало откинулся на спинку стула, спиной ощущая плотно набитую

банкнотами торбу за своими плечами, устало закрыл свои глаза, утвердительно кивнув головой. Хозяин харчевни тут поднял руку, что-то крикнул на кухню. Открылась дверь кухни, в зале появилась шестнадцатилетняя красавица, сероглазка Кристина, дочь хозяина харчевни. Лалу на подносе принесла, поставила перед Иваном глубокую тарелку с горячим борщом, положила на стол перед ним деревянную ложку, а также две пампушки в чесночном соусе.

Пару минут эта сероглазка провела у стола, с интересом наблюдая за тем, как молодой и красивый путник, посетитель их харчевни, стал с нетерпением поедать вкусный борщ, только что приготовленный мамой. По мнению девушки, этот парень был настоящим красавчиком. С ним она могла бы и переспать, думала отстраненно Кристина, но только лишь после того, как он часика три проведет в их бане при харчевни, отмываясь от дорожной грязи.

Девчонка первой не выдержала обета молчания, которого к тому же она не давала, она первой обратилась к молодому человеку с вопросом:

— Адони, вы, видимо, в Вильнюс пришли издалека?

— Приехал, — поправил Иван девчонку, моя машина сломалась в десяти километрах от Вильнюса. Мне пришлось ее бросить прямо на дороге, а в город добираться пешком.

В этот момент к его столу снова вернулся владелец харчевни, отец девчонки. В руках у него была сковороду с хорошо поджаренными маленькими кусочками мяса. Краем уха старик сумел-таки уловить его последнюю фразу об автомобиле, чтобы тут же полюбопытствовать:

— Адони, вы только что сказали, что свою машину вы бросили неподалеку от Вильнюса?

— Да, так уж получилось, хозяин! Я не знаю, может быть, в моей машине, кончился бензин, хотя я ее только что заправил. Или что-то поломалось в зажигании. Она вдруг перестала заводиться. Я был вынужден ее оставить рядом с дорожным рестораном и автомастерской. Скажите, отец, а как зовут вашу дочь?

Девчонка же, заметив, что ее отец снова вернулся к столику с интересным молодым человеком, отправилась на кухню помогать матери готовить заказанные блюда.

— Дочь зовут Кристиной! Правда, это очень красивое еврейское имя! Мне оно тоже очень нравится, но нашей доченьке это имя выбрала сама моя жена. Очень скоро Кристина Вайсерман станет добропорядочной матроной Кристиной Цукерман, моя дочь выходит замуж за друга своего детства Генриха Цукермана.

В наших еврейских семьях существует традиция, матери дают имена дочерям, отцы — сыновьям. Своему сыну Якову я дал русское имя Яков, в этом году мой парень получит диплом Вильнюсского университета, он станет дипломированным юристом. Сначала он у меня поработает в Вильнюсе, а затем я его отправлю в Североамериканские Штаты. Ой, адони, извини меня, я с тобой так разговорился, что совсем забыл о главном нашем блюде — поджаренной бараниной по-русски. Жена тебе приготовила, так называемую, сладкую баранину, — это акое вкусное русское блюдо, что пальчики оближешь!

Фролов принялся за сладкую баранину. К этому времени, находясь в этом русской харчевне в литовской столице, он себя почувствовал, словно он снова вернулся в Москве. Правда, мать его уже давно так вкусно не кормила. В последнее время она его совсем не кормила, ему самому приходилось перебиваться с хлеба на воду! Сейчас это сладкое мясо вполне удалось, он с удовольствием его ел, одновременно прислушивался к тому, что же ему говорил хозяин этой харчевни.

— Я только что по телефону переговорил с автомехаником Лазером Ицтуком, он владеет автомастерской в Вильнюсе. Рассказал ему о твоей проблеме с машиной. Так, Лазер согласился на своей машине съездить к Капелю Лэмэлу, владельцу ресторана, рядом с которым ты оставил свой автомобиль. Он посмотрит, что случилось с твоей машиной, в случае чего он готов ее отремонтировать. Если у тебя нет денег, то я ему сказал, что я готов оплатить его работу, а также оплачу перегон машины в Вильнюс, но в этом случае ты мне эту свою машину мне отдашь навсегда, когда будешь покидать Вильнюс! Ты. как согласен с моим предложением, адони?

Иван Фролов утвердительно кивнул головой, у него в этот момент рот был забит самым вкуснейшим на свете мясом. Он достал из кармана и положил на стол ключи от автомобиля Мориса Бернышша. Когда он прожевал мясо, то повернулся к хозяину трактира и поинтересовался его именем:

— Меня зовут Яков Вайсерман, раньше в Литве занимался оптовой торговлей литовского мяса на экспорт в страны Северной Европы. Когда в Литву пришла советская власть, то решился временно заняться организацией общественного питания. Купил себе маленький ресторанчик, оборудовал его в русском стиле, назвал харчевней. Уже сегодня ко мне забегают позавтракать, пообедать литовские советские служащие, все чаще и чаще заходят советские военные. Все они, и служащие, и военные, очень довольны моей русской кухней и мои ценами на завтраки и обеды. Так что небольшие деньги у меня имеются. Сейчас я занят

вопросами обустройства членов своей семьи. Вот выдам замуж Кристину, а Якова отправлю в Североамериканские Штаты, тогда сам с женой уеду в глухую литовскую деревню, буду там свою старость коротать!

— Могу ли я снять у тебя комнату? А то в Вильнюсе я никого не знаю, боюсь с другими людьми впросак попасть. Тем более, что литовцы русских не любят, скоро они все за винтовки возьмутся и в лес пойдут! — Коротко заметил Иван, при этом, он сделал вид, что не заметил, как Яков Вайсерман вдруг испуганно встрепенулся, остановившимся взглядом на него посмотрел!

К столу снова подошла Кристина, на литовском языке она сообщила отцу о том, что приехал Лазер Итцтук, он интересуется ключами от машины и авансовым платежом за ее ремонт и перегонку в Вильнюс. Яков протянул дочери ключи от машины, а Иван Фролов — стодолларовую бумажку. Глаза отца и дочери с выражением величайшего удивления уставились на эту американскую банкноту. Они оба явно не ожидали такого, чтобы такую банкноту им протянул бы их визави, грязный и усталый русский. Затем Яков Вайсерман аккуратно и вежливо прикоснулся к руке Ивана с банкнотой, осторожно, но твердо он ее отвел в сторону, коротко сказав:

— Литовцы и все другие жители столицы Литвы, банкноты такого цвета и номинала ужасно любят! Но ими лучше не разбрасываться направо и налево! У нас имеется немного советских рублей, так что ими мы и оплатим работу Лазера!

— Тогда забери себе эти доллары, у меня советских рублей сейчас нет, а я не хочу быть кому-либо должным!

— Ну, так я, папу, пойду, а то Лазер заждется, вдруг он решит зайти к нам залу?! — Сказала Кристина.

— Иди, дочка, иди! Лазеру сейчас здесь совершенно нечего тут делать!

Иван с удовольствием обратил внимание на то, что эта шестнадцатилетняя девчонка имеет тело сформировавшейся молодой женщины, а ее бедра так игриво перекатывались под этим простеньким сатиновым платьицем. Когда он оторвал взгляд от Кристины, повернулся в сторону Якова, то успел заметить, с каким нескрываемым любопытством тот его только что рассматривал!

— У меня к вам имеется еще одна небольшая просьба? Мне нужно, как можно быстрей, познакомиться с вашим сыном юристом. У меня имеется много юридических документов, я не хочу, чтобы эти докуметы без толку валялись бы на моем столе без всякого движения. Мне срочно нужен его совет по всем тем бумагам. Я хочу знать, что я с ними должен делать, какие шаги

предпринять? В принципе, я даже готов оплатить эту его работу!

— Нет ничего проще, — воскликнул Яков Вайсерман, — насколько я понял, вы решили остановиться у меня во втором этаже. Там простенькие номера на одного человека. Но каждый человек в этих номерах обеспечен отдельным туалетом и душем. Если пожелаете, то во дворе нашего дома имеется настоящая банька с хорошей парилкой. Но за нее надо внести отдельную плата. Ваших сто долларов хватит и на ремонт с перегоном машины к Вильнюс, а также на две недели вашего проживания в номере на втором этаже. Как только сегодня вечером Яков придет из университета, то он немедленно поднимется к вам в номер. Парень он умный, сметливый, пошел в меня, так что он, наверняка, сможет вам помочь в ваших юридических вопросах. А сейчас так, давайте, поднимайтесь на ноги, я вам помогу перебраться в ваш номер на втором этаже.

В номере на втором этаже харчевни «Русский трактир» Иван Фролов, а теперь снова Вальдемар Косински терпеливо дождался, когда за Яковом Вайсерманом закроется дверь. Затем он из-за спины достал торбу с деньгами, бросил ее на одну из полок одежного шкафа. Удовлетворенный проделанной работой, Вальдемар Косински прямо в одежде, не раздеваясь, рухнул на постель. Он заснул еще в падении, еще до момента, когда его голова коснулась подушки.

2

Около шести часов вечера еще во сне Иван Фролов почувствовал, что в его номере присутствует еще один человек. С величайшим трудом он повернулся на правый бок, открыл глаза и в свете ночника увидел молодого человека. Этот паренек стоял в трех шагах от его кровати в смиреной монашеской позе, скрестив руки на животе, склонив кудрявую голову к полу. На его голове красовалась фуражка студента вильнюсского университета, сдвинутая почти к его затылку. Парень стоял и молчал, ожидая реакции на свое появление владельца этого номера. А Иван Фролов продолжал всеми силами бороться со сном. Ему страшно хотелось спать. К этому времени Иван беспробудно проспал всего лишь три часа, но они пока не вернули ему физических сил, поэтому он, не открывая глаз, пробормотал:

— Если, ты Яков Вайсерман, сын владельца «Русского трактира», то я проснусь и поговорю с тобой. В скором времени ты должен стать дипломированным юристом, значит, ты сможешь ответить на некоторые мои вопросы! Но, если ты не Яков

Вайсерман, а кто-то другой, то парень выйди из моего номера, дай мне время мне еще немного поспать? По крайней мере, еще часика два — три! Сегодняшний день стал для меня очень тяжелым днем! За этот день я так сильно устал, у меня сейчас нет даже сил на то, чтобы открыть свои глаза!

— Да, меня зовут Яков Вайсерман! Я сын владельца «Русского трактира». Отец послал меня наверх к вам, сказав, что вы хотели бы переговорить со мной, адони!

Фролов медленно поднялся с постели, натянул на себя халат и со все еще закрытыми глазами прошел в ванную комнату, сказав:

— Одну секундочку, Яков, я только ополоснусь холодной водой и вернусь к тебе!

Через минуту он вышел из ванной комнаты. Его волосы на голове были мокрыми и взъерошенными. Полотенцем на ходу Иван вытирал лицо и глаза. Жестом руки он пригласил Якова располагаться на стуле за небольшим столиком, который притулился вблизи окна. Сам же Иван, мокрое полотенце небрежно швырнул на кровать, подошел к одежному шкафу. С одной из его полок он снял свой портфель, уже с портфелем в руках он вернулся к Якову Вайсерману, присел с ним за стол. Порывшись в портфеле, Фролов достал два документа, с прикрепленными к ним скрепками другими документы. Эти два документа он передал Яковом Вайсерманом и поинтересовался:

— Яков, изучи, пожалуйста, вот эти два документа! Прочти их, разберись, о чем эти два договора?! А затем простым языком поясни мне их содержание. Если тебе для такой работы потребуется много времени, то эти документы можешь забрать с собой. Тогда мы завтра снова встретимся, чтобы продолжить этот наш разговор!

Яков взял в руки оба документа, сначала глазами быстро пробежался по содержанию первого договора. Затем он также быстро прочитал второй договор. Положил их оба перед собой аккуратной стопочкой, удовлетворенно хмыкнул. Поднял глаза на Ивана Фролова и сказал:

— Я готов прямо сейчас ответить на все ваши вопросы, уважаемый господин…

— Господин Вальдемар Косински! Я урожденный польский титулованный дворянин!

Ничуть не удивившись заявлению Вальдемара, молодой Яков Вайсерман тихими, но уверенным голосом продолжил свою речь:

— Я готов прямо сейчас, господин Косински, ответить на все ваши вопросы, касающиеся этих двух договоров!

— Так, понятно! В таком случае, Яков, не могли бы вы мне

объясните, что это за договора, каков предмет этих договоров?

— Некий, господин Морис Бернынш, гражданин Латвии, подписал с вами, Вальдемаром Косински, договор, в котором говорится о продаже в вашу собственность одной крупной рижской частной кампании «Дзинтарс». Эта компания с ежегодным оборотом в десять миллионов фунтов стерлингов, занимается производством женской косметики. Вчера, согласно содержания первого договора, компания «Дзинтарс» перешла в вашу полную собственность. Она теперь принадлежит только одному вам, господин Косински! Из подписанного договора следует, что производственные, корпоративные помещения этой компании в Риге и в других городах Восточной Европы также переходят в вашу собственность. С сегодняшнего дня вы становитесь единственным распорядителем всех банковских счетов, любой наличности в кассах этих предприятий. Все предприятия поименно перечислены в списке, который прикреплен к настоящему договору и является неразрывной частью этого договора. Таким образом, сегодня на вас, господин Косински, работает почти тысяча человек, которым вы, по крайней мере, должны выплачивать заработную плату. Да, и насколько я понял из содержания этого договора, банковские счета ваших предприятий открыты в государственных банках Швеции, Швейцарии и Германии. Сейчас на каждом из счетов лежит примерно по четыре миллиона фунтов стерлингов.

— Что под всем этим всем подразумевается?

— Худший вариант, — если вы в течение трех дней не приступите к исполнению своих новых обязанностей, то ваша компания «Дзинтарс» будет национализирована Советским союзом. В принципе, со временем это предприятие все равно будет национализировано советской властью. Если вы протяните время, в течение трех дней не приступите к руководству своими предприятиями, то одним уж этим вы нарушите законодательство Советского Союза. За такое нарушение, вас отдадут под суд, и тогда вам, наверняка, грозит большой тюремный срок!

— Мне почему-то не очень-то нравиться подобный подход к решению проблем с моей же собственностью! Но мне также не хотелось бы потерять двенадцать миллионов фунтов стерлингов. Есть ли третья возможность, чтобы сохранить свои деньги, свои предприятия?

— Предприятие «Дзинтарс» вам вряд ли удастся сохранить в своих руках! Но деньги, даже большую сумму вы можете вернуть. Для этого потребуется в течение десяти дней подать в Стокгольмский арбитражный суд претензию на незаконные действия советского государства! Советская власть, как я уже

говорил, все равно национализирует компанию «Дзинтарс», поставит предприятие под свой контроль, но будет вынуждено по решению арбитражного суда вам выплатить неустойку! Обычно неустойка составляет сумму стоимости «Дзинтарс», плюс или минус двадцать процентов!

— Сможете ли вы, Яков, в течение пяти дней оформить для себя шведский паспорт. Вылететь или отплыть пароходом в Стокгольм, чтобы подать такую претензию в арбитражный суд.

— И вообще, — в этот момент Фролов или Косински поднялся на ноги, начал прохаживаться взад и вперед по своему маленькому номеру, — согласитесь ли вы, Яков, лет на пять, на шесть отстрочить получение своего квалификационного диплома юриста. Завтра — послезавтра вы должны отправиться в Стокгольм, там зарегистрировать мою управляющую компанию! И с этого момента, в качестве моего уполномоченного представителя, заниматься делами всех моих фирм и компаний?!

— Мое решение будет зависеть от того, сколько вы будете мне платить, а также от согласия моей семьи, моего отца и матери?

— Я готов вам, Яков, как начинающему юристу, платить десять тысяч долларов в месяц, но при условии, что вы не будете требовать от меня прибавки к этой зарплате в течение последующих трех лет. Помимо этого, я готов оплатить переезд всех членов вашей семьи или в Швейцарию, или в Швецию, в зависимости от их решения. В любой из этих стран ваш отец может заниматься любым бизнесом, каким ему заблагорассудится! Мужа вашей сестры, Генриха Цукермана, мы направим служить в шведскую армию, где он будет заниматься вопросами ее перевооружения. А ваша сестра, Кристина, будет рожать ему сыновей и дочерей в спокойной обстановке демократической страны! Ваши родственники не должны оставаться в Вильнюсе, так как через полгода немцы займут этот город! Вы же прекрасно осведомлены в том, как немцы не любят евреев, что они с ними делают, когда еврейские семьи оказываются в их руках!

— А вы, что, господин Косински, полагаете, что немцы начнут войну с СССР? Да Красная Армия товарища Сталина одной рукой раздавит эту фашистскую гниду!

— Война будет, немцы займут Вильнюс и многие другие советские города! Погибнут миллионы советских семей, прежде чем Красная Армия разгромит фашистов! В общем, Яков, я предлагаю тебе обсудить все вопросы, которые я поднял, с отцом и матерью, а я пока отправлюсь в баньку, чтобы попарить свои старые кости, а то, пока я бежал из Риги я весь мохом оброс.

Продолжим наш разговор после моей бани, твоего разговора с родителями.

— Вы сами доберетесь до нашей бани, или вас туда проводить? — Поинтересовался Яков Вайсерман.

— Где она находится? Вы мне объясните, а я уж сам туда доберусь!

— По центральной лестнице спускайтесь в подвал, дверь бани будет прямо перед вами!

Проходя по коридору второго этажа «Русского трактира», Иван Фролов обратил внимание на то, что практически все гостиничные номера были свободными. Видимо, не очень много литовцев путешествовало по своей стране, после ее освобождения Красной Армией. Ивану никто не встретился и на лестнице, когда он спускался в подвал. Войдя в раздевалку, он почувствовал тепло, потянувшееся из парилки и помывочной комнаты. Он подошел к одному из шкафчиков, на свободную полку положил смену своего чистого белья, начал раздеваться.

Когда он разделся, то грязное белье собрал в пакет, убрал на полку своего шкафчика. В раздевалке Фролову бросилось в глаза большое зеркало, почти полностью занимавшее одну из стен этого помещения.

Прежде чем отправиться в парную, Иван подошел к зеркалу, чтобы на себя посмотреть, узнать, насколько он изменился со времени своего ареста. Он сильно удивился, увидев в зеркале другого, незнакомого ему молодого человека, хотя в чертах его лица проскальзывали отдельные знакомые ему контуры! Этот парень в зеркале выглядел слишком уж взрослым, его обросло трехдневной щетиной, а под глазами появилось много морщин. Хотя Фролову в прошлом январе только-только исполнилось восемнадцать лет, сейчас он выглядел тридцатилетним мужчиной. Ежедневная утренняя зарядка позволила ему сохранить спортивную подтянутость своей фигуры. На его теле не наблюдалось ни грамма лишнего жира. Но вот эта постоянная нахмуренность, суровость его взгляда, Ивану не совсем понравилась!

Он слегка развернулся, чтобы лучше себя рассмотреть в зеркале, стоя в профиль. В этот момент тихо, без скрипа раскрылась входная дверь. На ее пороге внезапно появилась Кристина, она замерла на месте, явно любуясь обнаженным мужчиной. От полной неожиданности Фролов замер на месте, он никак не ожидал появления этой Сероглазки. Она ему понравилась с первого же взгляда, но информация ее отца о том, что в ближайшее время Кристина выходит замуж за друга своего детства, как бы заморозила в Иване все его чувства к этой

красавице! Покачивая бедрами, Сероглазка подошла к Ивану, свои руки она положила ему на грудь, она прильнула к его обнаженному телу:

— Ты, Иван, прекрасен, как божественный Адонис! Жаль только одного, что я встретилась с тобой слишком уж поздно! Я полюбила тебя с первого взгляда, но выйду замуж за Генриха, так как уже дала ему свое слово! Но ему я подарю своего первого сына, которого зачну сегодня от тебя, мой любимый! Сегодня ночью я приду к тебе, это будет наша первая и единственная ночь, которую мы проведем вместе!

Иван Фролов лежал на второй сверху деревянной полке, ощущая, как от адской жары в сто двадцать градусов раскрываются и очищаются поры его тела. Несмотря на эту жару, высокую влажность в парилке с каждой последующей минутой ему становилось легче и приятно дышать!

Он лежал на полке и вспоминал счастливые дни своего детства. Как однажды, когда ему было всего десять лет, его отец взял его с собой в Селезневские бани. Мальчугана тогда чрезвычайно удивило, ему надолго запомнилось одно обстоятельство! Почему-то все взрослые мужчины перед тем, как отправиться в помывочный зал, по пояс кутались в белые простыни? А он в это же самое время повсюду бегал совершенно голеньким, болтая из стороны в сторону своим еще не выросшим гульфиком! Ведь он, как бы тогда ни старался, так и нигде не смог разыскать своей мамы, ни своей, ни чужой! Ему же хотелось тело мамы сравнить со своим, понять, что же в мужчине и в женщине имеется такого разного, почему они не могут жить друг без друга, почему их так сильно влечет друг к другу?!

Вот и сегодня, когда Сероглазка его поцеловала в предбаннике, сказав, что любит его. Он и тогда не совсем понял истинного значения этого слова. В тот же момент ему просто хотелось сорвать с этой юной женщины ситцевое платьице. Завалить ее на лавку, чтобы ею обладать, стать хозяином ее тела. Как однажды нечто подобное с Иваном его соседкой по парте, татаркой Машкой, случилось под Новый Год. Тогда они вместе отпраздновали Новый Год. Машка сама напросилась, чтобы он ее проводил до дому. У нее дома никого не оказалось, а в Иване проснулся зверь. Совершенно неопытный в любви, он грубо со звериным рычанием вошел в Машку, а она от резкой боли закричала! В тот момент внутри его родилось одно замечательное чувство, он вдруг понял, что эта девчонка, уже женщина, она ему полностью принадлежала! С того Нового Года прошло уже два года, но ничего подобного ни с ним, ни с Машкой уже больше не повторялось! Он, по-прежнему, проказничал, подсматривая за

девчонками. Парни его класса специально в стене расковыряли маленькую дырочку, чтобы иногда через нее подсматривать, как девчонки переодеваются на урок физкультуры!

Отмытый, в новой и чистой одежде Иван Фролов покинул баню, начал медленно подниматься по лестнице. Обеденный зал был наполовину заполнен народом. Уже ступив на вторую ступеньку лестницы, чтобы подниматься и дальше на второй этаж в свой номер, Иван вдруг увидел, что все члены семейства Вайсерманов собрались за одним столом в дальнем углу обеденного зала, они что-то яростно друг с другом обсуждали! Он хотело бы к ним подойти, чтобы поинтересоваться предметом спора, но вовремя сообразил, что ему самому там нечего делать, так как он не должен вмешиваться в этот сугубо семейный спор. Он должен был дождаться того момента, когда Вайсерманы примут окончательное решение по его предложению!

Как только голова Ивана Фролова снова коснулась подушки, он крепко заснул.

3

Фролов проснулся, за окном было уже совсем темно. На прикроватной тумбочке горел ночник, его абажур был развернут так, чтобы свет от ночника его бы не беспокоил, не падал бы на его лицо! Иван хорошо помнил, что этого ночника он не включал, тем более, его абажур не поправлял, укладываясь в постель. Проснувшись, он почувствовал, что сила в него снова вернулась, тогда он всем своим телом потянулся с такой силой, что его кости сладко захрустели! Парень почувствовал, что он, наконец-то, отоспался. Одновременно ему вдруг показалось, что сейчас в номере он не один, что в нем присутствует еще один человек. Иван прервал свои потягушки, упал в постель, прикрылся одеялом и только после всего этого осмотрелся. Практически он сразу же увидел Якова Вайсермана, отца семейства Вайсерманов. Старик сидел на стуле всего в паре шагов от его кровати, рассматривал его своими белесыми, выцветшими глазами, он молчал.

Яков сразу же заметил, что Иван Фролов проснулся, но все это время он молчал, старался ничем не нарушить тишину и спокойствие в этом номере. Обратив внимание, что Фролов его все-таки заметил и понял, что не один находится в помещении, хозяин харчевни зашевелился. Он свое лицо приблизил, чуть ли не к самому лицу Ивана, свои водянистые глаза не отводя от глаз этого русского юноши, старик слегка ядовитым тоном своего

голоса вдруг поинтересовался:

— Ну, что, уважаемый господин, доволен тем, что внес такое смятение в семью Вайсерманов?! Заставил нас всю ночь просидеть за столом, решая, покидать ли нам или не покидать землю предков?! Но, прежде чем я сообщу тебе о результатах нашего семейного совещания, не мог бы ты ответить на мой один вопрос, кто же ты на самом деле? Русский ли ты Иван Фролов, или же поляк Вальдемар Косински?

— Мне не трудно ответить на твой вопрос, Яков. В зависимости от ситуации я и тот, и другой человек! Правда, хочу тебе честно сказать, что мне хотелось бы всегда носить фамилию, имя и отчество, данные мне моим же отцом. Я хотел бы всегда быть — Иваном Игнатьевичем Фроловым! Но ты, Яков, наверняка, слышал о том, что по временам у меня на родине творятся невероятные вещи! Проводились коллективизации, партийные чистки, раскрывались шпионские сети — в результате из жизни уходят сотни тысяч, а может быть, и миллионы простых людей. Когда я был Фроловым, то меня и моего отца по доносу сделали предателями родины,! Отец не выдержал пыток, повесился в тюрьме. Мать споили, я же год провел во внутренней тюрьме НКВД на Лубянке, когда мне было всего семнадцать лет! Бежал, скрывался от преследования, убивал агентов и оперативников НКВД. На моем счету сейчас их оказалось столько, что, если меня когда-либо арестуют, узнают, кем я являюсь, то меня расстреляют без суда и следствия! Поэтому сегодня я — Вальдемар Косински, гражданин Польши! Ну, что, Яков, ты удовлетворен моим ответом на свой вопрос?

— Если бы я только знал об этом раньше, когда ты сегодня перешагнул порог моей харчевни? Вряд ли я тогда оказал бы тебе…

— Ты имеешь в виду, что тогда вряд ли бы оказал мне своего гостеприимства?! Ну, что ж, Яков Вайсерман, твой ответ мне ясен и понятен! Дай, мне пять минут для того, чтобы я мог бы собраться, и навсегда покинуть твою харчевню. Скажу тебе, Яков, только одно, что внутренне, я был готов к такому решению твоей семьи. Поэтому готов хоть сию минуту отставить в покое членов твоего семейства и навсегда вас покинуть!

Но Яков Вайсерман только улыбнулся ему в ответ какой-то смущенной улыбкой и произнес:

— Да, о чем ты, Вальдемар, говоришь? Какое там, соберу вещи и уеду? Понимаешь ли, что мнение членов моего семейства разделилось только по одному вопросу. Я пришел к тебе так поздно, чтобы рассказать о том, что мой сын, Яков Вайсерман, завтра утром посетит деканат своего факультета, где напишет

заявление о предоставлении ему академического отпуска в учебе. После этого Яков поступает в твое полное распоряжение! Семейство Цукерманов и их сын Генрих готовы переехать в Швецию. Там в Стокгольме Генрих и моя Кристина повенчаются. Таким образом, остаемся я и моя жена, Гелия, мы не приняли окончательного решения, так как не хотим покидать своей родины, Литвы!

— Черт тебя подери, Яков! С собой ты можешь поступать и делать все то, чего ты сам не захочешь! Хочешь умереть от руки эсэсовца, так умирай! Тебя в этом никто не остановит, это целиком твоя личная проблема! Ты же сейчас сам хорошо понимаешь, что твоя Гелия приняла такое же, как и ты, решение в основном из-за того, чтобы только тебя поддержать. Всем другим показать, что именно ты, Яков, сегодня являешься главой семейства Вайсерманов! А ты, Яков, сейчас, видимо, гордишься тем, что твоя жена приняла аналогичное решение из-за своего желания свою судьбу разделить с твоей! Но ты подумай, Яков, сейчас подумай о таком возможном повороте твоей жизни, когда тебя и Гелию, вместе поставят под дула винтовок расстрельной команды эсэсовцев. Стоя под дулами винтовок, только тогда ты поймешь, что это ты сам решил свою судьбу! И что Гелия сейчас погибнет из-за твоего тщеславного поведения! Тебя расстреляют из-за твоего собственного тщеславного самомнения, ну а ее то — за что?!

— Я очень надеюсь на то, что у меня с Гелией еще будет времени на то, чтобы еще раз обдумать этот вопрос?!

— Я не могу дать тебе какого-нибудь положительного ответа на твой вопрос?! Дело в том, Яков, что мы находимся в антагонистических отношениях с такой мощной организацией, как народный комиссариат внутренних дел СССР. А НКВЛ — это не просто государственный наркомат, это часть системы нашей жизни в СССР, а в такой системе простому человеку не так-то легко выживать. Ты должен постоянно быть на чеку, прислушиваться ко всему, о чем говорят люди вокруг тебя, внимательно присматриваться ко всем событиям, которые происходят вокруг тебя, или с твоим непосредственным участием! Так что в любую минуту твоей жизни в СССР всегда может что-то случится, поэтому, Яков, постарайся, как можно раньше, изменить это или прийти к новому решению о своем уходе на пенсию!

— Но, если я приму другое решение, то какую роль ты, Вальдемар, мне отведешь, ведь я не смогу сиднем сидеть до самой смерти, сложа руки на коленях. Мне нужна активная жизнь, а значит и активная работа!

— Что ты думаешь, о банковском бизнесе?

— Да, я мало что об этом бизнесе знаю! Слышал только о том, что для того, чтобы открыть банк в какой-либо стране, нужно на руках иметь наличными до трех миллионов фунтов стерлингов наличным!

— Если я найду такие день и от своего имени попрошу тебя заняться этим бизнесом, то как бы ты ответил на такое мое предложение?

— Вероятно, положительно! Так как последнее время я только и мечтал об открытии собственного банка!

— И ты вместе со своей Гелией уедешь в США, так как за время надвигающейся войны США станут всемирным банком?! А что касается нашего бизнеса, то я предлагаю начать совместный банковский бизнес, в котором восемьдесят процентов акций будут моими, а твоими — двадцать процентов акций?!

— Но у меня же нет денег на открытие такого банка!

— Мы с тобой только что сформулировали условия нашего участия в совместном бизнесе, но я пока не получил твоего согласия в том, что именно ты будешь заниматься этим бизнесом? Наш банк должен находиться в городе Нью-Йорке, США. Сам я туда поехать не могу, положиться на местного американца тоже, он может все мои деньги украсть. Но, если, Яков Вайсерман, согласится, то я смогу ему миллионов четырнадцать долларов выделить наличными!

— Такую сумму, тогда я согласен! Но, откуда, Вальдемар, ты возьмешь такую большую наличность?

Иван Фролов, молча, поднялся с кровати, подошел к одежному шкафчику, вытащил оттуда мешок. И этот мешок он попросту швырнул в руки Якова, тот развязал его верхние узлы, заглянул внутрь мешка. Когда он снова поднял голову, посмотрел на Ивана, то в его взгляде легко можно было прочитать один вопрос.

— Ну, там, Яков, в общем счете где-то под шестнадцать миллионов долларов США, на открытие банка в Нью-Йорке, и на переезд обеих семей за границу. Так как ты становишься нашим банкиром, то и подели эти деньги соответствующим образом, так, чтобы никто не остался в обиде, имел бы достаточно денег для того, чтобы начать новую жизнь и новый бизнес в другой стране. Ты, теперь глава нашего семейства, так и занимайся всеми нашими организационными вопросами, теперь займись вопросами оформления нашего отъезда. Что касается меня, то я уже имею шведский паспорт, мне хотелось бы получить советский паспорт на Вальдемара Косински или на любое другое имя.

Беседа Ивана Фролова и Якова Вайсермана закончилась

далеко за полночь, но им удалось в деталях обговорить все вопросы, связанные с переездом двух семейств в Стокгольм. А главное, Яков взял в свои руки все вопросы по организации переезда, началу бизнеса на новом месте, на деле освободив Ивана Фролова от всякой мелочевки! Когда за Яковом Вайсерманом закрылась дверь, Иван Фролов, оставшись один в номере, решил вернуться обратно в постель, по дороге он щелкнул выключателем, выключив верхний свет, но оставил включенным ночник.

Он находился в глубокой дреме, поэтому не слышал, не видел, как открылась дверь его номера! Из освещенного коридора в полусумрак номера Ивана Фролова скользнула гибкая женская тень. Эта тень остановилась почти у самой кровати, пару минут она внимательно изучала тело парня, разметавшегося на одеяле, почти полностью обнаженного, из-за сильной жары в помещении! Тень вплотную приблизилась к кровати, нагнулась и обеими руками провела от головы этого парня до его стоп, замирая и почти останавливаясь на мужской груди, на бедрах и на голени. Одновременно все ее пальцы, видимо, от сильного напряжения вибрировали, массируя некоторые зоны этого мужского тела.

Затем тень женщина медленно опустилась на колени, свое лицо она приблизила к лицу Ивана, подушечками пальцев принялась водить по всему овалу его лица, по бровям. Особое удовольствие этой женщине доставляло проводить кончиками своих пальцев по овалу его едва приоткрытых губ, когда только начавшие расти щетинки на верхней губе этого совсем еще молодого мужчины, ее укалывали своими остриями! Женщина не выдержала напряжения, своими губами она нежно коснулась мужских губ, крепко их сжала. Но парень не просыпался даже от такой нежной пытки, как укус его губ женскими губами!

Проведя рукой по мужскому паху, женщина поднялась на ноги, быстрым движением плеча на пол слетел прозрачный пеньюар, который под собой итак ничего не скрывал. Иван Фролов все еще продолжал находиться в глубокой дреме, он чувствовал, ощущал, как по его лицу пробегали женские пальчики. Он видел красивые черные женские глаза, которые так внимательно его изучали, он также хорошо понимал, что эта женщина к нему пришла в одном только пеньюаре. Но эта женщина пока его еще не возбуждала, как и не возбуждала Машка, когда год назад она сама с себя снимала последнюю женскую крепость, свои простые трусики. Женский поцелуй удивил его своей женской нежностью, но он тут же успокоился, а женщина встала на ноги.

Ивану страшно понравилась ее грудь, две опрокинутые

полные чаши, они пока еще не нуждались ни в каких там бюстгальтерах! Его до глубины души поразили два женских соска в ярком воинственном ореоле, которые так и не позволяли кому-либо из мужчин оторвать от себя взгляды. Он попытался протянуть вперед руку, чтобы погладить эти полные любви чаши, а также взять в рот сразу оба соска, чтобы больше не было бы претендентов на ее материнство. Но в этот момент Иван обратил внимание на то, что женщина начала танцевать. Причем, танец, который она начала исполнять, не был барыней, или каким-либо народным, или современным танцем. Женское тело выполняло определенный комплекс движений, в которых раскрывалась грация, гибкость, пластичность, изящество и красота женского тела!

Само собой в теле Ивана начала зарождаться ответное желание, ему очень захотелось подняться с постели, схватить в объятия эту женщину, чтобы вместе с ней продолжить этот замечательный танец жизни. Ему так хотелось снова продемонстрировать, что он, именно он, Иван Фролов, является хозяином этой жизни, что эта женщина — его новая раба любви!

Но в этот момент женщина на долю секунды прервала этот свой странный танец, она нагнулась и в один момент содрала с Ивана трусы. Иван Фролов очень плохо запомнил, что же именно с ним происходило дальше. Если даже честно признаваться самому себе в том, что случилось в ту ночь, то получалось, что эта женщина попросту изнасиловала Ивана. Он практически всю ночь напролет простоял перед ней на коленях, целовал ее ножки, бедра, живот и эти бесподобные по красоте и нежности ее груди! Он умолял, чтобы она его не отвергала, даже в тот момент, когда они снова и снова сливались в единое целое.

Усталые они откидывались на подушки, но, как только чувствовали, что силы вновь к ним вернулись, то набрасывались друг на друга, словно голодные звери.

В какой-то период этой борьбы Иван Фролов вдруг сообразил, что в его жизни появилось нечто такое, что делает ее более значимой, целеустремленной, что в этой жизни он не одинок, что у него появилась любимая женщина. Жаль, только, что она выйдет замуж за другого мужчину! Возможно, и к женщине пришли аналогичные мысли, она его поцеловала, и произнесла требовательным голосом:

— Удивительные вы люди, мужчины, готовы в свою постель затащить любую женщину! Заниматься с нею любовью всю ночь напролет, и только под самое утро вспомнить о том, что она будет женой другого мужчины! Ты меня разочаровываешь, Иван! Присмотрись более внимательно, может быть, и заметишь, что я

не Кристина, никогда ею не была и не буду!

С этими словами женщина-тень поднялась на ноги и, на свои плечи набросив пеньюар, исчезла за дверью номера.

Глава 4

1

С хрипотцой дыхание шумно вырывалось из груди Ивана Фролова, вот уже двадцать минут он убегал от взвода или от роты красноармейцев, которые неутомимо его преследовали по улицам Вильнюса. Время от времени Иван посматривал через плечо на преследователей, делал очередной выстрел из своего «Вальтера» в сторону свои преследователей. Он старался стрелять так, чтобы не попасть в красноармейцев и их командиров, заставить их проявлять большую осторожность в этом никому не нужному преследовании. Все эти двадцать минут бессмысленного бега по городским улицам он мысленно себя проклинал за свою самонадеянность и лень. Три дня он провел в Вильнюсе, но ни разу не вышел на улицы города, чтобы ближе с ними познакомиться, чтобы узнать, где и что в этом городе находится?!

Кто бы мог подумать о том, что его одноклассник, Володька Дронов будет призван в Красную Армию, что службы он будет проходить именно в литовском Вильнюсе?!

После того, как Иван Фролов решил все свои проблемы с семейством Вайсерманов, два дня ушли на решение организационных вопросов по подготовке к отъезду всего семейства за границу. Было очень тяжело решать многие вопросы, но деньги решали практически все вставшие перед ними проблемы. К тому же в городе оказалось очень много желающих навсегда покинуть Советских Союз. В сентябре прошлого года в город Вильно вошла Красная Армия, многие бывшие польские офицеры и граждане внезапно для себя оказались советскими гражданами. Они тут же обратились в официальные учреждения за разрешениями о выезде в нейтральные страны. И как это было неудивительным большинство поляков и в прошлом граждан Литовской республики выразили пожелания уехать именно в Швецию.

В результате мытарств, встреч, и переговоров с представителями советских государственных организаций, а главное подкупов советских бюрократов, Яков Вайсерман одним из первых получил шведский паспорт. Сегодня он сел в поезд и отправился в Ригу, где должен был пересесть на пароход, завтра вечером отплывающим в Стокгольм. Фролов вызвался проводить Якова, в тот момент все другие члены семейства Вайсерманов подумали о том, что это его желание было вызвано

необходимостью дать Якову последние, секретные указания, поэтому они ему не воспротивились. Хотя они все поголовно придерживались той точки зрения, что Вальдемару Косински было бы лучше не покидать стен «Русского трактира». К этому времени старшему Якову удалось наладить канал перевода денег и доставки важных бумаг из Вильнюса в Стокгольм.

Извозчик по предварительной договоренности подъехал к «Русскому трактиру» к двенадцати часам пополудни, Иван и Яков тотчас же вышли к нему, положили чемодан в багажное отделение, а сами сели в крытую тентом коляску на резиновом ходу. Пока проезжали центральные улицы, то Яков кратко рассказывал об их истории, но, разумеется, он ни словом не упоминал, какие из этих улиц являются проходными?!

Да, и на вокзале все прошло замечательно, Яков ехал в вагоне второго класса, это потому, чтобы не привлекать пассажиров первого класса внимание к своей молодости! По купе у него оказались интересные попутчики такие же, как и он, молодые люди, две девушки и один молодой человек. Пожав на прощанье руку своему молодому другу, Иван Фролов постоял на перроне, провожая глазами уходящий состав. Затем он собрался, развернулся и направился к выходу на привокзальную площадь.

Проходя мимо вокзального буфета, он вдруг решил зайти туда, выпить бокал пива. К слову сказать, это его решение носило, скорее всего, импульсивный характер. Сделав заказ, в голову Ивану вдруг пришла мысль о том, что в этот буфет ему не следовало бы заходить. Он поднял голову, чтобы еще раз осмотреться кругом, понять, почему такая странная мысль появилась в его голове. В этот момент его глаза встретились с глазами красноармейца из военного патруля, которых на вокзале было очень много! Зрачки глаз армейца вдруг начали быстро расширяться, в них появилось узнавание! Да и Иван к этому моменту понял, что Владимир Дронов, его одноклассник и одновременно стукач НКВД, по доносу которого его почти год назад арестовали, собственной персоной стоял перед ним!

Иван Фролов не успел и слова произнести, как дикий вопль ярости и гнева прозвучал под высокими сводами железнодорожного вокзала. Это кричал Володька Дронов, рукой он показывал на Ивана:

— Ребята, хватай и намертво вяжи эту суку, предателя родины!

Гнев на секунду затмил сознание Ивана, он только увидел выброшенную вперед свою правую руку с пистолетом «Вальтер». Сухо щелкнул выстрел, один глаз Володьки Дронова мгновенно превратился в кровавое месиво, а сам он, запрокинув кверху руки,

начал медленно падать на спину. Его винтовка с примкнутым штыком громко лязгнула о керамическую плитку пола вокзала. Два других красноармейца задергались, как марионетки, пытаясь сдернуть с плеча свои винтовки. Последовали еще два выстрела, Иван с ужасом подумал, зачем ему приспичило стрелять, убивать этих двух ни в чем не виноватых сельских парней, одетых в форму бойцов Красной Армии?!

Но последние два раза стрелял не он, стрелял совершенно другой человек. Этот человек был чуть старше Фролова, по крайней мере, если судить по щетине на его лице и подбородке, то он уже давно уже брился. В руках этот человек держал армейский пистолет WIS35 Radom.

— Хорунжий войска Польского, Александр Новински. Уважаемый господин, нам с вами здесь нельзя оставаться, скоро появится еще один красный патруль. Пока у нас нет сил, всех их перестрелять, как бешеных собак. Поэтому я хочу вас вывести из здания вокзала. Прошу вас следовать за мной!

С этими словами Александр Новински твердо ступая, направился прямо в толпу людей, собравшихся вокруг них. Эти люди вежливо перед ними расступались, образовывая проход, при этом продолжая восторженно перешептываться о «героизме» простых поляков по отношению к русским оккупантам. Фролов пришел в себя, когда они оказались на свежем воздухе привокзальной площади. К этому времени он уже убрал пистолет во внутренний карман своей куртки. Рядом с ним стоял Новински, хорунжий с глубоким интересом его рассматривал, видимо, он ожидал от него каких-то слов. Так и не дождавшись этих слов, хорунжий Александр Новински сам обратился к нему со следующими словами:

— Мне приказали встретиться, познакомиться и помочь тому человеку, который окажется в условленном месте в условленное время! Таким образом, я свое задание полностью выполнил! Уважаемый господин, не хотите ли вы мне что-либо сказать в ответ?

— Встречу с вами я заранее не планировал, она для меня полностью неожиданна. Поэтому я не могу чего-либо ко всему этому добавить. Возможно, в будущем мы когда-либо снова встретимся, а сейчас я должен вас оставить!

Последние слова иван Фролов произнес потому, что увидел своего извозчика, который в этот момент махал ему рукой, чтобы привлечь к себе его внимание. Оставив за спиной хорунжего, он решительно отправился в своей коляске, которая должна была доставить его домой. Но, чем ближе он к ней подходил, тем ему больше не нравился обстановка, складывающаяся на

привокзальной площади. Почему-то рядом с коляской его извозчика стояли целых три крестьянских телеги. Причем, они стояли так, что извозчик не смог бы отъехать, так как все пути отъезда были ему перекрыты этими телегами. Иван притормозил, решив лучше оценить свою позицию. В этот момент он краем глаза увидел взвод красноармейцев, куда-то спешивший.

Иван резко развернулся, чтобы вернуться к польскому поручику и вместе с ним попытаться мирно покинуть привокзальную площадь. Но Александра Новински не оказалось на прежнем месте, он уже успел куда-то исчезнуть! Тогда Иван перепрыгнул чугунные перила и по крутому откосу побежал к переулку, уходившему куда-то влево. Первые пять минут он пробежал, но так и не заметил кого-либо, кто бы его преследовал! Замедляя бег, Иван принялся вертеть головой по сторонам, пытаясь определиться, в какую сторону ему бежать?! В этот момент из переулка слева вылетела толпа красноармейцев с винтовками в руках. Встреча для обеих сторон оказалась настолько неожиданной, что некоторые из красноармейцев притормозили, чтобы не столкнуться с Иваном.

В тот момент послышался приказ молоденького лейтенанта, командира взвода красноармейцев:

— Всем рассредоточиться, окружить и взять под прицел этого литовца!

Иван Фролов размахнулся и рукояткой своего пистолета ударил по голове лейтенанта. Ускоряясь, он пробежал мимо уже лежавшего на тротуаре лейтенанта, а затем обернулся, поднял руку с пистолетом кверху и пару раз нажал спусковой крючок. Красноармейцы, словно подкошенные, повалились на тротуар, бросая свои винтовки, а от пронизывающего ужаса свои головы они прикрывали руками. Это небольшая заминка красноармейцев позволила Ивану от них отбежать метров на двадцать — тридцать, но он, по-прежнему, оставался у них на виду, поэтому они упрямо продолжали его преследовать.

На двадцатой минуте Иван Фролов сообразил, что этот его бег преследования не может продолжаться до бесконечности. Во-первых, этот их лейтенант оказался неплохим спортсменом, он неплохо умел бегать! Он мог бы уже давно догнать и перегнать Ивана, но не делал этого по одной причине, так как хорошо помнил о наличии у беглеца пистолета. Молодому парню совершенно не хотелось умирать раньше положенного ему времени! И второе, этот молодой лейтенант решил, измотать беглеца этим бесконечным и бессмысленным бегом, а затем его попросту повязать!

Центральная часть Вильнюса, из которой Иван, преследуемый

красноармейцами, хотел, но пока так и не смог вырваться, сейчас переливалась свистками дворников и участковых милиционеров. Если судить по этому свисту, то вскоре Иван Фролов лишится возможности свободным человеком покинуть эту часть города! Он вбежал в подворотню, справа открылась какая-то дверь, сильная рука заволокла его в темное помещение, а дверь захлопнулась перед самым его носом.

Тяжело дыша, мимо двери вглубь двора пробежала часть красноармейцев, но вскоре там послышались голоса:

— Товарищ лейтенант, да его здесь нет!

— Здесь тупик, товарищ лейтенант, глухая стена дома! Парень, повернув в эту подворотню, он не мог бы отсюда, куда-либо убежать!

— Ищите, парни, ищите! Я собственными глазами видел, как он, повернул в этот тупик! Идите, поспрошайте, литовцев, которые здесь живут! Может, они видели, куда он убежал, а, может быть, кто-нибудь из них его спрятал?!

В этот момент рука, удерживающая его, потянула его за собой вглубь помещения. Едва слышно захлопнулась вторая дверь этого помещения, сразу же умолкли голоса красноармейцев и их командира, лейтенанта. Щелкнул электровыключатель, в помещение загорелась единственная лампочка под потолком. Присмотревшись внимательно, Иван понял, что он находится в так называемой дворницкой, где проживал местный дворник и хранил инструменты, лопаты, мотыги, ломы и метла, которыми пользовался для уборки двора.

2

— С Моней все в порядке, он поправляется не по дням, а по часам! Часто тебя вспоминает и говорит, что, если бы, Иван, стал бы смотрящим Лиды, то с этим белорусским областным городком все было бы в абсолютном порядке. Что мы давно своей славой гремели бы по всему Советскому Союзу! Но и он сам этим городком правит так, что с ним за руку здоровается первый секретарь, а командир областного НКВД при виде его встает по стойке смирно, отдает честь. Сейчас Моня собирается посетить общесоюзный форум криминальных авторитетов, поделиться своим опытом. Форум же будет проводиться в Екатеринбурге в середине мая месяца!

Иван Фролов сидел на табурете за столом, с удовольствием пил крепкий чай с липовым медом. Напротив него сидел тот самый Александр, который в числе трех молодых уркаганов Лиды

посещал его в доме тогда еще живого Мориса Берньша. С того времени прошло не так уж много времени, но и за этот период Александр изменился, он повзрослел, в нем появилась этакая матерость в поведении.

Совершенно случайно Александр оказался в дворницкой своего дяди в тот момент, когда красноармейцы почти загнали Фролова в ловушку. Разумеется, тогда он еще не знал о том, что красноармейцы гонятся именно за Иваном Фроловым. В тот момент Саша из чувства солидарности решил помочь человеку, которому угрожала опасность. Да и к тому же красноармейцев он, как уголовник, как литовец в душе не очень-то любил! Вот Александр и решил, помочь человеку, который убегал от преследующих его по пятам красных. Причем, ему удалось проделать это таким образом, что красноармейцы не заметили, где, когда и как исчезла преследуемая ими дичь, которую они так азартно загоняли в угол!

Окон эта дворницкая не имела, поэтому Александр смело включил лампочку под потолком, чтобы осмотреться и познакомиться с беглецом. Каково же было его удивление, когда увидел, что в своих объятиях держит своего друга и учителя, воровского авторитета Ивана Фролова. При этом он повел себя так восторженно, что не обратил внимания на пистолет, который Иван держал прижатым к его боку.

Когда закончились радостные обнимания, дружеские и братские похлопывания по плечу, Александр самым сердечным образом предложил Ивану распить бутылочку водки. Но что тот, хорошо помня о неожиданностях жизни, о легкомысленном поведении Фортуны по отношении к нему, категорически отказался. Тогда Александру пришлось заваривать чай, так как кофе у дяди дворника никогда в помине не было, да и как это кофе могло бы оказаться у простого человека, когда этот человек русскую водку предпочитал всем другим напиткам мира!

Первую чашку чая обе стороны выпили в глубоком раздумие, частенько друг на друга поглядывая, оба они подумывали о том, что же такого Фортуна задумала, снова сведя их вдвоем!

К этому времени Иван уже хорошо понимал, что просто так ничего в человеческой жизни не происходит! С момента ареста НКВЛ его жизнь стала определяться именно такими случайностями, случайно арестовали, случайно бежал с этапа, случайно встретил Мориса Берньша, Артамона — Моню, и вот сейчас — случайная встреча с Александром Мецом! Александр, разумеется, не имел такого большого житейского опыта, как, скажем, Иван Фролов, но и он догадывался, что это встреча не простая случайность в их жизни! Ведь до этой встречи он уже

несколько раз вспоминал о Фролове, полагая, что этот русский уголовник наиболее подходил для работы, которую ему только что предложили. Но он сейчас Сашка особо не спешил залезать к Ивану в душу, чтобы предложить ему эту работу.

Тем временем между ними завязался дружеский разговор о том, что уже случилось в их жизни. В завершении своего рассказа о прошлой жизни, Иван как бы, между прочим, обмолвился о том, что он решил покинуть Советский Союз, поехать в Европу себя показать, на других посмотреть! Александр рассказ своего друга воспринял, как приглашение со стороны старшего товарища, принять непосредственное участие в этом его путешествии за бугор. Ему пришлось долго изворачиваться, чтобы не обидеть своего старшего товарища прямым отказом. Он не имел права говорить о том, что уже подписался на новую работу, что уже сегодня ночью он должен покинуть Вильнюс, согласно условиям его контракта. А пояснить Ивану Фролову создавшуюся ситуацию в личных делах косвенно, то на это у него попросту не хватало слов и времени!

В конце концов, друзья успокоились, перестали у друг друга в душах копаться, продолжая пить чай, заговорили о международном положении. Иван Фролов удивился высказываниям Александра о том, что война между СССР и Германией неизбежна, что вот-вот на границе между этими странами заговорит оружие. Он тоже предполагал, что эта война неизбежна, но думал, что СССР нападет на Германию не в этом, а в 1942 году! Дальше, обмениваясь своими мыслями о том, будет ли или не будет это война, кто на кого нападет, время полетело. Не успели они наговориться от души, как проскрежетал ключ в замке, и на пороге дворницкой появился пожилой мужчина, среднего роста.

Что Ивану сразу же бросилось в глаза, так это была седая борода лопата этого мужика! Он же, молча, ни с кем не здороваясь, по-хозяйски прошел в угол дворницкой, где стоял унитаз, в открытую сбросил свои портки, и на него уселся. Своими выпуклыми глазами, буравя Сашку, который тут же заткнулся со своим трепом о международном положении. Он с какой-то глубокой тоской посмотрел на Ивана. Видимо, в этот момент он сильно пожалел о том, что ничего ему не рассказал о владельце этой дворницкой, своем дядя Емельяне?!

Дядя же Сашки Меца продолжал вести себя именно так, как будто он в душе задумал, ввести этих двух молокососов, рассевшихся за его столом, в еще большое смущение своим поведением, чтобы затем их грубо вышвырнуть прямо на улицу. В подворотне перед тем, как открыть дверь своей дворницкой

квартиры, он случайно столкнулся с соседкой, Анной Николаевной, которая жила на первом этаже этого дома еще со времен Гражданской войны. Она рассказала дворнику Емельяну о том, как собственными глазами наблюдала за тем, как красноармейцы преследовали какого-то здорового парня. Причем, этот парень отстреливался от своих преследователей и, по словам Анны Николаевны, на землю положил немало краснопузых!

Здесь следует обязательно напомнить о том, что вильнюсский дворник Ермолай считал себя истинным пролетарием! В прошлом году он находился в первых рядах жителей Вильнюса, которые вышли на улицу встречать и приветствовать красноармейцев РККА, входивших в город. Дворник Ермолай был первым и в очереди на запись тайных осведомителей районного отделения НКВД и советской милиции. А Анна Николаевна была белой сучкой, которая вместе со своим мужем, капитаном Гороховым, бежала из России в годы гражданской войны. Они от преследования этих самых краснопузых укрылись в Вильнюсе, но, как и Емельян, Анна Николаевна любила на минутку заскочить на тайную явку НКВД, чтобы со своим куратором почесать языком о своих друзьях, приятелях и о соседях по дому.

Не стесняясь, Емельян вытер клочком газеты свой зал, спустил унитаз и, оставив в помещении не очень-то приятный запах, он, поддернув портки, поднялся с унитаза и поинтересовался:

— Чем таким особо важным заняты, молокососы?

Сашка Мец почему-то засмущался, видимо, парень не так уж часто оказывался в положении, когда близкие родственники вели себя подобным образом. Он сказал:

— Да, вот случайно встретился с одним своим старым другом! Решил с ним поговорить о старом, о былом, вот и пригласил его попить вместе чайку!

— Ты, Сашка, наглец, пригласил в мою дворницкую человека, меня не спросись?! Ты, Сашка, хоть и близкий мне родственник! Твоя мать — мне родная сестра! А кто он такой, этот твой друг, ты бы хотя знаешь? Ты его моим липовым медом угощаешь, а стоит ли он этого липового меда? Анна Николаевна мне рассказала, как этот твой друг из своего револьвера убил много красноармейцев! Я, возвращаясь домой, столько военных патрулей сейчас увидел на улицах Вильнюса, сколько за всю свою жизнь ни разу не видал! А ты ведь должен знать о том, что я, как истинный пролетарий, за каждого красноармейца готов свою жизнь и кровь отдать!

Хорошо понимая, что этот дядя Александра, желая устроить скандал своему племяннику, сам себя заводит, желая привести

себя в истерическое состояние. Что вскоре он переедет на крик, а потом полезет в драку! Что, если дядю вовремя не остановить, то этот скандал с дракой может завершиться вызовом милицейского наряда, что было бы совсем нежелательным.

Иван Фролов вдруг вспомнил о том, что его пистолеты до сих не перезаряжены. Он спокойно достал из кармана свой «Вальтер Р38», вытащил из его рукоятки пустую обойму, запасную обойму достал из кармана. Начал обоймы набивать патронами из плоского деревянного ящика. Иван спокойно брал патрон за патроном из ящика, также поочередно ловко загонял патроны в обоймы. Когда обе обоймы были забиты патронами, то одну из них парень ловко загнал в рукоятку пистолета. Пистолет поставил на предохранитель и спрятал в карман куртки. В тот же карман он бросил заодно и запасную обойму.

Выполнив работу, Иван Фролов как бы пустым, ничего не выражающим взглядом посмотрел на дядю Александра Меца. Тот, по-прежнему, продолжал стоять на своем месте, беззвучно шевелил губами, словно продолжал с кем-то беседовать! Но ни единого звука из горла Емельяна так и не вылетело! Тогда Иван перевел взгляд на своего друга, Сашку. Он сразу же увидел хитрую улыбку на его лице. Сашка был явно доволен тем, как Фролов проучил его родственника, дядю Емельяна! Но даже Сашка понимал, что им обоим, ему и Ивану, больше не стоило задерживаться в одном помещении с его родным дядей, тем более, что в этом помещении сейчас пахло, как в общественном туалете.

— Ну, что, Иван, давай подымайся! Я думаю, что нам следует выйти на улицу, подышать свежим воздухом, а то здесь стало нечем дышать!

— Я же тебе давно предлагал этого сделать! Только ты в одной рубашке не ходи, на улице похолодало!

Пока Сашка на вешалке разыскивал свою куртку, в которой приехал в Вильнюс, Иван с пола поднял свою куртку и натянул ее на свои плечи. Затем осторожно, с хитрецой поглядывая на родственника Александра, пистолет на его глазах переложил в карман этой куртки. Они вдвоем, один за другим, покинули дворницкую, оставив ее хозяина в полном одиночестве, так с ним и не попрощавшись!

Выйдя из подворотни на улицу, Иван Фролов на секунду задержался, он пытался сориентироваться, понять, где же сейчас находится и где должен находиться «Русский трактир» Якова Вайсермана. Удивительно, но Фролову удалось-таки правильно сориентироваться. Если пойди налево по улице, то вскоре им должен был встретиться небольшой городской сквер, а вот за

этим сквером нужно было сделать еще два правых поворота, тогда он выходил на улицу, в одном из домов которой и располагался этот трактир. Он первым зашагал налево, думая в том скверике распрощаться с Александром, а в трактир идти уже одному.

Как только они дошли до этого городского сквера, то Александр прервал свое молчание. Он предложил Ивану его выслушать, так как, по его мнению, этот его рассказ мог бы заинтересовать Ивана. Все лавки сквера были запорошены снегом, выпавшим еще рано утром. Друзья выбрали одну из лавок, с ногами взобрались на нее, удобно расположившись на ее деревянной спинке.

— Понимаешь, Вань, я долго колебался, решая, рассказать тебе об этом или же не рассказывать. Но вот после того, как ты без слов сумел моего дядю поставить на место, то решил тебе все-таки кое-что рассказать. Даже если ты откажешься принимать участие в этом проекте, то, по крайней мере, мне посоветуешь, как мне в дальнейшем себя вести с этим проектом. Итак, Крестьянская партия Польши после разгрома немцами Польши решила внести свой вклад в ее восстановление! Политические деятели выделили немалые деньги для розыска, как можно большего числа польских военнослужащих, оказавшихся на польских территориях, оккупированных Советским Союзом. Эта партия хотела собрать этих поляков в группы по тридцать, пятьдесят или даже по сто человек, а затем эти группы эвакуировать в Британию. Там на острове эти польские военнослужащие должны пополнить ряды 1-й и 2-й польских пехотных дивизий.

Александр Мец в этом месте своего рассказа о чем-то задумался, полез в карман своей куртки, достал коробку советских папирос «Казбек» и от спички прикурил одну папиросину. Воспользовавшись образовавшейся паузой, Фролов поинтересовался:

— Кто первым к тебе обратился с этой просьбой?

— Моня! Ой, нет, извини, это не совсем так! Я уже тебе рассказывал о том, что Моня стал более чем уважаемым человеком в нашей Лиде. Так вот, три месяца назад с Моней познакомился и начал с ним встречаться один из местных польских ксендзов по имени отец Тадеуш. Тадеуш был первым, кто рассказал Моне о негласных намерениях Крестьянской партии Польши произвести негласный призыв польских офицеров, старшин и солдат на оккупированных землях Западной Белоруссии. Словом, тогда Моня не проникся должным пониманием этой проблемы, в результате отец Тадеуш не нашел требуемой поддержки по осуществлению своих политических

планов. В конечном итоге Западная Белоруссия так и не приняла активного участия в первом наборе польских военнослужащих.

— Саша, ты этим хочешь сказать, что первый такой набор был успешным в других странах?

— Да, так оно и было! В первый раз более двухсот польских офицеров и солдат добрались до Великобритании! Сегодня в одной только Лиде семьдесят поляков записались в такие добровольцы. Семьдесят польских офицеров и солдат хотят отправиться в Англию, чтобы там воевать с бошами. Из Вильнюса нас поездом должны перевезти в Вентспилс, где нас вместе с добровольцами из других стран Европы должны пересадить на борт морского судна, и уже морем переправить в Швецию. Моня вызвал меня и попросил приложить максимум усилий для того, чтобы тебя разыскать в Вильнюсе. Тогда я не знал, что ему было предоставлено право, назначить своего человека командиром этой группы польских добровольцев. Но, как ты понимаешь, я тогда тебя не сумел найти, в результате командиром этой группы сами поляки назначили своего человека.

3

Семь тентованных советских грузовика Зис 6 вот уже третий час без остановки двигались по литовским дорогам, держа направление на латышский городок Вентспилс, что расположен на берегу Балтийского моря. На лавках, установленных поперек кузовов этих грузовиков, сидели красноармейцы. По крайней мере, к такому выводу можно было бы прийти, увидев последние ряды лавок, на которых сидели люди, которые с головой были укрыты советскими плащ-палатками с капюшонами, принятыми для ношения красноармейцами и командирами РККА!

Колонна этих грузовиков только что проехала через литовский городок Укмерге, где в военном городке квартировала 2-я танковая дивизия Красной Армии. Поэтому в этом городке всегда существовала возможность столкнуться с военным патрулем, даже в такое позднее ночное время. Один из военных патрулей скуки ради остановил передний грузовик этой автоколонны, патрульные собрались проверить документы людей, сидевших в кузове этого грузовика. Причем, крикливый старшина танкист, командир патруля, потребовал предъявить документы не только командирам Красной Армии, которые сидели в кабинах водителей, но и красноармейцам, сидевших на лавках в кузовах грузовиков. Слава богу, что в этот момент к первому грузовики, остановленному патрулем, один за другим стали подъезжать

другие грузовики колонны. Все они были тентованы, под тентами в кузовах грузовиков сидели люди в плащ-палатках!

Этим обстоятельством, как бы начали оправдываться слова лейтенанта Фролова, сопровождавшего первый грузовик с людьми. Этот лейтенант заявил старшине Горелову, командиру патруля, о том, что сегодня ночью по приказу штаба армии через Укмерге проследует батальон 578-го пехотного полка, который секретно перебрасывают в Латвию. Виктор Горелов подошел к лейтенанту Ивану Фролову, сметливым глазом еще раз он пробежался по его ладной фигуре. Еще раз позавидовав тому, как ловко на нем сидит командирская форма. Старшина вернул лейтенанту его командирскую книжку и сказал:

— В принципе, это не мое дело, как командира патруля! Но обещаю, что завтра утром особисты нашей дивизии обязательно займутся разбирательством вашего дела. В Красной Армии еще не бывало такого случая, чтобы целый батальон перебрасывали бы из одной союзной республики в другую союзную республику, не информируя при этом районные отделения НКВД. Сейчас я не буду останавливать и досматривать ваши грузовики! Следуйте своим маршрутом! Но имейте в виду, лейтенант, что в каждом населенном пункте вас могут останавливать по этому вопросу.

— Да, я понял тебя, старшина! — Сказал лейтенант Фролов, поднимаясь в кабину водителя первого грузовика. — Ну, а что я лично могут поделать? Спал я уже, когда меня по приказу командира батальона, майора Ковальчука, подняли с постели и приказали. А ну парень садись в грузовик, сделай так, чтобы эти красноармейцы были бы завтра в Риге к восьми часам утра! Ну, вот я и еду! Ну, да, ладно, старшина, я поехал. Держи пять! — И лейтенант Фролов сунул в руку старшине Горелову свою ладонь для прощального рукопожатия.

Снова под колеса грузовиков понеслась литовская проселочная дорога, которая была гораздо лучше замощена любого советского шоссе того предвоенного времени. В кузовах грузовиков снова начали посапывать так называемые красноармейцы, польские офицеры, которых война занесла на территории, оккупированные Советским Союзом. На коленях лейтенанта Ивана Фролова лежал английский пистолет-пулемет Ланчестер, едва ли не полная копия немецкого пистолета-пулемета МП28. Он сидел на пассажирском сидении рядом с водителем, вспоминая о том, как его вместе с Александром Мацем встречали в одной из советских столовых, которые стали появляться в Вильнюсе, сменяя частные рестораны, трактиры и таверны.

Эта столовая, где проходила встреча польских добровольцев,

всего только несколько дней тому назад была открыта в Вильнюсе. В большой зале за обеденными столами, выстроенными в несколько рядов, словно в казарме, сидели польские офицеры, одетые в гражданскую одежду. Некоторые из поляков узнавали Александра Меца, они его поприветствовали своими поднятыми руками. Многие из них улыбались! Но, если можно было бы более внимательно присмотреться к лицам поляков, то сразу же бросалось в глаза, что чуть ли не большинство этих польских граждан сейчас глубоко сожалеют о том, что согласились принять участие в этой авантюре.

Перед Фроловым, как и перед другими добровольцами, поставили тарелку пшенной каши, а Александра Меца шепотом попросили выйти для секретной беседы. Затем на колени Ивану бросили английский автомат Ланчестер с двумя запасными рожками, приказав ему готовиться к отъезду. Вот тут-то Фролов и продемонстрировал свой несносный характер:

— Я требую личной встрече с офицером, командующего переправкой польских офицеров через Балтийское море в Швецию! — Твердым голосом он заявил человеку, который бросил ему на колени плохо работающий английский автомат.

Вскоре его подвели к женщине бальзаковского возраста, которая вдруг представилась ему, как офицер разведки британского королевского флота. Иван не стал ее дальше слушать, а прямо ей заявил:

— Мне предложили, я согласился помочь, этих несчастных польских офицеров переправить в Швецию. Поезд для этих целей не подойдет, так как на такое количество одинаково одетых и одного и того же возраста пассажиров обязательно обратят внимание. Для того, чтобы их всех доставить в Вентспилс, мне потребуется семь советских тентованных грузовика ЗИС 5 или ЗИС 6. Мне также потребуется форма лейтенанта РККА с командирским удостоверением.

— Сэр, этим вы хотите мне сказать о том, что, получив все необходимое, вы сможете этих польских офицеров и солдат доставить в Вентспилс?! — Мило поинтересовалась британская дама.

— Так точно, мэм!

Следующий день ушел на решение множества организационных вопросов. Уже к вечеру в распоряжение Фролова поступили семь грузовиков ЗИС 6 водителями, он получил пайки на восемьдесят человек на три дня питания. В ночь колонна из семи грузовиков покинула Вильнюс. Все время до отъезда колонны Фролов чем-то занимался, решал значимые проблемы. Поэтому он не заметил, как пару раз к нему хотел

подойти Сашка Мец и что-то рассказать. Но видя, как занят Иван, Александр так и не решился его побеспокоить! Когда колонна было уже готова тронуться в путь, то Иван пару раз пробежался вдоль колонны, заглядывая в кузов каждого грузовика. Вскоре он убедился в том, что Меца не было в его колонне.

Лейтенант оторвал голову от английского автомата, черех ветровое стекло посмотрел на небо, чтобы определить точку, в которой они сейчас находились. Звезды подсказали, что сейчас они должны проезжать Паневежис. Это был один из крупных провинциальных городков Литовской ССР, через который должна была проследовать автоколонна. Вскоре они снова выскочили на очередное пригородное шоссе и со скоростью пятьдесят километров в час понеслись к Балтийскому морю.

А в этот момент старшина Горелов в Укмерге, звонивший по простому телефону, сумел поднять с постели оперуполномоченного НКВД по Литовской республике и у него поинтересоваться:

— Товарищ старший майор, вы не подскажете мне, а кто это такой лейтенант Иван Фролов?

На что получил очень суровый ответ:

— Могу вам, старшина или майор Горелов, сказать только одно, что я не знаю никакого лейтенанта Ивана Фролова! Но я хорошо знаком с досье некого уголовного рецидивиста, криминального авторитета по имени Иван Фролов, на счету которого побег с этапа, восемнадцать убийств. Если вы этого человека имеете в виду, то могу хоть сейчас выехать к вам в Укмерге с кое-какими документами для вашего личного ознакомления?!

— Пожалуйста, не надо меня, простого армейского особиста втягивать в высшие игры! Я хочу жить, бороться с самострелами, дезертирами, мародерами, изменниками родины на поле боя. Я вам, товарищ старший майор позвонил лишь для того, чтобы вас проинформировать, что час назад я лично разговаривал с лейтенантом Красной Армии Иваном Фроловым! Он мне сообщил, что несколькими десятками грузовиков перевозит батальон красноармейцев из Вильнюса в Ригу. Для вашей информации, товарищ старший майор, хочу сказать, что грузовики были забиты красноармейцами, но никакой информации об их передислокации по линии НКВД не было!

Семь грузовиков лейтенанта Ивана Фролова спокойно пересекли границу двух союзных республик Литовской ССР и Латышской ССР, до Вентспилса им осталось проехать всего лишь двести километров пути. В этот момент на одном из грузовиков лопнули шины на передних колесах, грузовик тут же остановился.

Иван Фролов первым выскочил из кабины своего грузовика, побежал к поврежденному.

— Сколько времени тебе потребуется на замену шин, или на ремонт колес своего грузовика? — Поинтересовался он у водителя этого грузовика.

Ивану показалось подозрительным то, что колеса этого грузовика были не проколоты, а порезаны ножом. Он обратил также внимание и на то обстоятельство, что водитель этого грузовика все дальше и дальше отходит от своего грузовика, стараясь подойти к тому грузовики, на котором Иван только что подъехал! Тогда Фролов из своего английского автомата выпустил короткую очередь в воздух, тут же прокричал приказ на польском языке:

— Пане польские офицеры и солдаты приказываю всем покинуть грузовики и построиться!

Сказалась былая выучка, польские офицеры и солдаты в одно мгновение покинули грузовики и построились в две шеренги на свободном месте. К ним в форме лейтенанта Красной Армии вышел Иван Фролов, он ввел их в курс дела:

— Пане польские офицеры и солдаты произошла провокация. Агент НКВД, находящийся среди нас своим ножом проколол шины передних колес одного из наших грузовиков. В этой связи я приказываю, срочно сформировать две офицерские тройки для наблюдения за неиспорченными грузовиками. Из остальных солдат и офицеров сформировать рабочую группы, которая займется ремонтом и клейкой поврежденных шин.

Работа пошла, пока техническая группа занималась ремонтом колес, Иван бегал среди поляков. Он старался разыскать того поляка, который сидел за рулем ремонтируемого грузовика и своим ножом порезавшего шины его колес. Но поиски были неудачными, почему-то все поляки Ивану стали казаться на одно лицо! Ремонт колес отнял у них сорок пять минут драгоценного времени. Близился рассвет, в тот момент внутри Фролова боролись два начала, одно призывало к осторожности — остановиться, найти укромное место и переждать до завтра! Другое же начало глухо требовала, гнать грузовики до причала, а там сразу же грузиться на пароход, отчалить от берега!

Семь грузовиков на скорости проскочили узкие улицы Вентспилса, подъехали к воротам морского порта. Из будки вахтера вышел боцман отставник и направился к головному грузовику. Боцман остановился, когда увидел рыло странного оружия, которое наставил на него советский лейтенант с решительным выражением лица. Немного подумав, боцман также решительно подошел к воротам и поднял деревянный брус,

ворота открылись. Тихо пофыркивая двигателями грузовики поехали к дальнему пирсу, у которого стояла полностью проржавшее корыто, которое когда-то было неплохим прогулочным судном. Этот же боцман еще некоторое время понаблюдал за тем, кузова грузовиков начали покидать какие-то люди. Которые по шатким сходням поднимались на борт этого прогулочного судна.

Боцман стоял и продолжал наблюдать за тем, как из труб этого судна вдруг повалил черный дым, а между бортом судна и пирсом вдруг появилась полоса воды, которая все расширялась и расширялась. Только затем боцман вернулся в свою вахтерскую будку, поднял трубку телефона и попросил коммуникатор порта Вентспилса соединить его с директором. Когда на пятнадцатом гудке директор порта все же поднял трубку, то боцман на латышском языке ему сообщил:

— Господин капитан, вы просили меня проследить и сообщить вам о том, когда прогулочное судно «Надежда» загрузится людьми и отчалит. Так вот, я вам звоню для того, чтобы подтвердить, что «Надежда» загрузилась, а сейчас выходит в море.

— Какая «Надежда», какое море, какие люди и кто вас, Федор Михалыч, просил меня предупредить?

— А вы сами, господин капитан, возьмите бинокль, выйдите на смотровую площадку и сами все поймете!

Глава 5

1

Первый месяц пребывания в Швеции Ивану Фролову показался невыносимо скучным от общего ничегонеделания, от полного застоя в делах. Это чувство его охватило, как только он сошел на берег в небольшом шведском городке Нюнесхамн, расположенном в шестидесяти километрах от Стокгольма! Не успел он ступить на шведскую землю, как ему показалось, как что-то оборвалось в его жизни, она как бы остановилась, замерла, что за его спиной навсегда остались те события, которые так разнообразили его жизнь в Советском Союзе! Он все еще хорошо помнил, как удивленно расширились зрачки глаз шведского полисмена, когда он в форме лейтенанта Красной Армии первым по шатким ходням сошел на берег. Подошел к этому шведскому полицейскому, протянул ему свой шведский паспорт. Тот внимательно перелистал страницы паспорта, время от времени поднимая взгляд на Фролова, а затем сухо произнес на английском языке:

— Господин лейтенант, прошу сообщить вашим людям о том, что в ваше распоряжение предоставлена казарма полицейского батальона города порта Нюнесхамна. В течение двух недель с вами поработают представители правоохранительных органов Польши и Швеции. Они произведут проверку документов ваших людей, удостоверят ваши личности. После чего в зависимости от своих пожеланий вы будете депортированы в Британию, или же до конца войны будете интернированы в Швеции! В течение этих двух недель, в течение которых будут проверяться ваши личности, мы, как шведская полиция, убедительно просим, чтобы ваши люди, не покидали ли бы пределов нашего городка Нюнесхамна!

Когда последний польский офицер сошел на берег, встал в общий строй на пирсе, то Фролов все-таки потратил пару минут на то, чтобы попытаться разыскать того парня, кто был водителем поврежденного грузовика, а потом без следа растворился в общей массе людей его группы. Он несколько раз прошелся вдоль строя, вглядываясь в лица своих поляков, которые с каждой минутой становились ему все ближе, но вражеского лазутчика так и не разыскал, тот словно сквозь землю провалился! Фролов пожал недоуменно своим плечами и подумал о том, что рано или поздно, но этот парень, наверняка, всплывет на поверхность.

Подумав, он решил еще раз пройтись вдоль строя своих парней, доставить себе небольшое удовольствие.

На этот раз польские солдаты и офицеры, стоявшие в строю, встречали его шутками, восклицаниями и вопросами о том, что же с ними дальше будет? Когда их покормят? Иван хорошо помнил, как всего несколько часов назад, когда их ржавая лоханка все еще была в море, эти же самые парни прямо-таки умирали от того, что палубу под их ногами так и швыряло из стороны в сторону. Ин было не куду ступить, чтобы приобрести былую твердость под своими ногами! Сейчас же эти самые парни уже привыкли ощущать земную неподвижность под своими ногами, они тут же вспомнили о земных радостях! Они уже забыли о том, что день и ночь провели, стоя у лееров, выблевыя за борт содержимое своего желудка. Сейчас они почувствовали голод, мечтали о горячем завтраке и о теплой постели в солдатской казарме!

В очередной раз убедившись, что этого парня ему сейчас не найти, Иван Фролов громким командным голосом, на польском языке отдал команду произвести общий расчет наличия офицеров и солдат в строю. Полученный результат тотчас же продемонстрировал, что в строю отсутствуют всего лишь два человека, два польских хорунжих. По просьбе лейтенанта Фролова шведская полиция произвела досмотр судна, на котором только что прибыли поляки. Но оба польских подофицера так и не были найдены на судне, ни живыми, ни мертвыми! Иван хорошо видел с пирса, как шведские полисмены шерстили прогулочное судно «Надежда»! Досмотр судна они начинали с верхней прогулочной палубы и закончили проверку на нижней палубе трюма. Целых два раза шведские полицейские проверяли насквозь это поржавевшее прогулочное судно, заглядывали в самые дальние и темные углы помещений! Но все их усилия были напрасными.

Иван Фролов аж нутром своим ощущал, что один из этих двух так внезапно пропавших подофицеров, наверняка, был и тот шофер мальчишка, который своим же ножом порезал шины своего же грузовика. Тогда Фролов воздержался от его ареста, так как не понимал, зачем этому мальчишке потребовалось повреждать свой же грузовик? Может быть, своей диверсией этот несмышленыш пытался сорвать переезд польских солдат и офицеров из Вильнюса в Вентспилс, а затем в Британию?! Эта мысль не давала ему покоя, постоянно всплывала в его сознании, пока они все плыли морем в Швецию. Вот и сейчас, уже стоя перед общим строем своих польских солдат и офицеров, до Фролова вдруг дошло понимание ситуации. Ни немцам, ни

советскому НКВД совершенно не требовалось, чтобы какая-то группа польских солдат воевала бы в Британии за свою поруганную родину! Нежданный холодок пробежался по его хребту, заставив Ивана Фролова сжать и расправить плечи!

Первым делом Иван перевел на польский язык информацию о том, что шведская полиция и представители польского министерства внутренних дел намерены в течение двух последующих недель заниматься проверку личностей польских солдат и офицеров, только что прибывших в Швецию. Строй серьезно и спокойно, без каких-либо перешептываний встретил эту информацию. Польские военнослужащие прекрасно понимали, что в условиях военного времени разведывательные органы страны должны выполнять свою работу, очищать их общество от предателей и коллаборационистов!

— После того, как будет урегулирована проблема с удостоверениями личности и паспортами, вам, господа солдаты и офицеры, будет предоставлена возможность самим решать, поедите ли вы воевать со швабами далее на британские острова, или же до конца войны решите пожить в шведских лагерях для интернированных личностей?! Шведская полиция, господа, также обращается к вам с просьбой, до получения удостоверений личностей вы не должны покидать пределы городка Нюнесхамна! В этой связи на две недели вам будет предоставляться бесплатное питание и кров над головой, мы будем проживать в городской казарме полицейского батальона! Да, господа, я также хочу вам сообщить о том, что мои обязанности старшего вашей группы на этом закончены, так как я считаю, что свое задание я выполнил, живыми и здоровыми вас, господа, доставил вас в Швецию! Теперь вы вправе подумать о выборе своего нового командира группы! А сейчас, насколько я понимаю, что мы может отправляться в свою городскую казарму. Шведские полицейские покажут нам дорогу в эти самые казармы. А сейчас я вам, господа, предлагаю по этому шведскому городку пройтись строем. Его горожанам продемонстрировать, что мы, польские военнослужащие сильны своим боевым духом, готовы драться со швабами за свободу и независимость нашей родины, Польши! Строй, смирно, правое плечо вперед… шагом марш!

Когда колонна польских солдат прошла ворота шведского порта и вышла на улицу этого шведского городка, то она мало чем напоминала военную колонну, а больше походила на простую толпу людей! Солдаты шагали не в ногу, все они, разве что за исключением самого Ивана Фролова, были одеты в простые гражданские костюмы. Словом эти люди, своей выправкой и марширующим шагом сейчас совершенно не напоминали собой,

что они солдаты! Но в этот момент приятный мужской баритон вдруг затянул песню на польском языке о «Первой кадровой роте», запевала шел в голове колонны! Через мгновение песня была подхвачена почти сотней мужских голосов:

Радуется сердце и душа ликует —
Кадровая рота в битву марширует.
Ой, да ты, родная,
Рота дорогая!
Лучше Первой в мире нет!

Долгую в Варшаву, дальнюю дорогу
Одолеем, если зашагаем в ногу.
Ой, да ты родная…
Рота дорогая
Лучше Первой в мире нет!

Это простенькая польская маршевая песня сотворила настоящее чудо с мужским коллективом колонны! Вдруг подтянулись их прессы и выпрямились спины марширующих в ногу солдат! Выровнялись ряды, появились просветы между рядами. На суровых лицах польских солдат появились первые улыбки! Внезапно образовался, в воздухе послышался ровный и мерный шаг колонны, солдат, шагающих в ногу. Нюнесхамн был небольшим шведским городком, жизнь его горожан была всегда связана с морем. Молодыми парнями они служили на военно-морском королевском флоте, затем становились простыми рыбаками. Рано поутру на артельных баркасах выходили в море, ловить балтийскую селедку. Поэтому мужчин на улицах этого городка было не так уж много в эти утренние часы. В основном польским солдатам встречались скандинавские девушки и женщины, которые неплохо разбирались и понимали, кто же это такой военный человек. Они останавливались на тротуарах, долго смотрели вслед этим симпатичным польским парням. Они, конечно, не понимали, о чем именно сейчас поют эти иностранные солдаты! Но им очень нравилось, как идут и как уверенно держатся в строю польские солдаты, им понравилась маршевая песня, которую сейчас пели эти симпатичные поляки.

— Лейтенант, — это к Фролову снова обратился тот шведский полисмен, который его встретил, когда он с судна сошел на пирс, — ваш шведский паспорт в полном порядке. Так что, если вы пожелаете, то можете остановиться не в казарме, а снять номер в любом отеле нашего городка. Если вы хотите, то я могу для вас заказать более и менее дешевый гостиничный

номер! Между прочим, лейтенант, вам настала пора подумать о том, чтобы свою военную форму сменить на более подходящую одежду для ношения в Швеции. Так как разгуливать по нашему городу в форме советского лейтенанта, то я полагаю, что это не очень-то хорошая идея. Тем более, что сейчас могут появиться наши городские газетчики, они, наверняка, захотят вас сфотографировать, шагающего в этой форме впереди марширующей колонны!

Иван Фролов тут же принялся деланно испуганно оглядываться по сторонам, словно он теперь боялся увидеть журналистов с фотокамерами в руках, сбегающихся со всех сторон. Но на противоположной стороне улицу он увидел коляску ландо с откидным верхом. Махом руки он подозвал к себе извозчика и, повернув голову, к полисмену, поинтересовался:

— Вы не будете возражать, если я сейчас извозчиком отъеду в гостиницу, сниму там номер. Думаю, что в ближайших магазинах я закажу себе гражданскую одежду, в нее переоденусь. Знаете, мне еще не приходилось служить ни в одной из армии, ни в польской, ни в советской! — Но увидев недоверчивую улыбку, на губах полисмена, быстро завершил свою мысль! — Так что думаю о том, что вы правы, что мне настала пора вернуться в прежний ритм своей жизни.

— А у вас имеются ли шведские деньги, а то я могу одолжить вам пару сотен шведских крон, потом вы когда-нибудь их мне вернете!

— Не беспокойтесь, господин полисмен, деньги у меня имеются! Правда, это не шведские кроны, но всеми уважаемые американские доллары! Не могли бы вы, господин полицейский, мне сказать о том, что будет дальше происходить с моими товарищами, с которыми я так спокойно покинул СССР!

— Сейчас их разместят в казарме, покормят, дадут немного отдохнуть. Затем из их бывшего посольства приедут несколько представителей бывшей военной разведки и займутся выяснением их личностей! Эти представители подъедут в город к часам пяти вечера, но пробудут здесь, пока не решат все свои вопросы.

— Спасибо, вам за информацию, господин полисмен! Вы очень интересный человек, и почему-то мне кажется, что это не последняя наша встреча! Но сейчас я спешу в гостиницу, так как хочу снова стать нормальным, гражданским человеком!

— Вот ваш паспорт, счастливого вам пути, господин лейтенант!

— Еще раз спасибо! И до встречи! Извозчик, пожалуйста. Срочно отвезите меня в гостиницу! В самую лучшую гостиницу в этом городе!

Извозчик сразу же направился в центр Нюнесхамна, это Фролов почувствовал по качеству уборки улиц, на которых совсем не было видно мусора, а также многочисленных окурков папирос, которые встречались на каждом шагу в любом советском городе. Трава на газонах, лужайках перед фонтанами была идеально пострижена и, не смотря на то, что только сошел снег, уже была зеленой, без какой-либо непонятной желтизны. Извозчик сидел на козлах своей коляски, курил трубку с ароматнейшим запахом табака. Извозчик первым обратил внимание на то, что его ездок, одетый в какую-то странную военную форму, раньше им не виденную, сейчас принюхивается к его табачку, произнес:

— Это трубочный табак «Черный Капитан Ее Величества»! — Произнес он.

— Извините, но я не совсем понял, что вы имели в виду? — Произнес Фролов, ум которого все еще был занят своими мыслями.

— Что я сейчас курю трубочный табак «Черный Капитан Ее Величества»!

— У него замечательный запах! Если я когда-либо начну курить, то обязательно куплю себе хорошую трубку и этот замечательный табак!

— Кажется, я отвлек вас от каких-то своих мыслей?! Вы уж, господин хороший, меня за это извините!

— Да, вы не беспокойтесь, со мной все в порядке!

— Вон видите на горе большое здание, так это ваша гостиница. Вот сейчас проедем эту небольшую улицу с магазинами, а затем будем подъезжать к гостинице!

2

Портье охотно принял североамериканские доллары в качестве оплаты за проживание в гостинице «Роза ветров» гражданина Польши Вальдемара Косински. Он выделил господину Косински хороший полулюкс из двух комнат, спальни и гостиной, на третьем этаже гостиницы. На этом этаже было всего три номера, один большой люкс, стоимостью полторы тысячи долларов за ночь, и два хороших полулюкса, стоимостью двести долларов за ночь. Только из-за своей врожденной стеснительности, нежелания привлекать к себе внимания широкой публики, Вальдемар решил остановиться на полулюксе.

Грум, мальчик прислуга этой гостинице, проводил его к лифту, в его кабине продемонстрировал Вальдемару специальный ключ к лифту, вставил его в гнездо на панели управления

лифтом, и только после этого нажал кнопку «три». С легким дверцы лифта, отделанного под старину, закрылись, чтобы через полминуты снова открыться. Перед ними был короткий коридор, отделанный богатой ковровой дорожкой. Грум вышел из-за его спины и вежливым голосом предложил на неплохом английском языке:

— Господин капитан, прошу вас следовать за мной! Ваш номер находится сразу же за этим поворотом!

И действительно, только они зашли за поворот, как перед глазами Вальдемара открылся великолепный небольшой зал с барной стойкой, за которой на стеллажах стояло множество бутылок с различной выпивкой, начиная русской водкой «Московская Особая» и кончая миррой из Эфиопии. В этот зал выходили три двери, к каждой из которых была проложена великолепного узора ковровая дорожка. Снова подал свой голос грум:

— Этот бар, господин капитан, мало кому известен даже в самой гостинице! В нем могут пить только те люди, которые получили право проживать на ее третьем этаже, как, скажем, господин капитан. Должен вам, господин капитан, сказать о том, что никогда не бывало такого, чтобы номера на этом третьем этаже гостиницы одновременно занимали бы два или три постояльца!

— Я пока еще не капитан, а лейтенант Красной Армии! — Машинально Вальдемар поправил мальчишку грума!

— Я об этом хорошо знаю, господин капитан! Но, хозяин гостиницы в одном из разговоров мне отдал четкий приказ, чтобы ко всем гостям нашего третьего этажа, независимо от их воинских званий или национальной принадлежности, я обращался, как к «господину капитану». Словом, когда вам станет скучно, но вы, по-прежнему, не желаете афишировать своего присутствия в нашем городе, то можете покинуть свой номер, посидеть и выпить в этом баре. Вы всегда можете сюда пригласить, кого бы не пожелаете, чтобы вместе хорошо бы провести свободное время. Я передам вам ключ, благодаря которому вы всегда можете попасть на свой этаж.

А вот эта дверь ведет в ваш номер. С этими словами грум распахнул крайне правую из трех дверей, выходивших в зал.

— Прошу проходить в свои владения, господин капитан! Если пожелаете…

В этот момент Вальдемар Косински ловко сунул в ладонь грума плотно свернутую банкноту в сто долларов.

— Спасибо, парень! Бессонная ночь, проведенная в море, когда все под ногами качается, а ты как бы находишься между

небом и землей, — это оказалось слишком тяжелым физическим упражнением для моего слабого организма. Сейчас я хочу слегка отдохнуть, прийти в себя, а вскоре мне привезут на примерку парочку гражданских костюмов, тогда я уже смогу прогуляться и по улицам твоего городка! Ну, ты, наверное, понимаешь, мне привезут те костюмы, которые дошивают прямо на тебе! Словом, парень, когда люди с такими костюмами прибудут в гостиницу, ты уж помоги им добраться до меня, а уж найду возможность тебя снова отблагодарить за эту услугу!

Грум исчез за дверями номера, Вальдемар пару минут постоял перед зеркалом, а затем решительно снял и швырнул на пол лейтенантскую гимнастерку, вслед за ней на пол последовали кирзовые сапоги и синие офицерские галифе. Вскоре Вальдемар полностью разделся и совсем уж он собрался пройти в ванную комнату, как зазвонил телефон на письменном столе. Пойдя к аппарату, Вальдемар поднял телефонную трубку и на отличном польском языке поинтересовался:

— Кто звонит? Вас слушает Вальдемар Косински!

Этот ответ, видимо, вызвал недоумение у звонившего человека. Вальдемар хорошо слышал, хотя этот человек и прикрыл микрофон телефонной трубки своей ладонью, его разговор с одним из администраторов гостиницы:

— Я просил меня соединить с лейтенантом Иваном Фроловым, русским, на сейчас мне почему-то ответил какой-то поляк по имени Вальдемар Косински?!

Вальдемар так и не услышал, что же именно закончился разговор этого господина с портье, так как телефонная линия была внезапно прервана. Видимо, человек положил трубку на рычаги телефонного аппарата, так как у него не было вопросов к поляку. Вальдемар в свою очередь не стал ожидать повторного звонка, а сразу же направился в ванную комнату, чтобы принять душ. Но, как только он увидел шикарную и глубокую ванну с двумя золотыми кранами для холодной и горячей воды, то он тут же принялся наполнять эту ванну горячей и холодной водой! Смеситель он установил таким образом, чтобы ванна наполнялась почти кипятком, чтобы, наконец-то, отогреть свое тело, застывшее от холода во время перехода морем. Уже лежа в ванной, своей пяткой правой ноги Вальдемар перекрывал слив воды, что в свою очередь позволяло ему не отключать подачу горячей воды в ванну, при этом сохраняя высокую температуру самой воды.

Когда он снова появился в гостиной своего полулюкса, то снова зазвонил телефон на письменном столе. Подняв телефонную трубку, он услышал голос грума, который ему сообщил:

— Я только что перехватил делегацию из нескольких портных, которые почему-то разыскивали русского лейтенанта, которым, насколько я понял, вы были до встречи со мной. Так что, если вы не против, то эту делегацию я подниму к вам в номер, или, может быть, вы хотите к ним спуститься, господин польский капитан?!

— Поднимай их в бар на третьем этаже! Я скоро к вам выйду! Да, и между прочим, как тебя зовут, очень умный шведский мальчик?

— Зовите меня, Ольгерд! Мне уже четырнадцать лет. А это имя мне дала мама, когда я появился на белый свет! Итак, господин капитан, делегация портных и швей поднимается на ваш этаж!

Вскоре на третьем этаже гостиницы «Роза Ветров» развернулось передвижное ателье пошива одежды. Два молчаливых шведских портных производили замеры тощей фигуры польского капитана, а три швеи на высокой скорости нескончаемо строчили на своих швейных машинках, занимаясь пошивом костюмов для польского военного. В течение пары часов ему было сшито два костюма для повседневной носки, еще один костюм военизированного плана и еще несколько костюмов для хранения в личном гардеробе. Вполне удовлетворенный проделанной работой, а также тем, что он получил, Вальдемар проводил персонал ателье до лифта, отблагодарил их пятью сотенными долларами и вместе с Ольгердом отправил всех вниз, в лобби гостиницы! Сам же он быстро вернулся в свой номер, там накинул на плечи один из своих новых костюмов. Поверх костюма Вальдемар одел такой же новый цивильный плащ и, постарался незаметно покинуть гостиницу, чтобы затем направиться в казарму городских полицейский. У него вся душа изболелась в отношении того, как же польские вояки все это время проводили без него, чем они занимались в этих скучных казармах.

К тому же в это время в казарме должна была проходить первая встреча солдат и офицеров его группы с представителями военной разведки бывшего польского посольства в Швеции. Вальдемар специально опоздал на эту встречу, так как не хотел стать одним из первых, с которым встретились бы и начали бы разговаривать эти польские разведчики. В Англию он особо не стремился, так как не хотел проливать кровь, защищая этих заносчивых британцев от налетов авиации бошей. Ему хотелось поначалу выработать алгоритм своего поведения при разговорах с польскими разведчиками, чтобы в полной мере легализоваться, как польский гражданин! А для этого ему было нужно узнать, чем же именно эти разведчики будут интересоваться разговорах со

своими согражданами, которые рвутся на фронт отомстить за поражение своей родины!

Уже на подходе к полицейской казарме Вальдемар вокруг себя заметил странное волнение населения этого рабочего квартала, по которому он сейчас походил, за пределами которого и находилась нужная ему казарма.

Мужчины собирались по двое — по трое и рысью, словно молодые стригунки, неслись за угол большого дома. Женщины что-то кричали им вслед, а некоторые, накинув на плечи платки, неслись вслед за мужьями за угол того же большого дома. Мальчишки озорники что-то громко кричали, кому-то грозили своими кулачками и, подобрав палки на дороге, вооружившись этими палками, они бежали вслед за своими матерями и сестрами. Видимо, за углом этого большого дома происходило нечто чрезвычайно интересное, важное, на которое следовало бы посмотреть и Вальдемару.

Он свернул со своей прямой дороги в полицейскую казарму, направился за угол большого дома.

Когда Вальдемар повернул за угол этого дома, то сразу остановился, насмерть пораженной увиденной картиной великого побоища. Ему никогда еще в жизни не приходилось видеть такого, чтобы прямо на мостовой, на тротуарах обеих сторон улицы дрались, били друг другу морды такое большое количество взрослых мужиков, поляков и шведов. Повсюду одни мужики дрались на кулаках, другие демонстрировали бойцовские приемы, они прилагали неимоверные усилия для того, чтобы противника оторвать от земли, чтобы затем снова швырнуть их на землю.

Поляки и шведы сходились в поединках, а то перли друг на друга стенками. В воздухе то и дело мелькали кулаки, которые с силой врезались в скулы, щеки и животы противника, в сторону летели выбитые зубы, кровавые плевки. Мужики обеих сторон страшно и грязно ругались, причем, одни на польском, а другие на шведском языках. Среди дерущихся смело расхаживали шведские женщины и молодые девчонки, которые отволакивали в стороны наиболее пострадавших людей, оказывали им первую медицинскую помощь, совершенно не интересуясь, их гражданством, независимо от того были ли они поляками или шведами. К слову сказать, ни один мужик не ударил кулаком этих сестер милосердия.

Вальдемар прижал руки к своему рупором и старшинским голосом проорал по-польски:

— Польские солдаты, прекратить, пся кревь, драку! Всем встать в строй!

Но, не смотря на его крик, драка продолжалась, а молодой голос из толпы радостно проорал:

— Да, кто ты такой, черт тебя подери? Как мы можем тебе повиноваться, если на тебе нет офицерской формы!

Больше не раздумывая, Вальдемар из кармана плаща выхватил свой немецкий «Вальтер Р38», передернул его ствол и выстрелил два раза в воздух, повторив свою команду, несколько ее изменив:

— Я, капитан Косински, приказываю всем польским солдатам прекратить драку со шведским гражданским населением! Всем встать в строй! Кто не подчинится моему приказу, расстреляю на месте!

— Мы подчиняемся вашему приказу, пан капитан! Этот приказ совершенное другое дело, ему нам приятно и подчиниться!

Драка прекратилась, правда некоторые шведы попытались встать в строй вместе с поляками. Только некоторые из них, по крайней мере, еще пытались даже стоя в строю продолжать махать своими тяжелыми кулаками. Но их быстро утихомирили поляки, да и жены этих драчливых шведов вытащили их из строя и повели домой отсыпаться.

Перед тем, как отдать приказ на начало движения своей колонны, Вальдемар Косински вышел вперед перед строем своих солдат и офицеров, поклонился шведским женщинам и от всего сердца их похвалил за гостеприимный прием польских солдат. В тот момент он говорил на английском языке, так как не знал шведского языка. Шведские женщины его хорошо поняли. В этот момент появились местные фотографы которые, подобно акулам, набросились на польского капитана. Защиты от шведской прессы Вальдемар Косински нашел только за спинами своих солдат. С этого момента он стал как любимцем и защитникам польских солдат, так и любимцем шведских женщин.

На следующий день стокгольмская пресса напечатала одну статью и несколько заметок о появлении в Нюнесхамне небольшой группы польских солдат во главе с таким бравым польским капитаном, как Вальдемар Косински! Правда, в газетах была только одна фотография, на которой была изображена рота мужчин в гражданской одежде. Эта рота браво маршировала по центральной улице этого провинциального городка, а во главе ее идут два человека. Один из них был почему-то одет в форму лейтенанта Красной Армии, а второй — в форму шведского полицейского.

Шведы, как полностью необразованный народ, плохо разбирались в различных военных формах и званий, не придали

особого внимания этой фотографии. Ну, а на Лубянке эту фотографию из газеты изучали десятки экспертов и специалистов в области фотографии с лупами в руках!

3

Комиссия бывшего польского министерства внутренних дел, составленная в основном из польских дипломатов военных разведчиков, работала, как хорошо отлаженный секундомер. Она направо и налево штамповала удостоверения личностей тем польским солдатам и офицерам, которые твердо решили плыть в Англию, там вступать в ряды в уже воюющих с бошами 1-й и 2-й польских пехотных дивизий. Или же эти солдаты хотели поехать во Францию, чтобы принять непосредственное участие в составе французских войск в «странной войне», которую в тот момент Франция вела против Германии. Некоторая задержка с выдачей таких удостоверений личности происходила с теми польскими офицерами и солдатами, которые решили задержаться на некоторое время в Швеции! Комиссия категорически отказывалась иметь дело, выдавать удостоверения тем польским солдатам и офицерам, которые, открыто, заявляли о том, что не желают ни сейчас, ни позже вступать принимать участие в боях против бошей на стороне временного правительства Польши.

Когда Вальдемар Косински все-таки одним из первых предстал перед членами этой Комиссии, то его разговор с ними вылился в серию осторожных вопросов и ответов, в которых дипломированные военные разведчики интересовались, когда именно по времени его группу можно было бы отправить в Великобританию?!

— Господа члены комиссию, — задумчиво произнес Вальдемар Косински, формулируя свой ответ на этот вопрос участников комиссии, — я полагал, что вы первоначально проведете общую проверку, удостоверите личности каждого ее солдата или офицера. Все дело в том, что моя группа формировалась по факту, хотел ты стать активным бойцом с бошами, записывайся в эту группу и в ее составе отправляйся в Англию! Никто не проводил отбора ее членов, никто с ними не работал, не интересовался их военной подготовкой и военной специальностью. Вся моя ответственность свелась к тому, чтобы эту группу доставить в Швецию, что было мною исполнено! В соответствие с полученными результатами я бы разбил роту на три взвода. В первый взвод включил бы тех солдаты и офицеры, которые хотят отправиться в Лондон! Во второй взвод вошли бы

те солдаты и офицеры, которые хотят остаться в Швеции. Ну, а в третий взвод — тех солдат и офицеров, которым потребуется дополнительное время для принятия окончательного решения по этому вопросу. Поверьте мне, со временем все солдаты и офицеры, которые в составе мой группы были транспортированы в Швецию, обязательно примут решение о своем непосредственном участии в освобождении своей родины, Польши! Одновременно я бы для них ввел дополнительные занятия по различным военным дисциплинам и специальностям! И, скажем, к концу второй недели пребывания моя группа превратилась бы в полновесную пехотную роту, на базе которой можно было бы развернуть батальон или целый полк.

— Господин капитан, чтобы вы могли сказать о самом себе, о ваших планах на ближайшее будущее?

— Да не строю я сейчас каких-либо своих личных планов, даже на ближайшее будущее? Война только что началась в Европе! Со временем, как я полагаю, в эту войну будут вовлечены многие другие страны мира. Волей неволей и мне придется отправляться на фронт. Вот только я пока не решил, на каком именно фронте я буду воевать. Поверьте мне, что ни англичане, ни французы не сумеют сегодня остановить наступление бошей в Европе, она будет ими захвачена. Словом, сейчас, когда на фронтах наблюдается некий спад военных действий, то это время было бы лучше всего посвятить созданию резервов для будущих сражений! Так что, если вы не будете против, то официально назначьте меня командиром офицерской спецроты, а я уж постараюсь ее бойцов научить кое-чему новому в нашем военном деле! Если же вы решите, придерживаться своих прежних планов использования солдат и офицеров моей группы в Британии, то будем считать, что моя задача на этом этапе завершена и я свободен!

Вальдемар собственными глазами наблюдал за тем, как его словам о спецроте обрадовались польские военные разведчики и дипломаты, и несколько потускнели лица шведских представителей! Для поляков создание такой спецроты позволяло ее использовать не только в Туманном Альбионе, но и на территории самой Польши. Шведы же хотели, как можно быстрей, эту группу отправить в Англию, чтобы на ее место принять еще одну такую же нелегальную группу из Советского Союза! Один из шведов поправил узел своего галстука и с важным видом поинтересовался:

— Сколько же времени вам, господин капитан, потребуется на то, чтобы из этих польских дебоширов сформировать кадровую роту?

— Во-первых, я не говорил о том, что собираюсь формировать кадровую роту. Речь, насколько я помню, шла о формировании спецроты! Между кадровой ротой и спецротой существует большая разница. Если представители польского министерства внутренних дел желают заполучить кадровую роту, то я свободен, а офицеры и солдаты моей группы без задержки переправляются в Англию! Если же вы захотите получить спецроту, то мне для этого потребуется два — три месяца постоянных тренировок и занятий в спортивных классах. Такую работу я мог бы провести, не выходя за пределы этой казармы. Мне нужно будет только разрешение на, чтобы каждое утро ста полякам разрешалось бы бегать вокруг этого городка.

После этого разговора с Вальдемаром члены комиссии по удостоверению личности переговорили с еще двумя, тремя офицерами. Затем они, собрав все бумаги и документы, которые в той или иной степени удостоверяли личности других офицеров и солдат группы капитана Косински, на своих автомобилях помчались в Стокгольм для проведения дипломатической переписки с Парижем и Лондоном по вопросу, каким образом отнестись к предложению капитана Косински о формировании офицерской спецроты.

Капитан Вальдемар Косински этот вечер решил провести в казарме, так как ему хотелось этот вечер провести со своими боевыми товарищами, заодно выяснив причину драки со шведами. Тогда у него в голове и возникла идея о том, чтобы было бы хорошо беседовать с товарищами, одновременно попивая хорошего пива! Ни хорошего, ни плохого пива в казарме, разумеется, не оказалось, хотя, по слухам, шведы все же варили очень неплохое пиво! Пришлось тогда Вальдемару проявить инициативу, заняться заполнением ротных вакансий, он одного парня по кличке Гусь Лапчатый, это так его фамилия G?? Trzymania с польского переводилась на русский язык, назначил главным старшиной роты.

— Слушай, Гусь Лапчатый, возьми пару — тройку бойцов помоложе, вместе с ними сбегай в ближайший шведский ресторан и там купи нам пива. Только, постарайся, купить столько пива, чтобы сегодня вечером его всем бы нам бы хватило, чтобы мы весь этот вечер не бегали бы за пивом каждые пять минут.

— А деньги, пан капитан? Кто будет платить за это пиво?

— Вот тебе для начала триста долларов! Переговори с хозяином, пусть он определится с деньгами, назовет тебе окончательную цифру наших расходов на пиво и на горячий ужин в казарме!

Таким образом, в первый вечер на шведском берегу почти сто

польских военнослужащих пили хорошее светлое шведское пиво, хором пели хорошие польские песни о доме, о прекрасной Варшаве! Все к тому же пили отличное пиво! Многие офицеры подходили к пану капитану Косински для того, чтобы официально представиться, а также для того, чтобы вместе с ним пропустить бокал замечательного шведского пива. Словом, часам к десяти вечера Вальдемар так надрался этим пивом, что перестал соображать, как-то реагировать на окружающую его действительность. Словом, он впал в пивной ступор!

А затем в толпе пьяных поляков нашелся один боевой польский офицер, поручик Вацлав Шленски, в прошлом командир батареи 76 мм. пушек. Он еще соображал, когда увидел Вальдемара Косински, который без движения лежал своим лицом вблизи тарелки с порезанным на куски свиным мясом, но он даже и не пытался съесть хотя бы маленький кусочек этого вкуснейшего, по мнению этого поручика, в мире мяса. Поручику еще хватило мозгов прокричать приказ Гусю Лапчатому о доставке тела командира роты, впавшего в пивной ступор, в постель на ночевку.

Теперь уже никто не вспомнит, не расскажет о том, как четырем пьяным польским солдатам удалось на санитарных носилках донести тело своего командира до гостиницы «Розы Ветров». Затем в узком старом лифте поднять его на третий этаж, в баре вместе с ним распить литровую бутылку текилы, а затем его раздеть и уложить в постель. Сами эти четыре польских солдата почему-то решили ночевать в ванной комнате!

Когда поздно утром Вальдемар Косински захотел открыть глаза, то, разумеется, не смог этого сделать. Помощников рядом не оказалось, кто мог бы ему поднести хорошую кружку пива, чтобы он смог бы прийти в себя. С большим трудом он вспомни о телефоне, о существовании гостиничного грума по имени Ольгерд. Правой рукой он нащупал телефон, снял с рычагов трубку и на циферблате телефонного аппарата набрал две цифры. Когда, симпатичный голосок портье появился на линии, то Вальдемар строго, по-мужски буркнул:

— Ольгерда, ко мне!

Через пару минут грум Ольгерд, зажимая пальцами ноздри своего носа, переступил порог номера капитана Косинского. Он прошел к окну и широко его распахнул настежь. Подождав минуту, пока запах перегара не покинул номера, грум прошел к кровати, на которой валялся сам польский капитан. Он долго смотрел на этого красивого польского парня, не понимая, как это можно было этому молодому человеку выпить столько пива, чтобы на следующий день проснуться практически без сознания?!

Грум Ольгерд знал два способа вывести человека из состояния пивного запоя! Первый способ, подать ему еще один бокал хорошо охлажденного пива, и второй способ, — этого человека поставить под холодный душ. Первый способ лечения, когда клин выбивался клином, был несколько опасен, эта пивная пьянка могла бы продлиться еще один день! Второй способ же позволял с ней закончить в этот же день. Поэтому Ольгерд решил пойти по второму пути!

Он помог Вальдемару подняться на ноги и дойти до ванной комнаты. Но, когда открыл ее дверь, то понял, что сегодня в своей жизни совершил большую ошибку, когда четыре пьяных польских солдата из его рук приняли не менее пьяного своего капитана.

Эти польские черти, оказывается, не спали всю ночь, прилагая немалые усилия к тому, чтобы опустошить бар третьего этажа. За ночь они смогли нанести некоторый урон этому бару, но полностью его опустошить так и не смогли! Веселье в ограниченном количестве участников продолжилось и в этот день! Рядовые уничтожали закуски, пили коньяки, польскую водку и другие алкогольные напитки, но уже не пьянели, так как давно перешли уровень выпитого алкоголя, после которого нормальные люди теряли сознание. Капитан Косински пришел в себя, но, будучи не в силах, бороться на равных с бойцами своей роты, снова впал в алкогольное забытье, перестал реагировать на внешние раздражители. Несчастный Ольгерд после того, как поляки заставили его за дружбу между Польшей и Швецией выпить «Зубровки» из маленькой вазочки для цветов, впал в состояние кататонии, он пил все то, чтобы ему не предлагали выпить польские братья!

Последний польский рядовой пал пьяной смертью около одиннадцати часов утра этого же дня. Пришедшая убрать номер, гостиничная горничная была вынуждена вызвать бригаду скорой помощи, чтобы та от алкогольного опьянения откачала бы шесть человек, пять поляков и одного молодого шведа. Эта операция очистительной клизмы по промывке толстой кишки у всех пострадавших прошла успешно. Правда, все они потом почему-то отказались от вкусного обеда, но чувствовали, как жизнь возвращается в их организмы!

Глава 6

1

Сегодняшний день оказался не очень-то успешным в жизни молодого польского капитана Вальдемара Косински. Утром его разбудил звонок из Стокгольма. Звонил молодой Яков Вайсерман, который из стокгольмских газет узнал о том, что Иван Фролов под именем польского капитана Вальдемара Косински находится в шведском городке Нюнесхамн. В телефонном разговоре Яков сказал о том, что он хотел бы с ним встретиться, переговорить о делах, которыми по настоящее время занимался в Стокгольме. К слову сказать, к этому времени Вальдемар несколько подзабыл о своих делах с еврейско-литовским семейством Вайсерманов. Сегодня его внимание привлекала мировая война, все более и более разгорающаяся в Европе. Он даже начал подумывать о поступлении в английскую летную школу, что выучиться на летчика истребителя, и в качестве летчика истребителя принять непосредственное участие в воздушной битве за Англию.

От принятия такого решения его сдерживала простая тоска по родине, по Москве. Он так еще ничего не узнал о судьбе своего отца, что стало с его матерью после его ареста. Ему очень хотелось встретиться со своими одноклассниками, и со своей классной руководительницей Анной Николаевной, поспрашивать у них о том, что они думали, когда строчили на него доносы. Больше всего ему почему-то хотелось снова встретиться с татаркой Машкой, снова почувствовать себя с ней настоящим мужчиной! В данный момент Вальдемар находился в ожидании решений, которые должна была вынести стокгольмская комиссии по установлению личности, о времени возвращения которой пока ничего не было известно.

Не возвращая телефонной трубки на рычаги аппарата, он набрал новый телефонный номер, но уже по гостинице и, услышав мягкое контральто женского голоса, гостиничного портье, почти приказал:

— Ольгерда, ко мне! Пора готовить завтрак!

Вскоре он услышал шум поднимающегося лифта, а затем грум начал возиться в баре. Он первым делом налил себе большой бокал Джинджиреллы, американского лимонада, а затем принялся готовить яичницу с беконом для себя и для Вальдемара. Следует отметить, что Ольгерд ничего более не умел готовить! Он все время пытался на приготовление завтрака пригласить свою

маму, которая умела готовить такие завтраки не из одних только из куриных яиц, но и из куриного и утиного мяса. Вальдемар сразу же поверил Ольгерду, когда тот ему говорил о том, что его мама умела, если судить по его мощному телосложению, готовить очень неплохие обеды и ужины! Но Вальдемар категорически этому противился, так как не хотел обрастать знакомыми, друзьями и приятелями в этом маленьком шведском городке.

Перекусив вкусной яичницей с беконом, накинув плащ на плечи, Вальдемар, решил немного прогуляться в скверике перед гостиницей, чтобы немного размять ноги. Вскоре он пошел на десятый круг своего утреннего моциона по этому скверику, когда заметил фигуру приближающегося шведского полисмена, который первым его встретил на этом шведском берегу.

— Привет, полковник! Рад снова вас видеть!

— Привет, лейтенант! И я тоже рад вас видеть. Вот решил на старости лет немного прогуляться по этому скверику!

— Да и мне совсем скучно стало находиться в этом городке. Ничего нового здесь уже не происходит, одни только пьянки среди друзей, товарищей! Жду, вот когда комиссия вновь объявится, огласит свои решения! Тогда и я буду действовать согласно этим принятым решениям, наконец-то, определюсь, чем буду дальше заниматься!

— Смотри не опоздай с принятием своих решений! Насколько я наслышан, завтра утром ваша комиссия снова появится у вас в казарме. Но первым делом, они произведут твой арест, лейтенант! Так как некоторым людям в Лондоне не очень-то понравилась твое слишком уж самостоятельное принятие некоторых политических решений! Особенно по началу возобновления военных действий на территории Польши. Они проверили твое происхождение, при этом сильно испугались всего того, что о тебе узнали. Одним словом, по приказу Временного польского Правительства ты завтра будешь арестован, а твои люди послезавтра первым же транспортом под вооруженной охраной будут отправлены в Лондон.

— Спасибо, полковник, за информацию! Вы во многом мне помогли, наконец-то, принять окончательное решение, чем я буду заниматься уже завтра! Прошлый раз, полковник, вы обещали мне принести новый банковский счет, открытый на свое имя?

— Я не думаю, лейтенант, что наши дружеские отношения следует оплачивать звонкой монетой?!

— Дружбу нельзя оценить ни одной валютой, полковник! Просто изредка на этот счет вы будете получать доллары, которые будут свидетельствовать о том, что я жив и, по-прежнему, в вас нуждаюсь. Получив четко определенную сумму

на свой счет, вы на следующий день должны купить утренний выпуск вашей городской газеты. На странице объявлений найдите информацию-запрос для «полковника», на которые отвечаете или не отвечаете. В общем, поступаете так, как вы сами посчитаете это нужным или не нужным!

— Лейтенант, прежде чем мы навсегда расстанемся, я хочу вам кое-что рассказать о том, что мучает мою душу, как гражданина Шведского королевства. Мой городок Нюнесхамн используется англичанами и немцами в равной мере. Мы принимаем и ремонтируем подводные лодки обеих сторон. Раз в месяц к нам заходит подводная лодка или той, или противоположной стороны. В течение трех недель их ремонтируют на нашем заводе. Теперь надеюсь, вы, лейтенант, понимаете, почему вашу роту не могут так долго держать в Нюнесхамне.

— Спасибо за информацию, но о том, что вы, полковник, мне только что рассказали, я и сам догадывался. Позвольте мне несколько по-иному сформулировать ответ на эту вашу информацию, как поступит шведское правительство, если польские солдаты в пьяном угаре разгромят этот завод по ремонту подводных лодок.

— Поляков изолируют в лагере для интернированных лиц. А там к ним могут применить и некоторые жестокие меры, скажем, что наиболее активные могут быть физически устранены!

— А этого мы не должны допустить, полковник!

— Да, господин лейтенант! В этом вопросе я с вами полностью согласен!

— А что, если к пьяным польским солдатам присоединяться такие же пьяные шведские рабочие?!

— Вы, лейтенант, имеете в виду, столкновение между поляками и шведами в первый день вашего прибытия в Нюнесхамн, когда стороны не поделили между собой женщин легкого поведения?

— Я до вашего ответа, полковник, так и не знал истинной причины этого столкновения. И сейчас, как я полагаю, женщин легкого поведения в этом городке не стало на много больше, чтобы в тот или иной вечер удовлетворить мужские аппетиты обеих сторон!

— Да, нет, их из Стокгольма на поляков понаехала столько, что теперь никто не дерется за их любовь?!

— Тем более, эти женщины легко сыграют привычную для них роль семейного тирана, отказав в исполнении супружеского долга двум или трем полякам или шведам. Таким образом, они могут столкнуть своих мужчин самцов лбами! А дальше

понеслась, поехала униженная мужская гордость, а когда отказники увидят, как те же самые женщины ни в чем не отказывают другим мужчинам, независимо от их национальности, их уже будет невозможно остановить! Сто пятьдесят или двести человек смогут вдрызг разнести завод по ремонту подводных лодок в течение тридцати минут!

— Нет, лейтенант, по времени это слишком много и долго! Моя полиция должна вмешаться раньше?!

— Тогда в течение двадцати минут?!

— Нет, так я не согласен! Образцовая шведская полиция должна прибыть на завод через десять мину после того, как пьяная толпа ворвется на этот завод! Я дам еще пять минут на его разрушение, через пять минут по прибытию на ремонтный завод, мы начнем операцию по усмирению буйства пьяни!

— Хорошо, полковник, принимаем за основу ваш временный график по разрушению завода по ремонту подводных лодок!

Сразу же после утреннего моциона капитан Косински отправился в казарму, где провел ряд деловых встреч и заседаний. Он встречался и подолгу разговаривал как с рядовыми, так и офицерами своей группы. Уже под вечер около трех часов он проговорил с поручиком Вацлавом Шленски, после чего отправился отдыхать в свою гостиницу «Розу Ветров».

В гостинице его первым, разумеется, встретил грум Ольгерд, который ему тотчас же на ухо прошептал:

— Господин капитан, там, в баре какой-то гражданский лох вас ожидает!

Вальдемар на секундочку задумался, своим взором обвел лобби гостиницы. В лобби было много народа, целая толпа стояла у рисепшенс, оформляясь на постой в гостиницу. А другие гражданские лица с задумчивыми лицами разгуливали по лобби гостиницы, изредка бросая взгляды на грума и на человека, с которым он разговаривал.

— Сейчас у меня такое впечатление, что все наши новые гости или очень близорукие, или очень дальнозоркие лица, так как хотят без масла к тебе в зад залезть! — Так прокомментировал ситуацию этот маленький под два метра ростом шведский подросток.

Вальдемар мысленно согласился с умным высказыванием этого шведского малыша, который в четырнадцать лет был с него ростом! Поэтому прошептал прямо в ухо этого одаренного шведского мальца:

— Вот поэтому ты не мог бы этого лоха незаметно для всех людей, шатающихся без дела по лобби, проводить ко мне в бар на третьем этаже.

— Хорошо, господин капитан! — Громко и вслух ответил Ольгерд. — Я сбегаю в казарму и сюда приведу взвод солдат, как вы приказали!

Половина людей, прохаживавшихся по лобби гостиницы, тут помчалась в свои номера за куртками и плащами, собираясь сопровождать Ольгерда до казармы с польскими офицерами и солдатами. Вальдемар спокойно прошелся к лифту, достал заветный ключ и с его помощью поднялся на третий этаж, где в баре уже сидел Яков Вайсерман и попивал коктейль джин-энд-тоник. Кивнув ему головой, Вальдемар прошел в свой номер, сбросил с плеч плащ и пиджак. В одной рубашке с короткими рукавами он вскоре снова появился в баре. Подошел к стойке, приготовил себе коктейль Блади Мэри и со стаканом коктейля вернулся к столику Вайсермана, удобно устроился в кресле напротив собеседника.

2

В стокгольмской гостинице «Бернс Отель» появление господина Вальдемара Косински явно ожидали. Как только он подошел к рисепшену с красивой молодой шведкой, портье, за столом, то он первым делом сообщил свое имя, положив на стол перед ней свою визитную карточку. Та мгновенно превратилась в само женское обоняние, прочитав имя на этой карточке. Одновременно она развила бешеную активность, превратившись в центр событий, которые, словно сами собой, начали вершиться вокруг нее. Она кончиками пальцев с великолепным маникюром набрала три циферки на телефонном диске циферблата. Тут же рядом с ней появился местный грум лет пятидесяти, но с великолепной выправкой пехотного офицера. Этот грум чемоданы господина капитана Косински отобрал у гостиничного же подносчика багажа, положил их на свою специальную позолоченную тележку, а сам вытянулся во фрунт рядом с рисепшенс.

А портье уже набирала второй номер, при этом она весело щебетала с кем-то, находящимся на другом конце этого телефонной линии.

Вскоре появилась еще одна красивая шведка, на этот раз это была платиновая блондинка. Она влюбленными глазами посмотрела на господина капитана Косински, а затем деловым тоном заговорила с портье рисепшена. Блондинка много говорила о каких-то авиабилетах, о войне в Европе и о неудобствах, вызванных этой войной. В конце концов, первая шведка брюнетка

удовлетворенно кивнула головой, она, видимо, разобралась в том, что ей пыталась объяснить блондинка. Портье соизволила взглянуть Вальдемару в глаза, мягко ему улыбнуться, а затем произнести:

— Господин капитан, почему вы не производите на меня впечатления брутального мачо, которому все позволено, а выглядите таким романтичным мужчиной героем?

— Мадам, — почему-то на французском языке стал отвечать Вальдемар, — вы поверьте мне, что, как только я надену свой польский парадный мундир офицера, то вы уже не сможете больше говорить подобных слов о романтичном мужчине!

— Хорошо, в таком случае я надеюсь, что в следующий раз, когда вы снова решите остановиться в нашей гостинице, то оденете этот свой мундир, чтобы произвести на меня должное впечатление. А сейчас позвольте мне представить вам эту очаровательную женщину, Алину, которая весь свой рабочий день посвятила одному только делу, а именно тому, чтобы удовлетворить все ваши пожелания, высказанные в письме, полученное нами сегодня утром. Алина, в ваши надежные руки я передаю этого красивого молодого человека, надеюсь, что со временем он станет нашим постоянным клиентом!

— Месье, как я вижу, Арте уже получил ваш багаж, поставил его на свою тележку и готов его доставить в ваш номер. Но, к сожалению, согласно нашим правилам, я не имею права посещать вас в номере нашей гостиницы, чтобы там объяснить, что вы должны делать с этим авиабилетом. Который я уже держу в своих руках.

— А почему бы нам тогда не посидеть и не поговорить в баре! Можно было бы посидеть в тиши этого помещения, чего-нибудь выпить, заодно поговорить и по нашим делам.

Утром в баре практически никого не было, поэтому бармен все свое внимание уделил блондинке Алине, которой он тут же подал коктейль «Маргариту» и Вальдемару, которому по его просьбе приготовил «Блади Мэри». Они устроились в спокойной уголку бара, где первой заговорила Алина:

— Господин Косински, мы проделали большую работу, чтобы выполнить ваше пожелание. Как мы поняли, вы хотите по пути в Берлин на два дня задержаться в Москве для переговоров о сотрудничестве. Первым же делом хочу вам сообщить о том, что единственной возможностью проделать такой маршрут сегодня, когда в странах Европы идет большая война, оказалось возможным только самолетом, авиацией! Из-за этой войны полностью нарушено железнодорожное и морское сообщение между европейскими странами!

— Почему в своем письме я и попросил изучить возможность, а затем предложить мне альтернативные возможности для последующего изучения, принятия окончательного решения. Так как мне нужно посетить Москву, Берлин и снова вернуться в Стокгольм. — Мягко добавил Вальдемар.

— Мы правильно вас поняли, что вас особенно не беспокоит стоимость такого путешествия? Для вас сейчас наиболее важным является, сама возможность или не возможность сегодня совершить такое путешествие?

— Вы абсолютно правильно меня поняли, мадам!

— Так вот, господин Косински, на этот первый вопрос я имею твердое положительное решение вашего вопроса! Перелеты самолетом позволят вам посетить все перечисленные вами города, в них провести переговоры и вернуться обратно в Швецию! Причем, мы со своей стороны можем даже гарантировать, что такое путешествие осуществимо до тех пор, пока Советский Союз не вступил в войну с Германией. Так как основные перелеты пройдут в воздушном пространстве этой страны, и только небольшая часть в воздушном пространстве, оккупированных Германией европейских стран! Но, к сожалению, русские — это непредсказуемая нация, в мире они много говорят о мире, а сами исподволь готовятся к войне!

— Я хорошо понимаю ход ваших размышлений, мадам! Но, давайте, русских пока мы оставим в покое, а сами вернем к нашему разговору о посещении Москвы и Берлина в течение одной недели с возвращением в Стокгольм!

— Хорошо, господин Косински! После того, когда мне стало понятным, что авиация является единственным транспортным средством, на котором вы имеете возможность посетить Москву, Берлин и вернуть обратно, в Стокгольм, я начала разыскивать авиакомпанию, которая могла бы выполнить ваш заказ. Вскоре поиски мои вскоре увенчались успехом! Я нашла такую компанию, ею стала немецкая авиакомпания «Deutsche Lufthansa», которая всего двадцать лет тому назад появилась на белый свет. За десять лет своего существования эти немцы на своих самолетах перевезли уже миллионного авиапассажира. Сегодня эта компания занимается грузопассажирскими перевозками доставкой почты в страны центральной Америки! Директор стокгольмского офиса компании, господин Хорст Зингер, по моей просьбе, просчитал и дал мне примерную стоимость такого перелета в двух вариантах. «Deutsche Lufthansa» готова для вашего выбора предоставить два типа самолетов для такого полета. Это четырехместный самолет «Юнкерс Ф-13», который будет вам стоить примерно двадцать — двадцать пять тысяч марок. А также

двенадцатиместный «Юнкерс 53» — сорок тысяч марок. Что вам еще нужно, господин Косински, для того, чтобы принять окончательное решение по этому вопросу?

— Да ничего особенного, мадам! — Ответил Вальдемар. — Я готов, хоть сию минуту, принять окончательное решение по этому вопросу! Но мне очень хотелось бы узнать о том, когда тот или иной самолет авиакомпании «Deutsche Lufthansa» готов вместе со мной подняться в воздух?

— Этим временем может стать тот час, который вы запросили в своем письме. Оба самолета проверены техниками, заправлены по пробку авиационным керосином, каждый из самолетов готов взлететь хоть сию минуту. Разрешения на приземления из Москвы и Берлина уже получены, вам остается только решить, каким самолетов вы воспользуетесь, оплатить наши услуги и услугу «Deutsche Lufthansa»! После чего, господин Косински может отправляться прямо в полет!

— Спасибо, мадам Алина, за качественно проделанную работу! Вы мне не подскажете, откуда именно я мог бы оплатить ваши услуги и услуги авиакомпании «Deutsche Lufthansa»! Что касается типа самолета, который я собираюсь использовать, то пусть это будет «Юнкерс Ф-13», а то понимаете мне как-то неудобно использовать самолет, в котором имеются двенадцать мест и для других авиапассажиров.

— Вам, господин Косински, совершенно не нужно для осуществления платежей ехать в компанию «Deutsche Lufthansa», вы можете все услуги оплатить через нашу гостиничную кассу, а я позабочусь о том, что они все вовремя пришли по назначению!

— В этом случае, мадам Алина, не могли бы вы связаться с неким Яковом Вайсерманом из компании «Косински и Партнеры», эта моя компания берет на себя оплату всех моих расходов по этому авиаперелету.

— Хорошо, я с удовольствием это сделаю, сразу после завершения нашей беседы!

— А я пока немного отдохну в своем номере! А затем начну собираться в дорогу. Словом, в стокгольмском аэропорту я буду точно вовремя, чтобы взойти на борт самолета и отправиться в полет в Москву. В знак своей личной благодарности, позвольте вам, мадам, вручить эту небольшую коробочку женской косметики, которую производит одно из моих предприятии!

— Большое вам спасибо, господин Косински, за такой сюрприз! Я очень рада тому, что нам удалось оказать вам такую услугу! И впредь в случае необходимости обращайтесь к нам с любой своей просьбой! Мы будем всегда рады вам помочь! Мне было к тому же очень приятно с вами познакомиться.

Допив свою «Маргариту», платиновая блондинка грациозно поднялась на ноги и, легко покачивая бедрами, по ковровой дорожке она пошла к выходу из бара! Вальдемар еще некоторое место посидел за столом, с удовольствием наблюдая за столь приятных глазу колыханием женских бедер. Ему на память тотчас же пришла его соклассница татарка Машка, бедра которой были ядреней, но которая пока еще не научилась ими пользоваться для того, чтобы радовать глаз окружающих ее мужчин!

Пассажирский самолет «Юнкерс Ф-13» имел всего четыре пассажирских места. Эти сиденья Два пилота немцев выполняли обязанности и техника по обслуживанию самолета, и бортинженера, и бортрадиста. Сейчас Вальдемар сидел прямо за их спинами, наблюдая за тем, как они ловко управлялись с пилотированием этого самолета. Глаза его следили за действием этих двух немцев, мысли в этот момент вспоминали разговор с Яковом Вайсерманом.

Первым делом Яков ему сообщил о том, что только вчера ему удалось-таки своих родителей, отца и мать, посадить на борт небольшой яхты. Эта яхта должна была в течение недельного плавания пересечь Атлантический океан, своих пассажиров высадить в Нью-Йорке. Затем Яков ему рассказал о своих делах в Стокгольме, ему без особых проблем удалось зарегистрировать новую компанию «Косински и Партнеры», а ее офис открыть в одном из наиболее представительных офисного центра, построенное почти в самом центре шведской столицы! Сегодня в офисе работает он сам, его помощник-секретарша и бухгалтер, который одновременно является бухгалтером по совместительству еще нескольких компания.

В этот момент самолет прорвал облачность, стоявшую над материком, и на высоте всего трех тысяч метров полетел над волнами Балтийского моря. На какой-то момент Вальдемар залюбовался приближающимся закатом дневного светила. В Москву они должны были прилететь где-то около пяти часов утра, чтобы Вальдемар имел больше времени для встреч и общения с чиновниками Наркомата торговли СССР. Вальдемар был готов подписать с СССР любое соглашение о поставках продуктов в страну, которая практически во всем имела дефицит продуктов. Особо тяжёлое положение с товарами первой необходимости, продовольствием и кормами для скота сложилось в колхозах, а у него в портфеле уже лежало деловое предложение по поводу подъема производства молока, сметана.

В это момент под крыльями «Юнкерса» на море мелькнула хищная тень военного корабля, то ли эсминца, то ли миноносца. Этот корабль тонкими стволами своих зенитных полуавтоматов

проводил пролетающий над ним пассажирский самолет.

Проводив глазами военный корабль, Вальдемар мыслями снова вернулся ко вчерашнему разговору с Яковом Вайсерманом. Тот в подробностях ему рассказал, какие именно промышленные предприятия ему все же удалось сохранить под крылом компании «Косински и Партнеры». Но, как он не крутился, они практически все оказались в европейских странах, оккупированных германскими войсками. В этой связи возникла реальная необходимость для Вальдемара Косински появиться в Берлине Третьего Рейха. Там нужно было встретиться, провести переговоры с Вальтером Функе, министром экономики Третьего Рейха, о получении военных заказов для этих предприятий или об их продаже третьим лицам. Тогда Вальдемар Косински так прямо и сказал Якову Вайсерману, что нельзя деньги делать на гибели людей, которые оказались случайно вовлечены в водоворот войны.

Видимо, Вальдемар все же уснул, так как проснулся от подпрыгиваний только что приземлившегося самолета. Выглянув в иллюминатор, он не увидел ни единого огонька света. Что-то в сердце ему подсказало, что он только что прибыл на свою великую родину, в Советский Союз! Пилоты заглушили работу двигателя, наступила какая-то странная тишина, в этот момент послышался стук в дверь самолета. Один из пилотов, прошел в салон, каким-то неуловимым движением руки открыл эту дверь. Внизу, на земле стояла очень молоденькая девушка, восемнадцати лет, но не старше. Она откуда-то вытащила листок бумаги и едва ли не по слогам прочитала:

— Господин Косински, добро пожаловать в Москву!

Тогда она эту фразу повторила на английском языке. В ответ пилот пальцем показал на Вальдемара и сказал:

— Господин Косински, так это вон тот парень!

3

— Господин Косински, на сегодня мы запланировали встречу и переговоры с наркомом внешней торговли СССР с А. И. Микояном. В десять часов нам перезвонят и сообщат точное время и место этой встречи. А до этого вы можете позавтракать и принять душ, чтобы привести себя в порядок после перелета Стокгольм — Москва. Мы также ожидаем ответа из Наркомата торговли СССР о возможности встречи и беседе с наркомом торговли А. В. Любимовым.

Девчонка лет восемнадцати, с рыжеватыми волосами,

завязанными в толстую косу, небрежно переброшенную через правое плечо, сидела на переднем пассажирском сиденье. Она сидела вполоборота таким образом, чтобы хорошо видеть Вальдемара Косински, сидевшего на заднем сиденье автомобиля. Как только они отъехали от аэропорта Быково, на территории которого приземлился «Юнкерс Ф-13», то эта девчонка начала говорить. Он не останавливалась в течение всего времени движения их автомобиля, в подробностях рассказывая историю Москвы и Советского государства!

Первое время Вальдемару Косински было приятно ее слушать, ему нравилось то, как она выговаривала, слегка картавя, английские слова. Но вскоре он начал уставать, слушая ее голосок. Информация, которую девчонка сейчас старалась запихать ему в голову, ему, честно говоря, особо была не нужна. Он начал подремывать, а его тело продолжало борьбу, клонясь то влево, то вправо, с ухабами и рытвинами Жуковского шоссе, по которому сейчас следовал их автомобиль. Вальдемар дремал по звуки работающего двигателя и голоска девчонки, рассказывающей о великом народе Советского Союза, в одиночку, борющегося с происками международного империализма. Фары автомобиля высвечивали узкую полосу шоссе, на котором не было ни какого транспортного движения в столь раннее утро!

Во время движения автомобиля по шоссе в его салоне сохранялась плотная предутренняя темнота, поэтому интуристовская девчонка с переднего сиденья не видела того, что ее собеседник давным-давно уже спит, почивает на своем заднем сиденье! А она все продолжала горячо его знакомить с великими делами вождей советского пролетариата, Владимира Ленина и Иосифа Сталина!

В душе Леночка Семенова, лучший переводчик советского Интуриста, проклинала себя, а также этого молодого, и такого симпатичного капиталиста, за то, что он, сидя на своем заднем сиденье, слушает всю эту ее белиберду. Она была обязана этому своему иностранному гостю прочитать до конца всю ту толстую тетрадь, исписанную каллиграфическим почерком, которую вчера руководителю Интуриста принесли из московского Управления НКВД. Леночка хорошо видела со своего места, как страшно побледнел Николай Гаврилович, ее непосредственный начальник, когда командир НКВД по имени Сема принес и вручил ему в руки эту тетрадь, и негромким голосом произнес:

— Я вас, Николай Гаврилович, превращу в червяка, которого затем брошу на раскаленную сковороду, чтобы полюбоваться тем, как вы будете превращаться в пепел, если обнаружу, что ваш индивидуал иностранец не будет знать наизусть содержание всей

этой тетради!

Этому командиру НКВД Николай Гаврилович так и не нашел сил чего-либо ответить. Он все еще очень надеялся на то, что ему удастся дожить до пенсии, так и не побывав в энкеведовских закромах. Когда этот страшный энкеведешник ушел, то Николай Гаврилович поднялся с места, подошел к Семеновой, положил тетрадь перед ней на стол, и тихим усталым голосом произнес:

— Вы уж, Леночка, постарайтесь!

В этот момент с заднего сидения автомобиля послышался легкий всхрап господина Косинского, из-за чего Леночка мгновенно превратилась в рассерженную кошку. Тут она во всю старается, читает этому иностранцу текст, выученный ею наизусть за одну только ночь, а он, вы только представьте себе, в это же самое время изволит себе спать! Видимо, голос Леночки так изменился, что Вальдемар Косински проснулся, он с хрустом потянулся всем своим телом и поинтересовался:

— Где же мы находимся? Сколько времени нам еще ехать до гостиницы?

Если бы этот вопрос касался бы содержания тетради, наизусть зачитываемый экскурсоводом Семеновой, то Леночка обязательно в деталях ответила бы на этот вопрос. Но в этом случае отвечать пришлось водителю автомобиля, тот пару секунд пожелал губами кончик своего уса, а затем промолвил:

— Сорок пять минут! Через сорок пять минут мы подъедем к гостинице Метрополь. Там вам, господин, заказан люкс размещения.

Этот был опытный водитель Интуриста, он ни единым словом не упомянул название того шоссе, по которому сейчас двигался его автомобиль. Этот водитель только что продемонстрировал юной Леночке, как следует себя вести, что можно и что нельзя говорить своим иностранным гостям! Старик водитель проявил достойную любому русскому человеку секретность в общении с возможным врагом народа, которого вез в гостиницу.

Ровно через сорок пять минут автомобиль притормозил рядом с гостиницей, фонарные столбы рядом с которой горели в полнакала, словно город находился на осадном положении и соблюдалась светомаскировка. Леночка Семенова выпорхнула из автомобиля, легко взбежала по ступенькам мраморной лестницы и исчезла за дверьми, ни проронив, ни единого слова. Вальдемар Косински продолжал сидеть в салоне автомобиля, не зная, что ему делать, своим поведением он боялся нарушить какие-либо ему неизвестные правила поведения гостей Интуриста и этим самым привлечь к себе внимание НКВД. Но, когда и суровый водитель, по-прежнему, хранивший враждебное молчание,

покинул свой автомобиль и начал вокруг него прохаживать, то Вальдемар решил погулять вокруг автомобиля. Он покинул шаги и начал нарезать круги вокруг этого авто, неизвестной ему марки. Правда, оно почему было очень похоже на американский автомобиль «Форд «Модель Т».

Больше из тактичности, чем из интереса Вальдемар Косински на ломаном русском языке поинтересовался маркой и заводом производителем этого автомобиля, на что тот сурово, насупив седые брови, ответил:

— Господин хороший, не надо ко мне подлезать с всякими провокационными вопросами, все равно я не поддамся на вашу удочку! Я, как и был русским пролетарием, так им и останусь до самой своей смерти, вам меня не свернуть с правильного пути! Слишком уж вы, господин хороший, молоды и неопытны, чтобы меня обратить в чуждую мне веру капитализма.

Вальдемар прекрасно слышал и понимал слова этого старого водителя, но он так и не понял, что же тот конкретно имел в виду, отвечая на его вопрос о марке этого полуфабриката, а не автомобиля, на котором его привезли из аэропорта. Внезапно двери гостиницы распахнулись и в дверях показалась рассерженная Семенова, которая поинтересовалась:

— Господин Косински, почему вы не идите в гостиницу, я там стою, стою перед администратором и жду, когда вы изволите появиться, а вас все нет и нет?! Вас не расселят в гостинице «Метрополь» до тех пор, пока вы не предъявите свой паспорт!

Этот несколько вызывающее обращение со стороны экскурсовода Интуриста рассердило Вальдемара. Поэтому он собрался с духом и довольно-таки резко ответил:

— Уважаемая Лена, мне не нравится, как вы со мной обращаетесь, как разговариваете со мной. Я первый раз в своей жизни прилетел в вашу страну с реальным коммерческим предложением. Перед вылетом я вам направил точный перечень людей, с которыми хотел бы встретиться и обсудить совместную работу! На организацию одного этого авиаперелета я потратил больше двадцати тысяч долларов. В Москве же меня вместо того, чтобы предложить реальную программу переговоров, встречают одними только обещаниями. Сейчас я могу сказать, что вами была не проработана моя просьба о беседах с руководителями вашего государства. В результате я оказался в положении, когда мне ничего не остается, как снова сесть в автомобиль, отправиться в аэропорт, чтобы подняться на борт самолета и вылететь обратно в Стокгольм?! Более того, вы, товарищ Семенова, не говоря мне ни слова, убегаете в гостиницу, а потом возвращаетесь и начинаете меня упрекать в том, что я будто бы

заставил вас ждать, что вам нужен мой паспорт, который вы отобрали еще в авиапорту и до сих пор мне не вернули.

С каждым словом, произнесенным господином Вальдемаром Косински, Елена чувствовала себе все более и более виноватой, хотя ее основной задачей, как экскурсовода, было сопровождение иностранца, рассказ о достопримечательностях города, а также перевод его разговоров с советскими гражданами. Над его реальной программой пребывания в Москве работали совершенно другие люди, так называемые референты. Они писали все необходимые письма с просьбами о встречах, беседах или о переговорах, то есть экскурсовод Семенова не имела к этой части программы пребывания шведа польского происхождения, господина Вальдемара Косински, никакого отношения. Но сейчас экскурсовод Семенова оказалась в положении, когда была вынуждена принять на себя все огрехи ее товарищей по работе с иностранными туристами и бизнесменами.

— Господин Косински, — начала говорить она.

Но Вальдемар ее перебил, сказав:

— Меня зовут Вальдемар, я привык, когда ко мне обращаются по этому имени!

— Извините меня, Вальдемар, но я не могу этого сделать! Уважаемый господин Косински, позвольте мне принести свои извинения за некачественную подготовку вашей программы пребывания в Москве на девятнадцатое и двадцатое июня одна тысяча девятисот сорок первого года. Дайте мне, пожалуйста, три часа, к десяти тридцати сегодняшнего утра ваша программа будет окончательно скомпонована, мы примемся за ее осуществление!

Вальдемару пришлось отказаться от двух номеров, окна которых выходили на внутренний дворик гостиницы, он решил остановиться в третьем номере, окна которого выходили на фасад здания Государственного академического малого театра Большого театра. Но главная хитрость этого номера заключалась в том, что еще одно окно этого номера, расположенного на третьем этаже, выходило за угол здания гостиницы. К этой же стене были пристроены несколько старинных зданий, крыши которых и находились на уровне этого окна.

Приняв душ холодной водой, горячей воды в кранах гостиницы попросту не оказалось, Вальдемар Косински быстренько переоделся в рабоче-крестьянскую одежду, сбитые в каблуке башмаки, неглаженные тряпичные брюки, кургузый пиджачишко и неизменная кепка аэродром. В этой одежде он снова стал Иваном Фроловым, пареньком только что выпущенным из тюрьмы. Справку об освобождении он запрятал во внутренний карман пиджака, а за пояс брюк сзади засунул свой полностью

заряженный «Вальтер Р38». Остро заточенную финку, этот нож стал очень популярным в криминальном мире Советского Союза после совсем недавно закончившейся Зимней войны с белофиннами.

Внимательно осмотрев себя в зеркало, сверив часы, было шесть часов тридцать три минуты, Иван Фролов подошел к окну, раздвинул шпингалеты, раскрыл окно. Уже стоя на крыше здания, он плотно свел створки окна и неслышными шагами пробежался по крыше здания к остаткам китайской стены, где ловко спрыгнул на землю. Смешавшись с толпой таких же, как и он, работяг, спешивших на смену на московские фабрики и заводы, Иван поспешил к остановкам троллейбуса N 25, которым мог добраться до улицы, на которой стоял его родной дом, в шесть этаже и с одним подъездом.

Глава 7

1

Иван Фролов спустился с четвертого этажа. Прежде чем выйти на улицу, он задержался на лестничной клетке первого этажа, стараясь прийти в себя. Он совершенно не ожидал того, что на его звонок, дверь его родной квартиры откроет не пьяная мать, а совсем другой человек. От этого он сбился и начал лепетать:

— Могу ли я видеть Ивана Фролова?!

— Здесь такой не проживает!

— Как же так, мне же сам Ванька Фролов говорил, что именно по этому адресу он проживает!

— А я тебе, мозгляк, говорю, что он здесь, в этой квартире больше не проживает! Так что, давай, канай отсюда и что я тебя здесь больше не видел!

— Ну, хорошо, Ивана, в этой квартире нет, ну, а где же тогда находится его мать? Ты же не станешь отрицать, что это эта квартира прежде принадлежала семье Фроловых! Так где же она? Насколько я знаю, что она больна, что за ней требуется постоянный присмотр!

— Слушай, парень, ты, похоже, сам-то уголовник, тебя только что выпустили из тюрьмы! Так что здесь, я повторяю, тебе делать нечего. Советую, позаботься о самом себе, а не о своем уголовном напарнике. Если хочешь снова вернуться в тюрьму, то я могу тебе помочь в этом деле. Могу сделать так, что ты уже никогда не покинешь тюремные стены, если продолжишь свое нытье. Так что бывай по добру, по здорову!

— Слушай, мне не страшны твои угрозы! Плевать я на них хотел, Сема! Ты и так уже устроил мне так, что внутренняя тюрьма на Лубянке стала моим родным домом! Так что благодаря тебе, я многому там научился. Теперь у тебя, Сема, не получится, просто так избить меня, не получив сдачи! Так что слушай меня энкеведешник, если мне расскажешь, что случилось с моей матерью, то я отстану и больше никогда сюда не вернусь! Если не расскажешь…

В этот момент Семен Воронов начал разворачиваться туловищем, чтобы в узкой прихожей бывшей квартиры Фроловых освободить пространство для того, чтобы у него появилась возможность размахнуться рукой и ударить этого наглого парня. Но Иван Флоров обеими своими руками втолкнул его в квартиру.

Этот толчок руками неожиданно получился сильным, от него Семен Воронов, всплеснув руками, спиной вперед влетел в квартиру и распростерся на полу прихожей. В его глазах появился гнев, сам Семен хотя и был плохим атлетом, все же сумел собраться, чтобы обеими ногами нанести удар по Ивану Фролову, который в этот момент перешагнул порог, перешел в квартиру. Удар ногами ему пришелся в плечо, от него он пошатнулся, но стена и закрывающаяся входная дверь помогли ему устоять на ногах. Иван даже успел одну из ног противника взять в захват, перевести в болевой прием, вывернув и согнув ногу так, что Семен застонал и запросил пощады:

— Ты парень чего делаешь? Прекрати не надо этого делать! Задавай свои вопросы, я попробую на них ответить!

— Когда ты меня арестовал в школе, то мама оставалась дома! Что с ней после произошло? Куда она исчезла? Она ведь никому не была нужна, толь мне и отцу!

— Может быть, твоя мать и была горькой пьяницей. Она действительно никому не была нужна, но ты забыл о трехкомнатной квартире, в которой проживала твоя мать! В нашем райисполкоме, как только узнали о расстреле в НКВД твоего отца, то тут же перерасмотрели вопрос об обеспечении семьи Фроловых жилплощадью. Ордер на эту квартиру выдали моему отцу, дворнику Михаилу Сергеевичу Воронову, а вам, то есть тебе и твоей матери, выделили небольшую комнату в коммунальной квартире на улице Усиевича, 8! Но насколько я знаю, то ее там нет! Она там никогда так и не появилась. Никто не знает, что случилось с твоей матерью, когда пришла комиссия райисполкома, она ей сообщила о том, что твоя мать должна навсегда покинуть эту квартиру.

Из-за глубокой жалости к матери, слезы показались в глазах Ивана. Он вспомнил о том, как его мать стояла у окна, водила пальцем по запотевшему оконному стеклу, напевая что-то очень грустное. По ее глазам текли слезы, слышались слова:

Что-то грустно душе, что-то сердцу больней,
Иль взгрустнулось мне о бывалом?
Это май-баловник, это май-чародей
Веет свежим своим опахалом.

Видимо, Семен Воронов почувствовал этот момент, понял, что его противник Фролов слегка расслабился. Сильным рывком он вырвал ногу из его захвата. Затем несколькими быстрыми перекатами Семен, не вставая на ноги, докатился до дивана в большой комнате. На диване валялся пистолет маузер, но для

того, чтобы выстрелить из этого пистолета ему требовалось пистолет снять с предохранителя, взвести курок и только затем он мог выстрелить. Семен Воронов сумел снять маузер с предохранителя, но не успел взвести его курок, так как две вальтеровские пули едва ли не одновременно поразили его грудь, а одна из них прошла через сердце энкеведешника.

Иван Фролов поднялся на ноги, подошел к трупу, в этот момент его руки сами собой вернули «Вальтер Р38» на прежнее место, за ремень пояса сзади. Несколько мгновений он рассматривал лицо Семы, раздумывая о том, что надеялся на то, что этот человек предоставить ему столько информации о Москве, о ее криминальном мире, что ему не потребуется дополнительные источники такой информации. На деле же получилось так, что он был вынужден убить Сему уже на второй минуте встречи, так ничего существенного не узнав. В этот момент Иван вдруг вспомнил о том, что его Машка живет совсем неподалеку.

Осторожно приоткрыв подъездную дверь, Иван осмотрелся кругом. Двор был пуст, но за оградой стоял дворник Михаил Воронов вместе со своими местными приятелями и над чем-то громко смеялся. Тогда Иван Фролов вспомнил о существовании второго выхода с этого двора, которым он часто пользовался подростком. Одним прыжком, он взобрался на крышу сарая, сделал несколько скользящих шагов по крыше сарая, а затем спрыгнул с нее, сгруппировался и по откосу выкатился к самой улице, которая проходила вдоль их дома. За поворотом, по-прежнему, слышался голос дворника и голоса его собеседников.

Отряхнув пиджачок, на голову плотнее натянув кепку, Иван направился по улице подальше от дома, который когда-то был ему родным, и в одно мгновение превратился в чужой. До Машкиного дома нужно было пройти две улицы и один переулок. Там почти у самого метро Бауманское стоял высотный дом в десять этажей, на восьмом этаже жила бабка Машки. Отец Марии был командиром Красной Армии, а ее мать военным врачом. Она с мужем вдвоем так и мигрировала по разным гарнизонам, а воспитание Машки доверила своей матери, бабушке Марии. Они вдвоем так и погибли на Халхин-Голе, японская авиабомба взорвала палатку, в которой лежал раненый отец Машки, а ее мать, как верная жена, там лечила мужа от ранения.

Иван прошел в подъезд дома, он сразу же обратил внимание на то, что Машкина бабка отсутствовала на своем обычном месте. При входе для нее поставили специальный столик, за которым бабка обычно сидела. Она всегда спрашивала имена приходивших гостей, а затем перезванивала в ту или иную квартиру, чтобы

поинтересоваться тем, ожидают ли они такого или иного гостя?! Это место за столом также позволяло Машкиной бабке регулировать пользователей доисторического лифта, отгоняя прочь местную шпану. Ивану Фролову только однажды позволили воспользоваться этим лифтом, это случилось тогда, когда Мария пригласила его на свое день рождения!

И сейчас Иван так и не решился воспользоваться этим лифтом, на восьмой этаж он стал подниматься по ступеням лестницы. С большим трудом ему удалось пробраться к дверям квартиры, так как все вокруг было заставлено велосипедами, детскими колясками и всякой всячиной. Несколько раз он пальцем нажимал кнопку дверного звонка, но так и не услышал его трели. Тогда он дважды кулаков прошелся по филенке двери, но за ней, по-прежнему, сохранялась тишина, не было слышно ни звука. Недоуменно пожав плечами, Фролов уже начал разворачиваться, что бы вернуться на лестницу, и начать свой спуск вниз по этой лестнице, когда дверь внезапно распахнулась за его спиной.

— Иван, — послышался голос Маши, — где ты пропадал так долго? Анна Николаевна нам рассказывала о том, что НКВД звонили в школу и извинялись за ошибку с арестом ученика 10-го А класса Фролова. Она также говорила о том, что в тебе что сломалось, что ты стал прятаться от людей, поэтому не хочешь вернуться в школу и сдать выпускные экзамены.

— Ты одна дома, я могу сейчас к тебе зайти?

— Да, Ваня, заходи, пожалуйста! Я теперь живу одна-одинешенька, бабка-то моя, померла два месяца назад!

Иван сразу же прошел на кухню и сел на свой любимый табурет. Сидя на нем, в кухонного окно хорошо просматривался весь двор этого дома.

Внимательно осмотрев двор и, не заметив там ничего особенного, Иван повернулся в сторону Машки. Он тут же ахнул от внутреннего удивления, Машка за этот год прямо-таки расцвела. Сейчас перед ним стояла не девчонка, а красивая молодая женщина. Плечи слегка округлились, груди налились и сейчас высились внушительными холмами. Но Ивану больше всего понравилась осиная талия Машки и ее внушительные бедра. Неведомая сила потянула Ивана Фролова в объятия этой пока еще ему незнакомой женщины. Не успел он и глазом моргнуть, как оказался в объятиях Машки. Его руки, действуя сами по себе, раздвинули ворот ее халатика, вскоре он лицом утонул в дикой нежности девичьей груди. Губы Ивана сами собой нашли, начали целовать, лизать и прикусывать два упрямых сосочка, которые начали расти и укрепляться сами по себе.

Только в этот момент он услыхал задыхающийся голос Маши:

— Ванюша, я больше не мог! Давай, перейдем в другую комнату, там стоит бабкина кровать.

Сколько времени они занимались любовью, никто из них не мог сказать! Иван Фролов пришел в себя, когда напольные часы пробили ровно девять часов утра. В одно мгновение парень натянул на себя свою одежду. Стоя над Марией, любуясь своей любовью, Иван Фролов тихим голосом произнес:

— До свидания, Маша! Чистый случай свел нас вместе, хотел зайти к тебе и поинтересоваться, что случилось с моей матерью?

— Она в дурдоме! Когда ей дворник дяди Миша рассказал о том, как тебя арестовывали в школе, то она его внимательно слушала и пила водку, которую же дядя Миша ей и принес! Потом начала кричать о том, что советская власть у нее отняла мужа и сына, то дядя Миша вызвал санитаров из какого-то дурдома, они приехали, ее связали и увезли. Больше ее никто не видел! Вань, а ты вернешься ко мне, ведь без тебя и я пропаду. Семка Воронов стал не давать мне прохода! Требует, чтобы я вышла за него замуж. А за него я не хочу, я ведь тебя одного любила и люблю!

— Маш, в Москве я проездом! Должен ее вскоре покинуть и не знаю, когда снова вернусь в этот город! Но завтра, в пятницу, я обязательно к тебе зайду, расскажу о том, как и где ты будешь дальше жить! А сейчас мне надо спешить, если я хоть на минуту опоздаю… Не, даже не хочу об этом думать, так что я пошел, а завтра мы снова встретимся.

2

Разумеется, рабочее время у народного комиссара внешней торговли Анастаса Микояна было расписано по минутам, но он нашел-таки свободное время для того, чтобы встретиться с молодым шведским предпринимателем господином Вальдемаром Косински, чтобы пожать ему руку, прочитать по бумажке перечень всего того, в чем нуждался Советский Союз. Затем он внимательно посмотрел на Вальдемар и произнес:

— Я полагал, что вы серьезный шведский промышленник в годах, но сейчас перед собой вижу совсем молодого человека! Зачем, господин Косински, вы к нам приехали, ведь, работать с нами очень трудно и не всегда проекты осуществляемые вместе с нами приносят быстрые доходы.

В этих словах сорокапятилетнего человека прозвучала настоящая ностальгия о прошедших временах, но одновременно

Вальдемар услышал и нотки недоверия в том, что такой человек, как он, может справиться с осуществлением серьезного проекта. Тогда он решил пойти ва-банк:

— Господин народный комиссар, сегодня мне примерно столько же лет, сколько было вам, когда народ и партия доверили вам руководство торговлей Советского Союза и, не смотря на свой, казалось бы, юный возраст, вы справились с поставленными перед вами задачами. Так вот и я вам хочу сказать, что справлюсь с теми задачами, которые сегодня стоят перед Советским Союзом в области снабжения населения продуктами и промышленными товарами. Разумеется, моих миллионов не хватит на то, чтобы в полной мере и по всему дефициту поставлять вам продукты и товары народного потребления. Но я, к примеру, сказу, могу выступить вашим посредником в переговорах со шведским правительством о поставках вам шведских паровозов. Могу наладить в Советском Союзе производство женской косметики. Я очень многое чего могу сделать, как вы говорите, по малости, но со временем такая малость может вырасти до больших проектов!

Выслушав перевод Леночки Семеновой, Анастас Иванович задумался на секундочку, затем поднял глаза на Вальдемара Косински и сказал:

— Надеюсь, что вы, господин Косински, хорошо понимаете, что у меня попросту нет времени присутствовать на всех встречах и переговорах с вами. Поэтому заранее прошу меня извинить за то, что я буду часто на них отсутствовать. Все переговоры с нашей стороны будет вести начальник управления моего наркомата, господин Чистяков. Сейчас же я буду вынужден вас покинуть, а вы займитесь выяснением возможных точек соприкосновения вашей фирмы и моего наркомата. Определив такой список, затем мы займемся выяснением того, что мы можем сделать друг для друга, а после этого начнутся времена согласований и подписаний контрактов. Еще раз, господин Косински, напомните мне название вашей фирмы, города в который вы будете иметь офисы или филиалы вашей компании. И последнее, сколько времени вы собирайтесь в этот приезд пробыть в Москве?

— Название моей фирмы «Косински и Партнеры», в настоящее время один функционирующий офис имеется в Стокгольме. Недавно мне пришлось офисы своей компании закрыть в Варшаве, Вильнюсе и Риге. Сейчас мы работаем над открытием офисов в Хельсинки, в Берлине и в Париже. В Москве я пробуду еще и завтрашний день, после чего планирую вылететь в Берлин для переговоров с министром экономики Германии господином Вальтером Функе. Я только что от него получил подтверждение о том, что он готов меня принять на переговоры. В

субботу днем самолетом я вылечу в Германию.

Замечательно, господин Косински, так что у нас есть возможность еще раз встретиться, скажем, завтра. Мои люди разыщут вас и обязательно заблаговременно предупредят, если такая встреча может состояться. А сейчас я вынужден вас покинуть, Вальдемар, меня ожидает еще одна встреча с американским промышленником Армандом Хаммером, он сейчас меня ожидает в другом кабинете! Итак, до встречи завтра!

С этими словами Анастас Иванович Микоян, народный комиссар СССР покинул комнату переговоров, оставив Вальдемара Косинского с целым сонмом чиновников Наркома внешней торговли СССР. Еще не успел дверь закрыться за наркомом, как с их стороны последовали различные вопросы. Причем, эти вопросы следовали в таком темпе, они носили такой характер, словно Вальдемар снова оказался на допросе у следователя НКВД СССР. Первое время Вальдемар Косински сдерживался, отвечал очень подробно и вежливо, но, когда последовали вопросы, касавшиеся функционирования офисов его компании в Риге и в Вильнюсе, то Вальдемар сделал следующее заявление:

— Уважаемые господа, прежде всего, довожу до вашего сведения, что в момент закрытия этих двух офисов, компания называлась по-другому и имела другого владельца. Но скажу вам откровенно, ознакомившись с работой этих двух офисов, я поддержал решение прежнего главы компании об их закрытии. Я хочу вам откровенно сказать, там под давлением со стороны НКВД было невозможно работать!

Чиновники наркомата внешней торговли, услышав подобные слова объяснения из уст иностранца, замолчали, они начали как-то странно поглядывать на одного из своих сотоварищей, человека тридцати — тридцати пяти лет с решительным лицом. Тот же на долю секунды замешкался, а затем принялся горячо обвинять всех иностранцев Риги и Вильнюса в шпионаже в пользу Германии. На что Вальдемар недоверчиво покачал, и сказал:

— Извините, уважаемый господин, я не знаю вашего имени, но такого попросту не могло случиться, так как большинство иностранцев в этих двух советских городах были иудеями, а вы должны хорошо знать, как германцы сейчас нетерпимо к ним относятся! Так что граждане еврейской национальности едва ли будут работать на нацистов, на французов и англичан — может быть, и да, но опять-таки французы все проиграли, а англичане сегодня слишком заняты обороной своего острова.

После этого резкого высказывания Вальдемара Косинского, противоположная сторона перестала задавать провокационные

вопросы, сосредоточилась на решение задач, поставленных наркомом Микояном.

Обедать Вальдемару пришлось в общей столовой наркомата, еда оказалась калорийной, но очень плохо приготовленной.

— Я мог бы свою деятельность в СССР начать с организации работы кухни этого наркомата! — Сказал Вальдемар после того, как расплатился за обед у стойки кассира, у которого не было кассового аппарата.

Он тут же забыл об этом высказывании, так как вскоре продолжились консультации с чиновниками наркомата внешней торговли. Они закончились в шесть часов вечера. Леночка Семенова собралась его вести в Большой театр на «Лебединое озеро», но Вальдемар отказался, сославшись на плохое самочувствие после ночного перелета и долгих переговоров в наркомате. В баре «Метрополя» он выпил бокал «Блади Мэри» и тут же отправился в своей номер, спать.

Едва переступив порог своего номера, Вальдемар почувствовал, что в нем побывал посторонний человек. Закрыв за собой дверь номера, он, не двигаясь с места и закрыв глаза, попытался себе представить, чем же именно занимался этот незнакомец в его номере. Некоторое время он провел у телефонного аппарата, ясно, что в этот аппарат он заложил подслушивающее устройство, а затем занялся нижнем и верхнем бельем, хранимом в гардеробе. Незнакомец работал в его номере, стараясь близко не подходить к окна, видимо, опасался, что в окно его могут заметить. Таким образом, была сохранена тайна третьего окна, выходившего на крыши домов и сараев, построенных рядом со зданием «Метрополя»!

Свободно вздохнув, Вальдемар включил верхний свет в номере, принялся переодеваться в одежду московского уркагана. Он не забыл разобрать свою постель, из второго одеяла накатать куклу, укрыть ее одеялом, и только после этого выключил верхний свет. Минут на тридцать он задержался в своем номере, проверяя на всякий случай, не постучится ли кто-либо к нему в гости. Только после всего этого Вальдемар осторожно открыл свое третье окно и выскользнул на крышу соседнего здания.

Сегодняшний вечер в ресторане «Арагви» был зарезервирован криминальным сообществом Москвы, которое на настоящий момент переживало тяжелейший кризис в результате карательных действий НКВД СССР. На походе к этому ресторану Вальдемар или Иван Фролов начал встречать уркаганов, молодых парней, одетых в более или менее приличную одежду. Но этих парней из серой толпы москвичей, вышедших погулять перед сном вечерком, отличала одна особенность. У них у всех на

головах была кепка аэродром, папироса «Казбек» в зубах и тюремная феня на устах. Время от времени к ним подходили какие-то москвичи и, кратко переговорив с уркаганами, эти москвичи отправлялись к дверям ресторана «Арагви».

Иван собственными глазами наблюдал, как, повернув с улицы горького, мимо ресторана проехала «Эмка» и, не поворачивая на Пушкинскую улицу, остановилась. Из салона автомобиля вышел человек среднего возраста, и одернув офицерский китель без знаков различия на воротничке, направился в обратную сторону. Лицо этого москвича показалось Ивану знакомым, не снижая своего шага, он пошел за этим москвичом, стараясь вспомнить, откуда он мог его знать. Ведь он отсутствовал в Москве, чутье более года.

Москвич в этот момент подошел к одному из уркаганов, что-то тому прошептал на ухо. Тот в ответ посмотрел на человека, и только после этого утвердительно кивнул головой. Вахтер грузин, стоявший у дверей ресторана, прекрасно видел всю эту процедуру представления и, когда москвич подошел к дверям ресторана, то пропустил его внутрь без дополнительных вопросов. Но он встал горой перед Иваном Фроловым, когда тот попытался пройти в ресторан.

— Генацвале, ты уж меня извини, но сегодня у нас специальное мероприятие! Вход в ресторан по специальным приглашениям!

Тогда Иван из внутреннего кармана пиджака достал красивый конверт и, молча, его протянул вахтеру. Тот, видимо, не знал, что ему нужно сделать с этим конвертов, он стоял и непонимающими глазами смотрел на Ивана.

Тогда тот тихим голосом произнес:

— Ты, болван, разверни конверт, посмотри, что в нем!

А за спиной Ивана уже начала собираться очередь, желающих попасть в ресторан, прошедших собеседование с уркаганами! Вахтер неловкими пальцами вскрыл конверт, разорвав его наполовину, и опять-таки непонимающими глазами уставился на красивую картонку, на которой каллиграфическим почерком было выведено: «Приглашение». Но и в этом случае грузин не знал того, что он должен был делать с этим приглашением, хотя понимал, что что-то не так во всем сейчас происходящим перед входом в ресторан. В конце концов, он догадался, как ему следует поступать:

— Уважаемый господин, прошу вас пройти внутрь ресторана, немного подождать, пока я не пропущу в ресторан других членов нашего сообщества!

В тот момент, когда Иван Фролов заходил в ресторан, то он

увидел Моню, который в окружении большого количества уркаганов куда-то спешил. Особо не повышая своего голоса, Иван спокойным голосом произнес:

— Моня, это я приехал по твоему приглашению, но меня не пускают в ресторан!

Моня остановился, как вкопанный, видимо, он уже давно ждал, когда вновь услышит голос своего друга! Все движение в холле ресторана мгновенно прекратилось, внимание всех криминальных авторитетов и паханов сосредоточилось на Моне, за этот год вставшего во главе не только московского криминального сообщества, но и всего Советского Союза. Увидев Ивана Фролова, стаявшего рядом с входными дверями, Моня все бумаги, державшие в руках, передал своему помощнику, а сам устремился к Ивану. Он обнял его, и похлопывая руками по его плечу отвел его немного в сторону, прошептал ему на ухо:

— Я тебя ждал, но, честно говоря, особо не верил в то, что ты можешь приехать в Москву. Хочу сказать только одно, что криминальное сообщество Советского Союза лежит практически в руинах из-за предательства авторитетов и паханов. Мне нужен верный заместитель, который мог бы заняться чисткой наших рядов! Я очень полагался на то, что ты станешь плечо о плечо вместе со мной!

3

Два человека сидели за одним столом, который был роскошно сервирован, и стоял в отдельном кабинете на втором этаже ресторана «Арагви».

— Так что, Моня, ты сам понимаешь, что сердцем я с тобой, так как ненавижу советскую власть и, в частности, особо ненавижу ее карательный орган — НКВД СССР, который меня из простого московского мальчишки сделал изгоем. И сейчас, Моня, я не могу тебя открыто поддержать, встать рядом с тобой, начать борьбу за очистку от предателей твоего криминального сообщества. Во-первых, меня здесь никто не знает, потребуется много времени на то, чтобы заявить о себе, завоевать определенное место в сообществе. И, во-вторых, и это главное для меня, сегодня я занят строительством своего собственного холдинга за пределами СССР! Так что я готов и тебя пригласить, принять участие в этой работе, вместе мы многое сумеем сделать!

— А в этом уже я, Ваня, не могу принять участия, хотя мне очень хотелось бы этот Совок покинуть, как можно скорей, уехать заграницу! А что касается тебя, Ваня, то это ты зря говоришь так,

что будто бы о тебе никто не знает в нашей стране?! Сегодня ты, Иван Фролов, один из героев нашего сообщества. Даже песня сложена о тебе, как ты бежал с этапа! НКВД же в свою очередь никогда не забудет человека, который на тот свет отправил пятерых охранников этапа, дав возможность бежать двадцати другим уголовникам! А если говорить обо мне, то, если я покину это государство рабочих и крестьян, то уже завтра наше уважаемое общество окончательно разбредется по своим углам, оно перестанет совсем существовать. Те же самые энкеведешники на любой наш чих, отвечают массовыми расстрелами. Они безжалостно этими своими расстрелами чистят свои лагеря, колонии и тюрьма от нашего уголовного элемента. Я даже удивился тому, что они нам разрешили собраться, поговорить о своих бедах в этом самом ресторане?!

За окном послышался шум двигателей многих грузовиков, Иван подошел к окну и выглянул в него. За окном он увидел, как грузовики с красноармейцами в кузовах, начали один за другим подъезжать к ресторану «Арагви». Грузовики останавливаясь на площадке вокруг памятника Юрию Долгорукому.

— Моня, пожалуйста, в своей жизни ты уже научился ничему не удивляться! Но я прошу тебя подумать о том, почему же они так поступают? Может быть, именно сегодня НКВД СССР выгодно организовать и проводить такое сборище уголовников под твоим авторитетным именем? Ты же сам мне только что говорил о том, что сегодня это твое криминальное сообщество переживает свои трудные времена. На основании одного этого можно легко прийти к выводу о том, что НКВД дало тебе такое разрешении, чтобы твою эпопею выживания подвести под окончательную точку.

Заинтригованный этими словами своего друга, Моня сердито посмотрел на Ивана, затем швырнул вилку и нож на стол, а сам подошел к раскрытому окну. Там он застыл, стоя рядом с Иваном Фроловым, наблюдая за тем, как красноармейцы, прыгая через борт грузовиков, выстраивались по отделениями и взводам.

Моня пришел в себя, когда увидел Ивана, ташившего в руках английский пулемет, к открытому балкону. Этот был один из трех пулеметов, которые на сходку притащили молодые уркаганы, которые в открытую заявили о том, что такой важный сходняк нельзя проводить без надежной охраны. Тогда озверевший Моня за двери ресторана выбросил группу тех парней со всем их оружием, видимо, этот пулемет они попросту забыли захватить вместе с собой!

Открыв дверь балкона, Иван Фролов повернулся лицом к Моне и громко прошептал:

— Моня, в твоем распоряжении ровно пять минут. Столько времени я смогу сдерживать красноармейцев, не позволю им прорваться в ресторан. Ток что беги вниз, принимай меры по спасению своих уродов рецидивистов!

— А ты, Иван? Что будет с тобой?

— Не думай обо мне, а спасай своих людей, у тебя очень мало времени!

— Тогда у меня к тебе одна просьба! Не убивай слишком много красноармейцев, ведь они ни в чем не виноваты!

— Хорошо! Обещаю! Но и ты займись своим делом, а то у нас ни на что не хватит времени!

Моня перестал задавать вопросы, он бегом бросился к выходу из зала, расположенному на втором этаже ресторана «Арагви». Кубарем скатился с лестницы. Подбежав к залу, где участники сходки обсуждали насущные проблемы уголовного сообщества Советского Союза, прямо с порога прокричал:

— Всем быстро расходиться, нас окружают энкеведешники!

Шестьдесят человек собравшихся в зале вскочили на ноги, сначала они намеревались бежать к главному выходу из ресторана. Но тут над их головами застучал пулемет, бежавшие люди тотчас же изменили направление своего бега, несколькими струйками они потекли в сторону кухни, в которой имелось несколько выходов в один из московских переулков.

Иван в этот момент перезарядил пулемет новым рожком на тридцать патронов. Его стрельба, столь неожиданно открытая по красноармейцам, вызвала среди бойцов Красной Армии небольшую панику, так как красноармейцы еще никогда не были под пулеметным обстрелом. Они начали разбегаться и, не слушая команд своих командиров, прятаться за грузовиками, или в декоративном кустарнике, росшем вокруг памятника. Перезарядив пулемет новым магазином, Иван с пулеметом наперевес побежал к лестнице, ведущей на первый этаж ресторана. Уже сверху этой лестницы он обратил внимание на то, насколько ресторан освободился от участников сходки, последние люди скрывались за дверьми, ведшими на кухню. Но все еще находясь на середине лестницы, он повернул голову вправо и через стекло витрины ресторана увидел красноармейцев, оправившихся после первого обстрела, сейчас бегущих к дверям «Арагви». Тогда Иван пулемет положил на перила, а затем нажал спусковую скобу, помещение ресторана тут же заполнилось громкими звуками выстрелов.

Выпустив в сторону красноармейцев очередь в пятнадцать патронов, он снова заставил их прятаться за грузовики. И на этот раз Иван стрелял поверх голов красноармейцев, так как не хотел

убивать этих молодых крестьян, а сам в этот момент по лестнице сбежал в зал ресторана. Пригнув голову, он помчался к двери на кухню. В этот момент краем глаза он увидел небольшую кучку людей, ворошащуюся на полу. Ему даже послышался голос Мони, который придушенно стонал и выкрикивал:

— Нет, гады, вы, Моню, больше не возьмете, я лучше умру, чем вам сдамся!

Фролов выпрямился, остаток патронов в магазине пулемета неприцельно выпустил в сторону красноармейцев, в этот момент снова поднимавшихся на ноги. Когда патроны закончились, он тяжелый пулемет швырнул в голову человека, набегавшего на него. Раскаленный выстрелами ствол пулемета попал в глаз тому человеку, тот закричал от дикой боли. Скрючившись, он упал на пол, руками прикрывая правый глаз который испарился от страшного ожога. А Иван выхватил свои оба «Вальтера Рк38», из одного из них выстрелил в спину человека, который пытался подняться с пола. Он узнал этого человека, это был тот парень, который подъехал к ресторану на автомобиле сразу же после него. Этот парень был единственным человеком, который видел его лицо.

Куча людей разметалась по полу, он увидел Моню, которого за руки удерживали два человека, а третий обеими руками вцепился ему в шею, пытаясь разрушить дыхательную трахею. Не раздумывая, тремя выстрелами из своих пистолетов Фролов пристрелил всех этих троих человек, одетых в одинаковые командирские кители. Пока Моня собирался с силами, отходя от удушения, Иван пробежался по уголкам зала, выискивая группы дерущихся или борющихся людей. Только в одном углу здоровенный детина кулаками избивал двух щуплых уркаганов. Он уже до крови разбил им губы, в помидор превратил их носы. Иван рукояткой своего пистолета этому злыдню врезал по черепушке, отчего тот свалился беспамятства на пол.

Один из уркаганов резво вскочил на ноги и быстренько обежал ресторанный зал в поисках оружия. Это оружие, два чекистских нагана, он нашел в брючных карманах людей, которые только что пытались задушить Моню. К этому времени Моня начал нормально дышать и уже махал рукой Ивану Фролову, предлагая ему, покинуть ресторан «Арагви». Еще раз, посмотрев через стекла витрины ресторана, Иван увидел, что красноармейцы снова готовятся к штурму ресторана.

— Сморчки, давай, пошли, нам пора покинуть этот ресторан!

Иван уже вместе с Моней подходил к двери на кухню, когда у них за спиной сухо щелкнул выстрел из нагана. Ни Иван, ни Моня даже головы не повернули в сторону этого выстрела. Когда они

выходили в переулок, то оба уркагана к ним присоединились. Их руки были пусты, а наганы нигде не были видны, только рубахи сзади слегка оттопыривались.

Моня сделал суровым свое лицо и таким же суровым голосом проговорил:

— При ближайшей возможности смените свое оружие, чекистское оружие лучше утопить в реке или в пруду.

Затем он повернулся лицом к Ивану и произнес:

— Ты, знаешь, а я все-таки рад тому, что мы встретились! Да, и к тому же если бы не ты, то сейчас я бы лежал бездыханном жмуром на радость начальству из НКВД! Сейчас мы разойдемся, так как же я тебя снова увижу, где тебя следует искать?

— Вот на, возьми мою визитную карточку, по этому телефону ты можешь позвонить или днем, или ночью. Тебе всегда ответят и расскажут, как меня найти! А как я тебя могу разыскать, когда ты мне потребуешься, Моня?

— Давай, поступим, таким образом, отправь на мое имя на центральный телеграф срочную телеграмму, без указания адреса доставки. Мне обязательно доложат о том, что ты меня разыскиваешь, а я уже сделаю так, что мы обязательно встретимся. До свидания, мой друг, и до новых встреч.

Уркаганы, ничего не спрашивая, молча, присоединились к Мони, вскоре они все трое исчезли за поворотом улицы.

Мария явно не ожидала появления Ивана! Кода раздался звонок в дверь, то она даже подумала о том, кто бы к ней мог бы заявиться так поздно. Когда она открыла дверь и увидела своего Ванюшку, то онемела, а из глаз потекли слезы. Девушка, молча, развернулась и пошла вглубь своей двухкомнатной квартиры. Иван стоял в дверях, любуясь своей любимой. Если бы он это знал, если бы он мог бы это предвидеть, то не торчал бы так долго в проеме дверей, а поскорей бы прошел в квартиру, захлопнув за собой дверь.

В этот момент соседка Марии, мечтавшая о том, чтобы какими-либо способами завладеть двухкомнатной квартиры этой вздорной девчонки соседки, задумчиво отошла от дверного глазка. Она хорошо видела, что к соседке пришел презентабельный молодой человек! И то, что девчонка его не выгнала, а приняла, то это ей, как женщине, о многом говорило! А главное о том, что, если они поженятся, то ей уже даже не стоит больше мечтать об этой самой квартирке для своего сынка. Подумав еще немного, соседка подошла к телефонному аппарата, набрала пятизначный номер и твердым голосом произнесла:

— Алло, эта милиция?! С кем я должна переговорить, чтобы сообщить компетентным органам, что у моей соседки прячется

преступник!

Глава 8

1

Новости о вечернем происшествии, только что произошедшем у ресторана «Арагви», дошло до ушей самого высшего партийного руководства и городского начальства Москвы. Начальнику УНГВД по Москве и московской области старшему майору госбезопасности Михаилу Ивановичу Журавлеву звонили из ЦК КПСС, позвонили даже из секретариата товарища Сталина. Эти ответственные товарищи интересовались только одним, почему пулеметная стрельба велась в центре Москвы? Этих начальников совершенно не интересовали вопросы о том, как идет расследование этого дела, как долго оно продлится, их только интересовало, кто именно стрелял, почему стрелял и был ли наказан тот человек, открывший стрельбу?! Разумеется, у Михаила Ивановича не было ответов на все эти вопросы, он большей частью слушал противоположные стороны, соглашаясь с их возмущением по этому поводу.

Сейчас старший майор госбезопасности Журавлев сидел за своим столом, с ненавистью в глазах поглядывая на одного из своих заместителей, капитана госбезопасности Николая Николаевича Сырохина, который занимался делами московского уголовного сообщества. Это человек его подвинул на то, чтобы УНКВД по Москве и Московской области закрыло глаза на проведение сходки столичных уголовников в ресторане «Арагви». В принципе, положа руку на сердце, было трудно не согласиться с его предложением, одним ударом подвести под расстрел все московское уголовное сообщество, обвинив его в организации и проведении такой незаконной встречи уголовников и криминальных авторитетов. Ну, кто тогда мог подумать о том, что среди этих уголовников найдутся люди, которые откроют огонь из пулемета по красноармейцам, посланным для того, чтобы арестовать и доставить в тюрьму всех этих уголовников. Причем, этот уголовный пулеметчик стрелял так хорошо, что своей стрельбой он больше напугал командиров и красноармейцев РККА, так не убив и не ранив ни одного из них.

— Николай Николаевич, как же это получилось так, чтобы у ваших уголовников вдруг оказались английские пулеметы?

— Да мы не думали, не гадали, что у этих шелудивых отбросов нашего общества вообще найдется человек, который умеет обращаться с пулеметами! А пулеметы мы им попросту

подбросили для того, чтобы на суде присутствовали бы весомые доказательства того, что наши воры давно продались английским империалистам!

— Но такой-то человек все-таки нашелся! Причем, стрелял он великолепно, ни одного красноармейца не убил, даже не ранил, но они в течение пятнадцати минут не могли оторвать головы от земли, чтобы подняться на ноги. А за это время, вы сами понимаете, все уголовники успешно покинули ресторан, так и не заплатив хозяевам за проведение своего мероприятия! И, насколько я наслышан, то вы, Николай Николаевич, все-таки потеряли четырех своих оперативных сотрудников?!

— Да, товарищ старший майор! Только я потерял не четырех оперативников, а шесть. Этим людям я поручил, захватить живым самого Моню, но, как видите, им этого не удалось сделать?!

— Тогда у нас получается, что на этой встрече появился некий товарищ Мони, о существовании которого мы пока не знаем! Этот человек пулеметным огнем остановил красноармейцев, возможно, он имеет отношение к армии, так как слишком ловко управляется пулеметом. И этот же человек убрал твоих оперативников, не задумываясь, он пустил в ход свое собственное оружие — пистолеты «Вальтер Р38». Ты бы еще разок внимательно переговорил бы со своим оперативником, которому этот неизвестный стволом своего пулемета выжег глаз!

— Вероятно, мы неправильно рассчитали свои силы, а возможности противника сильно принизили, вот и вляпались в эту самую историю, которая вообще не должна была случиться!

— Нет, Николай Николаевич, а вот с этим я не согласен! Просто уголовные авторитеты оказались под сильнейшим прессом карательных органов советской власти, вот сейчас они и вынуждены всеми силами выкручиваться из этого положения. На наш террор отвечают своим террором! Я вам приказываю, с пулемета снять отпечатки пальцев и проверить их на наличие их хозяина в наших архивах. А сейчас бери всех своих милицейских оперативников и в сопровождении с красноармейцами отправляйте их на улицы города, пусть они займутся проверкой всех убежищ, малин и вертепов московских уголовников. Может быть, кого-нибудь и поймаете, тогда нужно попытаться ниточку от арестованных уголовников протянуть до Мони и его пока неизвестного нам подельника! В общем, это очень важное дело и нам обязательно следует разобраться в том, что же случилось на этой сходке в ресторане «Арагви». Так что ты, Николай Николаевич, домой не уходи, а займись организацией хорошей ночной облавы на Моню и его подельников. Держи меня в курсе!

Всю эту ночь Машка не спала, она никогда не думала о том,

что любовь с любимым мужчиной такое увлекательное занятие. Иван почти ее не покидал, а ей всего этого было мало, поэтому она изобретала все новые и новые позы, заставляя его работать не переставая. Машка сходила с ума от счастья и блаженства, вдруг охватившее ее, когда поняла, что ее вечный сосед по школьной парте не просто симпатичный мальчик, а дикое животное, стремящееся ею обладать, подчинять себе. Ей же самой дико нравилось любоваться, когда Иван возвышался на ней непобедимым, но и одновременно равным противником. Ей страшно нравилось его целовать и целовать, одновременно ощущая, как он ее заполняет всю!

Они оба и одновременно усталые от любви заснули где-то под пять часов утра, когда горизонт только-только озолотился новым утром.

Именно в этот момент в дверь Машкиной квартиры позвонили, раздался, как показалось самой Машке, какой-то злой звонок. Не желая беспокоить любимого Ванюшку, девушка тихо поднялась на ноги и, накинув на свое обнаженное тело, сатиновый халатик, пошла, открывать дверь. Ей пришлось немного повозиться, чтобы снять внутренний засов, а за дверью слышались чужие голоса, которые разговаривали о чем-то своем. На свой вопрос:

— Кто там?

Мария услышала сердитое:

— Милиция! Открывай, чего возишься, словно крыса? А то у нас довозишься!

Вместо того, чтобы предупредить Ивана, испуганная Машка открыла дверь и тут же получила сильнейший удар мужским кулаком в свой подбородок. От удара она отлетела метра на два от двери, с силой грохнулась на пол, на мгновение, потеряв сознание. В этот момент Фролов услышал негромкий вскрик своей девушки, он приоткрыл глаза, в открытую дверь комнаты увидел свет в прихожей и гогот мужских голосов.

— Гы-гы, да она, братцы, совсем голенькая! Витек, видишь тот клубочек волос, засунешь туда свой…и получишь неимоверное наслаждение. Если она одна, то я буду первым, а вы уж, ребятки, все за мной…

В этот момент Иван был уже на ногах, готовый к бою за любимую. Но, к сожалению, вся его одежда и оружие лежали в полосе света из прихожей. Вошедшие в квартиру милиционеры пока на не обращали внимания на мужскую и женскую одежду, валявшуюся в полосе света во второй комнате. Милиционеры в этом момент разглядывали полуобнаженную Машку, валявшуюся на полу прихожей. Они все четверо набились в прихожую,

сгрудились вокруг Машки, мысками своих кирзовых сапог они касались девичьего тела, громко обсуждая ситуацию. Милиционеры напрочь забыли о том, зачем они появились в этой квартире! Сейчас они по-своему любовались женской красотой, обсуждая, кто из них станет первым.

Милиционеры были настолько возбуждены девичьей наготой, что не обратили внимания на то, как один из них, стоявший спиной к входу в одну из двух других комнат квартиры, вдруг тяжело охнул, и свалился на пол. Когда трое других повернули головы в сторону упавшего товарища, то они первым делом обратили внимание на нож, глубоко утонувший под левой лопаткой их товарища!

— Не кричите! Держите рты закрытыми, вы, свиньи! Вас наша родина воспитывала уважать, любить и защищать беззащитных женщин! Вы же сейчас обсуждали возможность изнасиловать эту девушку, которая ни в чем не виновата! За это я вас приговариваю к смерти! — Вдруг услышали эти мужланы, одетые в синюю форму советской милиции.

Только сейчас милиционеры рассмотрели, что в их компании появился еще один парень, он был совершенно голым, а в правой руке держал наган их только что погибшего товарища, который так торопился стать первым насильником! Они раскрыли рты в крике, пытаясь остановить этого безумца, но негромко один за другим хлопнули три выстрела из милицейского нагана.

Только что пришедшая в себя Машка вскочила на ноги, она с диким ужасом посмотрела на гору убитых милиционеров, и негромко простонала:

— Иван, зачем ты это сделал? Я теперь не смогу оставаться в этой квартире! Как и где я теперь буду жить?

— Одевайся, ты пойдешь со мной! Я тебя не оставлю на растерзание этим насильникам и убийцам! В своем околотке они надругаются над тобой, никто их там не остановит! Так что я тебя в Москве не оставлю!

В этот момент, когда Мария, испуганно и одновременно осторожно, боясь босыми ногами попасть в пятна крови милиционеров, прошла в комнату, там начала одеваться. В этот момент Иван вдруг заметил блеснувший глазок в двери соседки по этажу. Ему сразу же на память пришло воспоминание об аналогичном блеске этого же глазка в соседской двери, когда он вместе с Машкой проходил в ее квартиру. Ему теперь не трудно было догадаться о том, почему милиция вдруг решила посетить квартиру его Марии!

Больше не раздумывая, нельзя было оставлять в живых свидетелей расстрела милиционеров, Иван, как был голым,

вышел на площадку этажа, подошел к двери квартиры соседки, приставил ствол нагана к глазку и нажал курок. Послышался негромкий треск выстрела, а за дверь раздался звук падающего тела.

Фролов вернулся в квартиру Марии, плотно прикрыв за собой входную дверь. Проходя в комнату, Иван нагнулся и с полу поднял свою одежду. В этот момент Машка на свою красивые ножки натягивали фильдеперсовые чулки, она все еще находилась под напряжением только что произошедших событий. Поэтому девчонка временами негромко всхлипывала, а по ее удивительно красивому телу пробегал озноб. Желая успокоить свою девчонку, Иван подошел к ней. Поднял ее голову и своим губами прижался к ее губам, правда, этот поцелуй несколько затянулся.

Внутри Фролова родилась неведомая сила, которой он попросту не мог противиться! Через секунду они снова оказались в объятиях друг друга. Ноги девушки разошлись. Иван почувствовал себя самым счастливым на свете человеком, когда увидел эти удивительно красивые женские ноги с силой его обнимающие. Машка застонала, когда он снова вошел в нее…

До гостиницы «Метрополь» Иван с Марией добирался пешком. Он опасался того, что милиция, начав расследование убийства милиционеров, при опросе окружающего населения, случайно может наткнуться на свидетеля того, когда они садились на извозчика или нанимали такси. Это могло милицию вывести на его гостиницу, а ему было нужно еще день провести в ней. К тому же эти тридцать минут прохода по московским улицам и скверам в головах этих двух влюбленных оставили самые лучшие воспоминания о Москве.

Одновременно в разговоре по дороге в гостиницу Иван у своей глупой Машки выяснил все необходимое для того, чтобы принять окончательное решение в отношении, что с ней делать?!

— Маш, ты чего предпочитаешь, вместе со мной улететь в Берлин, или же остаться в Москве. Я могу найти такое укромное местечко, где милиция тебя в жизни не найдет! Там ты можешь спокойно дожидаться моего следующего возвращения?

— Конечно, любимый Ванечка, я хочу быть только с тобой! Мне ничего больше не надо! Только, чтобы я была бы постоянно рядом с тобой!

Иван хорошо понимал, что, когда его возлюбленная говорила ему эти слова, то она совершенно не думала, даже не хотела думать о том, что же эта возможность, полететь вместе с ним в Берлин, может на деле означат?! Ведь, Мария до сих пор ничего не знала о второй стороне его жизни! Он, по-прежнему, для нее

оставался тем самым Ванькой Фроловым, ее соклассником, случайно попавшим в тюрьму, но никогда не упускавший возможности коснуться ее, поцеловать в щечку! Машка не знала того, что Иван еще ночью твердо решил с ней, любимой, больше не расставаться, эту симпатичную татарочку забрать с собой и больше от себя никогда не отпускать.

Вот и сейчас Иван Фролов, идя по улицам Москвы, эту красавицу татарочку держал за руку, боясь даже на секунду выпустить ее из своих рук. Все это время ему постоянно приходилось сдерживать свои чувства и любовные порывы, не прижиматься к девчонке, ее не касаться. Когда они, наконец-то, подошли к гостинице, то он просто сказал:

— Дорогая Маша, не дергайся, ничего не пугайся, а только следуй за мной, ни на что не обращая внимания.

Зайдя за угол «Метрополя», Иван Фролов по приступочке залез на крышу сарая, посмотрел, как Машка самостоятельно вслед за ним, полезла на крышу сарая. Затем они оба пригнувшись, почти на карачках, прокрались вдоль стены гостиницы, а затем оба взобрались на крышу другого здания, чтобы вскоре оказаться у окна гостиничного номера гражданина Швеции Вальдемара Косински. Иван приоткрыл незапертую раму окна, затем он ловким прыжком перескочил подоконник. Оказавшись в номере, он подал руку ошеломленной Машке, помогая ей перебраться через подоконник. Когда девчонка оказалась в его номере, Иван обнял ее, и на ушко любимой шепотом начал рассказывать о себе, как о Вальдемаре Косински.

Такая форма рассказа о необычном превращении московского уркагана в богатого зарубежного промышленника, когда каждая фраза рассказа сопровождалась горячим и страстным поцелуем, оказалась наиболее уместной для данного случая. Маша слушала Ивана, а сама она дрожала и от испуга, и от сладострастия. Ей было приятно слушать своего самого близкого друга, одновременно она страстно желала оказаться во власти этого дикого самца, Ивана Фролова.

— А сейчас, малышка, ты видишь вон ту дверь! Эта дверь ведет в ванную комнату, там ты можешь принять горячий душ или горячую ванну. Всю свою одежду оставь в этой комнате, когда помоешься и вытрешься, то в ванной комнате набрось на себя белый махровый халат и выходи ко мне сюда. Вот в этом гардеробе ты, Машенька, найдешь свою новую одежду, которую я привез из Швеции специально для тебя.

— А ты, Вань, что хочешь меня оставить одну в этих барских хоромах? Да я боюсь…

— Прекрати, Мария, капризничать, ты уже не маленькая

девочка, а красивая молодая женщина! Тебе это просто не к лицу! Мне нужно кое с кем встретиться, а затем переговорить со своими пилотами, которые проживают в этой же гостинице. Завтра рано утро мы покидаем Москву и вылетаем в Берлин…

— Ты, что, Вань, всерьез говоришь о том, что меня, какую-то там городскую девчонку, забираешь с собой?!

— Да, Маша, всерьез! Тебя нельзя оставлять одну и на один день, обязательно найдется кто-то, кто начинает приставать к тебе! Иди, мойся, одевайся, а то нам скоро завтрак принесут! К этому времени ты должна быть одетой! Мне же с этими пилотами нужно договориться о том, чтобы они тебя незаметно для других завтра бы утром доставили бы в аэропорт. Там они должны тебя спрятать так в самолете, чтобы тебя ни одна собака бы не нашла!

Слушая Ивана, Машка демонстративно начала раздеваться прямо перед его глазами. Она почувствовала свою великую власть над этим парнем по имени Иван, ей страшно хотелось еще раз и еще раз почувствовать свою власть на ним, посмотреть, как он будет на нее реагировать. Иван же застыл посредине номера в полной растерянности, ему был необходимо срочно переговорить со своими пилотами, но сейчас его ноги прямо-таки примерзли к полу.

А затем эти ноги парня сами сделали первый шаг. направляясь к этой девчонке, руки парня сами ее обняли, а его губы сами начали целовать ее грудь…

2

Переговоры в Наркомате внешней торговли СССР завершились, было подписано соглашение о намерениях, в рамках которого обе стороны должны были определиться по каким направлениям должна пойти совместная работа. В этой связи Вальдемар Косински уже завтра вылетал в Берлин для начала переговоров с рейхминистром германской экономики Вальтером Функе.

Люди поднимались из-за круглого стола переговоров, шли к другому столу, где брали в руки бокал шампанского и снова возвращались к Вальдемару, чтобы вместе с ним выпить шампанского за первый успех, достигнутый на переговорах. Все присутствующие работники наркомата внешней торговли ожидали появления наркома Анастаса Ивановича Микояна, который должен был напутствовать Вальдемара Косински. В настоящий момент Анастас Микоян по телефонной линии разговаривал с рейхминистром Вальтером Функе в своем

наркомовском кабинете.

В этот момент к Вальдемару подошел очень вежливый и внешне ничем неприметный чиновник наркомата, который хотел переговорить с ним тет-а-тет. Шведский полковник Карл Витборг однажды упомянул его имя, сказав, что с этим русским можно сотрудничать, но нельзя становиться его платным агентом. Они оба покинули зал переговоров и под предлогом совместного перекура вышли в коридор, чтобы поговорить без свидетелей на лестничной клетке. Вчера этот человек так и вился вокруг Косински, во времена перерывов не отходя от него ни на шаг. Переводчица Леночка Семенова постоянно поглядывала на этого чиновника с каким-то подозрением, хотя его товарищи по работе в наркомате ни единым словом его не осудили за слишком тесный контакт с этим молодым шведским промышленником! По завершению вчерашних переговоров Вальдемар тонко намекнул этому человечку, что он обладает информацией, которая могла бы заинтересовать советские спецслужбы.

Вальдемар стоял и курил шведские сигареты, его же собеседник в эту минуту затягивался папиросой «Казбек». Они немного поболтали о погоде, которая стояла за стенами этого здания. Затем Иван, особо не акцентируя свой голос, небрежно упомянул о том, что в это воскресение нацистская Германия перейдет границу Советского Союза.

Энкеведешник сразу же сделал свое лицо скучающим, он небрежно бросил Вальдемару в ответ на эту его информацию:

— Последнее время многие люди передают нам эту информацию, но и по настоящий момент Гитлер остается нашим верным союзником!

— 24–27 мая 1940 года германия приняла решение о нападении на Советский Союз. Вермахт к середине января 1941 года разработал план нападения на СССР, который назвал планом Барбароссы! Совершенно случайно эта информация оказалась в моем распоряжении, я не собираюсь ее ни защищать, ни продвигать до ознакомления политического руководства Советского Союза. Я донес ее до вашего внимания, моя совесть в этом деле чиста, а с информацией делайте все, что ни захотите! Время покажет, кто был прав или неправ! Я же уверен в том, что 22-го июня рано утром немецкие дивизии перейдут границу Советского Союза, послезавтра вы сами обо всем узнаете. Да, между прочим, мне нужен односторонний контакт в Стокгольме для одного моего товарища, который мог бы вас на постоянной основе информировать о регулярных заходах немецких субмарин на ремонт на шведские заводы. Этот контакт будет вам передавать информацию только по подводным лодкам.

Когда они вернулись в зал, то Анастас Иванович уже был там. Он стоял и, держа в руке бокал шампанского, о чем-то беседовал с чиновниками своего наркомата. Увидев входящего Вальдемара Косински, он повернулся к нему лицом и произнес:

— Мой разговор с рейхминистром Вальтером Функе явно не получился. Сегодня Вальтер был немногословен, в основном он слушал меня и даже не отреагировал на мою информацию о вашем завтрашнем прилете в Берлин, Вальдемар! Может быть, вам и не стоит завтра вылетать в Берлин, задержитесь в Москве еще на два-три!

— Анастас Иванович, я два своих рабочих дня уже прекрасно отработал в Москве, теперь мне нужно поработать в Берлине и в Стокгольме! Сегодня у меня на руках соглашение, которое вы только что подписали, это зримый результат нашей совместной работы, проделанной в Москве. Теперь мне настало время поработать в Берлине и в Стокгольме. Причем, я очень надеюсь на то, Анастас Иванович, что вы в своем рабочем графике найдете время побывать в Стокгольме, сверить наши часы о совместной работе.

Обмен мнениями о проделанной работе еще продолжался какое-то время. Первым комнату переговоров наркомата покинул сам нарком, Анастас Иванович ушел по-тихому, не прощаясь с Вальдемаром Косински. Вскоре вслед за ним последовали работники среднего звена. Леночка Семенова и начальник протокола наркомата проводили Косински до такси, которое уже стояла у подъезда здания наркомата. Когда наркомовский протоколист их покинул, то Леночка подняла свои красивые глаза на Вальдемара и тихим голосом извинилась:

— Вальдемар, извините, но завтра я не смогу вас утром проводить до аэропорта Быково. В девять часов утра я сдаю экзамен по языку и не могу на него опоздать, поэтому я не могу вместе с вами поехать в аэропорт. Если вы хотите, то я могу попросить одну из своих подруг вас проводить?! Иван хорошо видел, что Леночка Семенова очень волнуется, ее действительно беспокоил его завтрашний отлет из Москвы.

— Леночка, вам не надо об этом беспокоиться! Все будет в порядке, дежурный по этажу меня разбудит вовремя, а такси довезет до аэропорта без особых проблем! Так что сдавайте свой экзамен и не думайте обо мне! Леночка, если вы не будете против, то я хотел бы вам подарить небольшую безделушку в знак памяти о нашей совместной работе Москве. — С этими словами Вальдемар достал из кармана пиджака небольшую красную коробочку и протянул ее Семеновой.

Когда такси остановилось перед входом в гостиницу,

Вальдемар расплатился за проезд и вышел из салона автомобиля. Осмотревшись вокруг, он подумал, что в эту пятницу, последнюю пятницу перед началом войны с Германией, у входа в гостиницу собралось много москвичей. Некоторые из них желали пройти в гостиничный ресторан, другие же рвались в летнее кафе под навесом. Несколько девушек москвичек группкой стояли неподалеку с явным подозрением его разглядывали. Вальдемару так захотелось расшаркаться перед этими девчонками, их всех пригласить поужинать вместе с ним.

Но здесь он увидел одного из своих пилотов Андреаса Хоффмана, шведского пилота с немецкой фамилией. Он окрикнул его и заговорил с ним на немецком языке, который Андреас знал лучше, чем английский язык:

— Как дела, Андреас? Ты не забыл том, что завтра мы вылетаем в Берлин?!

— Да, все в порядке, господин Косински! Мы упаковали все свои вещи и готовы выехать в аэропорт в любую минуту. В аэропорту мы займемся подготовкой нашего «Юнкерса» к полету! Такси придет за нами через три часа, вот и пригласили московских девчонок с нами поужинать в ресторане. Пригласили двух дурех, — в этот момент Андреас кивнул головой в сторону пяти девушек, — а они со страху пригласили всех своих подруг. Но ничего мы с Бэзилем и с ними справимся, главное, чтобы нам всем было бы весело! А вашу подружку, Вальдемар, мы уже проводили в ваш номер. Красивая она у вас.

— Хорошо, спасибо, Андреас, до встречи в аэропорту!

После этих слов Вальдемар прошел в гостиницу, стараясь не упускать из поля зрения своих глаз одного молодого человека, который, словно по случайности, крутился неподалеку от него, когда он разговаривал с Андреасом Хоффманом. По разочарованному выражению лица этого молодого человека не трудно было догадаться о том, что он не так уж хорошо знал немецкий язык, чтобы разобраться в том, о чем только что Вальдемар говорил с Хоффманом!

Машка, принцесса Мария, явно скучала, сейчас в этой красивой молодой женщине, сидевшей и скучавшей за столом, было невозможно узнать ту маленькую татарку Машку, с которой Иван просидел за школьной партой с первого класса. Она сидела за столом, раскладывала пасьянс, но как только в дверях появился Иван Фролов, то тотчас же послышался негромкий счастливый девичий визг, в мгновение ока Машка оказалась в объятиях своего давнего ухажера. Причем, эта наглая девчонка сделала так, чтобы платье на ее груди чуть-чуть распахнулось, а на свет божий вылупился маленький изумительно красивый и

такой нахально дерзкий сосок девичьей груди.

Иван совсем уже собрался погрузиться в тщательное изучение необычных способностей, привлекательностей девичьего тела своей Машки, когда за его спиной раздался негромкий стук в дверь номера. Иван глазами показал Машке скрыться в ванной комнате и, когда за ней прикрылась дверь, решительно открыл дверь своего номера и остолбенел на минуту. За дверью выстроилась целая делегация из гостиничного персонала, впереди стоял сам директор гостиницы, а за ним теснились повара, официанты и дежурные администраторы. Первым заговорил директор гостиницы, причем, он заговорил на великолепном французском языке:

— Уважаемый месье Косински, по личной просьбе наркома внешней торговли СССР Анастаса Ивановича Микояна, мы приготовили и принесли в ваш номер ужин, приготовленный из русской рыбы во всех ее видах, жареной, пареной и вареной! Позвольте, дорогой и уважаемый наш клиент, нам пройти в ваш номер для того, чтобы сервировать стол в вашем номере и вместе с вами выпить бокал советского шампанского!

3

Когда такси отъезжало от гостиницы, то Вальдемар Косински снова обратил внимание на то, что уличные фонарные столбы горели в полнакала, а некоторые совсем не горели. Но его таксист отлично ориентировался в этой московской темноте, подсвечивая дорогу фарами своего Ситроена, он жал на педаль скорости, утопляя ее до самого пола. Резина колес аж повизгивала на крутых поворотах. Вскоре они оказались за городом, где таксист тут же снизил скорость движения своего старенького Ситроена. Уж слишком большими и глубокими оказались ухабы и канавы, французский автомобиль дико поскрипывал, грозя развалиться на этом подмосковном шоссе. Таксист время от времени поругивался, употребляя русские словечки, надеясь на то, что его иностранец седок не знает русского языка.

Две трети дороги до аэропорта Быкова Вальдемар проспал, так как неугомонная Машка ночью просыпалась едва ли не каждые пятнадцать минут, чтобы тут от него потребовать порцию своего очередного счастья. В три часа ночи Андреас зашел в номер Косински, чтобы Машку забрать с собой. Он должен был ее отвезти в аэропорт и в самолете эту девчонку запрятать так, чтобы ее не нашли советские пограничники, которые должны были вернуть паспорта иностранцам, прилетевшими этим

самолетом в Москву! Аэропорт Быково их встретил сплошной темной, так как авиарейсы в этом аэропорту выполнялись только в дневное время суток. Поэтому ни в зале прилета, ни в зале отправления не было ни одного человека, а верхнее освещение было потушено.

Красноармеец, стоявший на посту у ворот выезда на взлетную полосу, не проверяя документов, поднял шлагбаум и крикнул им о том, часа три назад пилоты проехали к своему самолету.

— Вон, видите, вдали горит огонек! Иностранные пилоты в том месте готовят самолет к вылету. Вы езжайте прямо по степи, никуда не сворачивая, так и доедете до этого самолета!

Когда таксист был готов тронуться в путь, то красноармеец вдруг вспомнил о чем-то, попросил еще немного подождать! Он полез за обшлаг своей шинельки и вытащил оттуда какой-то пакет в коричневой бумаге:

— Тут господа чекисты для какого-то господина Косински оставили этот пакет. Они мне так и сказали, передай его Вальдемару Косински и пожелай ему от нас счастливого полета!

Таксист взял у красноармейца этот пакет и передал в руки Вальдемара! Тот развернул пакет и увидел в нем три паспорта, свой шведский паспорт и два паспорта пилотов Андреаса и Бэзила. Вскоре такси остановились у самолета, в кабине которого сидели и скучали Андреас и Бэзил. Прощаясь с таксистом, Вальдемар в знак признательности протянул ему сотенную долларовую банкноту, но тот вдруг засмущался и сконфуженно попросил:

— Не могли бы, господин хороший, заплатить мне рублями. Чекисты меня арестуют и посадят в тюрьму, как только я с этими долларами в магазин Торгсина зайду. А за сто долларов мне десять они мне лет лагерей дадут.

Ничего не говоря в ответ, Вальдемар покопался в своих карманах и нашел там четыре червонца номиналом в десять рублей. Таксист был счастлив за одну поездку получить четыреста рублей, эта поездка действительно оказалась очень выгодной. Вскоре огни автомобиля затерялись в предрассветной темноте. А Вальдемар подошел к самолету и кулаком постучал в пассажирскую дверь самолета. Открыл Андреас, он зевал и негромко ругался на немецком языке.

— Андреас, что с тобой? Почему ты ругаешься?

— Надоел мне Советский Союз, господин Косински! Никогда мне не нравились страны, где все просыпаются, встают и ходят на работу по заводскому гудку! Я люблю легкую жизнь, ложусь спать и просыпаюсь, когда мне нравится, а не когда мне приказывают! Ну, да, ладно, когда мы вылетаем? Когда придут пограничники и

принесут нам паспорта и летное задание?

— Наши паспорта у меня уже в кармане! А вот насчет летного задания я ничего не знаю!

— Да не беспокойтесь вы, господин Косински! Летное задание в моем паспорте лежало! Они требуют, чтобы мы дозаправились в Минске, а потом уж летели бы в Кенигсберг! Ну, да, ладно, дозаправимся в Минске, мне все равно, где прикажут, там и заправимся. А девчонка ваша, господин Косински, на заднем сиденье пассажирского салона спит! Да, вы уж быстрей залезайте в салон, я сейчас двигатель греть буду!

Когда солнце начало расти, поднимаясь над горизонтом, «Юнкерс Ф-13» развернулся на месте, а затем бодро побежал по некошеной траве. Разбег у самолета получился небольшим, пробежав всего метров триста — четыреста, он начал набирать высоту. Машка спала, когда Вальдемар устроился на сиденье рядом с ней, то она попросту перекатилась к нему в объятия. Чему-то улыбнулась, но свои глаза так и не открыла. За штурвалом сидел Андреас Хоффман, набрав высоту в три тысячи метров, он самолет перевел в горизонтальный полет, держа курс на запад! Андреас лениво вращал штурвал то в левую, то в правую стороны, затем пилот что-то поискал справа от себя, видимо, автопилот! Это нововведение только-только начало завоевывать гражданскую авиацию Европы. Самолет продолжал лететь, довольно урча своим двигателем, Андреас закрыл глаза и удобнее устроился за штурвалом, чтобы немного подремать.

Вальдемар устроился на заднем сиденье пассажирского салона самолета, на его коленях спала и не просыпалась Машка. Она устроилась таким образом, чтобы у Ивана всегда под рукой была бы ее грудь и спина для ласки. Оказывается, эта девчонка сходила с ума, когда рука Ивана бродила по ее спине, опускаясь к бедрам. Лаская свою любовь, Иван не заметил, как и сам задремал. После чего полет превратился в череду сна, время от времени прерываемого активностью того или иного пилота, неудовольствием Машки, когда его рука замирала на одном месте ее тела или посадкой для заправки в Минске.

А затем произошло непонятное происшествие! В середине своего очередного сна, Иван вдруг услышал громкий крик второго пилота Бэзила. Он приоткрыл глаза, увидел, как тот мельтешится за штурвалом самолета, одновременно рукой показывая в правое боковое стекло своей пилотской кабины. Ничего не соображающий Иван машинально перевел свой взгляд в том направлении и обомлел. Он увидел темный силуэт, очень похожий на истребитель с четырьмя яркими звездочками по бокам. В этот момент в голове Ивана прорезался звук, а в этом

звуке он услышал крик Бэзила:

— Немцы, немецкие истребители атакуют нас, но как они оказались над территорией Советского Союза?!

Послышался непонятный треск, и стекло кабины пилотов окрасилось в красный цвет. Проснувшийся Андреас поднял голову с сиденья, некоторое время он мотал головой из стороны в сторону, видимо, пытался сообразить, что происходит с самолетом. Иван Фролов в этой непонятной ситуации успел только свою Машку, начавшую открывать свои большие глазища, схватить в охапку и сильно прижать к себе. Снова послышались какие-то непонятные хлопки. Самолет вошел в пике, не смотря на то, что Андреас его штурвал полностью вытянул на себя. В окно салона со своей стороны Иван Фролов увидел, как «Юнкерс Ф-13» еще некоторое время скользил над кронами деревьев. Затем под крыльями мелькнуло свободное пространство от деревьев, это там внизу пролегало русло какой-то не очень большой речушки. И самолет врезался в деревья, росшие на другом ее берегу. Первым отлетело право крыло, он осталось где-то позади самолета. От ударов левым крылом самолета об деревья, Андреас Хоффман вылетел в окно пилотской кабины. Последнее, что Иван запомнил, так это был мощный удар фюзеляжа самолета обо что-то очень крепкое.

Иван Фролов потерял сознание!

Фролов открыл глаза и прямо перед собой увидел чью-то руку с часами на запястье, часы показывали двенадцать часов тридцать одна минута. Видимо, это было точное время, когда произошла катастрофа с «Юнкерсом Ф-13».

Постепенно, по мере возвращения памяти к Ивану Фролову, он вспоминал о том, что эти часы были хронографом Кировского часового завода, изготовленными в прошлом году. Этот хронограф Вальдемару Косински подарил Анастас Иванович во время вчерашней короткой прощальной встречи. С большим трудом Ивану удалось совместить эти две фамилии, вспомнить, что Вальдемар Косински и Иван Фролов — это он, один и тот же человек Он пошевели рукой, чтобы на деле убедиться в том, что пришел к правильному умозаключению. Рука шевельнулась, но тут же от плеча к запястью по руке Ивана тут же пробежала сильная боль, он даже застонал. Испуганный этим обстоятельством Иван еще сильнее рванулся, чтобы освободиться от того, что на него сверху навалилось.

Он стоял на ногах, его сильно качало из стороны в сторону, но с каждой минутой амплитуда качаний его тела все уменьшалась и уменьшалась. Прояснилось зрение, минуту назад Иван практически ничего не видел, все вокруг него двоилось, как

бы было вне фокуса. Дождавшись, когда восстановилось нормальное зрение Иван Фролов начал осматриваться вокруг, одновременно руками он ощупывал самого себя! С ним, в принципе, с его телом было все в порядке, только, по-прежнему, сильно болела левая рука. Видимо, она болела от какого-то удара! Всматриваясь в картину разрушений, в разбитый фюзеляж самолета, в остатки его крыльев и в какие-то непонятные самолетные обломки, валявшиеся тут и там, вокруг него, Иван почувствовал, как депрессия начала тяжело на него наваливаться!

Фролов стоял, он глазам своим не верил в то, что выжил в такой авиакатастрофе. Неподалеку от него валялся фюзеляж самолета весь в дырках и пробоинах в обшивке, и только с одним крылом. Второго крыла самолета поблизости не было видно! Неподалеку стояли самолетные шасси, издали они выглядели так, как будто с ними ничего не случилось, но рядом с ними виднелось мужское тело. Шатаясь из стороны в сторону, Иван подошел к этому телу, с огромным усилием перевернул его на спину. Мертвыми глазами на него смотрел главный пилот Андреас Хоффман, швед с немецкой фамилией. В целом его тело выглядело нормально, оно не было даже избито. Иван так и не увидел ни единого кровоподтека на его лице, была заметна только маленькая вмятина в районе правого виска. Но этой слабой вмятины хватило на то, чтобы лишился жизни этот храбрый и веселый швед.

Пока Фролов всем этим занимался, его голова пришла в норму, начала функционировать. Первой же его мыслью стало воспоминание о Машке, куда могла эта девчонка подеваться. Сколько бы Иван не бегал вокруг «Юнкерса», не заглядывал в кусты, сколько бы времени он не шебаршился, разыскивая свою Машку, ее нигде не было. От одной только мысли, что он, может быть, навсегда потерял эту красивую татарочку, у Ивана Фролова помутилось в голове. У него только что появился первый нормальный друг, как он тут же его потерял!

Продолжая разыскивать Марию, Иван подошел к фюзеляжу самолета и попытался открыть дверцу пассажирского салона, но ее намертво заклинило при ударе. Тогда он вспомнил о существовании второй двери этого пассажирского салона с другой стороны самолета. Та дверца была настежь распахнута, а на заднем сиденье сидела Мария и мрачно посматривала вокруг себя. Подойдя поближе, Иван убедился в том, что бог хранил его Машку, на ней не было ни единой царапины.

Иван стоял и, как полный дурак, любовался своей живой Машкой. Он стоял, одновременно размышляя том, как много сегодня дел ему предстояло сделать. Похоронить Андреаса, найти

Бэзила, собрать продукты и оружие, которое имелось на борту их самолета. И только после всего этого можно было отправляться на поиски людей!

Глава 9

1

Оба пилота Андреас Хоффман и Бэзил Шнеерсон погибли во время падения «Юнкерса Ф-13». Если первый пилот погиб в результате удара головой о ствол дерева, то второй пилот Бэзил Шнеерсон был убит во время обстрела пассажирского самолета неизвестным истребителем. Две пули попали ему в голову и в грудь, к тому же инерция движения самолета выбросила его из пилотской кабины. Иван Фролов смог разыскать его тело только после двух часов поисков. С большим трудом он тело второго пилота перетащил на косогор, возвышавшийся над речкой. На вершине этого косогора Иван принялся копать могилу для обоих шведских пилотов, с которыми так и не сумел близко сойтись, стать их товарищами.

Пара раз к нему подходила Мария, приносила приготовленные сэндвичи из хлеба с украинским салом и колбасой. Андреас оказался большим любителем украинского сала, в бауле у него нашли несколько кусков шпика с чесночными дольками. По просьбе Ивана девчонка занялась розыском и приведением в порядок всех вещей, которые остались в их распоряжении после крушения самолета. Когда Иван, одну на двоих, выкопал могилу, то Мария на ее дно положила хвойных веток, а затем она помогла Ивану тела пилотов опустить на дно. Держа друг друга за руки, они некоторое время постояли у могилы, в изголовье которой был поставлен католический крест. На могильной дощечке Мария химическим карандашом написала:

— «Здесь лежат два шведа: Андреас Хоффман и Бэзил Шнеерсон. Они были хорошими и веселыми шведами! Пусть земля им будет пухом!»

Все это время, роя могилу, а затем, хороня погибших, Иван Фролов ожидал услышать голоса белорусских крестьян, разыскивающие их. Был день, многие жители этого региона Белоруссии должны были хорошо видеть, как их подбитый самолет падал на землю. Район, где их подбили, не был какой-либо глухоманью, наверняка, поблизости от места падения самолета, находились населенные пункты Белоруссии, жители которых уже должны были спешить к ним на помощь. Но пока лес вокруг сохранял полное безмолвие, прерываемое щебетанием птиц или посвистом порывов ветра, человеческих голосов в нем не было слышно. Ближе к вечеру Иван Фролов, хорошо понимая,

что ему с Марией было бы большой глупостью оставлять место крушения самолета, самим отправляться на поиски какой-либо белорусской деревушки, решил ночевать рядом самолетом, а затем уж с рассветом самим отправляться на поиски живых душ. Он еще раз перебрал и осмотрел все те вещи, которые у них остались. Осмотр вещей, дал печальный результат, продуктов питания у них-то практически не было. Остались три ломтя украинского шпика, полбатона белого хлеба и грамм триста докторской колбасы. Ничего другого из продуктов питания у них попросту не было. Когда они вылетали из Москвы, то ни одного из членов экипажа и в помыслах не было, что их самолет могут сбить над Западной Белоруссией. Что им придется полуголодными людьми скитаться по белорусским лесам. В бауле, в котором пилоты Андреас и Бэзил хранили свои личные вещи, Иван совершенно случайно нашел разборную удочку. Он быстренько ее собрал, разжег небольшой костерок. Показал Машке, как в костерке поддерживать огонь, а сам отправился на речку половить рыбы.

Но, прежде чем, покинуть ночной лагерь, который они разбили практически рядом с обломками самолета, и идти на рыбную ловлю, Иван Фролов взял свой баулу. С его дна он достал свои оба «Вальтера Р38», проверил их состояние, один отдал Машке, показав, что надо делать, чтобы выстрелить из пистолета. Свой же «Вальтер» он засунул за поясной ремень. Прежде чем спуститься к реке, Иван снова поднялся на косогор к могиле шведов. Рядом с могилой выбрал приметную сосну и под ее корнями аккуратно ножом срезал небольшой пласт дерна, вырыл небольшую ямку. И в ней спрятал все свои иностранные паспорта, которые тщательно обернул пластиковой, влагонепроницаемой лентой. Когда тайник скрылся под дерном, Иван отряхнул с колен грязь и начал спускаться вниз, к речке.

Затем Фролов постоял, вслушиваясь в лесную тишину, в плеск рыбы в речке, но ни единого звука так и не услышал. Тогда он сделал свой первый бросок удочкой, где-то над его головой просвистело грузило с крючком. В метрах семи от берега возник маленький всплеск, там приводнилось грузило вместе с крючком. Иван был совсем плохим рыбаком, правда, лучше было бы сказать, что он был «никаким рыбаком», так как первый раз в своей жизни он ловил рыбу. Сейчас, делая бросок удочкой, он не знал, когда вообще следует ловить рыбу, или утром на рассвете, или вечером, когда заходит солнце!

Очень скоро Машка к нему пришла, она присела, тесно прижавшись к нему, чтобы хоть немного согреться. Над поверхностью реки аккумулировалась прохлада! Так девчонка и

замерла, ничего не говоря и не спрашивая! Иван нутром почувствовал, что эта его девчонка чувствует себя не вполне в своей тарелке! Иван совсем уже собрался Марию пожалеть, немного успокоить, но в этот момент дернулся поплавок. Выждав несколько мгновений, Иван осторожно удочку с леской потянул на себя. Вот тут-то в речке началось настоящее волнение, вода забурлила кругами, видимо, на его крючок попалась крупная рыбешка. Она прилагала невероятные усилия, чтобы освободится от крючка и снова оказаться на воле. Когда Иван вытащил ее на берег, то в закатном солнце он рассмотрел, что это был сом среднего размера, всего лишь по локоть его руки. Потрясенная увиденным, Машка продолжала сидеть на своем месте, с некоторой грустью в голосе она проговорила:

— Вань, а я даже и подумать не могла, что ты у меня к тому же и умелый рыбак. Всегда полагала, что ты простой городской мальчишка, никакого отношения не имеешь к деревенской жизни. Но, оказывается, на тебя во всем можно положиться!

— Ты права, Машенька, я действительно простой городской мальчишка. Много не умею, но знаешь, что человек многому может научиться, когда ему кушать хочется, то он и рыбу ловить научится!

Тут и Мария продемонстрировала ловкость своих рук, в одно мгновение она очистила сома от чешуи и от потрохов. Порезала рыбу на куски, завернула их в листья лопухов и на листе гофрированного металла поставила на огонь костра. Рыба получилась замечательной, но не было соли, поэтому они немного поели, оставив большую часть рыбы на завтра! После ужина они посидели у костерка, разожженного вблизи фюзеляжа «Юнкерса Ф-13». С одной стороны от самого леса их костер был прикрыт этим самым фюзеляжем, а с другой стороны открывалось свободное пространство на речку. Словом, незаметно подобраться к ним было делом не совсем простым, но, прежде чем лечь спать, Иван предложил Марии поспать в пассажирском салоне самолета. Туда взобраться можно было только с одной стороны, а главное, сделать это бесшумно было попросту невозможно!

Так оно и получилось, в одиннадцать часов вечера Иван с Марией перебрался в кабину самолета, плотно прикрыв дверцу самолета, для верности привязав ее веревками. Ночь прошла спокойно, под утро, когда над их головами пролетела большая группа самолетов, одновременно кто-то попытался открыть дверь самолета. Слава богу, Иван ее насмерть заблокировал. Иван проснулся от этого шума, а также из-за того, что прямо над его головой перешептывались два чужих голоса:

— В живых осталось только двое, они где-то прячутся

поблизости! Ток что, Васек, мы здорово можем поживиться, и денег у них тут, наверняка, очень много!

— Серега, ты зря полез в самолет! Нам нужно было бы найти живых людей. Их прикончить, а после бы мы уже безбоязно могли бы пограбить этот самолет!

— Не бойся, Васек! У нас в руках охотничьи ружья! Чуть что не по-нашему, нажал курок и тебе уже никто не будет возражать! Что-то дверь не открывается, ты, Васек, повозись здесь, а я попробую залезть в самолет с другой стороны. Между прочим, я уже успел посмотреть, у него в баке очень много керосина, деревне на год хватит!

Иван легко коснулся плеча Мария, желая ей предложить, спрятаться за его спину, но девчонка воспротивилась. В темноте пассажирского салона самолета Ивану показалось, что Мария сидит на соседнем сиденье, свернувшись в мягкий клубок и, выставив перед собой руку с пистолетом. Как только привязанную веревками дверь попытались открыть, то в темноте салона сверкнула яркая световая вспышка, послышался звук выстрела из пистолета. Стреляла Мария, она стреляла без предупреждения и, видимо, Сереге попала в живот, отчего этому деревенскому бандиту стало очень больно, он закричал:

— Ой, мама, умираю! Ой, как мне больно! Люди, помогите, меня убивают!

Иван Фролов на какое-то время, причем, очень короткое, растерялся. Во-первых, он не ожидал, что Маша будет первой стрелять, и, во-вторых, пока не знал в кого ему стрелять, добивать ли Серегу, или через дверь стрелять в Ваську?! Эта мимолетная растерянность позволила Ваське выстрелить из охотничьего ружья прямо через самолетную дверцу. После чего послышались звуки убегающего человека. Иван Фролов выпрыгнул из пассажирского салона и попытался преследовать убегающего Васька, чтобы тут же убедиться в том, что тот имеет большое перед ним преимущества. Он прекрасно знал местные окрестности, леса и лесные тропы, знал куда и как бежать.

Когда Иван вернулся к самолету, то и Серега уже перестал стонать и звать на помощь. Он лежал у самолета с неестественно вывернутой головой, что любому становилось понятным, что этот парень мертв. Устыженный всеми этим обстоятельствами, Иван не знал, как себя наказать за проявленную медлительность. В какой-то момент он вдруг вспомнило том, что Мария до сих пор так и не вышла из самолета. Иван подошел к двери пассажирского салона и приоткрыл ее!

Как долго Иван Фролов простоял у двери самолета позже он так и не смог вспомнить, все это время его любовь продолжала

сидеть на сиденье. Ее вытянутая правая рука с «Вальтером Рк38» бессильно лежала на этом же сиденье. Голова была склонена к груди, глаз ее не было видно. Машка даже не прореагировала на то, что Иван приоткрыл дверь и посмотрел на нее. Ее к этому времени уже не было на этом свете, она ушла! Она ушла, так и не попрощавшись, со своим старым другом, любимым человеком! Жакан из одностволки Васька в один момент пробил голову этой красивой татарке, этой девчонке Ивана Фролова!

Фролов не помнил, сколько времени у него ушло на то, чтобы взять свою Машку на руки, отнести ее на вершину косогора. Там она сидела, спиной опершись на ствол сосны, мертвыми глазами наблюдая за последним восходом солнца в ее жизни. А Иван, ее любимый, словно робот, рядом со шведами копал еще одну могилку! Он не плакал, хотел, но не мог! Он также не мог разогнуться, лопатой подбирая со дна могилы комки земли, один за другим, словно бездушный робот, их вышвыривая наверх.

Когда все было закончено, Фролов долго простоял у могилки Марии!

Он до сих пор не верил в то, что навсегда потерял свою Машку, своего единственного друга на этой земли, что снова остался в полном одиночестве. У парня, по-прежнему, в глазах не было слез, чтобы выплакать свое горе! Он все воспринимал болезненно! Солнце уже стояло высоко на небосклоне и ощутимо начало пригревать землю, когда Иван Фролов вдруг услышал приближающиеся голоса! Он поднял голову, осмотрелся кругом и с вершины косогора вдруг увидел дорогу. Правда, это была не настоящая дорога, а так себе тропа, по которой могли проехать одни только крестьянские подводы! Вчера они с Машкой, колготясь вокруг места крушения самолета, этой дороги так и не заметили! Сейчас же по ней катилась крестьянская подвода, на которой сидели трое сельских мужиков.

Внутреннее чутье подсказало Ивану, что среди этих мужиков находится и тот самый Васька, убийца его Машки. В одно мгновение с Фролова слетела вся его иностранная цивилизация, он тотчас же превратился в простого русского уголовника. Сзади из-за пояса он выхватил свой «Вальтер Р38» и со всех ног рванул вниз по косогору к этой подводе. Когда он внезапно вырос перед мордой лошади, то лошадка сильно дернулась от испуга и остановилась. Видимо, к этому времени мало чего во Фролове осталось человеческого!

Среди двух мужиков на телеге сидел симпатичный паренек лет шестнадцати, на его коленях одноствольное курковое ружье ИЖ-5 24-го калибра. Иван подскочил к телеге, несколько мгновений смотрел этому пареньку в лицо. Его все же

интересовало, как такой молодой сельский парень, как этот Васек, мог так хладнокровно выстрелить в его Машку. Затем Фролов свой «Вальтер» направил ему на грудь, но в тот момент, когда нажимал курок пистолета, ствол его перевел на ногу. Он собственными глазами увидел, как пистолетная пуля попала парню чуть ниже его колена. Тут же на всю окрестность послышался дикий вопль раненного парня, он дернулся всем телом, а руками ухватился за раненое колено. Его ижевка скатилась с ног, через большую дыру в телеге ружье соскользнуло на землю. А в этот момент парнишка кричал во весь свой не слабый голос:

— Папка, спаси, меня убивают! Почто ты, вражина, стрелял в меня, я ж ни в чем не виноват?! Папка и дядя Фидосий стреляйте в него, а не то он вас всех порешит!

Мужики, сидевшие в задке телеги, в этот момент своими руками, остервенело, елозили под соломой, толстым слоем которой было покрыто дно телеги. Выпученные глаза свои они ни на миг не отрывали от дула пистолета Ивана Фролова. В какой-то момент крестьянские руки что-то нащупали, из-под соломы на свет показались приклады еще двух охотничьих ружей, бескурковой двустволки и старой берданки. Иван перевел ствол пистолета в их сторону и довольно-таки спокойный голосом, хотя внутри его все бурлило и требовало, прикончи всю эту мразь грабителей, произнес:

— Мужики, если достанете свои ружья, мне придется вас всех пристрелить без суда и следствия. Так что сидите в телеге спокойно и не дергайтесь, будете живы! Я хочу только разобраться с этим Васькой. Так зовут этого паренька, если я не ошибаюсь?! Он со своим другом Серегой убили мою жену!

— Я никого не убивал и не хотел убивать, только стрельнул из своего старенького ружьеца один раз для острастки! И все тут!

— Этим выстрелом, ты, подонок, попал Марии в голову, убил ее! Несколько минут назад я хотел тебя просто убить, но сейчас передумал! Теперь хочу прострелить тебе твое второе колено! Я хочу, чтобы ты до конца жизни не ходил, а хромал бы на обе ноги. Вспоминая этот день, когда из-за своей жадности лишил жизни невинную душу!

Иван Фролов второй раз нажал курок своего «Вальтера Р38»!

2

Тяжесть столь неожиданного, и столь трагического расставания с Марией долгое время не отпускало душу Ивана

Фролова. Ему хотелось остановиться, сбросить с плеч эту страшную потерю, лечь на траву и ствол пистолета приставить к виску своей головы. Чтобы разом и навсегда покончить со всеми личными проблемами! Но Иван не останавливался, а продолжал размеренно шагать по лесной дороге, все дальше и дальше удаляясь от речки под таким красивым названием Лесная. Время от времени из внутреннего кармана куртки он доставал полетную карту, которую нашел в пилотской кабине самолета, но ее масштаб оказался слишком велик и позволял ориентироваться только по направлениям, примерно, определяя, что и где находится, а не по топографической карте местности. Даже речка Лесная на этой карте была отмечена одной лишь тонюсенькой линией, без берегов. Вновь и вновь Фролов вспоминал слова одного из крестьян, который оказался отцом Васька, того самого паренька, который по глупости и по пьяни убил его Марию. Тот подошел к нему, снял кепку с лысой головы и тихо ему сказал:

— Парень, ты уж извини моего Василия, дурень он. Не смотря на то, что к нам совсем недавно пришла советская власть, жизнь наша крестьянская по-прежнему очень тяжелая. Вот, чтобы облегчится, мы и пользуемся самогоном. А эти два наших придурка, увидели, значить, заметили, как в лес упал ваш самолет, вот решили поживиться легкими деньгами, а нарвались на вас! Серегу мы завтра похороним, а с Васьком — беда! Его надо завтра везти в город к врачу, чтобы раны на коленях правильно перевязать, но ехать в город не на чем, тем более, что сегодня началась война с Германией.

— Какая война и когда она началась? — Взволнованно поинтересовался Иван Фролов.

— В полдень по радио выступил Молотов и сказал, что на нас, то есть на Советский Союз, напала Германия. Вот такая непруха с нами приключилась, парень! С раннего утра на селом пролетело очень много немецких самолетов! Наши баба хотели сходить в районный центр, но вскоре вернулись и сказали, что повсюду им повстречались немецкие войска!

— Если хочешь, то я могу перевязать раны твоего Васька?!

— Не надо этого делать, если ты покажешься в нашей деревушке, то тебя непременно убьют, чтобы отомстить за парней. Да и к тому же наши мужики очень злы на эту вашу, на советскую власть. Такого еще не бывало, чтобы чуть, что не по-вашему, так крестьянина бросают в тюрьму или отправляют в лагерь на отсидку срока. С крестьянином так в Европе никто не поступает!

Если судить по карте, то Иван Фролов шел, держа направление на белорусский городок Лида. До этого

провинциального городка Ивану оставалось прошагать километров восемьдесят, два-три дня пути пешком. В этом городе по старым адресам Фролов надеялся найти кое-каких знакомых людей и с их помощью выправить бумаги, паспорта для того, чтобы и дальше пробираться к Москве. Правда, имелась еще одна возможность, продолжить новый путь в Берлин, но из-за начавшейся войны все теперь находилось в зависимости от того, что ему удастся сделать в Лиде. На всякий случай Иван вернулся на место падения самолета и все свои документы забрал из устроенного ранее им тайника для документов.

После того, как он распрощался с крестьянами, по вине сыновей которых погибла Мария, Иван уже более ни с кем не встречался, а пару деревушек обошел далеко стороной. Отец Василия незаметно для своего друга тайком передал ему большую буханку белого хлеба, громадный ломоть крестьянской колбасы и четыре больших луковицы с маленькой баночкой соли. После короткой остановки на перекус, прошагав минут пятнадцать, Фролов вдруг услышал, как далеко впереди возник долгий и непонятный гул. Этот гул уже долго не прекращался, причем, Иван никогда прежде не слыхал такого. Больше из-за любопытства Иван Фролов слегка изменил направление своего движения, после чего с каждым его шагом этот непонятный звук только усиливался.

Когда впереди появились первые проплешины среди деревьев, то Ивану стало понятным, что его лес спаситель вот-вот закончится. Тогда Фролов свою котомку спрятал за стволом одной приметной сосны, а дальше начал тишком и с опаской пробираться вперед, прячась за стволами деревьев, что, возможно и спасло ему жизнь. Наступил момент, когда лес совсем закончился, впереди раскрывался простор колхозных и совхозных полей с пшеницей, гречихой и овсом. Среди этих полей проходила проселочная дорога, сплошь забитая танками, бронетранспортерами и грузовиками с пехотой в кузовах. Эта механизированная автоколонна не имела начала, ни конца, она нескончаемой чередой двигалась по дороге. На танках и на грузовиках были нарисованы черные с белой окантовкой тевтонские кресты! Эта вражеская колонна двигалась неторопливо, они никуда она не торопилась. Даже находясь на расстоянии от нее в километр, Иван Фролов всей своей кожей ощущал глухую самоуверенность, надменность вражеских солдат, сидевших в кузовах грузовиков с винтовками в руках!

В этот момент голову Ивана Фролова поразила одна нехорошая мысль о том, что сегодня, в первый день войны, он еще не увидел, не встретил ни одного красноармейца, защитника

родины! А сейчас он лежит, прячется в лесу от чужих людей на своей собственной земле, наблюдая за движением автоколонны с вражескими войсками на борту. Не смотря на довольно-таки большое расстояние до дороги, Фролов хорошо видел, как немецкие солдаты спокойно между собой переговариваются, смеются, время от времени перекликивались с солдатами в кузовах других грузовиков. Словом, эти немецкие солдаты вели себя так, словно они находились в своей стране, у себя дома. Словно Советский Союз, как государство, не обладал достаточными вооруженными силами, способными этим немцам оказать вооруженное сопротивление, выбросить их за пределы своей территории!

Автоколонна продолжала упрямо двигаться все глубже и глубже на территорию СССР, а немецкие солдаты, сидевшие в кузовах грузовиков, несколько по-своему, по-солдатски развлекались, организуя охоту на советских людей. Небольшие дозорные и охранные группы немецких мотоциклистов в пять — шесть мотоциклов время от времени на большой скорости проскакивали сбоку от этой колонны, поднимая большие пылевые облака! В таком облаке было трудно дышать, поэтому рядовые немецкие солдаты иногда заставляли своих братьев по оружию, мотоциклистов, ехать прямо по колхозным полям пшеницы, гречихи и овса вдоль самой дороги! Время от времени мотоциклисты, проезжая этими полями пшеницы или овса поднимали на ноги то одного, то другого красноармейца, а то целую группу красноармейцев, рассветом застигнутых в этих колхозных полях.

Иван грудью сильно привалился к земле за стволом большой березы, наблюдая за тем, как эти немцы беззастенчиво хозяйничают у него в стране! Даже боль от потери Маши слегка в нем притихала, нет, это было не совсем так, эта боль от потери Маши не притихала, просто она принимала несколько иную окраску и направленность! Та прежняя боль из-за смерти родного и близкому ему человечка, перерастала и как бы перерождалась в боль за родину, за державу! Если бы в тот момент у Ивана в руках оказалась бы винтовка, то он, ни на секунду не задумываясь, открыл бы из нее огонь по немецким солдатам, которые сейчас топтали землю его родины!

Видимо, не один только Иван Фролов переживал подобные обидные чувства, так как он вскоре услышал звуки винтовочных выстрелов из леса, а затем увидел, как стайка немецких мотоциклистов, ринулась по направлению источника выстрелов. В поле с овсом, стремясь проехать к стреляющему лесу, немецкие мотоциклисты вдруг нарвались еще на одну на группу

красноармейцев, которые до этого времени прятались в овсе. Совсем молодые ребята в красноармейской форме медленно поднимались на ноги, свои винтовки они держали в руках, поднятых над головой. С большим трудом Иван Фролов сообразил, что эти красноармейцы прямо на его глазах только что сдались в плен к немцам, вместо того, чтобы вместе с другими красноармейцами вести огонь на поражение немецких мотоциклистов!

В сердцах Иван изо всей своей природной силы кулаком долбанул по стволу березы, за которой сейчас скрывался, так как он никогда бы не поднял свои руки вверх перед каким-либо врагом. В этот момент в его ушах послышался негромкий мужской смех, негромкие аплодисменты. Подняв глаза и голову, повернув слегка вправо, Иван метрах в десяти от себя увидел мотоцикл, в седле которого сидел немец в форме мышиного цвета. Он-то смеялся и хлопал ладонями, наблюдая за Фроловым, подбодряя его гневные чувства. Двигатель его мотоцикла все еще продолжал работать, Иван же только удивился тому, как такое случилось, что он не расслышал звука работающего двигателя этого мотоцикла, как этот немец сумел подъехать к нему так близко?!

Тем временем немец вдруг посерьезнел, улыбка исчезла с его лица, свои руки он недвусмысленно положил на автомат, висевший у него на груди. Указательным пальцем правой руки он поманил Ивана, словно ему хотел сказать, хватит, повеселились, а теперь иди ко мне, поговорим о деле. В этот момент Фролов почувствовал, как помимо воли, его ноги сами по себе начали медленно разгибаться, поднимая его тело в положение стоя. А немец все еще продолжал его манить к себе пальчиком, Иван опять почувствовал, как его руки сами по себе начали подниматься над головой. В этот момент Иван почему-то смотрел себе под ноги, там в траве он увидел свой «Вальтер Р38», почему-то валявшийся в траве. Видимо, каким-то образом этот немецкий пистолет сам собой выпал из-за его пояса, видимо, он не пожелал стрелять в немецкого солдата! Но эта мысль о пистолете напомнила Ивану Фролову и о том, что в правом рукаве его куртенки он спрятал свой метательный нож. Эта мысль неожиданно привнесла какую-то ясность ему голову по отношению его дальнейших действий.

Иван Фролов медленно вышел из-за ствола березу, остановился с полуприподнятыми кверху своими руками. Он стоял и терпеливо ожидал, когда этот немец его подзовет подойти ближе к нему, а то иначе он мог бы посчитать его дальнейшие действия агрессивными и тогда немец взялся бы за

свой «шмайсер»… Только через небольшую паузу, немец снова Фролова пальчиком поманил к себе, видимо, немцу понравилось идея таким образом взять в плен советского парня. Немец ничего совершенно не боялся, он даже не остерегался каких-либо провокационных действий со стороны этого невооруженного сельского парня.

Тем более, что за его спиной на втором сидение мотоцикла сидел еще один немец, который с любопытством наблюдал за тем, как его товарищ берет в плен этого русского парня. На четвертом шагу Иван притворился, что споткнулся, чтобы удержать равновесие, он резко взмахнул правой рукой. Метательный нож попал точно в цель, разрушил мужской кадык дыхательного горла первого немца. Он обеими руками схватился за свое горло, всеми силами пытаясь пропихнуть в свои легкие глоточек свежего воздуха. Он был еще жив, когда Иван пролетел над ним в прыжке, пытаясь своими руками достать второго немца. Тот не ожидал нападения со стороны этого русского паренька, поэтому не ушел в сторону от захвата его рук, а вместе с парнем свалился на землю, соображая, что ему делать. Но было поздно, Фролов размахнулся и ребром ладони резко ударил по немецкому горлу. Через минуту с обоими немцами было покончено, они лежали в траве с неестественно выгнутыми шеями и синими языками в ртах.

Немцы с дороги не могли увидеть этой драки, так как место схватки перекрывалось несколькими деревьями и слишком уж разросшимся кустарником. Таким образом, Иван Фролов в свое распоряжение достаточно времени, чтобы разобраться с немецкими друзьями и их собственностью. Первым же делом он их мотоцикл откатил глубже в лес, поднял свой «Вальтер» и снова засунул его за пояс брюк, поднял с травы «шмайсер» и карабин Маузер 98к, аккуратно отложил оружие в сторону, оттащил в кусты, предварительно раздев догола оба трупа. И только после этого занялся разбором солдатских шмоток.

Когда Фролов был готов отправиться в дальнейший путь, то сначала он отправился в лес, чтобы разыскать свою котомку. Затем вернулся к мотоциклу, и занялся трофейным оружием. Пистолет-пулемет МР38 и карабин Маузер Мк38 были в идеальном техническом состоянии. Патронов к карабину было достаточно много, что-то около пятидесяти — шестидесяти патронов, но вот к пистолету-пулемету Иван имел всего только два запасных рожка. Он особо не печалился по этому поводу, так как считал, что в бою винтовка принесет много больше пользы, чем пистолет-пулемет, если с ней правильно и хорошо обращаться.

Мотоцикл оказался весьма ценным приобретением, был в хорошем техническом состоянии, видимо, его бывший хозяин немало о нем заботился. Прежде чем отправляться в путь, Иван несколько раз попробовал, как заводится этот его трофей. Он еще никогда не ездил на мотоциклах, но в детстве любил гонять на двухколесном велосипеде по московским улицам и переулкам. А в последние месяцы своей московской жизни, перед тюрьмой, ему удалось пару раз посидеть за рулем «Эмки», так что Иван считал себя профессиональным водителем! Трофейный мотоцикл завелся с первого же толчка экстрактора, негромко загудел, но в этом звуке мотоциклетного двигателя ощущалась сила его и мощь.

Заглушив двигатель, Фролов еще раз осмотрел и руками проверил крепление своей котомки к заднему сидению мотоцикла. Поверх котомки лежал снаряженный и готовый к стрельбе «шмайсер», который можно было бы легко вытащить из-под веревки. Все было готово к отправлению в путь, но Фролов решил немного задержаться, продемонстрировать немцам, что их жизнь в эту войну не будет такой легкой, сладкой, как они могли ее себе представлять!

Свои первые пять выстрелов, целую винтовочную обойму, Иван отстрелял по колонне. Своими собственными глазами он видел, как одна из его пуль попала в шофера бензовоза, который выехал из общего строя и скатился вниз по насыпи дороги, но сам бензовоз так и не загорелся. После замены обоймы, Иван Фролов повел самый настоящий бой с немецкими мотоциклистами, которые рванули с дороги на его выстрелы. Один немецкий мотоцикл остановился на возвышенности, а его пулеметчик открыл по нему огонь. Не позволяя ему оторвать от земли свою голову. Другие мотоциклисты маневрировали, пытаясь на своих машинах, как можно ближе приблизиться к вражескому стрелку, чтобы взять его в плен!

Но в самый разгар перестрелки немцы вдруг выяснили, что вражеский стрелок оказался не так уж прост! Его огневая позиция находилась не на самой опушке леса, а метров на двадцать в его глубине. Такое расположение огневой позиции стрелка привело к тому, что Ивану Федорову удалось покончить с экипажами трех немецких мотоциклов, убить семерых немцев, прежде чем те сообразили, что, сидя на мотоциклах, они ничего не смогут с ним поделать. Подавить советского стрелка можно было или артиллерией, или немецким мотоциклистам следовало бы слезть со своих машин и атаковать его позицию в пешем строю.

В первый день войны с Советским Союзом немецкие солдаты были особо ретивыми, они были готовы пойти на многое, чтобы выиграть первый бой с советским снайпером. Так и эти немцы

мотоциклисты. Заглушив двигатели своих мотоциклов, они спешились и разошлись в цепь, чтобы окружить и пленить этого русского стрелка. Иван же произвел еще два выстрела, один по немецкому солдату, отчего тот завалился на землю, а вторым патроном он пробил бензобак одного из мотоциклов, которых немцы собрали в общую кучу. Всплеск пламени охватил сразу несколько мотоциклов. Затем Иван неспешным шагом покинул свою огневую позицию, направляясь в глубь леса теперь уже к своему мотоциклу.

Вскоре на лесной дороге появился странный мотоциклист. Он был одет в одежду белорусского сельского паренька, но ехал на боевом немецком мотоцикле. Его скорость сначала была не очень высока, затем он слегка ее увеличил, чтобы, как можно быстро, затеряться в глубине этого лесного массива!

3

Иван Фролов притормозил на центральной площади Лиды! Эта площадь, разумеется, носила имя Владимира Ильича Ленина, великого пролетарского революционера! С громадным удивлением в глазах он наблюдал за тем, как по площади туда и сюда, особо не торопясь, снуют простые советские граждане, возвращающиеся домой с работы или наоборот, сейчас спешащие на работу. Фролов смотрел на этих советских людей и не понимал, почему на здании когда-то городской ратуши, а ныне на здании горисполкома города все еще колышется Красный флаг?!

Одним словом, сейчас произошло самое невероятное, Иван Фролов каким-то чудом перенесся из Белоруссии, охваченной огнем Великой Отечественной войны, в обыкновенный тихий советский городок, война которого пока еще не затронула. Повернув голову за спину, Фролов с недоумением в глазах посмотрел на немецкий пистолет-пулемет МП38, шпагатом привязанный к заднему сиденью его трофейного мотоцикла. Этот немецкий автомат он только что захватил в нечестном бою с двумя немецкими солдатами оккупантами. Он стоял чуть не по центру этой городской площади и не мог понять, как же такое могло бы случиться, что всего лишь час назад он убил двух немцев, двух немецких гренадеров. А потом вел перестрелку с гигантской колонной военной техники, с немецкими солдатами мотоциклистами. А сейчас он стоит на центральной площади Лиды, и вокруг себя не видит никаких признаков только что начавшейся войны. Иван почувствовал, что он начинает сходить с ума! Но в этот момент он все-таки замечает несколько городских

зданий, разбомбленных до основания.

Советские милиционеры в синей форме, с наганами в кобурах, как ни в чем не бывало, расхаживали по этой старинной площади. Строго посматривая по сторонам.

Задумавшись, Иван Фролов попытался себе представить, какая буча может начаться, если хотя бы один из этих милиционеров обратил бы свое внимание на его военные трофеи, немецкий автомат «шмайсер», на мотоцикл немецкого производства и с немецкими номерными знаками. Он толчком экстрактора снова его завел и, потихоньку, стараясь не привлекать к себе внимания, поехал с площади. Свернул в первый же попавшийся под руку переулок. Машинально объезжая ухабы, рытвины и канавы городской мостовой, Фролов продолжал размышлять о том, где бы он мог бы хотя бы на ночь укрыться в этом маленьком провинциальном городке?!

Естественно, Иван Фролов тут же вспомнил о доме рижанина Мориса Бернынша, попытавшегося, но так и не сумевшим стать советским гражданином. Его дом, располагался в начале Советской улицы. Всего какой-то год назад он вместе с Морисом из него бежал, они сам дом бросили на произвол судьбы!

Фролов проехал еще пару городских улиц, миновал знакомый пивной бар городского рынка, который его друг воровской авторитет Моня в свое время пытался превратить в свою воровскую штаб-квартиру. Но эта попытка Моне не удалась, хозяин пивного бара его сдал милиции со всеми потрохами. Во время перестрелки с милицией погибло очень много людей. Моня же был тяжело ранен и нуждался в срочной полостной операции. Словом, год назад все тогда покатилось по наклонной, Морис погиб, но успел свой дом передать ему в собственность. Когда Иван проезжал мимо пивного бара, то краем глаза успел-таки заметить, что пивной бар и сегодня работает, но вот клиентура его несколько изменилась. По крайней мере, сейчас у его дверей толпились молодые люди уголовного вида, но они, видимо, занимались наркотиками.

В довоенное время этот пивной бар в основном работал по обслуживанию крестьян, приезжавших на воскресную ярмарку со своей продукцией. В нем они могли попить хорошего пива, неплохо перекусить, а также, если проголодались, то и неплохо пообедать, съесть первое и второе блюда за очень недорого.

Эти мысли Фролова были тут же опровергнуты, когда он повернул свой мотоцикл в очередной переулок, то был вынужден тут же притормозить. Совершенно неожиданно для самого себя, он вдруг увидел, что этот переулок был до упора забит подводами, загруженными свежими овощами, картошкой, луком,

капустой и свеклой с крестьянских огородов, канистрами молока, бидонами сметаны и сливок. Торговля велась бойко, некоторые крестьяне торговали прямо с подвод, а другие — с прилавков, сооруженных из подручного материала. Горожане бродили среди подвод и прилавков, покупая свежие овощи, зелень с огорода, яйца, масло. Следует признать, что и на этот раз горожан было очень много, они не только покупали свежую крестьянскую продукцию, но и вели уважительные беседы с седобородыми крестьянами. Вероятно, в этих беседах обсуждалось начало войны, подумал Фролов, ловко лавируя на мотоцикле среди этого большого количества людей. В толпе покупателей и продавцов было очень много молодежи, которая тоже что-то покупала, но большой частью кучковалась между собой, о чем-то беседуя.

Фролов вспомнил и сильно взгрустнул по своей Машке, погибшую, его защищая! Личное горе на людях всегда легче переносится, вскоре этот парень снова с головой ушел в наблюдение за этим городским столпотворением. Оно ему снова напомнило о том, что сегодня в воскресение, началась война, Германия напала на Советский Союз. Из-за этого скопления народа и крестьянских подвод, он был вынужден до минимума снизить скорость движения своего трофейного мотоцикла. Но Фролов не останавливался, а продолжал осторожно двигаться на мотоцикле между подводами, внимательно посматривая по сторонам.

В какой-то момент Иван Фролов в шумной толпе торговцев и покупателей прямо-таки своим мотоциклом наткнулся на трех мужиков, которые, как ему показалось, явно не были ни крестьянами, ни горожанами. Они, цепко придерживаясь друг друга, пробирались к какой-то одной только им известной цели. Возможно, Фролов и дальше проехал бы мимо этой подозрительной троицы, если в этот момент один из парней вдруг не обернулся, не посмотрел в его сторону. По его взгляду Иван догадался, что внимание этого парня привлек его мотоцикл, тот догадался, что под ним немецкий армейский мотоцикл! Парень толкнул плечом своего напарника, что-то шепнул тому на ухо. Его напарник так и не ответил на этот шепот, а жестом руки показал, мол, «заткнись, приятель, у нас более важное дело»!

Тогда Фролов обратил внимание на их одежду, казалось бы, что эти парни были одеты в кургузые пиджачишки местного пошива, как и большинство местных крестьян. Иван же сразу же своим опытным глазом определил, что эти пиджаки были специально пошиты и пошиты таким образом, чтобы одежда этих молодцов ничем бы не отличалась бы от одежды местного крестьянства. Но опять-таки наметанный глаз Ивана Фролова

выделил одну странность, которая была общей для этой троицы. Полы кургузых пиджачков этих как бы крестьян подозрительно оттопыривались с правой стороны. Во время движения, а эти парни не просто шли, они, словно подкрадывались к своей цели, из-под полы пиджачишек у них проглядывали рукоятки немецких пистолетов-пулеметов МП38, которых население Польши уже успело прозвать «шмайсерами».

Внутренним чутьем Иван Фролов догадался о том, что сейчас он наблюдает работу представителей немецкой разведывательно-диверсионной группы, которая в данный момент на кого-то охотится. Он свернул в сторону, тут же притормозил и свой мотоцикл поставил так между подводами, чтобы иметь возможность снова быстро вскочить на него, чтобы тут же на нем дать деру в случае возникновения такой необходимости. Но в то же самое время Ивану было страшно любопытно узнать, на кого же именно сейчас охотились эти немецкие диверсанты! Он поднялся с сиденья мотоцикла, по-молодецки крепко потянулся, потрещал всеми костями своего скелета. Три часа он провел за рулем мотоцикла, нигде не останавливался, не поднимался с седла, сейчас ему было нужно немного разогнать кровь в своих жилах, размять свои косточки.

Разогнав кровь по жилам, Иван Фролов подошел к заднему сиденью мотоцикла. Прикрывая своим телом немецкий автомат, особо не торопясь, он освободил «шмайсер» от веревочных креплений, проверил его и, держа его в правой руки, опустил автомат вдоль своего тела. Подготовившись, таким образом, к бою, Фролов всем телом развернулся к заинтересовавшим его трем мужикам с немецкими автоматами под пиджаками. За это время они продвинулись вперед всего лишь на десять шагов, но эти шаги точно определили цель охоты диверсантов, то, что их сейчас так интересовало.

Это была деревенская девушка с платиновыми волосами, которая стояла и торговала за одним из прилавков, сооруженного из-под подсобного материала на скорую руку рядом с крестьянской подводой. Этой девушке было двадцать-пять или двадцать — семь лет, она торговала молоком, сметаной и сливками. Рядом с ней суетился молодой паренек лет семнадцати, который то и дело подбегал к подводе, что-то с нее брал и подносил к прилавку. Горожане, видимо, были хорошо знакомы с качеством молочной продукции этой крестьянской семьи, поэтому к девушке с платиновыми волосами стояла из горожан небольшая очередь. Девчонка же работала с своей клиентурой, ни на что другое не обращая внимания. Она старалась, как можно быстрее, обслужить своих клиентов.

Поэтому платиновая блондинка, погруженная в свою работу, пока так и не заметила, что к ней, чуть ли не со всех сторон осторожно подбираются здоровые мужики!

В очередной раз, скользнув своими глазами по лицу этой сельской девчонки, Иван Фролов вдруг ее узнал. Это была Света, одна из двух радисток, которые решили Мориса Берньньша использовать в качестве своего прикрытия в те времена, когда немцы оккупируют Западную Белоруссию. Внимательно присматриваясь к Свете, Иван Фролов вспомнил гневные слова, которые Нина в свое время высказала ему, она ему тогда заявила:

— «Ты, парень, что творишь? Ты, что не понимаешь, что скоро начнется война! Что немецкие войска вот-вот нападут на Советский Союз, на нашу родину! Оккупируют часть ее территорий! И тогда мы со Светой превратимся в один из ручейков связи честных людей с Москвой!»

Сейчас перед Иваном Фролом за прилавком стояла и торговала крестьянской продукцией именно та Света, которая была одной из тех двух девчонок, которых отобрало центральное НКВД в Москве. Они должны были заняться не только работой по организации радиосвязи Лидского подполья с Москвой, эти девчонки должны были обеспечивать качественной радиосвязью подполье всей Западной Белоруссии и Польши. Морис Берньньш, может быть, и не знал, чем же Нина и Света должны были заниматься в своей работе на подполье, но он их взял себе в прислугу, сделав их своими горничными. Может быть, у богатого рижанина с этими девчонками все бы и сложилось, если бы в его доме не появился Вальдемар Косински, он же Иван Флоров. Своим неожиданным появлением Иван сломал спокойную и размеренную жизнь Мориса и его прислуги. В конечном итоге Морис погиб, девчонки разбежались и до настоящего времени где-то скрывались.

Сейчас, наблюдая за тем, как немецкие диверсанты профессионально обкладывали Свету, чтобы затем попытаться ее захватить внезапным наскоком. В этот момент Иван Фролов подумал о том, что, видимо, или в Лидском отделение НКВД, или в Гродненском УНКВД немецкая разведка имела своего человека, который нашел и вывел немецких диверсантов на эту блондинку Свету!

Тем временем к трем подозрительным мужикам с немецкими автоматами под пиджаками присоединился и четвертый, который, вероятно, был командиром этой группы. Сам не понимая, как такое вообще могло с ним случиться, ведь раньше он этому не обучался, Фролов хорошо видел и понимал указания, которые командир группы раздавал своим диверсантам языком

жестов руки и пальцев. Одному из мужиков, который оказался ближе всего к нему, Фролову, он приказал ножом прикончить младшего брата блондинки! Двум другим бойцам своей группы командир приказал стоять на стреме, автоматным огнем прикрывать его и еще одного бойца, вместе с которым он собирался захватить Свету.

Фролов моментально сообразил, что, если он вовремя не нарушит взаимодействие членов этой немецкой диверсионной группы, то жизнь Светы окажется под серьезной угрозой, да и этот ее молодой брат, этот крестьянский паренек может тоже погибнуть. Этим временем, диверсант, которому было приказано нейтрализовать крестьянского паренька, как-то внезапно вдруг оказался за его спиной. Из внутреннего кармана своего пиджака он начал вытаскивать штык-нож, собираясь им втихую прирезать этого паренька. Уже больше не раздумывая, Иван поднял свой «шмайсер» и короткой очередью в три патрона разнес голову противника. Эта так неожиданно прозвучавшая автоматная очередь заставила умолкнуть гул голосов, стоявший над торговыми рядами, над подводами. Люди, сами крестьяне и их покупатели горожане, с громадным любопытством в своих глазах начали поворачивать свои головы по направлению только что прозвучавших выстрелов.

За это краткое мгновение тишины Иван Фролов успел сделать еще три спокойных, размеренных шага, чтобы оказаться рядом с командиром группы немецких диверсантов. Не останавливаясь, он такой же короткой автоматной очередью в три патрона прострелил ему грудь, смертельно ранив немецкого командира. Позднее, после боя Иван Фролов хотел переговорить с этим немцем, задав ему пару интересующих его вопросов, поэтому он сейчас стрелял так, чтобы только его ранить, а не убить! Немец еще валился на землю, уже бессильный что-либо изменить в своей судьбе. Иван же стоял с автоматом наизготовку рядом с его телом, глазами он разыскивал других диверсанта, участников этой операции захвата. В этот момент горожане и крестьяне впали в панику, горожане побежали из переулка, напрочь позабыв о сделанных покупках. Их в этот момент беспокоило только сохранение своей жизни! Крестьяне же суматошно принялись запрягать лошадей в подводы, чтобы, как можно быстрей бежать бы из этого города.

Иван, по-прежнему, стоял, настороженно осматриваясь вокруг, в любой момент он был готов продолжить этот бой! Но после ранения командира немецкой разведывательно-диверсионной группы, его подчиненные, словно растворились, в этой толпе мечущихся горожан. Держа наготове автомат, Иван

Фролов продолжил глазами разыскивать напарника командира вражеской группы, с которым тот собирался захватить Свету. Но этот напарник, словно сквозь землю провалился, его нигде не было видно! Тут где-то за его спиной короткими очередями затрещали еще два других автомата!

Волей неволей Ивану пришлось обернуться, ненадолго выпустив Свету из поля своего зрения, там он увидел, что крестьянский паренек завладел автоматом человека, который только что пытался его убить. Сейчас этот «шмайсер» уже в руках паренька вел огонь по двум немецким диверсантами, которых командир группы поставил на стрему. Причем, один из них был уже ранен в плечо, а второй пытался убежать куда-то вниз по переулку.

Про себя решив, что этот деревенский паренек обязательно справится с этими двумя диверсантами, Иван Фролов решил проверить, по-прежнему, на месте ли находиться Света?!

Он тут же остолбенел на месте, блондинки не оказалось на своем рабочем месте, за ее прилавком уже никого не было! Разбитый стакан со сметаной, разлитое молоко и опрокинутый ящик для сиденья — все это свидетельствовало о мгновенной схватке, только что произошедшей на этом месте. Перешагнув через раненого командира немецкой группы, Фролов получил возможность увидеть переулок на всем его протяжении. По переулку в панике метались люди, в основном крестьяне и горожане! Примерно, в десяти шагах от него стояли трое крестьян, они в своих руках крепко удерживали испуганную Свету!

Иван только приготовился открыть огонь из своего автомата, как услышал за своей спиной покряхтывание клаксона какого-то автомобиля! Инстинктивно Фролов обернулся за спину, в переулок заворачивала советская «Эмка». За ее рулем сидел мужчина в форме командира РККА. Водитель автомобиля хорошо увидел людей, мечущихся в испуге по переулку, но он не остановился, не снизил скорость движения своего автомобиля, как должен был бы поступить любой советский человек. Командир РККА рулил своей «Эмкой» так, словно перед ним была ровная и безлюдная дорога, словно в переулке вообще ничего не происходило!

Когда «Эмка» поравнялась с ним, то Фролов слегка развернулся и из своего «шмайсера» выпустил две автоматные очереди. Первой он ранил водителя в плечо, а когда тот не остановился — прострелил ему голову! Автомобиль тут же занесло влево, он остановился, уткнувшись своим бампером в стену дома.

Пока Иван Фролов разбирался с неизвестно откуда появившимся автомобилем, семнадцатилетний паренек из автомата расстрелял трех крестьян, державших Свету. Вернее было бы сказать, что этот крестьянский парень продемонстрировал хороший уровень подготовки советского диверсанта, убив одного немецкого диверсанта, а двое других, бросив Свету, скрылись в толпе испуганно мечущихся по переулку людей. Взяв Свету за руки, паренек вместе с ней направился к Ивану Фролову. Тот встретил их словами:

— Собирайтесь! Соберите свои вещи, готовьтесь к тому, чтобы сейчас покинуть город Лиду! Видите, там, в углу стоит мой мотоцикл, на нем мы и поедем! Пока вы будете собираться, я же допрошу командира этой группы немецких диверсантов.

— Товарищ командир, нам нечего собирать и брать с собой в дорогу! Все, что мы имеем — это лошадь и подвода, принадлежащая нашему отцу!

— Тогда забирайте свою подводу, оба уезжайте отсюда! Встретимся в доме Мориса Бернььньша! Ты, Света, наверняка, помнишь, где этот дом находится?!

В момент этого разговора девушка блондинка удивленно посмотрела на Ивана Фролова, а парень удивленно смотрел на нее! Через короткую паузу блондинка согласно кивнула головой и отправилась в тот ряд, где стояли подводы с привязанными к их задкам лошадьми. Парень, недоуменно пожав плечами, отправился вслед за девушкой. По дороге он подходил к убитым диверсантам, переворачивал их на спину, разыскивал какие-то документы в карманах их пиджаков, френчей, по дороге подбирая оружие немцев. Проводив глазами блондинку и парня, Иван Фролов развернулся, направился к командиру немецких диверсантов. Тот был совсем плох, то и дело впадал в забытьи, вот-вот он должен был отойти.

Немногим позже, когда все завершилось, Иван все еще продолжал удивляться самому себе, как это у него хватило духовных сил на то, чтобы допросить этого раненого, страдающего от ранения немца, одной ногой уже стоявшего в могиле. Да и допрос он начал несколько своеобразно, вместо того, чтобы помочь этому человеку перебороть боль, со спокойной душой отойти в мир иной, он мыском своего пыльного сапога с силой ударил немца под ребра. Когда тот громко застонал от боли, пронзившей его тело, открыл свои мутные глаза, то Иван Фролов на отличном немецком языке поинтересовался:

— Итак, уважаемый господин немецкий диверсант, наш разговор мы начнем с представления, кто вы, и чем сегодня в первый день войны ваша группа диверсантов занималась в этом

маленьком белорусском городке Лида?

Глава 10

1

Дом Мориса Бернышша сохранился, но пришел, вернее, было бы сказать, что этот дом приведен в ужасное состояние! От него практически ничего не осталось, его сейчас было нельзя назвать жилищем цивилизованного человека. То, что от него осталось, это не были руины, а была сплошная труха, гниль и мусор! Иван Фролов бродил по останкам дома, ногой в сапогах иногда пытался разгрести какую-либо кучу столярного мусора.

Сам дом после того, как его бросил хозяин на произвол судьбы, был разграблен своими соседями и проживавшими неподалеку крестьянами. Первые дни грабители в этом доме появлялись только по ночам. Они прятались от народных глаз, тишком вывозили сохранившуюся в доме мебель, после себя эти грабители оставили одни лишь только голые стены. А перед этим они также тишком, также по ночам собирали и увозили из дома кухонную посуду, хозяйский инструментарий, как огородный, так и плотницкий. Словом, тишком ночные грабители брали все, что им попадало под руку.

Но со временем эти людишки, а не люди, обнаглели, они, словно тараканы, уже днем ползали по помещениям дома. На глазах соседей свидетелей они выламывали рамы со стеклами прямо из оконных проемов, со стен отдирали тесаные доски, вскрывали полы и толстые половые доски укладывали штабелями на свои подводы, увозя их в свое крестьянское хозяйство. Этот грабительский беспредел закончился тем, что нашелся еще какой-то умелец, который с двумя своими сыновьями залез на крышу дома и принародно он начал с крыши дома сдирать черепицу. Советская милиция на такие действия крестьян, соратников пролетариата, не обращала внимания. Она была по горло занята оформлением политических дел на тех крестьян, которые якобы крали урожаи с колхозных полей, поэтому колхозные урожаи и были такими бедными!

Проезжая на мотоцикле через сломанные ворота во двор дома, Иван в сердцах злобно чертыхнулся, увидев, что от самих ворот остались одни только стойки. Да и их кто-то пытался выкопать, увезти с собой, как были увезены створки ворот. Но какой-то человек так и не сумел этого сделать, слишком уж глубоко эти стойки были вкопаны в землю. Повернув мотоцикл влево, он тут же его притормозил в самой середине двора.

Поднялся с кресла мотоцикла, осмотрелся вокруг, а затем свой мотоцикл поставил на парковочную подножку.

Этот дополнительный осмотр дома Фролову снова показал, что от него самого мало чего осталось. Из земли то тут, то там торчали какие-то деревянные столбы, которые, видимо, когда-то были опорами для стен, крыша чернела большими черными провалами, черепицы на ней совсем не осталось. По траве можно было судить о том, что воры и грабители уже давно перестали бывать в этом, когда чудном и прекрасном доме. Трава во дворе разрослась так густо, и выросла она едва ли не до пояса, к тому же она была нигде не истоптана. При виде всего этого безобразия чувства внутри Ивана Фролова бурлили и кипели. Он был не просто зол, так как сейчас видел именно тот дом, о котором так часто вспоминал с грустью и нежностью во время своих путешествий по Европам, по пребыванию в Москве. А, как оказывается, к его глубокому сожалению, этот дом уже тогда больше не существовал!

В дальнем углу двора Иван увидел подводу, а рядом распряженную лошадь, щипавшую траву. Девчонки блондинки и паренька нигде не было видно, но в доме слышались их голоса. Вскоре они оба показались в проеме двери, когда-то бывшими главным входом в этот прекрасный дом. Девчонка шла, в руках она несла солдатский сидор, в нем находилось что-то очень тяжелое. Парнишка шагал вслед за блондинкой, в руках у него ничего не было, но на плече уже болтался немецкий «шмайсер», а на правом боку, на поясе оттопырилась кобура парабеллума. Блондинка говорила парню:

— Ну, не могу я, Дима, понять тех людей, которые свое личное счастье строят на несчастье других людей! Так разрушить, разворовать и запоганить этот дом, когда-то бывшим таким замечательным, по-домашнему уютным домом. Все в нем сломать, запоганить и испортить из-за одной только зависти к соседу. Все в этом доме переломать, чтобы никто больше не мог бы всем этим пользоваться! Ну, как можно было мебель, кухонную посуду и оборудование, а также все вещи этого дома растащить по своим домам. И растащить все это, воспользовавшись моментом, когда хозяин дома был вынужден на время его покинуть! — Громко возмущалась блондинка. — Еще в те времена, когда мне пришлось простой служанкой поработать у его хозяина, то я прибиралась, наводила порядок в его помещениях, замирая от счастья, понимая, что мне, простой крестьянской девчонке, приходится убирать помещения этого прекрасного, великолепного и такого комфортабельного дома! Этот дом был построен именно так, чтобы в нем жил и

наслаждался своею жизнью человек! А сейчас, когда вижу, во что он превратился, в каком плохом состоянии этот дом сейчас находится, а прошел всего лишь один год без его хозяина, то мое сердце только кровью обливается!

— Вера, ну, почему ты так разволновалась! Пойми, что это не наш с тобой дом, хотя и этот дом можно было бы восстановить за пару недель, привести его в порядок! Ты только пожелай, и я найду двух — трех парней, которые мгновенно его восстановят! Для этого нужны только деньги, да и желание восстановить, отремонтировать этот дом!

Иван подошел к блондинке и пареньку, ему захотелось вмешаться в их разговор:

— Извини, парень, но, как тебя зовут? Мы так неожиданно встретились, что у нас не было времени для того, чтобы нормально познакомиться!

— Меня зовут Дмитрий, я сын Семена Ивановича Лукашевича, который крестьянствует в деревне Березовка. А это моя старшая сестренка, Веруня! Только я не понимаю, почему вы ее Светой постоянно называете?

Внутренне Иван Фролов удивился словам Дмитрия, когда блондинку Свету он назвал Верой, своей сестрой. Но в жизни всякое бывает, и сестры могут работать агентами НКВД. Вот только ему было непонятно, почему местное НКВД ничего не знали о существовании этих двух девчонок, служанок Мориса Бернышша? Почему местное НКВД так плохо восприняло информацию о существовании этих радисток? Поэтому Иван Фролов все-таки решился Свете задать один вопрос, имевший непосредственное отношение к тем прошлым временам!

— Извини меня, Света! Но очень похоже на то, что ты сейчас в своих руках держишь то, что год назад здесь была вынуждена оставить?

— Вера, не отвечай на вопрос этого парня! Мы его практически не знаем, кто он такой, откуда здесь появился на нашу голову? — Громко прошептал ее брат, Дмитрий.

— Дима, помолчи! Ты ничего не знаешь и не понимаешь! Позволь мне самой судить о том, что можно ли или что нельзя мне обсуждать вместе с этим товарищем! Насколько я помню, — сказала Света или Вера, обращаясь к Ивану Фролову, — год назад ты, как гость, появился в доме Мориса. В ту ночь после непонятного разговора с тобой я вместе со своей подругой была вынуждена бежать из этого дома. Ты же вместе с Морисом собирался заняться поиском хирурга, чтобы прооперировать вора рецидивиста по имени Моня?! Так вот я хочу вас, уважаемый товарищ, немного поправить, так как хочу, чтобы ты лучше

разбирался в событиях той ночи. Так вот Света — это мой боевой псевдоним, Нина — это псевдоним моей подруги. Я никогда не знала ее настоящего имени, а она никогда не знала моего настоящего имени! Но что-то в ту ночь пошло не так? Во-первых, мой контакт в Гродненском УНКВД с тех пор молчит, не выходит со мной на связь, хотя я регулярно появляюсь в запланированных местах для возможной встречи со своим курьером или куратором. Во-вторых, все это время моя рация хранилась в тайнике этого дома, но только сегодня я смогла до нее добраться. Теперь я попытаюсь по радиоэфиру связаться с Москвой.

— Ну, что ж, Света, тогда будем считать, что наш контакт состоялся! Правда, меня никто не проинформировал о том, что ты давным-давно переехала в Березовку! Мне только сказали, чтобы я тебя разыскивал бы на воскресной ярмарке в Лиде! А теперь, расскажите мне, пожалуйста, об этой странной ситуации. Сегодня началась война с Германией, в сорока километрах от Лиды уже находятся немецкие войска! А в Лиде, как ни в чем не бывало, проводится крестьянская воскресная ярмарка?! У меня в голове такого не укладывается, с большим трудом, под немецкими пулями я на мотоцикле прорываюсь в город! В городе все еще работает советская власть, никто и никуда не эвакуируется. Советских войск не видно, в самом городе тихо и спокойно, за исключением немецких диверсантов, в открытую действующих на его улицах!

— Все дело в том, уважаемый товарищ, — в разговор вмешался брат, Дима — до нас, крестьян, весть о войне пока еще не дошла. С утра летает много самолетов, ну, а чьи они, немецкие или советские, снизу сразу и не разберешь. Да и товарищ Молотов с обращением к советскому народу выступил только в двенадцать часов дня. В наших деревнях, как вы возможно знаете, только у немногих богатеях имеются радиоприемники, которые они включают только по вечерам послушать новости за день. Вот наши родители собрали лук и морковь на огороде и, как обычно, меня с сестрой отправили немного поторговать в Лиду. Правда, отец попросил к тому же разобраться, что именно в Лиде, да и во всем мире!

— К тому же я не могла упустить возможности встретиться со своим куратором, поэтому постаралась убедить своих родителей меня вместе с братом отправить в Лиду, а там продать кое-какую нашу крестьянскую продукции… Деньги же они всегда нужны, и горожанину, и крестьянину! Когда мы приехали в Лиду, то сразу же услышали о том, что немцы постоянно бомбят аэродром под Лидой и железнодорожный вокзал. Так что все мы в Лиде знали о том, что немцы напали на Советский Союз, но не знали деталей

этого нападения. Нам очень хотелось в городе услышать и хорошие новости о том, что Красная Армия перешла государственную границу и наступает на Германию!

— Хорошо, друзья! Но теперь-то вы знаете о том, что началась война! Немцы всегда были хорошими солдатами, так что, знайте, что эта война завтра не закончится. Вероятно, она продлиться еще несколько лет! Как старший товарищ по возрасту, я вам предлагаю поработать на родину. Света, уже знает, чем она должна заниматься в случае начала войны, да и тебе, Дима, в этой связи обязательно найдется работа! Хотел бы только тебя, Света, предупредить о том, что кто-то из местных, то ли из энкеведешников, то ли из милиционеров, слил немцам информацию о тебе и о Нине. Но на сегодняшней ярмарке немцы почему-то разыскивали Нину. Из этого можно было бы прийти к выводу о том, что она жива! В этих своих поисках Нины немецкие диверсанты совершенно случайно наткнулись на тебя, Света. Они и попытались с пылу, жару тебя захватить живой и здоровой, но в результате нарвались на меня и на твоего брата Диму. В произошедшей схватке они одними убитыми потеряли пять диверсантов, ранеными — четырех. Но мы столкнулись только с одним только отделением немецких диверсантов, а под Лидой на парашютах высадилась полурота полка Бранденбург, под командованием обер лейтенанта Леопольда Картинга. Наверняка он, узнав о неудаче этого своего отделения, постарается каким-либо образом усилить твои поиски, Света, и поиски твоей подруги, Нины!

— Но я даже не знаю, где она может находиться, где скрывается, кто ее родственники?! Я вместе с Ниной проработала всего пару месяцев у этого богатого рижанина, но настоящими подругами, из-за специфики своей профессии, мы так и не сумели стать! Повторяю, что я попросту не знаю, где ее можно было бы найти! Правда, однажды она что-то упомянула одну еврейскую семью, старший мальчик, в которой был ее хорошим другом! Но очень похоже на то, что эта еврейская семья сегодня не проживает в Лиде, она переехала в другой белорусский городок. Но, в какой я, разумеется, не знаю!

— Хорошо, в свое время мы обязательно займемся поисками Нины. А сейчас я хотел бы поговорить об этом доме. В моей душе все еще теплится надежда на то, что он нам может еще пригодится! В этом белорусском городке он мог бы стать нашей надежной крышей, укрытием. Таким образом, я предлагаю, нанять бригаду шабашников для того, чтобы его отремонтировать! Дима, ты пообещал, что легко даже в эти трудные времена найдешь таких строителей. Деньги на ремонт

дома я обязательно найду! Теперь поговорил о нашей общей легенде по этому дому. С этого момента мы всем людям, которые будут к нам заглядывать на двор, будем говорить о том, что твой отец Дима, крестьянин Лукашевич, этот дом приобрел для своей семьи, что он собирается переезжать в город. Бумаги, договор о купле-продаже дома, я заранее подготовлю, завтра вы их уже получите! Затем, Дима, ты займешься сбором оружие в местах проведения боев, приведением его в порядок и складированием. Чуть позже я тебя познакомлю еще с одним таким же, как и ты, пареньком, только он горожанин. Вы вместе займетесь набором добровольцев в партизанский отряд, который мы создадим на гродненщине!

После этих слов Иван Фролов сделал небольшую паузу, внимательно посмотрел на Свету, и поинтересовался:

— Когда ты должна начать поддерживать постоянную радиосвязь с московским центром?

— Точные даты не обсуждались, но мне говорили, что было бы желательным подтвердить центру, что жива и готова продолжать работа, в первый, четвертый или на десятый день начала войны. В эти дни я должна подтвердить специальным паролем, что работаю не под контролем вражеской разведки, что готова к регулярной работе в эфире. В ответной шифровке мне сообщат точное время моих выходов на связь. Но вот эта рация, она, кажется, не работает, видимо, совсем подсели аккумуляторы, а новых аккумуляторов у меня в запасе не было!

— Что это за рация у тебя, Света?

— Да, стандартная «Север-бис»! Сама рация в полном порядке, а вот второй сумки с анодными и накальными батареями, а также кабелем питания я найти уже не смогла. Если бы эта сумка сохранилась бы, то я уже сегодня батареи поставила бы на подзарядку. Эту сумку могла забрать и Нина, правда, зачем ей нужны две тяжелые сумки с батареями. Значит, кто-то из соседей этого дома нашел эту сумку, затем ее перепрятал, или забрал с собой!

— Ну, что ж, ребята, должен оставить вас на пару часиков. Мне нужно обязательно появиться в городе! Нужно кое с кем встретиться, поговорить о наших делах!

Через полчаса Иван Фролов слезал с сиденья мотоцикла перед входом в Главпочтамт Лиды. Он поднялся по трем ступенькам каменной лестницы и прошел в зал. Там он остановился посредине зала, удивленный тишиной! Все телефонистки, а их было четыре женщины в возрасте, сидели за барьерчиком, поверху которого стояли листы стекол с полукруглыми вырезами для общения с клиентами почты. Иван

почувствовал себя неудобно, когда оказался под серьезными, но несколько грустными взглядами этих четырех женщин. Немного поколебавшись, он подошел к женщине бальзаковского возраста, склонился к вырезу, вежливо попросил даму:

— Вы знаете, мне хотелось бы поговорить с Москвой. Понимаете, я у вас тут в Лиде, а моя жена и сын остались в Москве. А тут началась война… и я не знаю, что мне делать? У меня есть номер телефона!

— Вы знаете, молодой человек, — ответила женщина, сегодня с утра телефонная связь с Москвой полностью отсутствовала. Но, давайте, я попробую. Вдруг у нас чего-нибудь получится! Садитесь на диванчик, в случае появления связи, я вызову вас в кабинку для переговоров! Так что ждите моего вызова, молодой человек!

Фролову показалось, что только он успел присесть на деревянный диванчик, как в зале послышал голос телефонистки:

— Молодой человек, пройдите в переговорную кабину номер один. Ваша Москва на проводе!

Иван практически добежал до переговорных кабин, прошел в первую кабину, схватил телефонную трубку и прижал ее к своему уху. На линии сначала была полна тишина, а затем возник какой-гул и мужской голос, который говорил:

— Какая Лида? Я не жду никакого звонка из белорусской Лиды!

— Это я, Вальдемар! Насколько я понимаю, наше телефонное соединение может быть в любую минуту оборваться. Поэтому примите мое срочное сообщение. Первое, мой самолет вчера сбили над Белоруссией, только сейчас я добрался до Лиды. Сразу же попытался с вами связаться. Второе, прошу срочно сообщить мне номер волны, по которой мы могли бы поддерживать радиосвязь! Третье, мне срочно нужны две рации «Север-бис» и два напора батарей для поддержания нормальной радиосвязи. Четвертое, мне нужен контакт по Лиде!

— Хорошо, я записал все то, что вы запрашиваете! Завтра под фамилией майора Горчакова Александра Ивановича зайдите в наше управление. Там вам все передадут или, по крайней мере, сообщат, где и что находится. Жду эфирного подтверждения об установлении постоянной связи. И последнее, скажите, немцы еще не взяли Лиды?

— Нет, пока еще нет! Но эвакуация партийного аппарата и городских чиновников уже началась. Бои идут под Гродно! Женя Красновский сообщил мне о том, что вы куда-то пропали, он искал вас по всей Белоруссии и не мог найти. Случайно встретите его, передайте привет от меня!

В этот момент на линии что-то щелкнуло, тут же послышался голос немецкого гауптмана, который приказывал своей роте танков в лес не углубляться, вести обстрел красноармейцев с позиции «стоя». Фролов положил трубку на аппарат, подумал о том, что телефонистки, наверняка, подслушивали его разговор с Москвой! Дай бог, чтобы эти женщины ничего бы не поняли! Ну, а если поняли, то ему уже завтра будет сложно и трудно работать в этом регионе. Тем не менее, он подошел к телефонистке, которая соединила его с Москвой:

— Позвольте вас поблагодарить за то, что вы соединили меня с Москвой, мадам! Этот разговор решил многие мои проблемы!

— Молодой человек, не надо много слов! Скажите, а это трудно быть шпионом?

— Шпионом, а почему вы так решили, что я шпион, мадам?

— Понимаете, молодой человек, вон, видите, соседнее место рядом со мной пустует. Это место обычно занимает моя подруга по смене, ее зовут Ольгой. У этой Ольги муж работает участковым милиционером в районном отделении НКВД. Ольга подслушивала все разговоры с Москвой. Через пару минут, как только вы соединились с Москвой, она вдруг прошептала:

«Да, он настоящий шпион».

И она тут же убежала за своим мужем, чтобы, значит, вас арестовать, посадить в тюрьму! А я не хочу видеть, как вас будут арестовывать. Не желаю, чтобы вас такого молодого и симпатичного парня сажали бы в тюрьму! Так что прошу вас, уходите, с НКВД лучше никогда не иметь дела!

Фролов уже подходил к своему мотоциклу, когда за спиной услышал звук бегущих шагов, а затем злой мужской рык:

— Ты, курва немецкая, стоять и руки вверх! А не то я тебя пристрелю!

Удивленный подобным грубым обращением, Иван развернулся, за своей спиной он увидел подбегающего к нему мужика в темно-синей милицейской форме, с четырьмя треугольниками в петлицах воротничка.

— Сержант, вы, что себе позволяете? Какое право вы имеете, так грубо разговаривать с человеком, с которым совершенно незнакомы?!

— Я тебе поговорю, сука! Давай, скотина, поднимай свои руки вверх! — Говорил этот грубиян, старшина милиции, правой рукой пытаясь расстегнуть кобуру на поясе, достать оттуда свой милицейский наган. — Пройдем в околоток, там я с тобой поговорю!

— Извини, сержант, но мне незачем и некогда идти в твой околоток, чтобы там о чем-то с тобой разговаривать!

— Я тебе поговорю, морда стоеросовая! Давай, поднимай руки, и пошли вместе со мной, а не то я стрелять начну!

— Слушай, сержант, а ты случайно не слепой, посмотри-ка, что на тебя смотрит!

Только сейчас сержант милиции заметил, что этот здоровяк, стоявший напротив него, в своих руках держит пистолет. Страх, почти ужас потихоньку начал заполнять душу этого сержанта милиции, никогда прежде смерть в его жизни так прямо и жутко не смотрела ему в лицо. Послышался негромкий пистолетный выстрел!

2

Александра Меца не оказалось дома, на кровати в дворницкой валялся его отец, пьяный в стельку. Из его почти бессвязного пьяного лепетания Иван понял, что Александр вот уже несколько месяцев не появлялся дома, что он отца не чтит и денег ему на водку не подбрасывает, хотя парень имеет хорошую и чистую работу. Что это за хорошая работа, где работает Сашка, Фролов из отца так и не выбил, или, вернее было бы сказать, так и не понял из его пьяных слов. Выйдя в подворотню, Иван закурил сигарету, которых в пачке осталось всего две штуки, и задумался о том, где бы он в Лиде мог бы найти Меца. Как ни крути, получалось так, что ему следовало снова отправляться в тот самый пивной бар при городском рынке, где в свое время произошла схватка с милицией.

Шел уже десятый час вечера, Иван Фролов сел на свой мотоцикл, толчком экстрактора попытался завести его двигатель. Двигатель заработал только со второй попытки. Остаточный всплеск бензина в бензобаке напомнил ему о том, что в течение этого дня он еще ни разу не заправлял мотоцикл, который постепенно становился его добрым и настоящим другом.

В этот момент мимо Ивана Фролова проходили два красноармейца во главе со старшиной. Это был первый военный патруль, встретившийся на пути Ивана Фролова в первый же день войны. По лицам молодых красноармейцев, в недавнем прошлом крестьян призывников, было трудно сказать, что они полностью осознают великую трагедию, произошедшую с их матерью родиной, на которую сегодня напал сильный враг. Старшина патруля остановился, вежливым голосом он попросил Фролова, предъявить ему свой гражданский паспорт. Иван вместо паспорта из внутреннего кармана своего пиджака достал удостоверение сотрудника НКВД красного цвета. Старшина разволновался из-за

такой неожиданности, он даже замахал своими руками в воздухе, не желаю брать в руки удостоверение работника такой уважаемой организации!

— Товарищ старшина, — тогда к нему обратился сам Фролов, — я человек новый в Лиде. Поэтому много не знаю, не могли бы вы мне, старшина, подсказать, где я мог бы заправить бензином свой мотоцикл?

— Товарищ работник НКВД, все гражданские заправки сегодня в городе закрыты. Остались заправки только для военных автомашин. Ближайшая заправка отсюда находится через две улицы. Езжайте по этой улице, первый поворот направо, потом второй поворот снова направо и вы упретесь в бензозаправку.

В рыночный пивной бар Иван Фролов приехал к одиннадцати часам вечера, бар все еще работал, в нем было несколько посетителей, не смотря на столь поздний час. Правда, сейчас в этом баре колготились весьма специфичные молодые люди, видимо, сильно увлекающиеся наркотой. Иванова голова слегка закружилась от сладковатого запаха, видимо, одна компания курила травку, но имелись другие компании, представители которые аккуратно нюхали белый пастообразный порошок. Молодые люди были все неплохо одеты, сидели за столами, глазами они уставились в одну точку, как бы слушая песню «Ах, Мурка», сейчас проигрываемую патефоном. Фролов со злости плюнул через зубы, он совсем уж собрался покинуть это место, рай для наркоманов, когда услышал голос, выкрикнувший его имя.

— Иван, а ты-то, чего здесь делаешь?

Обернувшись через плечо, Фролов увидел Александра Меца с двумя товарищами, стоявшими рядом со стойкой, за которой трудился бармен в белой рубашке косоворотке. Если Сашка еще был похож на нормального человека, то его друзья напоминали горилл из городского зоопарка. Какие-то кряжистые фигуры, широкие плечи, толстые в ляжках ноги и какие-то блинообразные лица с потухшими окурками сигарет в кончиках рта. Все они носили огромные кепки аэродромы на своих полностью лысых головах.

— Я ищу тебя по всему городу! — Сказал Иван Фролов, подходя к Александру Мецу, протягивая ему свою руку для дружеского рукопожатия. — Нашел там, где даже не думал тебя найти! Почему ты остался в городе, а не уехал вглубь страны, ведь началась война?

— Вань, да мне некуда ехать! У меня есть только отец, мой единственный живой родственник, да и он живет в этом городе! А потом, я не вижу причин для беспокойства. Война началась, а за

день над городом пролетели всего два немецких самолета. Да и то они бомбили аэродром под Лидой. Я полагаю, что Красная Армия очень скоро перейдет в наступление, эту войну мы закончим в Берлине!

— Да, Саня, ты прав, эту войну мы действительно закончим в Берлине, но вот я не думаю, что это случится очень скоро?! К твоему сведению, после ожесточенных боев в пригороде города немецкие войска сейчас вступают в Гродно!

— Откуда ты это можешь знать, Иван?

— Земля слухами полнится, Саня! Да и я тебя искал для того, чтобы поговорить о нашем дальнейшем сотрудничестве!

— Интересно ты, Иван, выражаешься. Типа хочешь «поговорить о сотрудничестве»?! Если собираешься поговорить со мной о нашем с тобой дружеском, личном сотрудничестве, то я, Александр Меца, блатной, готов с тобой пойти на любое дело, но при условии, если ты не будешь меня заставлять идти против своих мужиков и блатных! Если же ты хочешь, поговорить о сотрудничестве наших сообществ, то говорить по этому вопросу следует со смотрящим по городу, но он в город вернется только завтра. Наш друг Моня не захотел оставаться в Лиде, он Москву полюбил, там он решил стать положенцем! А знаешь, что, Иван, отпущу-ка я своих товарищей, а на твоем мотоцикле мы прокатимся по городу, посмотрим, как советский народ войну с германцами встречает! Что ты, дружище, сам думаешь по этому поводу?

Лида внешне выглядела спящим городком, хотя на ее улицах встречалось немало людей. Причем, эти провинциалы белорусы спешили по своим делам совершенно не так, как скажем, москвичи или жители других советских крупных городов. Городские улицы не были переполнены народом, встречались только отдельные пешеходы. Эти пешеходы опять-таки сохраняли внешнее спокойствие, провинциальную неторопливость! Они не бежали, скажем, сломя голову, локтями расталкивая других пешеходов. Правда, может быть, впервые жители белорусской Лиды сегодня старались ничего из своих дел не оставлять на завтра, старались все свои дела завершить сегодня. Все-таки началась война, которая пока еще их напрямую не затронула. Но многие люди уже поверили в то, что завтра может, никогда не наступить!

Да и сегодняшний воскресный день, первый день войны, многие из лидчан проработали совсем не так, как работали в другие воскресные дни этого года! Большинство горожан, как и в других городах советского Союза, отдыхали дома, убирались в домах, мыли, стирали, в общем, занимались домашними делами.

Другие же, которым пришлось выйти на службу, сегодня старались, как можно быстрее завершить работу, вернуться домой.

Далеко за полночь Фролов с Мацем заехали на городской вокзал, чтобы в станционном буфете выпить хорошего пива и послушать, что люди говорят о первом дне войны.

Разговор у них самих пошел не торопливый, время от времени они прерывали его большими глотками хорошо сваренного пива. В какой-то момент вокруг них вдруг начала твориться непонятная суматоху. Сашка осмотрел станционный бар, кивком головы показал на большую группу людей, которая зашла в бар, видимо, из-за желания пропустить по сто граммов водки, и негромко произнес:

— Местное железнодорожное начальство. Я бы этих гадов всех бы к стенке поставил!

На вопросительный взгляд Ивана нехотя Мец пояснил:

— Сегодня из Москвы прибыл целый эшелон новеньких тяжелых танков «Климент Ворошилов 2». Так эти неучи один танк прямо с платформы уронили на пути. А танк настолько тяжелый, что его нечем поднять или подковырнуть, чтобы поставить на гусеницы. Вот они целый день пробегали, каждую минуту за советом перезванивая в Москву. Остальные танки стоят, по-прежнему, на платформе, их теперь боятся коснуться! А перевернутый танк и лежит на рельсах, его нечем поднять. Ты понимаешь, Ваня, этот танк такой большой и здоровый, он на поле боя этим немцам такого бы показал, что они от него улепетывали подобру душу, а он сейчас лежит себе на боку и никто с ним ничего не может сделать!

Парни почти уже собрались пойти к месту аварии, чтобы вместе со всеми принять участие в обсуждении инцидента, но в этот момент на вокзал приехало руководство местного отделения НКВД. Впереди группы шагал высокий человек пожилого возраста. Он шел, не смотря по сторонам, а его сопровождающие работники НКВД чуть ли не вприпрыжку бежали за ним.

— Капитан госбезопасности Аркадий Иванович Велихов, начальник местного отделения НКВД. Я бы сказал, что он самая большая сволочь, а не человек. За решетку и надолго может бросить любого человека, который покурил не в том, по его мнению, месте.

Санька Мец начал перечислять фамилии сотрудников НКВД, давая краткую характеристику и способностям и поведению. Вторым, вслед за капитаном Велиховым, шел пожилой человек в гражданском костюме.

— А это заместитель начальника местного отделения НКВД,

тоже капитан Иван Анатольевич Козлов. Добрейший человек, совершеннейший антипод своего начальника. Но уж слишком много времени он болеет! Иногда по месяцам не выходит на работу. Но никогда не отказывает в помощи, если его попросить, то практически всегда идет на помощь. Не бесплатно, разумеется, когда речь заходит о таких, как мы с тобой, парнях! Ребята, сотрудники НКВД, которые шагают вслед за своим начальством, не имеют собственного мнения. Они выполняют толь то, что им приказывают!

— Саш, мне нужна твоя помощь! Пропала одна девчонка, которая имела отношение к этому отделению НКВД. Мне нужно ее срочно разыскать, может быть, ты ею судьбой поинтересуешься у капитана Козлова! У меня такое предчувствие, что она уже томится за решеткой у этих парней! Я готов заплатить за ее свободу!

— Ты, Иван, вероятно, имеешь в виду радистку Нину!

— Да, именно ее! А откуда ты слышал о ней?

— Примерно, год назад некий сержант милиции Синичкин, одновременно по совместительству стукач НКВД, свой глаз положил на один богатый дом. Он захотел его себе полностью заграбастать, но там временно проживала эта самая Нина. Я бы на ее месте уступил бы этому сержанту, а это девчонка начала себя в грудь бить, требовать справедливости, утверждая, что хозяин этот дом передал ей во владение, что теперь она его хозяйка.

— Так оно и есть, я этот дом передал в ее руки. Сегодня вернулся, Нины нигде нет, а от дома остались только рожки, да ножки. Все окна и двери выломаны, черепица с крыши сорвана, комнаты превращены в сортир! Но главное, я никак не могу найти самой Нины!

— А Нина, что твоя полюбовница, что ли?!

— Нет, Саня, мою любовь вчера убил тут один местный пай-мальчик, который вдруг решил мой самолет ограбить! Нина же со временем станет твоей радисткой помощницей. Из предыдущих разговоров с тобой, я хорошо помню о том, что ты великолепно знаешь немецкий язык. Так что начинай, Саша, готовиться к службе в частях СС. Начинай думать о своей легенде, а я подумаю о твоих документах.

— Но я же блатной, Ваня, я не имею права служить ни в какой армии! Итак, у нас начинаются сучьи войны, а ты мне говоришь о том, что я буду служить в войсках СС. Ведь, я же еврей?!

— Забудь обо всем этом малом, Саша, когда речь заходит о твоей родине!

3

Капитан Велихов нервно расхаживал по своему кабинету, с удивлением в глазах посматривая на этого громилу в гражданском пиджаке и в красноармейских полотняных галифе, спокойно сидевшего на стуле, скучающе поглядывающего в окно. Это надо же такому случиться, чтобы этот парень с такой бандитской рожей с немецким «шмайсером» за плечом, прошел все внутренние посты, появилась в его кабинете, расположенном на втором этаже здания районного отделения НКВД! Вчера из министерства пришла странная информация, что они, отделение НКВД по Лидской области должны во всем подчиняться этому человеку. Все бы ничего, можно было поработать и с этим человеком, но капитан Леопольд Картинг вдруг потребовал голову этого москвича. И сейчас он, капитан Велихов, вынужден сидет и тянуть резину, когда бранденбуржцы придут за этим человеком.

— Так вы мне говорите, что вы, майор госбезопасности Горчаков Александр Иванович!

— Так точно! Я, майор госбезопасности Горчаков Александр Иванович!

— Мне о вас, товарищ майор, ничего не известно. Поэтому я не понимаю цели вашего визита ко мне! Вы мне даже не показали своего удостоверения сотрудника государственной безопасности! Как я вам могу доверять, майор, когда я о вас ничего не знаю?!

— Слушайте, капитан, меня совершенно не интересует, что вы знаете, или чего вы не знаете обо мне! Никакого удостоверения личности я не должен вам показывать, так как я выполняю приказ из Москвы! Согласно этому приказу я должен от вас лично, капитан Велихов, получить следующее: два комплекта полевых раций «Север-бис» с подзарядными батареями; полную информацию со схемой расположения схронов с продуктами и оружием; а также перевести под мое командование только что сформированный вами истребительный батальон. Так вот, капитан Велихов, я нахожусь перед вами и жду вашего приказания на передачу в мое распоряжение перечисленных выше вещей и людей!

В принципе, майор Горчаков, был абсолютно прав, такая информация из Москвы своевременно поступила! Сейчас она в отдельной папочке лежала на письменном столе, перед самим капитаном! Но вот ответная реакция обер лейтенанта Абвера Картинга заставила капитана Велихова сейчас ожидать возвращения сержанта Синичкина, который в последнее время стал особо приближенным к нему лицом. Старшина стал

выполнять наиболее чувствительные задания капитана госбезопасности Велихова. Рано утром сержант Синички забрал из камеры подвального этажа здания НКВД радистку Нину и повез ее в расположение лагеря диверсионной группы обер лейтенанта командира Леопольда Картинга. Сержант Синичкин должен был вот-вот вернуться со своими бойцами, тогда можно было бы попытаться арестовать или, по крайней мере, пристрелить этого московского майора. Одним словом, капитану Велихову было необходимо набраться терпения и немного подождать возвращения группы сержанта Синичкина.

Послышался осторожный стук в дверь, затем дверь распахнулась, и на ее пороге появился капитан Козлов. Не обращая ни малейшего внимания на майора Горчакова, капитан Козлов подошел к столу капитана Велихова, с удобством устроился на стуле перед столом начальника.

— Извините, майор! — Попросил капитан Велихов и, уже обращаясь к капитану Козлову, поинтересовался. — Ну, так что там у тебя, капитан? Извини, не мог бы ты быстрее доложить свой вопрос, а то я занят с этим майором, только что прибывшим из Москвы!

Козлов с интересов пробежался взглядом по лицу майору Горчакова, на мгновение взгляд своих глаз задержал на «шмайсере», выглядевшему из-за плеча майора, чему-то криво усмехнулся, а затем негромко сообщил:

— Только что звонил председатель сельсовета деревушки Вязники. Он сообщил: первое, что видел вооруженных немцев, и второе, группа сержанта Синичкина расстреляна этими бродячими немцами. Все трое погибли на месте, так и не успев применить свое оружие?

— А девка, где та девка, которую сопровождала группа сержанта Синичкина! — Поинтересовался капитан Велихов.

— Не знаю, председатель сельсовета ни словом не упомянул о том, чтобы там была какая-либо девчонка! — Сказал капитан Козлов.

— Не беспокойся, капитан, о радистке! Она в наших руках! Мы вовремя получили информацию о предстоящей встрече сержанта Синичкина и обер лейтенанта Картинга. Поэтому мы успели перехватить Синичкина и его подельников. Парень не захотел сдаваться, нам пришлось его уничтожить! Да и ты, капитан Велихов, не забудь свое оружие положить перед собой. Сделай это медленно и осторожно.

Под дулом «шмайсера» капитан Велихов почувствовал себя явно не в своей тарелке. Он осторожно расстегнул кобуру и выложил на стол перед собой старенький наган. Этот наган

вручил ему старый большевик в 1920 году, когда он по приказу партии возглавил отдел милиции в Минске. Затем он стал сотрудником белорусского НКВД, от вседозволенности у него со временем поехала голова. Вот он сегодня доигрался до предательства родины! Доставая второй пистолет из подмышечной кобуры, капитан Велихов одним движением пальца взвел курок «Вальтера Р38» и тут же выстрелил себе в рот.

Капитан Козлов посмотрел на Ивана Фролова и укоризненно покачал головой:

— Всего второй день ты, майор, находишься в Лиде, а уже имеешь на своем счету пару трупов двух ответственных сотрудников правоохранительных органов. Что касается сержанта Синичкина, то это была настоящая тварь, за деньги он и мать родную был готов продать! Но вот с капитаном Велиховым, ты, майор, кажется, перемудрил, немало шпионов он поймал и на тот свет отправил. Одних британских шпионов, двадцать человек, своей собственной рукой расстрелял!

— Не согласен я с тобой, Иван Анатольевич, по этому вопросу! Капитан Велихов давно уже предал родину! Ему осталось сделать всего один только шаг для того, чтобы начать сотрудничать с немецким Абвером, который уже вышел на него, начал его разработку. Ну, да, ладно, нам хватит разговаривать о нем, о капитане, который уже сделал свой выбор и ушел из жизни в тот момент, когда у нас еще много недоделанных дел осталось! Не мог бы ты найти командира истребительного батальона, меня с ним познакомить. До ухода ястребков в лес я хотел бы вместе с ними провести операцию по уничтожению диверсионно-разведывательной полуроты обер лейтенанта Картинга! Причем, эту операцию мне хотелось бы провести под шумок, скажем, 26 или 27 июня, когда немцы будут входить в Лиду!

— И откуда ты, майор, такие вещи знаешь, скажем, о том, когда именно немцы возьмут Лиду.

Иван Фролов медленно поднялся с табурета и подошел к окну. Сегодняшний понедельник резко отличался от вчерашнего воскресного дня, уже с утра вражеские бомбардировщики начали, не переставая, бомбить лидский железнодорожный узел. Время от времени в той стороне возникали пожары, вот и сейчас из окна было хорошо видно, как над железнодорожным узлом разворачивается пламя очередного пожара. Несколько немецких истребителей прошли над улицей Ленина, из пулеметов обстреливая горожан. В городе на данный момент пока еще не находилось ни одного подразделения РККА! Немецкая авиация безраздельно хозяйничала в небе нал Лидой, там не было видно ни одного советского истребителя или бомбардировщика. В то же

самое время Иван Фролов хорошо знал о том, что под Лидой располагались несколько крупных аэродромов истребительной и бомбардировочной авиации советской авиации.

Капитан Козлов подошел к столу, на котором все еще лежал застрелившийся капитан Велихов, поднял труд телефонную трубку и приказал:

— Дежурный, срочно в кабинет капитана Велихова пришлите санитаров с носилками. Нужно убрать труп капитана, он застрелился!

Затем он повернулся к Ивану Фролову и поинтересовался:

— Ну, а что ты, майор, все-таки собираешься делать? Ни сегодня, ни завтра немцы не войдут в город?!

— Я тебе уже сказал, что немцы возьмут город 27 июня! Ну, а я пока займусь схронами с оружием и продуктами! Теперь я не уверен в том, что о существовании этих схронов никто больше нас не знает! Попытаюсь спасти те схроны, которые пока остались не тронутыми, которые еще можно спасти! Так что я пошел, капитан, заниматься делом, но ты мне так и не сказал, где я все же могу найти командира истребительного батальона, а также где мои рации?

Капитан Козлов искоса посмотрел на этого самоуверенного майора громилу из Москвы, подумал о том, что и капитан Велихов, видимо, к этому москвичу испытывал какое-то внутреннее недоверие. Но он все же пересилил себя, взял со стола капитана Велихова тощую папочку и протянул ее майору Горчакову. Тот, отойдя слегка в сторону от стола к окну, тут же принялся внимательно изучать лежавшие в той папке исписанные листки.

Тут послышался стук в дверь кабинета. После соответствующего разрешения капитана Козлова, в кабинет вошли три бойца с носилками. Ивана Фролова чрезвычайно заинтересовал тот факт, что эти бойцы в кабинет капитана Велихова помимо носилок пришли еще с автоматами Дегтярева, имевшими такие же круглые диски, как финские автоматы «Суоми». Да и сами бойцы выглядели уж слишком деревянно, чересчур исполнительными солдатами, словно они не были красноармейцами! Фролов насторожился, слегка приподнял правое плечо, чтобы было бы легче взять наперевес свой «шмайсер», который еще при входе в этот кабинет Иван снял с предохранителя.

— Так называемый истребительный батальон, — вдруг сказал капитан Козлов, — располагается в здании районного комитета ВЛКСМ. Вон в том здании, на той стороне центральной площади! А теперь, товарищ майор Горчаков, ты мне все-таки расскажи,

почему ты решил, что мы возьмем Лиду только 27 июня?! Когда мы уже в свои руки взяли здание НКВД, сейчас займемся зданием Областного комитета Белорусской коммунистической партии… Парни, арестуйте этого майора или попросту расстреляйте его! — Последние слова, с которыми майор Козлов обратился к трем красноармейцам, он почему-то произнес на отличном немецком языке.

Но в этот момент Иван Фролов коротким, но мощным разворотом правого плеча бросил «шмайсер» в свою же правую руку, указательный палец которой, ни на секунду не задерживаясь, нажал его спусковой курок. Тут же прогремели три очереди, три красноармейца вместе с носилками свалились на пол и больше уже не двигались. В коридоре, ведущем к кабинету начальника районного НКВД, послышался топот солдатских сапог, крики и команды на немецком языке. Иван из кармана гимнастерки достал две лимонки, быстрым движением руки сорвал обе чеки и, приоткрыв дверь кабинета, обе гранаты с малой задержкой зашвырнул в коридор.

Пробегая мимо капитана Козлова, он просто ему сказал:

— Поехали со мной, капитан, или как тебя там? Там и поговорим о нашем возможном сотрудничестве?!

— Я, как офицер вермахта, не готов сотрудничать с красными!

За дверьми послышались два гранатных взрыва, на некоторое время коридор затих.

— Жаль, конечно, но, возможно, ты и прав!

На бегу к окну, Иван подхватил два «Суоми», валявшихся на полу. Из одного автомата он короткой очередью прикончил капитана Козлова, а сам на бегу, головой вперед нырнул в окно. Уже в падении со второго этажа здания, ему удалось, как цирковому акробату, перевернуться через голову, чтобы приземлиться на обе свои ноги. Спружинив мускулами ног, Ивану удалось устоять на ногах. Затем последовала короткая пробежка к мотоциклу, всего в три шага с одновременной стрельбой из автомата «Суоми» по окнам здания НКВД, из которых выглядывали удивленные цирковым представлением какого-то гражданского лица немецкие диверсанты, переодетые в красноармейскую униформу. Им пока еще не встречались столь ретивые и прыгучие командиры РККА!

Коротко прогудел двигатель мотоцикла, который на большой скорости миновал ворота с красной звездой посредине!

Часть вторая

Глава 1

1

Издали эта ничем не примечательная череда повозок выглядела обыкновенным крестьянским обозом. Причем, этот обоз очень походил на те обозы, которые формировались крестьянами той или иной белорусской деревушки для поездки в город на продажу продуктов со своих огородов на воскресной ярмарке в ближайшем городке. Обычно несколько соседей сговаривались между собой, и загружали подводу своей картошкой, морковью, луком, капустой и свеклой, или же молоком, сметаной, сливками и маслом. Они нанимали человека, способного торговаться за каждое яйцо или пучок зеленого лука, на этой подводе с продуктами отправляли его в город. К одной подводе присоединялись подводы с других дворов, и вот уже небольшой обоз покидал одну деревушку и по большаку уезжал рано утром в город. Вот один из таких крестьянских обозов сейчас двигался по белорусской дороге, осторожно объезжая особо крутые ухабы, глубокие рытвины и канавы, которыми были густо усеяны белорусские большаки за пределами крупных городов и сел.

Этот же обоз двигался по большаку не так прытко, как обычно двигались продуктовые обозы, он явно не спешил в город на открытие воскресной ярмарки! Во-первых, он придерживался гораздо меньшей скорости в этом своем движении по большаку, осторожно проходя один километр за другим. Во-вторых, судя по наличию народа, этот обоз не был продуктовым, так как на подводах сидело уж слишком много деревенских мужиков. Их было примерно тридцать — сорок мужиков, они ехали на семи подводах. Да и на подводах эти мужики сидели несколько не так, как обычно сидят русские или белорусы на своих подводах. Эти же мужики сидели ровными и аккуратными рядами, спинами друг к другу. Мужики в каждом таком ряду вполголоса между собой разговаривали, они много курили, пряча сигареты или папиросы в кулаках своих рук, осторожно и как-то исподлобья посматривая по сторонам. Словом эти мужики не вели себя так раздолбанно, как русские или белорусы, когда их задушевные беседы больше походили на боевые переклички перед кулачными боями!

Временами до Ивана Фролова, лежавшего в небольшом окопчике, вырытом в придорожном кустарнике, доносился

ровный смех этих мужиков. Этот смех явно не был задушевным, а был каким-то деланный. Доносились также отдельные слова, выхваченные из мужицких разговоров. Но почему-то эти слова произносились с немецким акцентом и на немецком языке. А смех же этих простоватых мужиков почему-то походил на размеренный и вымеренный хохот прусских солдат! Подводы, лошади, мужики и их верхняя одежда были, разумеется, белорусскими, правда, следует обязательно упомянуть о том, что большинство этих мужиков была одета в красноармейскую форму. Но и это было неудивительным, ведь, с момента появления в этих краях Красной армии, то красноармейская форма как бы сама собой превратилась в повседневную рабочую одежду белорусского мужика!

Но вот то, что сейчас курили эти белорусские мужики, обязательно должно было привлечь к себе внимание чересчур уж любопытных глаз со стороны. Ведь, в большинстве своем белорусы или русские в этих местах сигарет вообще не курили, а если и курили, то в основном только русские папиросы. Но дорогим московским папиросам местные крестьяне предпочитали домашний самосад, который рос в мужицком огороде за домом. Накрошишь такого доморощенного табачку на клочок газетки, завернешь себе козью ножку из этой самой газетенки, и покуриваешь ее, пока тебя не начало тошнить! Разумеется, с приходом Красной армии в их края Западной Белоруссии крестьяне начали баловаться и московскими папиросами, но этого добра здесь не хватало. Московские папиросы были или слишком дорогими, или в магазинах их по месяцам не бывало! Может быть, по этим причинам эти простые белорусские мужики, что сейчас беседовали на немецком языке, вовсю раскуривали тощие немецкие армейские сигареты с фильтром или без фильтра, которых здесь с огнем нельзя было найти!

Вчерашняя встреча и беседы, проведенные с руководством местного НКВД, Ивану Фролову многое разъяснило по поводу событий, происходивших в Лидской области накануне и в самые первые часы только что начавшейся войны. По крайней мере, Иван Фролов сумел сообразить о том, что командование Вермахта особо не спешило с взятием этого белорусского городка. Ну, во-первых, он оказался между двух немецких танковых групп, Третьей и второй, своим танками шедшими на Минск. Во-вторых, Лидский железнодорожный узел принимал огромное количество военных эшелонов, доставлявшими на Западный фронт военную технику, танки, артиллерию, военный транспорт и пехотные подразделения.

Можно было также предположить, что командование

Вермахта, будучи информировано о таких военных поставках, не спешило с взятием Лиды, желая, чтобы советская сторона направила бы в Лиды еще несколько таких эшелонов с отличным русским вооружением. Ведь, со временем советские винтовки СВТ40 станут любимым оружием эсэсовских частей и подразделений, а к концу войны ими будет вооружена почти половина стрелков и гренадеров немецкого Вермахта! Благодаря успешной работе своей армейской разведки, немецкого Абвера, это русское оружие и амуницию немецкое командование получало прямо с конвейеров советских заводов, эшелонами, один за другим прибывавшими в Лиду.

Сейчас Иван Фролов лежал в одиночном окопчике, вырытым по грудь в придорожном кустарнике, в бинокль он наблюдал за медленно приближающимся обозом. Это диверсионная группа обер лейтенанта Леопольда Картинга меняла свое месторасположение. Из дальней деревушки Лидской области группа сейчас перебиралась, как можно ближе, к самому городку. Еще вчера внезапно и по непонятной причине для самого Картинга его группы лишилась двух своих разведчиков, которые были высокопоставленными энкеведешными командирами. Информация, своевременно поступавшая в группу от них, позволяла немецкому обер лейтенанту более или менее свободно ориентироваться по любому военному вопросу, касательно Лидскому района. Благодаря этим своим разведчикам, обер лейтенант находил нужны ему военные объекты, обозначал их ракетами или радиосеансами связи, когда наводил на них своих бомбардировщиков. Сегодня утром обер лейтенант Леопольд Картинг впервые не получил такой информации. Он сразу же почувствовал, в каком дерьме его группа вдруг оказалась перед армейским командованием, вовремя не предоставив тому требуемой информации.

Поэтому Картинг принял решение, активизировать работу непосредственно разведчиков своей группы. Поэтому он уже сегодня утром решил всей своей группой переместиться ближе к Лиде, это, по его мнению, позволило бы разведчикам группы собирать информацию по расположению советских частей м подразделений в Лидском районе. Сразу же после утреннего завтрака бойцы его группа, численностью в сорок два бойца, собрали свои вещи и погрузились на семь телег, чтобы переехать деревню Березовку, сократив в два раза расстояние до Лиды. Об этом переезда Иван Фролов своевременно узнал от брата Семена Лукашевича, Дмитрия Лукашевича!

Жизнь сложилась таким образом, что двоюродный брат отца Димы Лукашевича, Георгий Николаевич Лукашевич, проживал

именно в той самой деревне Прозоровка, в которой на постой за две недели до начала войны встали диверсанты обер лейтенанта Картинга. Разумеется, их появление в белорусской деревеньке сразу же привлекло внимание жителей этой деревеньки, простых советских колхозников. Крестьяне уже на второй час после появления в их деревушке таких странных красноармейцев начали догадываться о том, что с этими красноармейками не все в порядке. К тому же они плохо и с акцентом говорили на русском и на белорусском языках, а между собой почему-то предпочитали говорить на немецком языке! На следующий день незаметно для командира и самих красноармейцев, крестьяне собрались на сход. На сходе они решили своего председателя сельсовета, а этот мужик был далеко не дураком, отправить в Лиду для прояснения советскими властями обстоятельств появления такого странного красноармейского подразделения в их деревушке.

Председателю удалось добраться до Лиды, встретиться там, переговорить с капитаном госбезопасности Иваном Анатольевичем Козловым по этому вопросу. Тот под угрозой немедленного расстрела в подвале здания НКВД запугал до полусмерти этого председателя сельсовета Прозоровки. Капитан Козлов заставил его дать клятву, ни слова никому не говорить об этих красноармейцах, одновременно подписать бумагу о неразглашении военной тайны. Затем в том же самом подвале НКВД товарищ капитан Козлов распил с председателем бутылку водки, под величайшим секретом ему поведал о том, что в Прозоровке некоторое время будет стоять специальная красноармейская часть, бойцов которой готовят до войны на территории Германии! Словом, председатель сельсовета вернулся в свою Прозоровку совсем другим человеком. Он перестал появляться на людях, постоянно был занят, где-то скрывался, не желая встречаться и разговаривать со своими крестьянами, опасаясь за бутылкой водки им выдать военную тайну! Когда сержант НКВД Синичкин с своим бойцами появлялся в Прозоровке, проверить, как живут-поживают красноармейцы со своим командиром, то этот председатель сельсовета повсюду его сопровождал, как особо доверительное лицо. Он ни на шаг не отходил от сержанта, все время ему что-то нашептывал на ухо, злобно посматривая на своих односельчан.

За две недели постоя этих странных красноармейцев в Прозоровка общеупотребительными стали такие немецкие слова, как «мерде», «херр», «яволь обер лойтнант» и так далее. Однажды одно из таких словечек Георгий Николаевич Лукашевич выдал, сидя за столом, поднимая стакан самогона за здоровье своего

двоюродного брата, Семена Иванович Лукашевича. Тогда он произнес тост в честь своего младшего брата и попросту не заметил, как одно такое слово вырвалось и из его рта. Он так и сказал:

— Ну, что ж, мои дорогие «херры», похоже, нам пора выпить еще один стаканчик самогона за здоровье моего брата Семена!

Судьба сложилась таким образом, что это слова хорошо расслышал Иван Фролов. Он только что познакомился с младшим братом, Семеном Лукашевичем, отцом Дмитрия, а сейчас сидел за общим столом, размышляя, не пора ли ему уезжать с этой деревенской попойки, чтобы не совсем пьяным вернуться домой. В этот момент он и услышал это немецкое слово «херр», Фролов тут же поинтересовался, откуда в лексиконе простого белоруса появилось такое странное слово? Дмитрий Лукашевич, будучи под шафе, тут же выдал военный секрет, он в подробностях рассказал о появлении странных красноармейцев в своей деревушке. Особенно обижало Георгия то, что ровно через две недели почти вся их деревня говорила только на немецком языке, а эти странные красноармейцы за это время так ни единого слова не выучили ни на русском, ни на белорусском языках! Слушая животрепещущий рассказ Георгия Лукашевича, Иван Фролов узнал, что немцы вскоре покинут их деревушку, так как собираются переезжать в Прозоровку.

Таким образом, почти годичная работа немецкого Абвера по внедрению своей диверсионно-подрывной группы в среду советского населения с треском провалилась, пошла коту под хвост! Слежка за немецкими диверсантами привела к обоим энкеведешным капитанам и сержанту в районном отделении НКВД. Была также выявлена и ликвидирована практически вся немецкая агентура в Лидской и в соседней Барановической областях Белоруссии. Но пока еще оставался нерешенным вопрос о существовании самой диверсионно-подрывной группы обер лейтенанта Леопольда Картинга! Поэтому информация Георгия Лукашевича оказалась своевременной и была, как нельзя лучшей.

Немецкой диверсионно-разведывательной группе осталось проехать всего полтора километра до засады, которую организовал Иван Фролов вместе с бойцами истребительного батальона. Только что по его приказу были пропущены небольшие группы передового дозора и боковых охранений этой немецкой группы. Несколькими мгновениями ранее мимо густого придорожного кустарника, в котором скрывался Фролов, только что проскакали как бы два сельских паренька проскакали на спинах лошадей без седел. От обычных крестьянских парней эти всадники отличались, разве что тем, что на боку у них болтались

два немецких «шмайсера»!

Обычно засады утраиваются в таких местах, которые имеют скрытые пути подхода и отхода во время боя. В случаях, когда имеешь дело с сильным противником, наиболее востребованными становятся пути отхода группы бойцов, которые находились непосредственно в засаде, когда им приходилось отходить под сильным огнем противника! Подбирая место засады для боя с диверсионно-подрывной группой обер лейтенанта Картинга, Иван Фролов так и не нашел такого места, в одинаковой мере обеспечивающего безопасные пути отхода и подхода засадной группы. Поэтому он решил рискнуть, устроить немцам засаду в таком месте, которое было идеальным местом для уничтожения врага из-за засады. Но вот отхода с этого места засады попросту не существовало, вокруг этого места расстилалось большое колхозное поле!

Чтобы лечь в засаду, засадной группе предстояло пройти пятьсот метров поля, на котором не росло ни единого деревца, кустарника, не было оврага или какого-либо другого земляного укрытия! До придорожного кустарника, который мог стать отличным укрытием для бойцов засады, нужно было добраться рано утром, чтобы случайно не привлечь к себя внимания посторонних глаз. Пару раз чуть ли не по головам бойцов, уже лежавшим в засаде, проезжали крестьянские подводы, но их возницы засаду так и не заметили! Но вот, если бойцы этой засады решили бы отойти, то они моментально стали бы заметны любому человеку, который в этом времени оказался бы на этом колхозном поле.

Бойцы истребительного батальона или попросту «ястребки» вполне спокойно восприняли приказ своего старшего товарища на организацию и проведение засады по уничтожению диверсионно-подрывной группы противника. Ни один из ястребков еще никогда не был под вражеским обстрелом, не знал, что это такое обстрел вражеских пулеметчиков. Саму войну они пока воспринимали, как романтические приключение, пострелял из винтовки здесь, пострелял — там, прокричал восхитительное «у-ура», а затем враг поднял руки кверху, сдался! Но на это серьезное обстоятельство обратил внимание командир истребительного батальона, совсем молодой лейтенант РККА Виктор Егоров!

В результате между ним и Иваном Фроловым произошел очень серьезный разговор, едва не перешедший в настоящую ссору! Выяснив понимание боевой ситуации своим старшим товарищем, майором Горчаковым, лейтенант Виктор Егоров, чтобы не ухудшать общую ситуацию перед боем, прекратил

ненужный спор. Он поднял с земли пехотный пулемет Дегтярева, взял к нему пять запасных дисков, и ушел на правый фланг засады, чтобы не стать свидетелем разгрома противником его батальона ястребков.

Всего в засаду легло двадцать девять молодых парней, с ними были восемь девушек. К большому сожалению Ивана Фролова, из этих восьми девчонок только одна из них умела стрелять из винтовки. Все остальные девочки прошли краткосрочные, однодневные курсы санитарок, все они стали медсестрами истребительного батальона! Чтобы вооружить ястребков Иван Фролов свой автомат «Суоми» передал Диме Лукашевичу, и назначил его командиром группы в пять парней, которые стали его боевым резервом. Автоматчики Лукашевича должны были приходить на помощь своим товарищам, когда те во время боя попадали в тяжелое положение. Рано утром ястребки приехали сюда, на место засады, двумя легкими грузовичками, полуторками.

Эти свои грузовички они оставили, хорошенько их замаскировав, в небольшой роще на том берегу реки. Затем тридцать бойцов ястребков под жарким летним солнцем прошли почти километр пути, прежде чем оказались на месте засады, где тут же им приказали, рыть индивидуальные окопы. Вырыв в придорожном кустарнике окопы, они их замаскировали и с тех пор лежали в окопах, терпеливо ожидая появления противника.

Этот комсомольский истребительный батальон был создан в первый же день войны. В его ряды в основном записались сельские парни и девчонки комсомольского возраста. Основной задачей ястребков, это так их прозвал народ, стала борьба с диверсантами и парашютистами противника. Но, к сожалению, кто-то, заявив о создании таких истребительных батальонов, забыл о необходимости вооружить бойцов этих самых истребительных батальонов!

Словом ястребки начали воевать, так и не получив стрелкового вооружения, инструкторов для обучения азам военного дела! Вот и ястребки Ивана Фролова явились на эту операцию практически безоружными. Три или четыре винтовки, да и два нагана, вот и все оружие, что они имели при себе!

Майор Горчаков ястребков снабдил оружием, вместе с собой он привез винтовки мосинки, восемь карабинов, четыре немецких автомата и три ручных пулемета. Прямо из кузова грузовика эту оружие он вручил ястребкам. После того, как оружие было разобрано, в резерве остались всего две снайперские винтовки. Одну из, СВТ40, забрала та девчонка, которая заявила, что она прошла подготовку Ворошиловского стрелка и получила значок

за свою меткую стрельбу. Как бы желая продемонстрировать ребятам приобретенные навыки снайпера, эта девушка ловко передернула затвор своей винтовки, из-за неловкого движения рукой затвором из ствольной коробки выскочил и на землю упал винтовочный патрон. Девчонка так и не смогла обратно в обойму вогнать этот патрон. В это время Иван нагнулся, и с земли поднял старую и заслуженную мосинку со снайперским прицелом.

Вражеский обоз только что миновал правый фланг засады, его передние подводы приближались к ее центру, где в не до конца вырытым окопе лежал Иван Фролов. Через прицел своей снайперской винтовки он вглядывался в лица немецких диверсантов, стараясь догадаться, кто же из этих сельских мужиков на деле является обер лейтенантом Леопольдом Картингом?!

2

Первой, как и планировалось, выстрелила та девчонка, которая была Ворошиловским стрелком! Фролов с большим удивлением наблюдал за тем, как возница второй подводы как-то театрально взмахнул руками, приподнялся на ноги и головой вперед кувыркнулся в промежуток между подводой и крупом лошади. Испуганная лошадь тотчас же остановилась, перекрыв дорогу другим подводам обоза! В этот момент Фролов своим первым выстрелом прикончил лошадь, а вторым убил возничего первой подводы, тремя другими выстрелами он проредил число пассажиров первой и второй подвод. Пять прямых попаданий из пяти выстрелов, таким результатом мог бы похвастаться любой снайпер! Но после первых выстрелом снайперов послышались пулеметные очереди, на землю покатились, примерно, восемь труппок диверсантов. Иван успел заметить, как с телег юркими ящерицами соскользнули другие немецкие диверсанты. Двое молодых парней успели похватать с телег свои автоматы «шмайсер» и сейчас из них длинными очередями поливали придорожный кустарник, в котором прятались ястребки Ивана Фролова. Один диверсант дылда средних лет, который, ухватил за ремень свой пулемет МГ34, поволок его за собой, прячась в высокой траве.

Пока его руки, работая самостоятельно, вставляли новую обойму в затворную коробку винтовки, Иван Фролов быстрым взглядом своих глаз осмотрел панораму поле боя. Он остался довольный увиденным, а также достигнутым результатом. Семь подвод вражеского обоза в той или иной мере оказались под

обстрелом его ястребков. Рядом с телегами валялись трупы немецких диверсантов, правда, их пока было не очень много. Трава дороги прямо-таки кишела немецкими диверсантами, то тут, то там из нее проглядывали зады немецких диверсантов, спешно расползавшихся в поисках укрытий.

Появилось много раненых и среди ястребков, и среди диверсантов. Восемь девчонок успевали обслуживать свои раненых ястребков, делать им перевязки. Раненые диверсантов, оставленные без внимания, громко стонали, кричали и вопили от боли, на немецком языке громко молили о помощи.

Пробегая своими глазами по полю боя, Иван Фролов обратил внимание на то, что на правом фланге, особенно хорошо поработал лейтенант Егоров. Он сумел своим дегтярем положить на землю восьмерых ездоков последней, седьмой телеги обоза. Этой же телегой и убитой лошадью он запер немцев, как бы в окружении, сейчас они не могли прорваться вперед или отойти назад! Тем временем Виктор Егоров вместе со своим пулеметом выполз прямо на полотно дороги, а там, завалившись в глубокую колею, он начал насквозь простреливать еще не созданную оборону противника. Вскоре во многом благодаря его пулемету дорога полностью очистилась, а оставшиеся в живых диверсанты снова попрятались по своим кустам.

Обойма с патронами снова встала по месту в затворной коробке, Фролов правым глазом приник к ее прицелу. Именно в этот момент четверо немецких диверсантов стали продвигаться вперед, чтобы попытаться своими силами освободить дорогу от убитых лошадей и подводы. Первым делом Иван попытался установить, откуда, из какого именно места эта четверка немцев выдвинулась на дорогу. Он разыскивал место, где мог бы прятаться обер лейтенант Картинг. Но с позиции Ивана очень плохо просматривался тот участок местности, тот кустарник, откуда, возможно, и появились эти слишком уж проворные немецкие автоматчики.

Рядом с Иваном Фроловым вдруг послышался протяжный женский стон, как будто неподалеку умирала женщина! Скосив свои глаза по направлению этого стона, Фролов увидел девчонку со снайперской винтовкой в руках. Видимо, она слишком долго провозилась с перезарядкой обоймы винтовки СВТ40, не заметила, как к ней со спины подобрался неприметный один сельский паренек, одетый в холщовые сельские порты, штанины которых были заправлены в сапоги с голенищами по голень, на нем также была домотканая косоворотка. Фролов хорошо видел, как этот парень вначале приник к спине девчонки снайперши, словно ее хотел обнять, уберечь от вражеской пули. А затем он

штык-нож от своего немецкого карабина Маузер дважды погрузил девчонке под лопатку! Она снова застонала от дикой сердечной боли, и тут же мгновенно умерла. Фролов успел заметить, как гримаса сожаления о содеянном, коснулась лица этого парня убийцы, но эта гримаса тут же бесследно пропала. По всей очевидности, подумал Иван, что убивать девчонок, женщин даже этому немецкому пареньку было не с под руки, да и жалко, но, как говорится, война есть война, не убьешь ты, убьют тебя!

Времени в распоряжении Ивана оставалось все меньше и меньше! Он снова прильнул к прицелу своей винтовки, собираясь обстрелять четверку немецких автоматчиков, которые стали наиболее опасной силой на поле боя. Если им удастся выполнить порученную работу, расчистить дорогу от лошади и подводы, то их товарищам, возможно, смогут вырваться из засады на свободу, даже не смотря на то, что к этому времени вражеская группа потерял две трети своих бойцов!

Первым же выстрелом Фролов попал прямо в сердце одного из автоматчиков, который огнем из своего автомата прикрывал продвижение по полю боя трех своих камрадов. Затем он прямым попаданием в глаз убил второго автоматчика, который полз в одном ряду с двумя своими камрадами. Сдернув чеку с гранаты, Иван Фролов приподнялся на руках, гранату швырнул в сторону двух оставшихся в живых автоматчиков. Взрыв гранаты приподнял в воздух тело еще одного немецкого автоматчика, а вот четвертый диверсант как-то извернулся и пропал из его поля зрения! Оставшимися двумя патронами в обойме винтовки, Иван решил прикончить паренька, который только что на его глазах зарезал девушку снайпера. Но тот уже лежал на спине, рядом с убитой же им снайпершой, широко раскрытыми глазами этот немец пытался что-то особенное рассмотреть в русских небесах.

Вдруг рядом с ним на живот вдруг шлепнулся Дима Лукашевич, паренек короткими автоматными очередями ту же принялся поливать придорожный кустарник, в котором спряталось много диверсантов. Вслед за Димой еще четыре автоматчика открыли автоматный огонь по кустарнику. Иван увидел, как из кустарника вылетела немецкая граната на длинной ручке, она упала и тут же взорвалась неподалеку от Диминых автоматчиков. После взрыва гранаты замолчал автомат в руках одного из этих пареньков. Автомат как-то неловко выпал из рук этого паренька, а он сам головой, пробитой осколком гранаты, упал на родную землю.

Посмотрев туда, откуда прилетела вражеская граната, Иван с большим трудом сумел рассмотреть в густой листве кустарника неясную фигуру человека. Не теряя даром времени, Фролов

выстрелил два раза по этой фигуре человека, прячущегося в кустарнике. Первым выстрелом он постарался запугать врага, заставить его головой отшатнутся в сторону, чтобы его голова попала бы в полосу солнечного света, наискосок разрезавшую кустарник! Вторая его пуля точно поразила лоб этого человека. Немецкий диверсант мгновенно умер, но он так и не упал на землю. Иван Фролов еще долго мог видеть в глубине кустарника этого диверсанта. Поддерживаемый со всех сторон толстыми и колючими ветка этого кустарника, вражеский снайпер стоял непоколебимо в глубине кустарника, он как бы продолжал наблюдать за своим противников! Руки Ивана снова заработали в привычном режиме, вставляя новую обойму в затворную коробку мосинки, а сам он продолжил внимательно изучать поле боя.

На этот раз, осмотр поле боя показал, что дела ястребков сейчас не столь блестящи, какими они были при первом осмотре! Хотя немецкие диверсанты не имели подготовки для участия в боях с регулярными подразделениями противника, но, осматривая поле боя, Иван Фролов увидел, что на этот командир этих немецких диверсантов взялись за разум. Он решил воспользоваться численным преимуществом своих бойцов, их специальной подготовкой и их хорошим вооружением.

Обер лейтенант Картинг начал то тут, то там мелкими группами своих бойцов атаковать и захватывать наиболее выгодные позиции ястребков, заставляя их с каждым разом отступать. Таким образом, немецкие диверсанты начали потихоньку ястребков выдавливать на колхозное поле, где было бы можно легко перестрелять! Еще немного усилий, и оборона противника будет консолидирована, объединена в единое целое. К тому же в этот момент почему-то вдруг замолчали оба пулемета ястребков. Только лейтенант Виктор Егоров своим дегтярем продолжал удерживать свою позицию, насквозь простреливая свой участок дороги, не позволяя мелким группкам диверсантам объединиться.

К этому моменту среди ястребков появились первые убитые, а количество раненых практически удвоилось. Ими немедленно занимались девчонки медсестры, они своих друзей и товарищей тащили прямо из-под пулеметного и автоматного огня противника, сплошь и рядом рискуя своими жизнями.

Иван, наблюдая за полем боя, за тем, как медсестры переносят раненых ребят в безопасное место, жестом руки он подозвал к себе Диму Лукашевича, стрелявшего по противнику неподалеку.

— Дима, срочно выясни, что именно произошло с двумя нашими пулеметами. В любом случае найди их, приставь к

каждому по пулеметчику! Собери под свое командование еще шесть или семь ястребков. Этой группу прикрой обоими пулеметами. Затем гранатами атакуй вон тот кустарник. В нем, похоже, сейчас собрались все уцелевшие немецкие диверсанты. Твоя задача, Дима, своей группой ты должен этих нехороших немецких парней выдавить на меня, чтобы я мог бы их по одному расстреливать из своей снайперской винтовки! Если тебе понятна задача, Дима, то немедленной приступай к ее выполнению! У нас осталось слишком мало времени!

— Так точно, товарищ майор! Я все понял, приступаю к выполнению поставленной задачи!

Только Иван Фролов успел поменять свою огневую позицию, как немцы поднялись на ноги, чтобы атаковать позиции ястребков. Человек десять немецких диверсантов короткими перебежками пошли вперед. Но тут же прозвучали первые пять выстрелов снайпера Ивана Фролова, в результате которых число атакующих уменьшилось до семи, что в свою очередь охладило их пыл и рвение. Пятым выстрелом из мосинки Иван насмерть поразил высокого немецкого бойца, который пошел в атаку, поднявшись во весь свой рост, ведшего огонь на ходу из своего МГ34. При этом эта дылда грязно ругался на немецком языке. Он замертво распластался всего в трех метрах от позиции Ивана. Вероятно, этот немец был мертвецки пьян, от него за версту несло самогонным перегаром.

В этот момент Ивана подхватила и понесла на себе неведомая сила, в одно мгновение он выскочил из своей канавы окопчика и, стремглав, добежал до немецкого пулемета, взял его в руки. На теле пьяного пулеметчика он попытался разыскать запасные пулеметные ленты, но его поиски оказались напрасными. Более не задерживаясь, Фролов рванул обратно на огромной скорости, стараясь живым и здоровым добраться до своего окопчика. В последнем прыжке, он вдруг почувствовал, как нечто горячее и острое впилось ему в шею, а затем горячие струйки потекли ему за воротник рубашки. Ивану стало больно и трудно вращать головой из стороны в сторону. Теперь для того, чтобы посмотреть в какую-либо сторону, ему приходилось теперь туда поворачиваться всем телом.

Немцы снова поднялись в атаку, а Иван Фролов снова начал стрелять из своей верной мосинки. Он, действуя на автомате, в затворную коробку вставил новую обойму, чтобы снова затем стрелять и стрелять по врагу. Три раза своими меткими выстрелами он клал атакующих немцев на землю, останавливал врага. Но последняя вражеская атака оказалась самой трудной. В какой-то момент закончились патроны к надежной винтовке

Мосина. Иван не мог поверить в то, что за какие-то полчаса боя он полностью из нее расстрелял полсотни патронов. Если верить старой статистике боя, то за эти полчаса враг должен был потерять от пятнадцати до двадцати своих бойцов, половину своего приписного состава!

Когда немецкие диверсанты замелькали в каких-то двадцати шагах от его позиции, то Фролов схватил в руки МГ34. В течение семи минут он расстреливал ленту в пятьдесят патронов, расстрелял ее всю до последнего патрона! Он лежал опустошенным, головой на брустверe, прислушиваясь к тому, что в этот момент творилось внутри него. С легким вздохом сожаления из внутреннего кармана своего пиджака он достал «Вальтер Р38», готовясь дорого продать свою жизнь, но в этот момент услышал в своем ухе голос Димы Лукашевича:

— Товарищ майор, после нашей атаки вражеская банда рассеяна, но не уничтожена! Немцы понесли серьезные потери, но, к великому нашему сожалению, ее командир, а также пять-семь бойцов сумели уйти в лес, бежать с поля боя! Мы взяли в плен четырех диверсантов, сейчас они находятся под охраной ястребков!

— Хорошо, Дима! Спасибо за информацию. Попроси девчат обойти поле боя, собрать и подготовить к эвакуации всех наших раненых бойцов, оказать им первую медицинскую помощь. По мере готовности всех раненых развести по ближайшим сельским больницам!

Несколько позже Иван Фролов, влекомый любопытством, желанием узнать, чем же завершился на деле этот бой, решил побродить, осмотреть поле боя. Первым делом он направился к густому кустарнику, который, по его мнению, был центром сопротивления врага. Пули сильно проредили этот кустарник, несколько раз бойцы истребительного батальона ходили на него в атаку. Только раз, взглянув на то, что в нем творилось, Фролов сразу же убедился в том, что умный противник этим кустарником ввел его в заблуждение. Никакого штаба диверсантов там не было и не могло быть. Слишком уж он простреливался со всех сторон!

Но вот в нескольких шагах от этого кустарника на вершине холма, обер лейтенант Картинг расположил штаб своей группы. Высота этого холма позволила ему хорошо обозревать все поле боя, обер лейтенант отлично видел все позиции ястребков. Поэтому его диверсантам довольно-таки легко удалось уничтожить пулеметчиков ястребков! Немцы проиграли этот бой ястребка из-за переоценки своих собственных сил и возможностей. В результате это переоценки им не удалось уничтожить пулемет Виктора Егорова, снайпера Ивана Фролова и

автоматчиков Дмитрия Лукашевича!

Иван Фролов пробродил по полю боя, он видел, как погибли некоторые ястребки, некоторые из них поднимались в атаку в тот момент, когда им следовало бы вести огонь из укрытия. Четыре ястребка напоролись на вражеский пулемет и вместо того, чтобы забросать его гранатами, устроили с вражеским пулеметчиком стрельбу на меткость. Семь ястребков из десяти, вместе с Димой поднявшихся в атаку, погибли, но до своей гибели они сумели забросать гранатами и из винтовок обстрелять штаб лейтенанта Леопольда Картинга. В результате чего, погибло четыре немецких диверсанта, младших офицеров, но командир обер лейтенант Картинг сумел бежать. Фролов постоял, внимательно рассматривая площадку и те четыре трупа немцев, которые погибли на этом месте. В какой-то момент его внимание привлек блеск снайперского прицела, Иван подошел и из-под трупа какого-то немца вытащил новенькую снайперскую винтов СВТ40. Магазин винтовки был полон патронов, из нее, видимо, еще даже не стреляли.

Он спустился с косогора, подошел к огневым позициям ястребков. Найденную снайперскую винтовку он не выбросил, а повесил ее на свое правое плечо. При этом он удивлялся тому, что сегодня идет только четвертый день войны, а немцы уже вовсю пользуются оружием Красной Армии!

Четыре девчонки все еще продолжали бродить по полю боя, разыскивая раненых, чтобы тут же на месте их перевязать, а затем с помощью других парней раненых перенести и положить прямо на телеги. Из двадцати девяти ястребков не раненных осталось только двенадцать парней, восемь ястребков погибли во время боя.

3

После того, как армейская разведка Вермахта потеряла своих агентов в Лиде, то в армейские подразделения она перестала выдавать более или менее точную развединформацию по военным объектам этого белорусского городка, по расположению красноармейских частей и подразделений в Лидской и в соседних областях этого региона Белоруссии. Немецкая бомбардировочная и штурмовая авиация в отместку стали наносить беспорядочные бомбоштурмовые удары не только по военным, но и по гражданским объектам городка. Такие удары в основном наносились по жилым кварталам, расположенным в районе городского железнодорожного вокзала, а также по центральным

кварталам города. Жители Лиды впервые почувствовали, что вскоре их городок должен быть взят немцами!

Особенно заметным такое положение дел в городе Лида стало в четверг 26 июня 1941 года, на пятый день войны! Горожане, разумеется, не могли знать о том, что в их городе была ликвидирована немецкая агентура, но они на своей коже прочувствовали это буйство немецкой штурмовой авиации. Немецкие истребители «Мессершмидты» и штурмовики «Юнкерсы 87» принялись гоняться за отдельными людьми, случайно оказавшимися на улице.

Каких-либо значительных подразделений советских войск в городе уже не было, красноармейские части давно покинули город и вели оборонительные бои в пятидесяти километрах севернее Лиды. Там танки группы генерала Гота были остановлены пехотинцами 37-й и 17-й дивизий РККА, а также артиллеристами 8-й противотанковой бригады. За одну только среду советские артиллеристы сожгли до шестидесяти немецких танков. Но уже утром в четверг появилась новая информация о том, что на другом направлении немецкие танки прорвали советский фронт. В результате этого немецкого прорыва советская 17-я пехотная дивизия была вынуждена оставить свои позиции, начать отход своих подразделений на Лиду. Но вовремя этого отхода она попала под сильнейший бомбоштурмовой удар «Юнкерсов 88», дивизия была вынуждена изменить направление своего отхода, оставив Лида в руках немецких частей.

Третья танковая группа генерала Гота вплотную приблизилась к Минскому укрепрайону. Она начала там бои на прорыв, прилагая все усилия для того, чтобы сломить сопротивление укрепрайона, прорваться и взять Минск. В это же время вторая танковая группа генерала Гудериана прорвалась на правом флаге немецкого фронта наступления, подошла к городу Барановичи. Таким образом, к четвергу, к пятому дню войны, сформировалась реальная угроза окружения 13-й советской армии под Лидой. Советское командование бросало в бой против немцев свои последние резервы с тем, чтоб обеспечить выход из окружения нескольких советских армий, запертых немцами в белостокском выступе.

К этому четвергу артельщики завершили ремонт дома Мориса Бернышша! Вбив свой последний гвоздь, артельщики быстренько собрали свои инструменты и спешно покинули город. Так как они спешили вернуться в свою деревню до момента взятия немцами Лиды! Иван Фролов безоговорочно принял работу артельщиков. Он остался доволен своим новым домов, который стал не просто жилым домом, а настоящим семейным

убежищем в военные годы. Иван добрым словом помянул Морис, который уже как год покоился в земле, а его дом после ремонта приобрел вторую жизнь.

Еще до начала ремонта Иван Фролов специально встретился с мужиками артели шабашников. Он им рассказал о своем видении того, каким бы он хотел иметь этот свой дом после восстановления. После долгой беседы один из мужиков строителей в заключение разговора ему сказал:

— Ты, Иван, хочешь иметь дом, который, в принципе, должен был бы стать и жилым домом, но он также должен был бы иметь скрытые бункеры для специального служебного использования! Мы внимательно тебя выслушали, вместе разобрались в том, какой же именно дом ты желаешь иметь А теперь, давай, мы с тобой договоримся так, что по своему разумению мы возьмемся за топоры и твой дом восстановим таким, каким он тебе будет нужен! Поверь, мы тебя не подведем!

Еще вчера поздно вечером Иван Фролов вернулся в Лиду, то он первым же делом заехал в дом, чтобы посмотреть, каким этот дом стал после капитального ремонта! И был приятно удивлен увиденным, дом получился именно таким, каким он его хотел иметь. Дом снова был в два этажа, имел отличный двор, но на этот раз он не выглядел таким уж богатым, как на первом этапе своей жизни. Он ничем особенным не выделялся в ряду соседних частных зданий, был внешне невзрачным, таким серым домиком. За высоким собором скрывался большой двор, где одновременно могли бы разместиться три грузовика, или четыре легковых автомобиля, шесть крестьянских подвод. Имел глубокий подвал с большими запасами воды, а также двумя специальными помещениями с установленным в них радиооборудованием для приема и передачи шифрограмм. Обе радистки также имели хорошие жилые помещения, в которых могли нормально спать и отдыхать.

Когда Иван Фролов переступил порог отремонтированного дома, то ему в нос крепко шибануло ароматным запахом свежерубленной и свежеструганной древесины. Не останавливаясь, он пробежался по всем помещениям первого этажа, а затем — и второго этажа. Повсюду он видел, что артельщики поработали на совесть, помещения были не только восстановлены, но и уже обставлены соответствующей мебелью.

Когда он после осмотра дома, спускался по внутренней лестнице на первый этаж, то Фролов вдруг внизу увидел и Свету, и Нину. Обе девчонки, видимо, пришли, чтобы поговорить с ним о своей будущей работе. Москва к этому времени ответила на запрос Светланы в отношении расписания регулярных сеансов

радиосвязи, которые должны были начаться со следующей недели. К этому времени Фролов сумел разыскать Нину, утащить ее живой и здоровой прямо из рук немецких диверсантов. Полученные из Москвы рации с электропитанием, были в отличном техническом состоянии, но Москва несколько изменила свое отношение к его работе. Она теперь потребовала, чтобы он свою сферу деятельности под Лидой разделил бы на отдельные сектора и так, чтобы разведка мало бы соприкасалась бы с его деятельностью по становлению партизанского движения. Иными словами, как выяснилось позднее, Москва сейчас старалась всеми силами оградить этих девчонок радисток от чьего-либо влияния и подчинения, чтобы они только работали бы на Москву!

И Света, и Нина только что приехали, каждая девчонка из своего дома привезла сменную одежду, много свежих продуктов. Каждая из них в свое полное распоряжение получила большое помещение, в котором имелись жилые комнаты, но и некое подобие радиостудии. Девчонки теперь могли выполнять свою основную работу, радисток, не покидая этого помещения. Теперь вся аппаратура у них была под рукой для того, чтобы получать и отправлять шифрованные радиограммы, как за линию фронта в Москву, так и дальше на оккупированные немцами территории. Радиопередатчики «Север-бис» имели радиус действия в четыреста километров, так что разведгруппам с такими передатчиками приходилось во время связи с Москвой работать через такие вот ретрансляторы.

В скором времени в этом доме будут постоянно находиться только эти две радистки, а также их охрана — полвзвода разведки, которая будет сменяться каждую неделю. Радисткам же придется некоторое время поработать посменно двадцать четыре часа в сутки! Иван Фролов стоял на лестнице, смотрел на улыбающихся и таких красивых девчонок, он думал о том, как же трудно им придется работать, особенно в первые месяцы войны. Когда у них еще не будет помощников! Когда им придется всю работу выполнять одними своими руками! Пока не будет отлажен сам механизм этой работы по организации радиосвязи?! Слава богу, что вопрос с электроснабжением радиопередатчиков был в какой-то мере уже решен!

Сейчас оба радиопередатчика имели два типа электроснабжения, причем, полностью независимых друг от друга, — от электросети и от анодных батарей. В артели шабашников нашелся парень, самородок по вопросам электроэнергии. Он и предложил Ивану дом подключить к подземному кабелю, по которому электроэнергия подавалась на железнодорожный вокзал. Теперь радистки были обеспечены

электроэнергией до той поры, пока железная дорога будет немцами обеспечиваться этой же энергией. К тому же дом имел три подземных хода, чтобы по ним в том случае, если немцы запеленгую работу радиопередатчиков, могли бы уйти обе радистки и охрана.

Спустившись по лестнице на первый этаж, Иван Фролов поздоровался и, обняв девчонок за плечи, поинтересовался, как у них идут дела?

— Начальник, — первой заговорила Нина, — да, ты не беспокойся, у нас все в порядке! Вот только что приехали, вещички побросали в свои комнаты, побежали тебя искать. Нам бы с тобой поговорить, а то завтра мы встаем на дежурство! Начинаем по-настоящему работать! Вот тогда у нас совсем не будет свободного времени.

Увидев, что Иван задумался после Нининых слов, в разговор вмешалась Света, которая предложила:

— Да, ты, Иван, не думай о том, что у нас еще имеются нерешенные проблемы?! С нами и с работой все абсолютно нормально! Ты верь, что с этой работой мы обязательно справимся! Просто нам с Нинкой захотелось посидеть этот вечер с тобой, чаек попить и поговорить!

Фролов вначале почувствовал некоторое недоумение в связи с возникшей ситуацией. Пятый день идет война, под авиационными бомбами гибнут все больше и больше советские люди. А эти две остроглазые стрекозы ему говорят о том, что хотели бы с ним провести вечерок за чашкой чая! Они созданы для любви и, видимо, только о ней и думают! Но любви на войне не место! Он уже совсем собрался одернуть девчонок, поставить их на место, напомнить им для чего они здесь находятся. Но подумав немного, Иван вдруг понял, насколько и Света, и Нина были правы, предлагая ему расслабиться и вместе с ними попить чая в последний спокойный вечер.

Сейчас, когда идет война, никто не знает, как долго она продолжится, сколько на ней погибнет людей? Может случиться и так, что в число погибших может попасть и кто-то из них троих! Вот девчонки ему и предложили, попить всем вместе чая, чтобы было бы, о чем вспомнить в те минуты, когда тебе, возможно, придется сделать самый важный шаг в своей жизни!

— Да, и я не против чая и разговора, девчонки! С удовольствием с вами и чай попью. Но думаю, что в такой замечательный вечер нам было бы лучше попить этот чай на свежем воздухе.

С наступлением темноты немецкие самолеты уже не летали над городом. Они покинули ночной небосклон, чтобы снова

появиться над городом уже только на следующие утро.

Обе девчонки быстро вытащили из кладовки пятилитровый самовар, перетащили его в садовую беседку, там разожгли. Пока вода нагревалась в самоваре, девчата на стол быстренько натаскали много банок с варениями, а также деревенские калачи, сегодня купленные на городском базаре. Вскоре они все трое сидели в беседке, в руках держали фарфоровые чайные чашки, до краев заполненные ароматным напитком. В начале беседа Ивана с девчонками, как бы не получалась, не строилась. Девчата явно чего-то стеснялись, не хотели о чем-то говорить, но постепенно они развязали свои языки! Оказывается, их обеих страшно интересовало, что же в тот несчастный вечер год назад на самом деле произошло в этом доме?

Иван задумался, не зная, с чего начинать свой рассказ! Затем он внимательно посмотрел в глаза Светы и Нины и начал говорить. Рассказал о своем разговоре с Морисом Бернышем, который его обвинил в том, что он пытками вытащил из девчонок нужную ему информацию. Рассказ Фролова получился тяжелым, Иван часто уходил в сторону, объясняя то или иное свое слово или действие. Нина внимательно слушала, временами она пофыркивала, словно кошка, мало чему верящая. Света взяла на себя роль хозяйки чаепития, он внимательно слушала Фролова, одновременно успевая вовремя наполнять чашки чаем. Но именно Света задала Ивана самый такой нехороший вопрос:

— Ваня, ты часто нам обеим намекал, но никогда не говорил этого прямо?! Кому именно и почему я с Ниной встала поперек горло в местном отделении НКВД?

— Вас завербовали в радистки, минуя местное отделение НКВД! Я, в принципе, не знаю, как подобное вообще могло случиться. Обычно, когда НКВД СССР планирует какие-либо акции или операции в определенной республике СССР, то они работают на местах через посредство соответствующих органов этих республик. Вас же завербовали центральные органы из Москвы, причем, республиканские и районные органы Белоруссии не были об этом уведомлены соответствующим образом. Может быть, поэтому в Минск и в Лиде представителе соответствующих органов подумали о том, что вас завербовали для сбора на них компромата. И как говорится в таких случаях, и пошла, писать губерния о различных домыслах и злопыхательствах с вашей стороны. Руководитель республиканского и районного НКВД предпринимали все возможное для того, чтобы вас, девчонки, как можно быстрее найти, чтобы любой целой заставить вас работать на себя или под их контролем.

Глава 2

1

Рано утром немецкий разведывательный дозор, состоявший из трех танков Т-4 19-й танковой дивизии Вермахта, вошел в Лиду 27 июня 1941 года! Немецкие танки двигались с Востока, со стороны Барановичей, которые 19-й танковой дивизией были захвачены накануне практически без боя. Во время наступательных боев эта танковая дивизия выкатилась далеко вправо и оказалась в полосе наступления Второй танковой группы генерал-полковника Гейнца Гудериана. По приказу генерал полковника Германа Гота, командующего Третьей танковой группой, 19-я танковая армия изменила направление своего удара по укрепрайонам вокруг Минска. Она ушла с московского шоссе, вернулась немного обратно и, выйдя на шоссе Гродно — Лида — Минск, уже по этому шоссе снова двинулась на Минск.

На деле Лиду взяла 161-я пехотная дивизия 9-й армии Вермахта, которая до этого вела бои непосредственно с 17-й дивизией РККА. Эта немецкая дивизия постепенно боями отжимала советскую дивизию на Восток, не позволяя ей остановиться, чтобы окопаться, занять оборону. Перед самым городом бомбардировочная авиация Германии нанесла по этой советской дивизии сильный бомбоштурмовой удар, в результате которого она как бы отскочила от Лиды. 17-я дивизия была вынуждена обойти город окружными дорогами и двигаться дальше на Восток, чтобы избежать своего окружения. По крайней мере, части этой дивизии РККА так и не смогли войти в город, начать там уличные бои. Немецкая пехота прошлась по улицам Лиды в тот же день, что и танковый дозор 17-й танковой дивизии. 27-го июня 1941 года.

Мы уже говорили о том, что железнодорожный узел Лиды командованием Западного фронта использовался в качестве конечной станции для поставки вооружений, живой силы для Западного фронта. Когда 161-я немецкая дивизия взяла Лиду, то командование группы Центр уже рассчитывало воспользоваться этими поставками в своих собственных целях, но прямо на глазах командования этой немецкой происходит одна интересная вещь, когда, как русский народ говорит: «глаза видят, да зуб неймет». На железнодорожную станцию Лижа прорывается советский бронепоезд N 44, его экипаж по угрозой своих орудий мобилизует местных железнодорожников, сбивает вместе составы и угоняет с

собой очень многие эшелоны с оружием, с красноармейцами. Причем, эту операцию экипаж советского бронепоезда осуществляет на глазах немецких военнослужащих, только что взявших Лиду.

К сожалению эшелон с танками КВ2 к этому времени был разгружен, двадцать новеньких советских танков остаются в руках немецких генералов!

Всю предыдущую ночь горожане Лиды через окна своих домов могли наблюдать за тем, как спешно эвакуировались последние представители советской власти и партийных органов Лиды. В окнах кабинетов горисполкома и райкома чуть ли не всю ночь напролет горел свет, скрываемый светомаскировкой. Но временами светомаскировка не срабатывала, тогда любопытным было хорошо видно, как работники этих организаций жгли и уничтожали документы. Затем к этим зданиям подошли грузовики, на которые были спешно погружены мешки с документами. Последними в кузова грузовиков забирались работники горисполкома и сотрудники райкома, после чего грузовики бесследно исчезли в мраке ночи. Надо признать, что последними город покинули работники районного отделения НКВД БССР. Одни из них покидали город на грузовиках, сопровождая секретные документы, другие, повесив винтовки на плечи, пешком уходили в темную ночь. Очень немногие знали о том, что эти люди покидали город для того, чтобы немного позднее заняться созданием групп сопротивления, политического подполья и партизанских отрядов на Гродненщине.

Ту последнюю ночь перед появлением немцев в Лиде Иван Фролов вместе с Александром Мецом провели в небольшом трехэтажном особнячке, стоявшим почти в самом центре города. В этом особнячке, в небольшой квартирке проживала старая знакомая Сашки Меца, девчонка с которой он вместе проучился, чуть ли не с первого класса школы. Ее звали Калерия, после окончания кратких педагогических курсов она преподавала белорусскую мову и литературу в первых классах начальной школы. Сашка специально напросился к Калерии в гости, когда Иван Фролов ему сказал, что хотел бы понаблюдать за тем, как немцы будут входить в Лиду. К слову сказать, в течение первых пяти дней войны горожане поняли, что рано или поздно немцы возьмут их город. Но это произошло только на шестой день войны, 27 июня 1941 года, в пятницу, немцы вошли в Лиду.

Перед тем, как отправиться к Калерии в гости, Александр Мец специально приехал к Ивану Фролову, в его новый только что отремонтированный дом. Они вдвоем прошлись по всем помещением этого дома, за исключением подвальных помещений.

Сашке этот дом очень понравился, он и сам давно уже мечтал о том, что и самому иметь нечто подобное, но блатная жизнь пока ему в этом препятствовала. Мец не мог даже мечтать о том, чтобы, будучи блатным, иметь собственный дом. Под конец экскурсии по дому, Сашка и Иван спустились на первый этаж и прошли в спальную комнату этого этажа. Из одного гардеробов Иван вытащил баул немецкого офицера с двойными эсэсовскими стрелами на нем, передал его Мецу в руки и проговорил:

— Возьми, Саша! Даю тебе пятнадцать минут для того, чтобы ты переоделся в эту эсэсовскую форму! Я думаю, что ты сам, без моей помощи, разберешься, что к чему во всех этих предметах одежды эсэсовского офицерского мундира! Но, если потребуется моя помощь, то кричи, зови меня, я буду неподалеку.

Через пятнадцать минут Александр Мец, одетый в форму оберштурмфюрера СС, покинул спальню, но, перешагивая порог помещения, он едва ли не лоб в лоб столкнулся с еще одним немецким офицером со знаками различия «армейского майора». Интуитивно рука Сашки дернулась кобуре пистолета, висевшей на его поясе, но она оказалась пустой, никакого пистолета там не было. Этого замешательства Сашке хватило на том, чтобы в немецком майоре узнать своего лучшего друга Ивана Фролова.

Тот остановился, с головы до ног внимательно осмотрел Меца и удовлетворенно кивнул головой! Затем он у друга поинтересовался:

— Ну, как Франц, ты готов отправляться в гости к местной фройлян?

Только этот вопрос Иван Фролов почему-то задал на прекрасном немецком языке, в произносимых им словах не прослушивался никакой иностранного акцента. Донельзя удивленный этим столь неожиданным обстоятельством, Саша замер на одном месте, а затем на русском языке начал отвечать своему другу:

— Что ты, Иван, под этим вопросом имеешь в виду…

Но он тут же был прерван Фроловым, который продолжил свой разговор на немецком языке:

— Франц, хотя бы на минуту, забудь о своем русском языке! Забудь о том, что ты сам русский еврей! С этого момента и, возможно, теперь уже до конца своей жизни, ты немец, танкист 2-й танковой дивизии СС «Родина». Тебя зовут Франц Ширмайстер, твое звание в войсках СС — оберштурмфюрер СС. Ты командовал взводом танков в 2-й дивизии СС, но был тяжело ранен в Польше. Сейчас после излечения возвращаешься в свою родную дивизию, к своим братьям по оружию! Вот, Александр, возьми, это твои новые документы, офицерская книжка

оберштурмфюрера СС Франца Ширрмайстера, изучай и привыкай к ним. Сегодня мы с тобой расстанемся, так как тебе придется вернуться и немного повоевать с русскими в составе своей эсэсовской дивизии, а потом отправишься во Францию и в Берлин.

Калерия страшно испугалась, когда она открыла дверь своей квартирке и вместо хорошо знакомого ей Сашки Меца вдруг перед собой увидела двух молодых красавцев в форме немецких офицеров. У девчонки прямо-таки язык отнялся, в глазах тут же показались слезы. Офицеры, учтиво козырнув, лопоча что-то вежливое на своем немецком языке, прошли в квартиру, а она еще долго возилась с дверным замком, пытаясь ее захлопнуть, но льющиеся из глаз слезы страшно ей мешали это сделать. Калерия стояла, прислонившись плечом к двери, и навзрыд плакала, решая, что же ей делать с этими проклятыми ублюдками немцами. Как они вообще могли появиться у нее в квартире, в советском городе?

В этот момент высокий немец блондин в черном мундире снова появился в прихожей. Он взял плачущую девчонку за плечи, развернул ее лицом к себе и произнес знакомым голосом.

— Калерия, что это с тобой случилось, почему ты плачешь? Ты, что разве меня не узнаешь? Это же я, Сашка Мец, твой одноклассник! Много лет мы вместе проучились в одном и том же классе школы! Не обращай внимания на эту мою форму! Это мы дурачимся с одним моим старым другом! Ты, девочка, должна меня хорошо помнить! Сколько раз мы вместе в школу ходили, сейчас даже и не вспомнишь?! Сколько раз я тебя на уроки провожал?! Я тебя, девочка, никому и никогда в обиду не дам! Успокойся, пойдем в комнату, там я тебя с Иваном познакомлю!

Калерия, слушая Сашку, успокаиваясь, вслед за ним прошла в свою комнату. На ее пороге она застыла от удивления, продолжая по-детски всхлипывать и руками вытирать слезы, все еще продолжавшие самовольно катиться из ее глаз. Посреди комнаты стоял большой круглый стол, сделанный из дуба. Обычно этот стол у нее всегда стоял у окна, сколько бы раз Калерия не пыталась его передвинуть на другое место. Но у нее никогда и ничего с ним не получалось, стол был слишком тяжелым для ее женских рук! Сейчас этот стол был сдвинут с привычного места, стоял посредине комнаты. Его поверхность была застелена старыми газетами. В центре стола высилась пол-литровая бутылка московской водки с головкой, запечатанной сургучом. Рядом с бутылкой водки стояли три граненых стакана, на столе лежали крупные куски черного хлеба. Также крупными ломтями была порезана палка лионской колбасы, и какой-то сыр. На столе

был много репчатого и зеленого лука, соли в солонке. Словом, Калерия почувствовала, что все было готово к празднованию какого-то торжества, но она, по-прежнему, не знала, как себя вести с этими немецкими офицерами!

Калерия попыталась улыбнуться сквозь слезы, ей понравилось, как эти два парня в чужой форме собирались отмечать вступление немцев в Лиду. Своей душой она ощутила, что эти парни собирались праздновать не вступление немцев в Лиду, а очередное поражение своей державы, армия которой так и не смогла в полной мере противостоять немцам. Девчонка впервые улыбнулась своему приятелю Мецу и поинтересовалась:

— Мальчики, это вы собрались отпраздновать наше очередное поражение, сдачу немцам Лиды?

— Да, Калерия! — Коротко ответил Саша Мец, а ее товарищ спокойно посмотрел ей в глаза и утвердительно кивнул головой.

Этот вечер Калерия провела в суете, ее женскую натуру сильно беспокоило, что ее оба ее мальчика мало ели, еще меньше пили и время от времени покидали ее квартиру, пропадая неизвестно где по три — четыре часа. После одного такого исчезновения, они вдруг вернулись с новенькими винтовками в руках. Едва войдя в прихожую, Сашка Мец как-то стеснительно проговорил, опять-таки на немецком языке, но Карелия его прекрасно поняла:

— Карелия, ты уж нас извини за то, что в твою квартиру мы вернулись с оружием в руках!

После этого парни выпили немного водки и съели по ломтику лионской колбасы с хлебом. А затем они снова пристроились у окна, наблюдая за тем, как эвакуировалось руководство города. В середине ночи они все еще сидели у окна, внимательно прислуживаясь к артиллерийским залпам, гремевшим, не переставая, на Западе и на Севере от города в эту ночь с 26-го на 27-е июня. Там 13-я советская армия прорывалась из немецкого окружения, но наткнулась на колонны 12-танковой дивизии Вермахта. Коротко на немецком языке Иван Фролов пояснил своему другу Сашке Мецу боевую обстановку в том районе. Калерии вся эта обстановка в ее же квартире казалось странной, какой-то искусственно надуманной. Но, как женщина, она быстро ко всему этому привыкла, поверила тому, о чем Иван рассказывал Сашке. Хотя откуда простой человек мог знать то, что происходит сейчас от него на расстоянии пятидесяти километров?!

Перед самым рассветом, оба молодых человека покинули ее квартиру, но обе винтовки оставили в ее прихожей, сказав, что они обязательно вернутся за ними. Все оставшееся время до рассвета Калерия провела, сидя у окна. За ночь она так привыкла

и к Сашке, и к Ивану, что сейчас по ним просто скучала.

Возможно, что это была Калерия, которая первой из Лидских горожан увидела немецкий танковый дозор из трех танков Т4, прокатившихся под ее окном. Эти танки на довольно высокой скорости пересекли городскую черту, они снова вылетели на шоссе Гродно — Лида — Минск, и по нему покатили дальше на Минск.

2

Иван Фролов крепко на прощанье пожал руку Сашке Мецу, затем долго стоял, наблюдал за своим другом. Смотрел, как он шел к стоявшему неподалеку новенькому грузовику «Опелю-блицу» с тентом, с номерными знаками 2-й танковой дивизии СС. Подойдя к грузовичку, оберштурмфюрер СС Франц Ширрмайстер о чем-то коротко переговорил с эсэсовским шютце, водителем грузовика. Баул с личными вещами Франц зашвырнул в кузов грузовика, а сам устроился на пассажирском сиденье рядом с водителем «Опеля-Блица». Вскоре он углубился в какую-то беседу с этим водителем, временами беседа двух эсэсовцев прерывалась веселым смехом.

Фролов подумал о том, что уже сегодня к вечеру этот немецкий грузовичок доставит оберштурмфюрера СС Франца Ширрмайстера к месту службы, в расположение танково-гренадерского полка «Германия» 2-й танковой дивизии СС. Там он примет в командование танковый взвод первого батальона это полка. Простой белорусский парень Сашка Мец, еврей по национальности, будет быстро расти по служебной лестнице, покажет себя хорошим эсэсовцем. Он вырастет до оберфюрера, станет командиром немецкого танкового полка к 1943 году. Это гауптштурмфюрер СС Франц Ширрмайстер предоставит достоверную информацию высшему командованию Советской Армии о готовящемся немцами нового большого летнего наступление на Курском выступе летом 1943 года! За этот подвиг капитан Красной армии Александр Мец будет награжден третьим орденом Ленина. Фролов случайно встретится с Францем в конце 1943 года в одном из госпиталей Берлина, куда того доставят с тяжелым ранением в живот. Иван Фролов в этом же госпитале завершал свое лечение, он вот-вот должен был выписаться, вернуться в действующую армию, где командовал одним из подразделений полка Бранденбург 800. Оберфюрер СС Франц Ширрмайстер так и не перенес полостной операции, он скончался под ножом хирурга во время операции на животе. Перед началом

этой операции, прежде чем заснуть под хлороформом, Сашка мысленно связался с Иваном Фроловым и сказал ему:

— Знаешь, Иван, у меня очень нехорошие предчувствия! Похоже, что я не перенесу этой операции. Тогда ты уж позаботься о Калерии и моем сыне.

Когда грузовик «Опель-блиц» тронулся с места, чтобы отправиться в путь, то Иван Фролов взгрустнул. Он надолго расставался с еще одним своим хорошим другом. Таких друзей, как Мария, Михаил, Моня, Морис Бернынш, и Сашка Мец, у него было очень мало. Каждый из этих его друзей оставлял в его жизни такой глубокий след, что он больше походил на глубокую и кровоточащую рану. Немецкий грузовичок все дальше и дальше отъезжал от Ивана, увозя его друга на войну, которую он будет вести со стороны противника. Несмотря на то, что Иван со всеми своими друзьями, до самого момента их смерти, разумеется, мог телепатически с ними общаться, совершенно случайно от посторонних людей Иван Фролов узнает о том, что гауптштурмфюрер СС Франц Ширрмайстер снова объявиться в Лиде зимой 1942 года. В этот приезд он при себе имел специальное разрешение своего непосредственного дивизионного командира, разрешение жениться на белоруске. В Лиде Франц разыскивает Калерию, предлагает ей свою руку и сердце. Они венчаются в церкви, а после венчания они вдвоем навсегда покидают этот город.

Вот «Опель-блиц» с Сашкой Мецом окончательно затерялся в громадном потоке немецких грузовиков, танков и бронетранспортеров, двигающегося по направлению к Минску. Иван Фролов, все еще стоя, смотря на шоссе Гродно — Лида — Минск, не выдержал напряжения расставания с другом, он пальцами руки потер переносицу и поинтересовался в мысленном диапазоне:

— Саш, ну как ты там? С тобой все в порядке?

— Иван, что с тобой? Ты задаешь мне какие-то дамские вопросы о настроении, что со мной?! Ты же сам прекрасно знаешь о том, что со мной сейчас все в порядке. Излечившись после госпиталя, я снова возвращаюсь в свою родную 2-ю танковую дивизию СС, которая сегодня воюет в составе Второй танковой группы генерала Гудериана. Вот стрелок СС Макс Фройман, который сейчас ведет грузовик, мне рассказывает о наших общих друзьях, как они сейчас воюют с советскими танками и пехотой! Так что, Ваня, пока! Снова свяжусь с тобой после того, как только прибуду в дивизию, и мои документы пройдут штабных офицеров.

На этих словах Александр Мец отключился. Иван Фролов

вернулся к мотоциклу, снял его с парковочной подножки, правой ногой толкнул экстрактор, мотоцикл довольно заурчал, хозяин снова обратил на него внимание. Вскоре Иван Фролов въезжал в Лиду, не на высокой скорости он проехал мимо трехэтажного деревянного особнячка, в котором Калерия имела квартиру на втором этаже.

В тот момент Иван подумал о том, а не заскочить ли ему к девушке, забрать оставленные ими сегодня рано утром винтовки. Но сейчас он собирался посетить здание горисполкома, в котором должно было разместиться новое оккупационное начальство города, узнать о последних новостях. Везти же две винтовки на мотоцикле, было бы настоящей глупостью. Как бы ты их не заматывал, как бы ты их не прятал от чужих глаз, любой любопытный человек со стороны легко может догадаться о том, что в этих вьюках находится оружие! А это вызовет новые подозрения, от которых придется оправдываться или отнекиваться!

Фролов немного прибавил скорости, поехал в центр города, где стояло здание горисполкома Лиды. Уже на подъезде к этому зданию, Иван обратил внимание на увеличившееся количество встречавшихся ему по пути немецких солдат и офицеров. Ведь, после того, как через город прошла разведывательная рота 19-танковой дивизии, некоторое время после это других частей Вермахта в Лиде не появлялось. Затем около полудня в городе появился сводный отряд 161-й пехотной дивизии Вермахта, но и этот сводный отряд в городе надолго не задержался. В этот момент в город втянулась еще одна крупная автоколонна с немецкими солдатами и офицерами, которые повели себя так, что будто были давно знакомы с Лидой и ее горожанами.

Эта колонна проследовала в центр города, она остановилась рядом со зданием горисполкома и начала там разгружаться. Вскоре по зданию начали бродить несколько офицеров с большими блокнотами и карандашами в руках. Они заходили в каждый кабинет, в каждое помещение горисполкома, детально описывая общее состояние помещения и ту мебель, которая сохранилась в том или ином кабинете.

Фролов на мотоцикле подъехал к зданию горисполкома в тот момент, когда с его фасада убирались гербы и знамена Советского Союза, а на их место вывешивались гербы и знамена Третьего Рейха. Некоторое время, посидев в кресле своего мотоцикла, он как бы полюбовался четкой работой комендантского взвода, готовившего кабинеты к появлению их немецких начальников! Иван Фролов вежливым голосом подозвал к себе немецкого лейтенанта, суетившегося поблизости, и

поинтересовался:

— Лейтенант, не подскажите, когда должен начать работать комиссар окружной Лидской комендатуры? И не здесь ли он находится, где-нибудь поблизости? Я хотел бы с ним познакомиться, поговорить по делам!

— Господин майор, лейтенант Людвиг Реймсе, командир комендантского взвода. Господин окружной комиссар еще не прибыл, его прибытие ожидается второй колонной. В настоящий момент его обязанности временно выполняет капитан Леопольд Картинг. Посмотри в ту сторону! Видите, мощного верзилу к камуфляже и без погон на плечах, это и есть капитан Картинг. Если хотите, то я могу вас ему сейчас представить?!

— Да, пожалуйста, лейтенант Реймсе! Я был бы вам глубоко признателен за такую услугу! Да, и я — майор Вальдемар Косински, офицер местного Абвера.

Через минуту Иван Фролов в сопровождении лейтенанта Людвига Реймсе подходил к капитану Леопольду Картингу, который в тот момент разносил какого-то унтер-фельдфебеля за несколько криво вывешенное знамя Третьего Рейха на фасаде здания бывшего советского горисполкома. Из вежливости они остановились в трех шагах от капитана, ожидая, когда тот освободится. Иван в этот момент был на сто процентов уверен в том, что капитан Картинг сейчас разыгрывает перед ним какую-то непонятную ему интермедию. Так как, сколько бы он не присматривался на оба знамени Третьего Рейха, они были идеально правильно вывешены, никакой кривизны попросту не наблюдалось!

Как только капитан Картинг перестал ругать фельдфебеля, то к нему немедленно подскочил лейтенант Людвиг Реймсе и начал свой рапорт. Сначала он отчитался за выполнение личного поручения капитана, а затем чуть ли не торжественным голосом произнес:

— Господин капитан, позвольте вам представить господина майора Вальдемара Косински, по его словам, он является сотрудником местного Абвера.

— Очень приятно с вами, майор, познакомиться! — Приятным голосом произнес Леопольд Картинг, он тут же протянул Вальдемару свою правую клешню для рукопожатия.

Косински также дружелюбно, с застенчивой улыбкой на улице, протянул Леопольду Картингу свою правую руку. В какой-то момент их руки встретились, но дружеского рукопожатия у них так и не получилось. Оно сразу же перешло в армрестлинг, Леопольд Картинг старался сжать правую руку Вальдемара Косински так сильно, чтобы тот упал бы на колени и запросил бы

пощады! Но коса нашла на камень, чем сильней Леопольд сжимал руку противника, тем сильней Вальдемар сопротивлялся этим усилиям! Он находил даже силы для того, чтобы постоянно улыбаться Картингу, одной только этой улыбкой сводя того с ума!

Вскоре дружеское рукопожатие обоих немецких офицеров закончилось, правда, капитан Леопольд Картинг не удержался, поднес сжатый кулак правой руки в своему рту и, слегка, на него подышал, чтобы уменьшить боль. Затем он снова улыбнулся и поинтересовался у Вальдемара:

— Извините, майор, но вы сказали, что вы прикомандированы к местному Абверу?

— Так точно, капитан! По личному указанию адмирала меня перевели из парижского отделения Абвера в непосредственное подчинение подполковника Гейнца Шмальшлегера из штаба Валли. Вот он и отправил меня на фронт в действующую армию, видимо, старик хочет посмотреть, на что я способен в полевых условиях! Подполковник Шмальшлегер порекомендовал мне на пару дней заскочить в Лиду, кое-что прояснить для него.

— Подполковник ни письменно, ни устно меня об этом не информировал. Он ничего не говорил о возможном вашем, майор, появлении в зоне действия моей диверсионно-подрывной группы! Так что не могли бы вы для прояснения ситуации, показать мне свои документы.

— С удовольствием, капитан! Вот мои документы, я их заранее для вас подготовил! Так как, господин капитан Картинг, другой встречи я от вас попросту не ожидал. Кстати, для вашей информации, в штабе Валли 2 меня заранее об этом предупредили!

С этими словами майор Вальдемар Косински протянул капитану Леопольду Картингу небольшой листок бумаги красноватого цвета с фотографией, с типографским текстом, отдельные места которого были заполнены словами, написанными перьевой ручкой. Леопольд Картинг долго всматривался в фотографию, приклеенную к справке об освобождении некого Якова Владимировича Костецкого, осужденного на десять лет за кражу государственного имущества. На фотографии было изображено лицо майора Вальдемара Косински, правда, сама фотокарточка получилась отвратительного качества.

Леопольд Картинг к этому времени уже хорошо знал о том, что у офицеров Абвера, работающих против Советского Союза, особым шиком считалось иметь такие справки об освобождении из тюремного заключения в качестве удостоверения личности. Пару раз, прочитав содержание фальшивой справки, капитан

Картинг подумал о том, как ему бы стоило поступить в этом случае? Возмутиться, вернуть справку майору и потребовать настоящего удостоверения личности? Или принять эту шутку майора в качестве жеста дружбы и доброй воли?

Капитан Леопольд Картинг залихватски козырнул, и произнес:

— К вашим услугам, господин майор! Через минуту я освобожусь и буду полностью в вашем распоряжении. Тогда мы сможем и поговорить без свидетелей.

3

Как Иван Флоров, в принципе, и предполагал, разговор с капитаном Картингом не внес какой-либо большой ясности во все дела, что происходили в Лиде, накануне, и в первые дни начала войны! Картинг поддерживал связь только с одним Иваном Козловым, заместителем начальник областного НКВД, которого Абвер завербовал, примерно, пять лет назад. Через Козлова и шла вся информация, которой Картинг располагал, организуя действия своей спецгруппы. Словом, этот немецкий капитан диверсант, не смотря на свою силу и бычье здоровье, в принципе, оказался мелкой сошкой в Абвере. Он даже не знал причину того, почему его высшие командиры приказали найти и с пристрастием допросить двух девушек радисток.

Но Леопольд Картинг в разговоре мимоходом все же упомянул одну любопытную вещь, которая заинтересовала Косински. Оказывается, в районе Лиды до воссоединения Западной Белоруссии с Советским Союзом, активно работал агент секретной службы Великобритании. Но с приходом в этот регион советской власти армейские разведчики Вермахта потеряли следы этого агента! До сих пор неизвестно его настоящее имя, но достоянием Абвера стала информация о том, что он, возможно, был рижанином, а в Лиду часто наезжал по делам своей компании. Абверовцам, в частности, Картингу стало известно, что этому британскому агенту удалось в Лиде создать свою агентурную сеть, которая и по сей день поддерживает радиосвязь с Лондоном.

Пообедав с Леопольдом Картингом, Вальдемар Косински решил заскочить домой, встретиться и переговорить с Ниной и Светой, а затем вместе с Дмитрием Лукашевичем отправиться в лес, посмотреть, как партизаны готовят свою базу. Тем более, что Саша Мец перед своим отъездом, Ивану Фролову оставил подробную информацию по схронам, подготовленными НКВД для

групп сопротивлений и для партизан. Два полных дня Александр занимался только тем, что объезжал эти схроны, проверяя их состояние.

Мец выяснил, что большинство из двенадцати схронов, заложенных НКВД, были разграблены местными крестьянами. Причем, крестьяне не трогали оружия в этих схронах, но они подчистую забирали хранившиеся там продукты и амуницию, особенно они прельщались красноармейской формой, сапогами и армейскими ботинками. Двумя схронами воспользовались диверсанты капитана Картинга, но и они в основном воспользовались одной только взрывчаткой, продуктами же питания спекулировали на крестьянских ярмарках и базарах. А вот оружие портили или уничтожали. Нетронутыми по настоящий момент остались всего лишь три схрона, но они располагались вдоль границы Лидской области с Литвой. Поэтому в лесу Фролов хотел договориться с Семеном Лукашевичем, отцом Дмитрия, об организации двух экспедиций к схронам. По его мнению, было бы неплохо три не тронутых схрона оставить до худших времен, а вот оружие собрать в разграбленных крестьянами схронах. Все это оружие привезти на партизанскую базу, так как Фролов предполагал, что в скором времени его партизанский отряд должен сильно пополниться.

Когда Иван появился в доме, то Нина работала на радиопередатчике, пустить в помещение радиостудии Ивана Фролова она категорически отказалась, через запертую дверь нагло заявив:

— Извини, командир, но пустить тебя к себе, я не могу. Да и к тому же я очень занята! Ты уж разбуди Светлану, поговори с ней! Она так же, как и я, в курсе всех наших дел.

Светлана, видимо, очень сильно устала! Она не проснулась даже тогда, когда Иван Фролов переступил порог ее спальни. Несколько раз ему пришлось потрепать ее за плечо, прежде чем девчонка открыла глаза. С трудом рассмотрев, что ее разбудил Иван Фролов, Света ему смущенно улыбнулась и произнесла:

— Это первый день нашей работы. И я бы сказала, что не ожидала, что у меня с Ниной будет такой большой объем работы! Сейчас тебе, Ваня, я могу сказать только одно. Нам пока удается поддерживать связь практически со всеми своими абонентами, но их количество растет и увеличивается час от часа. Ты, командир, должен обязательно подумать о наших помощницах. Ведь мы должны работать по шесть часов в сутки, а не по двенадцать, как работаем сейчас!

Пока Иван думал над тем, как ему ответить так, чтобы подбодрить Свету, но девчонка тут же снова заснула, но уже сидя

в своей постели. Тогда он решил, что ему будет лучше сначала переговорить со своим контактом в Москве по этому вопросу, а потом уже Свете и Нине предложить конкретную схему его решения. В этот момент в Светину спальню заглянул Дима Лукашевич. Увидев Ивана, он жестами рук ему показал, что им пора отправляться в дорогу. Уложив Свету в постель, накрыв ее одеялом, Иван вышел в коридор первого этажа и торопливо зашагал к выходу из дома. Дима и еще двое парней его возраста стояли рядом с мотоциклом. У всех троих парней немецкие «шмайсеры» небрежно висели через плечо, пистолеты были в кобурах на поясе, рукоятки засапожнников выглядывали из-за голенищ сапог. Они выглядели бравыми, но уж очень молодыми парнями.

Кивком головы Фролов поздоровался с парнями, внимательно их осмотрел. Со временем из этих мальчишек он сделает настоящих советских диверсантов, отлично владеющих холодным и огнестрельным оружием, способных людей убивать людей одними голыми руками! Иван уже познакомил их с комплексом физических упражнений своего друга Михаила, в свое время бесследно пропавшего в трудлагерях. Теперь каждое свое утро эти мальчишки будут начинать выполнением этого комплекса упражнений до конца своей жизни!

— Ну, ты, Дима, готов ли отправляться в путь-дорогу? — Поинтересовался Фролов у Димы Лукашевича. — Тогда садись за руль мотоцикла, и мы поехали! А вы, ребята молодцы-удальцы, охраняйте наших девчонок! Они сегодня самое ценное, что мы имеем на своих руках!

Уже пристраиваясь на заднее сиденье мотоцикла, он мысленно поинтересовался у Димы Лукашевича:

— Слушай, Дима, в свое время ты меня убеждал в том, что тебе не составить особого труда, найти и собрать вместе таких же, как и ты, молодых парней, хорошо владеющих оружием! Но день проходит за днем, сегодня немцы заняли Лиду! А пока у нас с тобой только трое охранников радисток, ты и два твоих лучших друга! Вынужден констатировать, что наш радиоцентр пока не имеет должной охраны по твоей вине! Скажи, мне, что именно трое необученных парней могут сделать против взвода таких диверсантов, как у капитана Леопольда Картинга?!

— Извини, командир! Я с тобой полностью согласен по этому вопросу! Я уже переговорил со всеми парнями кандидатами. Все они согласны стать суперсолдатами! Но тут неожиданно появился особоуполномоченный представитель НКВД в нашем партизанском отряде! Он возложил на свои плечи функции особиста всего отряда. Теперь без его согласия мой отец никого

не зачисляет в партизаны. Особист же требует, чтобы и мои парни прошли бы его проверку, но в этом случае я должен буду ему рассказать о существовании нашего радиоцентра и радисток. Ты же мне строго-настрого запретил этого делать, запретил думать даже об этом. Ты же сам знаешь, что мой отец практически ничего не знает о существовании нашего радиоцентра!

— Правильно, об этом радиоцентре никто в нашем партизанском отряде не должен знать. Дима, но я первый раз слышу о появлении какого-то особиста в нашем же партизанском отряде?! Почему меня о его появлении ранее никто не проинформировал?

— Этот особист появился в отряде всего лишь два дня назад! Его откуда-то привел сам отец! Он мне тогда сказал, что тебе о нем, Иван, он сам расскажет при первой же встрече. Но насколько я знаю после той засады, ты с отцом пока еще не встречался. Поэтому ты об этом особисте пока ничего не знаешь, и не слышал! Значит, ты с ним познакомишься, когда мы сегодня вечером появимся в нашем отряде!

Лида с появлением немцев как бы притихла, ее улицы вдруг опустели, обезлюдили. Государственные магазины не торговали, были закрыты, частные лавки пока были тоже закрыты. Только изредка где-то промелькнет на улице одинокий пешеход, который тут же постарается скрыться во дворе дома или в городском сквере.

Сегодня в первый день оккупации немцами города горожане предпочитали отсиживаться по домам, по своим квартирам. Проехав несколько улиц, Иван Фролов вдруг понял, что совершено зря он Диму не переодел в форму немецкого солдата. Наверняка, когда они будут проезжать мимо поста немецкой полевой жандармерии, то они у фельджандармов вызовут подозрение этим не сочетанием, немецкий майор сидит на заднем сиденье мотоцикла, а им управляет парень в одежде белорусского паренька. Эту ошибку Фролов решил исправить первым же делом, прежде чем выезжать за город.

— Дима, ты знаешь адрес дома, в котором проживает девочка по имени Калерия? — Поинтересовался Иван Фролов.

— А какую именно Калерию, ты, командир, имеешь в виду? В нашей школе в выпускном классе училась одна девчонка с таким именем. Она по девчоночьей дурости втюрилась в одного блатного парня из нашего города! Адрес и дом, где живет эта девчонка, я хорошо знаю!

— Давай, Дима, мы к ней заедем! Нам надо решить одну небольшую проблему. Да, и между прочим, а как у тебя с немецким языком. Можешь ли ты на нем говорить, понимаешь ли

ты немцев?

— Да, я ни в зуб ногой, этот немецкий язык для меня сплошная терра инкогнито. С большим трудом, по этому предмету в школе я имел слабую тройку! — Честно признался Дмитрий.

— Жаль, конечно! Но ничего не поделаешь! Рожденный ползать, летать не может!

— А вот летать, как раз, я немного научился! Два года ходил на занятия в Лидский аэроклуб. Два раза уже вылетал самостоятельно. Надеялся, после окончания средней школы, поступлю в летное училище! В следующем году я документы должен был послать в училище, да вот война все остановила!

За разговорами они незаметно для себя доехали до особнячка, в котором Калерия имела квартирку на втором этаже. Иван приказал Дмитрию мотоцикл загнать во двор, а затем самому подняться на второй этаж, зайти в квартиру Калерии.

Калерия оказалась дома. По ее лицу Иван мгновенно определил, что она опять-таки какое-то время снова билась в истерике одиночества. Ее лицо было заплаканным, руки нервно дрожали, девчонка постоянно всхлипывала и куталась в старушечьи платки, словно ее постоянно бил озноб. Узнав Ивана, когда тот переступил порог ее квартиры, оказался в прихожей, она почувствовала себя гораздо лучше. Девушка перестала всхлипывать, подняла на Ивана свои глаза, в которых он легко прочитал вопрос. Сначала Фролов не сообразил, какой именно вопрос ее интересовал?! Поэтому он, чтобы быстрее успокоить девчонку, по простоте души своей ляпнул:

— Калерия, я заехал, чтобы забрать винтовки, которые я с Моней сегодня утром оставил в твоей квартире!

По мгновенно потухшему взгляду, по ее очередному всхлипыванию, Фролов снова догадался, что своей предыдущей фразой он пальцем попал в небо. Тогда он осторожно шаркнул ногой, склонил голову в вежливом офицерском поклоне и медленно, но четко выговаривая русские слова, проговорил:

— Оберштурмфюрер СС Франц Ширрмайстер сегодня утром покинул Лиду. По приказу командования он отправился в свою танковую дивизию для продолжения службы! Он, Калерия, передавал тебе свой привет и самые нежные пожелания! Он просил меня тебе передать, что он тебя очень любит и обязательно к тебе вернется, чтобы навсегда тебя забрать с собой!

Глаза Калерии моментально высохли и засверкали радостью. Иван понял, что он только в этой девчонке воскресил великую девичью мечту-надежду о женихе принце на белом коне. Теперь Калерия будет ожидать возвращения своего эсэсовца, которого

судьба играючи подсунула ей в качестве принца на белом коне, до конца своей жизни!

В этот момент за их спиной послышался веселый голос Димки Лукашевича:

— Не фига себе, какое любовное ширли-мырли!

Но Иван Фролов мгновенно и довольно-таки бесцеремонно прервал парня, под ноги швырнул ему немецкий армейский баул и строгим голосом приказал:

— Переодевайся, немедленно! Переодевшись, забери эти две винтовки, а затем выматывайся из прихожей. Отправляйся к своему мотоциклу и ожидай моего возвращения! Я пару минут поговорю с Калерией, а затем спущусь к тебе!

Глава 3

1

На выезде из города Лида мотоцикл, на котором майор Вальдемар Косински и рядовой стрелок Иоганн Мюллер следовали в Вильнюс, был остановлен мобильным постом немецкой полевой жандармерии. Когда мотоцикл остановился, то к нему подошел вахмистр фельджандармерии и представился:

— Господин майор Косински, меня зовут Герберт Фишер, я вахмистр батальона фельджандармерии 19-й танковой дивизии! Прошу меня извинить за то, что вас побеспокоил, остановив ваш мотоцикл! Но у меня имеется приказ командира моего батальона! Согласно этому приказу, мой пост фельджандармерии должен останавливать любой транспорт, покидающий город Лиду и двигающийся в направлении Вильнюса. Мы обязаны вас предупредить, господин майор Косински, о том, что через десять — пятнадцать километров от города, движение по этому шоссе становится опасным из-за боев, которые ведут 12-я танковая и 18 моторизованные дивизии с подразделениями Красной Армии, пытающимися пробиться из окружения! В принципе, мое командование вам рекомендует, господин майор, вернуться в город и подождать два-три дня до тех пор, пока бои в этом районе не прекратятся!

— Спасибо, вахмистр, за предупреждение! Но откуда вам известно мое имя? — Поинтересовался Иван Фролов.

— Сегодня мой взвод фельджандармерии обеспечивал переезд сотрудников окружного комиссара в здание в городе Лида, где окружной коммисариат будет постоянно располагаться. Там вы еще беседовали с лейтенантом Людвигом Реймсе. После разговора с вами, этот лейтенант и рассказал нам о вас.

— Ну, что ж, спасибо тебе, вахмистр, за заботу обо мне! Я это обязательно запомню, постараюсь когда-нибудь вернуть тебе этот свой долг! Что же касается своей поездки, то я еду не Вильнюс, а к одному знакомому старосте! Его деревушка стоит чуть в стороне от этого шоссе. До района боев я попросту не доеду! В любом случае, вахмистр, я тебе глубоко признателен за то, что остановил и предупредил о возможной опасности! Еще раз спасибо, вахмистр, а ты, Иоганн, давай трогай!

Почему-то чихнув двигателем, мотоцикл плавно тронулся с места и, вскоре набирая скорость, он снова мчался по шоссе Лида — Вильнюс. Вахмистр Герберт Фишер острым взглядом глаз из-

под разросшихся бровей некоторое время следил за мотоциклом. Затем вернулся к своему мотоциклу и фельджандарму, дремавшему в коляске мотоцикла за пулеметом, грубым голосом приказал:

— Эй, ты, баварское чмо, быстренько по рации меня соедини с капитаном Картингом. Эк тебя разнесло, смотреть противно на твою сонную рожу! Кому армия тюрьма народов, а кому она — мать родная?!

Через минуту вахмистр Фишер, держа микрофон рации у своего рта, уже разговаривал с капитаном Леопольдом Картингом:

— Леопольд, ты уж извини меня за то, что я тебя только что побеспокоил. Наверное, вытащил тебя, так сказать, из-за карточного столика!.. Но ты же сам мне говорил, что я могу с тобой соединяться в любое время дня и ночи, когда у меня появится требуемая тебе информация. Так что я спешу тебе отрапортовать, господин капитан, что твой любимчик, некий майор Косински, фотографию которого ты мне сегодня показывал, только что покинул Лиду… Он на заднем сиденье мотоцикла, а за рулем рядовой стрелок, такой молодой, прелестненький мальчишка! Такой хорошенький мальчик, его, наверное, от маменькиной сиськи только что оторвали?! Когда ты с майором покончишь, то этого мальчишку переведи ко мне во взвод, я уж с ним хорошо позабавлюсь!.. На этом все, если тебе еще чего от меня потребуется, то, не стесняйся, связывайся! По старой дружбе или за отдельную плату может быть и помогу!

Было примерно шесть часов вечера, мотоцикл с майором Вальдемаром Косински и рядовым стрелком Иоганном Мюллером все еще продолжал двигаться по направлению Вильнюса со скоростью в сорок километров в час. Они уже отъехали от Лиды километров на сорок, им оставалось проехать еще пару километров, а затем съехать с шоссе и двигаться по лесной дороге к партизанской базе.

Артиллерийская канонада становилась все ближе и ближе. Когда они только выехали на это шоссе, то канонада была слитной, представляла собой постоянный гул, сливавшихся воедино грохот от выстрелов артиллеристских орудий и разрывов снарядов. Но по мере удаления от города, эта канонада теряла свое былое единство, Иван Фролов начал четко различать, когда огонь вело отдельное артиллеристское орудие по определенной цели и в определенном темпе. То есть следовал выстрел орудия, а только затем слышался разрыв снаряда. Но уж слишком много орудий каждая из сторон использовала в этом бою, поэтому выстрелы отдельных орудий сливались в некое подобие

артиллеристских залпов.

— Может быть, нам будет лучше уже сейчас съехать с шоссе в лес, а то на этом шоссе, кроме нас, никого не видно! — Поинтересовался мысленно Дима.

— Нам осталось проехать совсем немного до нашего съезда! — Так же мысленно ответил Фролов. — Там прямая дорога до партизанского лагеря! Правда, километров пять придется пройти на своих двоих!

Так слегка и по-дружески переговариваясь, они доехали до нужного им съезда с шоссе. Но, когда они, съехав с шоссе, почти уже скрывались в лесных зарослях, то прямо за их спинами послышались звонкие орудийные выстрелы. К слову сказать, эта лесная дорога вела к реке Радунь, с шоссе река сейчас совершенно не просматривалась. Иван Фролов и Дима Лукашевич могли следовать по этой дороге и дальше, не опасаясь того, что их обстреляют. В довоенное время этой дорогой по воскресным дням любили пользоваться жители Лиды, большие любители рыбной ловли, очень уж они любили посидеть на берегу Радуни половить рыбки! Иван Фролов даже немного расслабился, подумав, что самая тяжелая часть дороги осталась у них за спиной. Но в этот момент за их спинами повторились выстрелы из танковых орудий, а также послышался рев танковых двигателей.

— Дима, притормози! Я схожу назад, посмотрю, что же там происходит?

Когда мотоцикл остановился, Иван слез с его заднего сидения. Разминая ноги, он быстро развязал веревки, которыми обе СВТ40 были привязаны к мотоциклу. Одну винтовку взял себе, а вторую протянул Дмитрию, затем быстро проверил, заряжена ли она. Винтовка была заряжена, в карманах кителя у Ивана была еще одна обойма на десять винтовочных патронов. Тяжело вздохнув Фролов, крадучись, прячась в кустарнике, направился обратно в сторону шоссе Лида — Вильнюс. Дима, проверив свою винтовку, заряжена ли она, по пятам следовал за Иваном.

Когда они оба оказались в придорожном кустарнике, выглянули из него, то увидели незабываемую картину. На шоссе шел танковый бой, советский танк БТ-7 отчаянно сражался с тремя немецкими танками, двумя Т-4 и одним Т-3. Немецкие танки этот наш танк сумели каким-то образом вытеснить из лесных зарослей прямо на шоссе, на открытое пространство, что позволяло им вести прицельный огонь. БТ-7 огрызался из своей 45 мм пушки. Иван и Дима увидели, как своим последним выстрелом из пушки наш танк повредил башню одного из

немецких танков Т-4, она перестала поворачиваться. После попадания Т-4 дал задний ход и скрылся в лесу, бой с советским танком продолжили вести его собратья Т-4 и Т-3. Следует заметить, что экипажи этих двух немецких танков не собирались просто так отступить, дать уйти советскому танку.

Одновременно экипаж советского танка БТ-7, видимо, догадался о том, что их столь долгое пребывание на открытом пространстве дороги несет в себе серьезную опасность для танка. Механик-водитель БТ-7 тут же врубил реверсную скорость, танк практически мгновенно пролетел, пересекая шоссе, причем своей кормой этот танк точнехонько врубился в лесную дорогу, по которой Фролов и Дима должны были проехать до партизанского лагеря. Этот маневр танка БТ-7 сопровождался двумя выстрелами танковых орудий. Если Т-4 свой снаряд послал мимо, за молоком, то Т-3 продемонстрировал отличное попадание, его снаряд пробил броневую заслонку двигательного отсека БТ-7, наш танк загорелся. Сначала над моторным отсеком заструился легкий дымок, и только после некоторого времени над решеткой радиатора показался небольшой язычок пламени.

Откинулась крышка башенного люка БТ-7, из него высунулась голова в танковом шлемофоне. Лицо советского танкиста почему-то было сплошь замазано чем-то черным. Парень посмотрел на огонь, вырывающегося из моторного отсека, затем он прижал свою ладонь к горлу и громко прокричал:

— Парни, наш танк горит! Огонь над моторным отсекам! По моим расчетам у нас еще имеется время на один только выстрел из орудия, а потом нам придется отсюда, как можно быстрее, сматываться!

Голова танкиста снова скрылась в башне, которая тут же начала поворачиваться в сторону немецкого танка. Немецкий танк Т-3 уже выполз на полотно шоссе, явно намереваясь его пересечь, чтобы с близкого расстояния добить БТ-7! Два танка, советский БТ-7 и немецкий Т-3 одновременно выстрелили друг в друга из танковых орудий. Этот день, 27 июня 1941 года, видимо, все же не был днем советского танка БТ-7, его экипаж снова промахнулся. 37 мм снаряд немецкого танка Т-3 пробил лобовую броню танковой башни советского танка БТ-7. Фролов сразу же подумал о том, что экипаж этого советского танка должен был погибнуть от такого попадания вражеского снаряда. Как бы в подтверждение его мыслей, из оставшегося открытым люка башни в небо рванул огненный смерч из пламени и дыма. Только тут Иван вспомнил о том, что на советском танке БТ-7 стоял бензиновый двигатель, поэтому эти танки сгорали быстро, как восковые свечи в церквях!

— Кажется, командир, что мы не сможем помочь нашим танкистам? — Вдруг спросил Дима Лукашевич.

Фролов так и не ответил на вопрос этого пока еще ребенка! В этот момент он внимательно наблюдал за всем тем, что сейчас происходило на шоссе. Там на шоссе рядом со своим танком Т-3 толклись пять немецких танкистов. Видимо, экипаж немецкого танка Т-3, покинул отсеки своего танка для того, чтобы полюбоваться результатами своей работой. Они стояли и наблюдали, как горит советский танк БТ-7, который они только что подбили и подожгли. У немецкого экипажа было хорошее настроение, они даже решили отпраздновать свою победу. Один из членов экипажа взобрался на танк, и на своей губной гармошке он начал наигрывать «Лили Марлен». Немецкие танкисты сначала подпевали своему гармонисту, а затем, разбившись на две пары, принялись танцевать прямо в дорожной пыли. По рукам танцующих пошли две бутылки немецкого шнапса и русской водки, бутылки быстро переходили из рук в руки, а веселье становилось все бурным.

Иван Фролов совсем уже собрался покинуть поле танкового боя, он даже свою винтовку забросил за спину, развернулся, чтобы идти к мотоциклу, но в этот момент он вдруг увидел лицо Димы. Парень стоял, плечом облокотясь на сосну, и горько плакал. Война слишком уж быстро этого парня делала взрослым человеком! Взрослые, даже когда погибают их друзья, очень мало плачут, они в глубине своей души переживают потерю близких, но обычно не плачут! Дима в свои шестнадцать лет пока еще не научился тому, чтобы в одной только душе переживать потерю любимых и родных людей. Вот поэтому сейчас он стоял и горько плакал, не стесняясь, открыто выражая свое сожаление по погибшим советским танкистам.

Фролов, молча, развернулся на каблуках своих сапог, сдернул винтовку со своего плеча и, полусогнувшись, направился снова к шоссе. По дороге он мысленно попросил Диму, который полетел вслед за ним:

— Отстреляв обойму из винтовки, сначала перезаряди ее, а затем отправляйся к мотоциклу. Заведи его, и ожидай моего появления. Мы должны, как можно быстрей покинуть это место, но нам не нужно вслед за собой притащить этот вражеский хвост в партизанский лагерь! Дима, ты понял, что я тебе предлагаю?

— Так точно, командир! Я понял!

К тому времени, когда Фролов и Лукашевич были готовы открыть огонь по врагу, на шоссе Лида — Вильнюс танцевало много немцев. Танкист с губной гармошкой продолжал сидеть на корме своего танка, на своей губной гармошке он исполнял

различные мелодии, популярные в Вермахте. Немецкие солдаты танцевали друг с другом, пьяно смеялись сами над собой. Этот смех иногда зашкаливал, походил на лошадиное ржание. Небольшая стайка немецких офицеров в полевой форме стояла немного в стороне. Офицеры не танцевали, они курили сигареты, пили коньяк прямо из горлышка бутылки, о чем-то между собой переговариваясь. Фролов увидел несколько мотоциклов, которые стояли, приткнувшись колесами к придорожному кустарнику.

Теперь, благодаря появлению этих мотоциклов, Ивану было нетрудно догадаться о том, что к танкистам присоединились немецкие мотоциклисты, или разведчики, или связные. Повернув голову в сторону БТ-7, Иван увидел, что танк догорает, что он почти полностью сгорел, от него остались какие-то непонятные искореженные металлические детали.

— Ну, что ж, Дима, начинаем! Открываем огонь на счет три! Ты ведешь огонь по немцам, которые концентрируются слева от нас. Я отстреливаю тех, кто справа от нас! Дима, напоминаю еще раз, отстреляв обойму, ты перезаряжаешь винтовку и с этого момента занимаешься только мотоциклом. Итак, Дима, начинаю отсчет. Один… два…

Два выстрела практически слились в один, затем каждый из стрелков поддерживал только свой определенный ритм выстрелов. Иван первым отстрелял десять патронов, его руки тут же занялись перезарядкой своей винтовки. Когда Дима прекратил стрельбу, начал перезаряжать свою винтовку, то Иван снова вступил в дело. Вторую обойму он отстреливал с гораздо меньшей скоростью, чем первую, но от этого меткость его выстрелов не ухудшалась, но и не становилась лучше. Сделав последний, двадцатый выстрел, Иван приподнялся и согнувшись в три погибели засеменил в глубь леса, вслед за Димой, который уже был у мотоцикла и заводил его экстрактором. Вскоре он услышал звук заработавшего двигателя мотоцикла, который слегка порыкивал на холостом ходу.

В этот момент слева от себя Иван увидел на траве человека в черном танкистском комбинезоне, в сапогах и с шлемофоном на голове Танкист едва полз по траве, он попал в левую колею дороги и полз по ней, так как сам уже не мог выбраться из этой колеи. Танкист, видимо ничего перед собой не видел, он только медленно выбрасывал свою руку вперед, а затем к этой руке подтягивал свое тело. Не раздумывая, Фролов отбросил в сторону свою винтовку, схватил танкиста и, забросив его на свое плечо, бегом на полусогнутых ногах припустился к мотоциклу, к Диме Лукашевичу, ожидающему его!

С танкистом им пришлось много повозиться, но он практически уже не реагировал на внешние раздражители, на слова людей. Отъехав глубже в лес, они остановились почти на самом берегу Радуни, но на берег реки они так и не вышли, слишком уж много немецких самолетов в тот момент находились в небе. Им не стоило привлекать внимание их пилотов. На опушке леса они нашли более или менее ровный квадрат земли, покрытой густой травой. Бросили на него пару немецких шинелей и сверху положили самого танкиста. Фролов стащил с его ног сапоги, срезал ножом комбинезон с его тела, и внимательно осмотрел закопченное тело танкиста, который пока оставался без сознания. Пулевых ранений или сильных ожогов он на его теле так и не обнаружил. Но танкист пребывал в беспамятстве и, похоже, приходить в сознание он пока не собирался. Тогда Иван, приказав Дима, внимательно их сторожить, решил провести один эксперимент, прямой контакт сознания к сознанию! Он распростерся на шинелях рядом с телом танкистом, взял его голову в свои руки, и попытался проникнуть в его сознание.

Вскоре Фролов узнал, что рядом с ним лежит лейтенант Геннадий Петрович Кузнецов, командир разведывательного танкового взвода, двадцатого года рождения. История этого советского парня оказалась простой и очень короткой. Сразу после окончания танкового училища лейтенант Кузнецов начал служить командиром взвода разведки 9-го танкового полк 5-й танковой дивизии, дислоцированной под Алитусом, в советской Литовской республике. Геннадий Кузнецов начал воевать с немцами в первые же часы войны, три дня он в составе 9-го полка отбивал атаки немецких танков под Алитусом и Вильнюсом. Затем 5-я танковая дивизия была немцами вытеснена в Белоруссию, но и там бои не прекращались ни на один день или на час!

Особенно трудно воевать приходилось разведчикам этой дивизии. Они были глазами и ушами командира дивизии, одно боевое заданием у них сменялось другим. В результате за четыре дня боев взвод лейтенанта Кузнецова потерял все три танка, но сам лейтенант Кузнецов, потеряв свой танк, собрался повоевать с немцами в пехоте.

Этому молодому лейтенанту танкисту крупно повезло. Вчера, во время следования остатков 5-й танковой дивизии по шоссе Ошмяны — Молодечно, дивизионная колонна натолкнулась на кем-то брошенный танк БТ-7, у него пустыми были топливные баки, а по техническим параметрам и боекомплекту с этим

танком было все в порядке. Лейтенант Кузнецов сумел договориться с заместителем командира дивизии по тылу и получить полный бак бензина. Командир дивизии, генерал-майор Алексей Васильевич Куркин, тут же ему приказал произвести разведку по направлению Ошмяны — Лида. Экипаж лейтенанта Кузнецова практически выполнил свое задание и уже возвращался обратно, когда его обнаружила немецкая авиационная разведка. Она и навела свои танки на этот одинокий советский танк. Полдня продолжался танковый бой, в котором один советский танк воевал против пяти немецких танков. БТ-7 лейтенанта Кузнецова удалось уничтожить два немецких танка Т-4, но, в конце концов, немцы его подбили, сожгли. В бою погибли: заряжающий — сержант Малыгин Петр Иванович, механик-водитель — старшина Семенов Николай Ильич, они так и сгорели вместе с танком.

Иван Фролов, молча, поднялся с земли, слегка поправил мундир немецкого майора и мрачно сказал:

— Дима, лейтенант Геннадий Петрович Кузнецов умирает. Он в тот момент, когда башня танка была простреляна немецким снарядом, сильно ударился о внутреннюю броню головой. Танковый шлемофон ему не помог, он так и не с амортизировал в достаточной мере этот страшный удар. От удара в головном мозгу лейтенанта образовалась большая гематома. Через полчаса он скончается от кровоизлияния в мозг!

Чем ближе они подходили к партизанской базе, тем больше росла тревога в душе Ивана Фролова. Он успел даже пожалеть о том, что поступил столь опрометчиво и свою винтовку бросил в лесу. Видимо, Дима Лукашевич сумел каким-то образом уловить это внутреннее беспокойство Фролова потому что, когда они остановились в лесу, а затем принялись ветками и лапами хвои его маскировать, то Дима, молча, протянул Ивану свой «шмайсер». Так они и пошли по лесной тропинке, впереди Дмитрий Лукашевич с винтовкой через плечо, а за ним Фролов со «шмайсером» на груди. Но и на пешем участке пути это внутреннее беспокойство не покидало Ивана Фролова. Какими только словами он не проклинал самого себя, почему он до сих пор Семена Ивановича Лукашевича, командира партизанского отряда, он так и не сделал своим телепатом. Тогда бы не было подобных проблем, мысленная речь, телепатия, уверенно работает, как на ближних, так и на дальних расстояниях!

Когда им до партизанского лагеря оставалось идти менее километра, то ноздри Дмитрия первыми уловили запах гари, вдруг появившийся в лесном воздухе. Но парнишка вслух ничего не сказал по этому поводу, так как хорошо понимал, когда стоит

или не стоит говорить о чем-либо со своим командиром. Ведь в любом случае он, как телепат, тут же узнает обо всем сам! Они уже почти бежали, спешили на базу, когда вдруг прозвучали слова:

— Всем стоять, не двигаться с места!

Дима Лукашевич и Иван Фролов на полном ходу притормозили, тут же начали оглядываться по сторонам в поисках источника голоса. Одновременно они оба были готовы, если этого потребует обстановка, упасть на землю и открыть огонь по противнику. Но вокруг пока еще ничего особо тревожного не происходило, но вот только из-за большого куста появился какой-то несуразный ястребок. Этот был парнишка лет восемнадцати, но был он не особенно высокого роста, никак своим телосложением не походил на богатыря. Самым интересным в нем было оружие, пистолет-автомат ППД с круглым магазином для патронов. Ивану Фролову сразу же бросилось в глаза, что этот автомат и парень были одинакового размера, то есть они чем-то походили или дополняли друг друга!

Дмитрий сразу же узнал этого парня, у него он тут же поинтересовался:

— Коля, что случилось в отряде? Почему ты здесь нас встречаешь? Что с отцом, он жив?

— Семен Иванович жив и здоров! Если бы не он, то немцы сегодня утром наш отряд наголову бы разгромили! Они на нашей поляне появились так неожиданно, что бежать, спасаться нам было поздно! Но когда мы строили нашу первую землянку, то по приказу командира, не поленились и подземный ход прокопали прямо к реке. Немцы разгромили нашу полевую кухню, захватили оружие, которое мы собрали на полях боев, окружили нашу землянку. Если бы они сразу же нас закидали бы гранатами, то я вас сейчас бы не встречал! Но у них откуда-то появился матюгальник, их офицер на русском языке потребовал, чтобы сдались бы доблестной немецкой армии! А мы в это время оделись и быстренько подземным ходом доползли до реки, а оттуда трусцой добежали до старой мельницы и там остановились на временный бивак. Словом, из наших бойцов пока еще никто не пострадал, мы даже своего оружия тем немцам не оставили. Семен Иванович приказал мне срочно отправляться в это место и ожидать вашего появления. Я же, к слову сказать, вас прождал все светлое время этих суток, вот уж начал собираться немного поспать!

Пока Николай рассказывал, Фролов вспомнил этого парня. Он был самого малого роста среди всех ястребков, но отличался своим веселым характером. Среди своих друзей он слыл великим

оптимистом и был легок на подъем. Иван никак не мог вспомнить его фамилию, но все парни называли его Наперстком, из-за его малого роста и непробиваемого оптимизма! Когда Коля закончил свой рассказ, то он поинтересовался:

— Насколько я понимаю, этот лес сейчас полон и немцев, и красноармейцев! Пока ты ожидал нашего появления, не проходил ли кто рядом с тобой?

— Немцев, товарищ командир, я не видел и не слышал! Несколько раз слышал русский говор, но этих красноармейцев я сам тоже не видел. Эти люди говорили о том, что им нужно прорываться за линию фронта! Но за два часа до вашего появления, я увидел странную группу людей, они между собой не разговаривали, а объяснялись одними жестами рук.

— Что ты можешь еще об этих людях сказать?

— Все они были в камуфляже или в плащ-палатках, так что мне было бы трудно сейчас сказать, были ли это немцы или красноармейцы. Внутри меня осталось одно нехорошее чувство, что с этими людьми мне было бы лучше ночью в лесу не встречаться.

Иван Фролов задумался, пока он не понимал, кто и почему напал на еще не сложившийся партизанский отряд?! В этот момент Дмитрий продолжал беседовать с Наперстком, интересуясь деталями утреннего немецкого нападения, как повели себя их товарищи по отряду в тот момент. В последний момент Иван Фролов решил ночь провести вместе с отрядом, так как ему было нужно переговорить с Семеном Лукашевичем по некоторым вопросам.

— Хватит трепаться по пустякам, друзья! Пошли на мельницу!

Они могли пройти на старую мельницу, не заходя в разгромленный немцами партизанский лагерь, но Фролова исподтишка терзала мысль о том, что ему необходимо посмотреть на то, что от лагеря оставили немцы! Поэтому он решительно добавил:

— Но, сначала, друзья, мы зайдем в лагерь! Посмотрим, что немцы там натворили!

В самую последнюю минуту Иван почему-то, позднее он и сам никак не мог объяснить этого своего решения, зайти в разгромленный партизанский лагерь не со стороны тропинки, которой они сейчас шли, а со стороны реки. В этой связи они все трое сошли с невидимой тропинкой, а, круто взяв вправо, начали долгий пологий спуск к речке.

Около девяти часов вечера было все еще светло, они подползали к лагерю со стороны реки. Фролов, в который раз

проклинал себя за то, что выбросил в лесу свою винтовку. Сейчас в руке у него был немецкий «Вальтер», не очень надежное оружие для боя в лесу! Дмитрий полз с винтовкой, хотя у него осталось всего три винтовочных патрона. Довольный Наперсток пыхтел с автоматом ППД в руках, два диска к автомату делали его уверенным в себе бойцом автоматчиком. Когда троица поднялась на вершину подъема, ведущего от речки, то перед их глазами появилась панорам партизанского лагеря. Ивану в глаза бросилась взорванная партизанская землянка, из которой бойцам вместе с командиром Лукашевичем удалось удрать подземным ходом. По воронке от взрыва можно было понять, что немцы не поленились в этом случае, они землянка взорвали фугасом в десять килограмм тротила. После такого взрыва ни один боец не должен был бы уцелеть в этой землянке!

Меньшим фугасом немцы вдребезги разнесли полевую кухню, которую всего лишь три дня назад Фролов выпросил у командира полка РККА, полк которого выдвигался на защиту государственной границы. Слегка усилив свое зрение, Иван тщательно обследовал каждый метр партизанского лагеря. Он тут же убедился в том, что на его территории не видно ни одного трупа партизана! В этот момент в его сознании вспыхнула и погасла одна интересная мысль.

— Дима, поинтересуйся у Наперстка в отношении «особиста», о котором ты мне недавно рассказывал? Меня интересует, был ли он в землянке, когда напали немцы, а если не был, то где он находился? Сам ли он отсутствовал, или же твой отец, куда-то его посылал?

3

Семен Иванович Лукашевич, командир партизанского отряда «За свободу советской Белоруссии» неприветливо встретил появление Ивана Фролова. Он даже не пожал ему руки, а головой кивнул на его приветствие и коротко бросил, что очень занят, что поговорит с ним, когда освободится. В тот момент он о чем-то беседовал с каким-то мужчиной, интеллигентного вида и в очках на носу. Фролов спокойно отошел в сторону, выбрал себе место поближе к костру, который горел прямо в помещении старой мельницы, подстелил себе солдатское одеяло, сел на него и углубился в свои мысли. Наперсток свой ППД поставил к стене, но так, чтобы автомат был бы под его рукой, и с шутками и прибаутками принялся готовить чай на всех.

Дима внимательно осмотрел внутреннее помещение здания,

которое называлось Старой мельницей. С приходом Красной Армии в Западную Белоруссию владелец этой мельницы поляк мельник бросил ее, собрал вещи и вместе с большой семьей уехал в оккупированную немцами Польшу. В течение месяца мельница, вдруг ставшая бесхозной, была местными крестьянами разграблена до ниточки, нашлись даже чудаки, которые выломали тяжеленные жернова и увезли их в свое хозяйство.

Сейчас от мельницы остались одни каменные стены, поэтому партизанский костер горел на земле, весело потрескивая, и согревая еще восемь человек, дремавших поблизости, шестерых парней и двух девчонок. Дима успокоился, когда увидел одну из девчонок, Настюху, младшую сестру Кольки Примакова. Родители их померли всего лишь год назад, а сестра и брат стали комсомольскими активистами. Первыми отзывались на партийные и комсомольские призывы, не забывая при этом агитировать своих односельчан вступать в колхоз. Когда началась война, то Колька и Настюха первым пришли в комсомольский Истребительный батальон, чтобы бороться с фашизмом!

Заметив появление Димки Лукашевича, Настя Примакова приподнялась на локтях и приветливо помахала ему рукой. Со своим братом этой девчонке почему-то всегда было скучно и неинтересно. Но с появлением в ее жизни Димки Лукашевича, Настя сразу же заметила, насколько ей были интересны его мысли и высказывания! Да, и мальчиком он оказался интеллигентным, даже когда они оказывались наедине, не лез со своими поцелуями, а руками за пазуху! Хотя, что касается поцелуев, то Настя была бы не против того, если бы Димка иногда решился бы на этот подвиг!

— Привет, где пропадал? Мне показалось, что тебя целую вечность не было в отряде? Дим, устраивайся рядом со мной. Слушай, Димка, а тебе здорово идет эта форма немецкого солдата! Ты в ней сейчас прямо, как настоящий немец! Но почему ты, Дим, одет в эту форму?

— Привет, Настя, рад тебя снова увидеть! Был в городе! Сегодня немцы появились в Лиде. Вот и пришлось нам пробираться в отряд, переодевшись в немецкую форму!

— И как они, немцы? Как они ведут себя в городе?

— Да, никак! Ведут себя, как настоящие завоеватели вселенной! Ходят, задрав свои носы к небу! Вокруг себя ничего не видят! Но я должен тебе, Настя, откровенно признаться в том, что вот танков, бронетранспортеров и самолетов у них имеется действительно много! Нашим будет трудно с ними воевать!

— Ну, а как солдаты, я думаю, что немцы в бою не так уж хороши, как наши красноармейцы! Я только не понимаю, почему

наши войска тогда отступают? Красная Армия должна была бы их где-нибудь остановить, пару раз накостылять им по шее. Вот тогда бы немцы и побежали! А мы в свою очередь Красной Армии бы помогли, чтобы немцы быстрее от нас бы бежали!

— Не все так просто, Настенька! Я то же, как и ты сейчас, совсем недавно также думал о том, что нам нужно остановить немчуру, красноармейским сапогом крепко ей поддать под самый зад! Но, как, оказывается, победить в большой войне, это большой и длительный процесс! Мы, наша Красная Армия, должны пройти все этапы этого процесса, должны научиться хорошо воевать! И только тогда мы сможем выбросить немецких оккупантов с нашей земли!

— Хорошо ты говоришь, Дима! Я все понимаю, что ты сейчас мне рассказал. А то, когда Колька начинает трещать о нашей победе, то у него одно слово на другое слово насаживается, но совершенно не понятно, что этим он хотел сказать! После его выступлений мне не верится, что мы когда-либо победим!

— Хорошо, Настя! А чем ты сама занималась эти два дня, пока меня в отряде не было?

— Да, ничем особенным и не занималась! Можно было бы сказать, готовила на кухне для ребят и спала! Твой же отец, Иван Семенович, характером, видимо, больше на моего брата, Кольку, похож! Только мой брат много говорит, но не понятно, чего же именно он хочет сказать! Твой же отец, Дима, все время молчит, но он любит одно совещание за другим проводить по разным вопросам! Поэтому ему времени не хватает на то, чтобы, скажем, боевой учебы бойцов отряда организовать! Я хотела бы научиться из винтовки метко стрелять, а учить-то нас некому и некогда! А последнее время, Семен Иванович, начал всего бояться. Кто бы к нему не приходил, ни с кем не разговаривает, пока его заместитель не поговорит с этим просителем.

— Настя, я неплохо знаю своего отца! Согласен, иногда он бывает нерешительным. Но обычно это случается тогда, когда он занимается делом ему непонятным или совершенно незнакомым! Но и тогда нерешительность у него быстро проходит, как только он начинает осознавать, что и чему в том или ином деле! Но вот последнее, о чем только что говорила, что он отказывается встречаться с людьми, пока с ними не переговорит его заместитель, — это что-то совершенно новое для меня появилось в характере моего отца!

В этот момент Наперсток приготовил чай, всех бойцов отряда он пригласил пить чай с медом. Ребята и девчата начали просыпаться, подниматься на ноги, чтобы перейти к костру, где Наперсток уже начал разливать чай по кружкам. Ножом он соты с

медом разрезал на куски, каждому желающему попить чаю он вручал кусок сота с медом.

Фролов остался на своем месте, ему хорошо дремалось, ему также совершенно не хотелось пить чая. Но та команда, которую Наперсток собрал у костра, привлекла его внимание. Парни и девчонки собрались кружком вокруг костра, они трепались о чем-то своем. Иногда от костра слышался веселый смех этих парней и девчонок! Он уже собрался перейти к костру, как в этот момент в проеме дверей мелькнула чья-то тень. Иван мгновенно насторожился, его рука сама собой коснулась рукоятки «Вальтера» в кармане пиджака. Но эта его предосторожность оказалась напрасной, так как эта тень заговорила нормальным человеческим голосом:

— Товарищ командир, на наш пикет вышла группа красноармейцев и командиров Красной Армии. Они хотят с вами встретиться!

— А вы поинтересовались, по какому вопросу они хотят с мной встречаться? — Поинтересовался Семен Лукашевич, поднимая голову от карты, над которой работал вместе с очкариком.

— Так точно, товарищ командир! Им нужна медицинская помощь, у них много раненых! А также они очень голодны, третий день ничего не ели! — Ответила тень, в которой Иван Фролов, наконец-то, узнал ястребка Федора Пиктеева.

— Товарищ Пиктеев, не могли бы вы этим товарищам вежливо посоветовать, чтобы они шли дальше своей дорогой. — Вдруг подал голос очкарик, причем, он говорил командным голосом, словно отдавал приказ. — Вы же сами прекрасно знаете, что у нас ничего нет! Мы голы, как соколы, и по лекарствам, и по медицинским работникам, и по продуктам! Ничего, кроме гречки, у нас попросту нет. А такое большое количество людей мы попросту не в силах накормить!

— Но у нас же есть две медсестры, вата и бинты! Да и картошки у нас столько, что можем полк накормить! — Подал голос Федор.

Но на него тут же зашипел, Семен Иванович Лукашевич. Он грозно насупил брови и строго приказал:

— Рядовой стрелок Пиктеев, выполняйте, что вам приказал заместитель командира отряда, товарищ Николаев!

Федор Пиктеев попытался козырнуть в ответ, он четко выполнил поворот через левое плечо, чтобы отправиться в наряд и передать отказ красноармейцам. Иван Фролов поднялся на ноги и возмущенно приказал:

— Федор Пиктеев приказываю вернуться, ждать дальнейших

распоряжений! — Затем он повернулся в сторону Семена Лукашевича и вежливо поинтересовался. — Что происходит, Семен Иванович, не понимаю, откуда у вас вдруг появился заместитель с правом отдавать непосредственные приказы бойцам партизанского отряда?! Не могли бы вы мне пояснить, почему вы приняли такое серьезное решение, предварительно не согласовав его со мной? А вы, товарищ Николаев, прошу вас мне представиться!

— Да, кто вы такой, чтобы обрывать командира партизанского отряда! Требовать, чтобы я вам представился! Да, и почему вы одеты в форму немецкого майора? Бойцы, я вам приказываю взять под стражу этого немецкого шпиона!

В этот момент Николаев не обращал ни малейшего внимания на то, что Семен Лукашевич осторожно дергал его за рукав гимнастерки, желая охладить действия своего заместителя. Но было уже поздно, того понесло, Николаев уже ни на что не обращал внимания. Он только застыл на мгновение, ожидая, что бойцы бросятся выполнять его приказ. Но ни один боец даже и не тронулся с места, никто не отставил в сторону в сторону кружки с чаем. Все бойцы с громадным любопытством в глазах наблюдали за тем, как будет дальше развиваться этот скандал! В какой-то момент Николаев, видимо, все-таки сообразил, с кем он сейчас имеет дело.

Фролов вдруг почувствовал, как изменилась атмосфера в помещении, ему даже показалось, что кто-то пытается воздействовать на его сознание. Ему не стоило особого труда установить, что этим некто был сам Николаев, который, как оказалось, был наделен небольшим даром гипнотизера. Сейчас он пытался каким-то образом воздействовать на сознание Фролова, тем самым подчинив его себе! Ивану пришлось прибегнуть к помощи своего ментального щупа, чтобы проникнуть в сознание Николаева! Он хотел нейтрализовать все его попытки, подавить его мышление и сознание! К тому же ему страстно захотелось выяснить, кто же Николаев такой на самом деле?!

Практически уже через мгновение Иван Фролов узнал, что он столкнулся с представителем одного из мифических подразделений немецкой военной разведки Абвера, так называемой службы изучения и применения новейших технологий. Эта Абверовская служба совместно с Немецким обществом по изучению древней германской истории наследия предков, более известным, как Аненербе, в повседневную практику разведывательной работы внедряла агентов, обладающих необычными талантами и дарами. Николаев или капитан Абвера Тимоти цу Эриксон обладал способностью

вводить свой головной мозг в особый режим работы, который позволял ему воздействовать, изменять состояние сознания другого человека. Практически он мог любого человека вводить в состояние бодрствования, сна и сна со сновидениями, что в свою очередь позволяло ему, заставить этого человека принять нужное ему решение.

Капитан Тимоти цу Эриксон являлся кадровым сотрудником «Бюро Целлариуса». Оказывается, «Бюро Целлариуса» вплотную занималось разработкой Мориса Берньньша, как агента секретной службы английского короля, собираясь его использовать в качестве резидента Абвера в Северной Европе. Только недавно, всего за неделю до начала войны, Абверу стало известным, что Морис Берньньш погиб во время перестрелки с агентами НКВД. Поэтому Тимоти цу Эриксон, прекратив свою подготовку в разведшколе Абвера, срочно направили под Лиду. Командование Абвера ему поставило задание, установить действительную информацию о том, где и как погиб рижанин Берньньш. Узнать, кто стал его преемником. Тимоти цу Эриксон под маской капитана НКВД, особиста 7-й танковой дивизии 10-й армии, было поручено втереться в доверие возможному преемнику Мориса Берньньша, стать его доверенным человеком. Отбывая в Лиду, немецкий капитан Тимоти цу Эриксон имел единственную достоверную информацию, что деньги Мориса Берньньша каким-то образом использовались НКВД на организацию партизанских отрядов на Гродненщине.

Получив всю необходимую информацию из сознания Николаева, Иван на секунду задумался. Прежде всего, он был вынужден самому себе признаться в том, что в данную минуту он оказался, не совсем готов к такому интересному повороту дела, имея в виду этого капитана Абвера! Фролов был попросту не готов, чтобы работать вместе с Тимоти цу Эриксоном, чтобы развивать его и свои способности. Капитан Тимоти цу Эриксон был серьезным и опытным противником, малейшая ошибка в работе с ним вела к смертельному исходу его оппонента. Ивану Фролову требовалось дополнительное время, чтобы лучше изучить характер своего противника, найти к нему подходы и только после этого начинать с ним экспериментировать. Но этого времени сейчас распоряжении Ивана не имелось, оставлять же дело Николаева в замороженном виде до лучших времен было бы для Фролова очень опасным делом! В настоящий момент ситуация складывалась таким образом, что единственным и наилучшим выходом из этого положения для Ивана была бы ситуация, в которой капитана Абвера Тимоти цу Эриксон попросту не существовало бы! В переводе на простой язык, это

означало, что этот немец должен был сейчас умереть!

Фролов не успел даже вытащить свой «Вальтер» из кобуры, как в помещении Старой мельницы прозвучал негромкий хлопок выстрела. Это капитан Тимоти цу Эриксон стрелял в свой висок, он каким-то непостижимым образом сам разобрался в создавшейся ситуации. Он воспользовался дедовским наганом, чтобы покончить собой! Этот капитан Вермахта, не желая, видимо, стоять перед строем расстрельной команды, сам привел в исполнении приговор, вынесенный ему судьбой и неким Вальдемаром Косински!

Глава 4

1

Федор Пиктеев быстро довел Ивана Фролова до небольшого лесного овражка, сплошь заросшего густым и колючим кустарником. В этом овражке располагался пост секрет, охранявший подступы к временному партизанскому лагерю со стороны Молодечно. Молодой партизан, молча, показал Ивану два пальца и рукой, также молча, ткнул в сторону оврага, что в переводе на гражданский язык означало, что кордон, в составе двух других партизан, сейчас скрывается в этом овраге. Они прошли мимо овражка еще около сотни шагов, пока не увидели небольшую группу красноармейцев. Те расположились прямо на земле, сидели кружком и, завернувшись в плащ-палатке, закрыв глаза, то ли дремали, то ли, ожидая чего-то, углубились в свои мысли.

Сделав Ивану Фролову жест рукой, чтобы он остановился, подождал бы его, Федя подошел к красноармейцам и негромким голосом произнес:

— Товарищ лейтенант, командир нашего партизанского отряда готов с вами встретиться и ответить на ваши вопросы!

— Ладно, партизан, показывай мне своего командира! — В ответ пробасил мужской голос.

С земли поднялась мощная фигура человека с плащ-палаткой на мощных плечах, на груди висел немецкий «шмайсер», который на груди этого человека казался детской игрушкой. А на его лысой голове уверенно сидела красноармейская пилотка с красной звездой. Несколько шагов до Фролова лейтенант прошел так, что не хрустнула ни одна сухая ветка под его ногой, не смотря на то, что он обладал мощным и тяжелым телосложением. Из чего Иван сделал вывод, что этот командир Красной Армии не понаслышке был знаком с жизнью в лесу, умел и знал, видимо, как следует охотиться на лесную дичь. Рукопожатие этого человека было крепким, но одновременно теплым и каким-то дружеским!

— Здравствуй, товарищ партизанский командир! — Тут же прогудел лейтенантский бас. — Разрешите представиться лейтенант Лев Домбровский, 5-й разведывательный батальон 5-й танковой дивизии вместе с группой красноармейцев в составе восьми рядовых пробиваюсь к своим.

— Майор Горчаков, Александр Иванович, центральное

управление НКВД СССР. Ответственный по организации партизанского движения в Лидской области Белорусской ССР. Что вас, товарищ Домбровский, привело в наши белорусские леса? Какую помощь желаете от нас получить?

— Война, Александр Иванович! Война заставила нашу танковую дивизию покинуть свой военный городок в Литве и с боями прийти в Белоруссию. После того как нашу 5-ю танковую дивизию передали в 13-ю армию, и после танкового боя на шоссе Ошмяны — Молодечно, мне с моими красноармейцами приходится скрываться в лесах. Мы никак не можем найти нашу дивизию, чтобы в нее вернуться и продолжить нашу службу. В этой связи я полагаю, что передо мной стоит задача, разыскать свою дивизию, вернуться в строй ее бойцов. Мы уже две ночи бродим по белорусским лесам, любая наша попытка покинуть лес тут же пресекается немцами! Так что к настоящему моменту мы сильно оголодали! Товарищ майор, было бы совсем неплохо нас немного подкормить, а потом мы могли снова отправиться на поиски своей дивизии.

В этот момент из-за туч проглянула луна, на очень короткое время эта ночная предательница осветила землю под собой. В этом лунном свете лейтенант Домбровский вдруг разглядел, что его собеседником является майор немецкой армии. Лев инстинктивно ухватился за свой «шмайсер», но стрелять не стал, продолжил разговор, направив ствол автомата в живот собеседнику. Честно говоря, Ивану совершенно не понравилась идея продолжать разговор под дулом автомата. Он был готов упасть на землю, перекатом через плечо уйти из зоны автоматного обстрела! Но хорошо понимал, что подобным поведением он лишь похоронит саму идею переговоров с красноармейцами, поэтому сдержал себя!

— Что, лейтенант, не выдержали нервы при виде человека в мундире немецкого офицера? — Сухо поинтересовался Иван Фролов.

— Не беспокойтесь, господин майор! Если вы враг, то живым вы от меня не уйдете! Если вы наш друг, то мы друг друга поймем, и продолжим наш разговор! Итак, господин майор, вам решать, кто вы есть, враг или друг нам?

— Ну, что ж вы, лейтенант, поставили передо мной очень тяжелую задачу?! — Задумчиво произнес Иван Фролов. — Но я попытаюсь ее решить!

Иван Фролов хотел было рассказать этому молодому лейтенанту Домбровскому всю историю своих похождений после тюрьмы, но этот рассказ мог занять очень много времени! А вот времени ни у него, ни у лейтенанта в запасе не было. Тогда он

решил ограничиться рассказом о том, как он встретил и похоронил лейтенанта Кузнецова, о его гибели в танковом бою, и о гибели всех членов экипажа его танка БТ-7.

— К сожалению с лейтенантом Кузнецовым я не был знаком, хотя по роду службы мне частенько приходилось бывать в 9-м танковом полку нашей дивизии. Знаю только, что он, как и я, только что пришел в дивизию. Кузнецов окончил пермское танковое училище, а я — киевское пехотное. Но мы, видимо, оба вместе в одном и том же бою потеряли связь с нашей дивизией! Ну, что ж, пусть земля будет пухом лейтенанту Кузнецову и его боевым товарищам! Мы их никогда не забудем и за них обязательно повоюем! Товарищ майор, я думаю, что мне следует вам поверить, так как ни один фашист не будет спасать советского тяжелораненого танкиста!

— Что ж в таком случае, вот вам еда на твое отделение красноармейцев! — С этими словами Иван Фролов сбросил с плеча сидор, по завязки забитый хлебом, копченой рыбой и мясом, репчатым луком и салом. — Да, лейтенант, ты не мог бы сказать, а как у тебя и у твоих бойцов обстоит дело с оружием?

— Нормально, товарищ майор! На один бой вполне хватит! Отправляясь на разведку, мы взяли с собой по два боекомплекта на брата! Жратвы не брали, а вот патронов и гранат взяли с достатком. Да и во время шатания по лесу, мы без дела не оставались. Пошабуршим здесь, пошабуршим там, двоих — троих немцев отправим на тот свет, а они нам в подарок оставляют свои автоматы и винтовки. Я вижу, что у тебя на ремне висит одна только кобура с пистолетом, хочешь, я тебе немецкий пулемет подарю, или нашу снайперскую винтовку?!

В этот момент их разговор был прерван появлением Федьки Пиктеева, он подошел и на ухо Ивана Фролова тихо прошептал:

— Командир, в лесу появились чужие люди! По форме, ни наши, ни немцы! Но ведут себя очень осторожно. Да и, похоже, что они хорошо этот лес знают. Не смотря, на наступившую темноту, они себя в лесу хорошо чувствуют и в нем очень свободно себя ведут! Их примерно тридцать пять — сорок человек. Они вооружены винтовками и карабинами, а также у них есть 8 автоматов и 5 ручных пулеметов. Направление этот отряд держат на Старую мельницу!

На долю секунды Фролов задумался, в своей памяти он воссоздал карту местности, а затем Федора также тихо поинтересовался:

— Направление движения, где они сейчас находятся?

— Они от нас на Северо-востоке, примерно, в километре. Иными словами, мы у них почти за спиной. Но из-за болота путь у

них до Старой мельницы более длинный, чем у нас! Так что мы можем ударить им в спину, или встретиться с ними лицом к лицу!

— Мужики, вы, о чем там шепчетесь? Я все равно все слышу. Сейчас я займусь распределением продуктов среди своих бойцов. Они обязательно должны что-либо перекусить перед боем! И для твоей информации, майор, нас, вместе со мной, девять бойцов, пять стрелков, двое автоматчиков и два пулеметчика на РПД. Через десять минут мы будем готовы к маршу, сможем идти по любому направлению, на любое расстояние.

Фролов посмотрел на свои командирские часы, они показывали одиннадцать часов вечера пятого дня войны, 27-го июня 1941 года. Если судить по скорости передвижения по лесу этой группы, то, если ее целью является партизанский лагерь на Старой мельницы, то бойцы этой группы смогут на него напасть в районе трех-четырех часов утра! Это было самое удачное время для нападения. Люди в эти утренние часы с трудом просыпаются, они не могут мгновенно выйти из сонного состояния, поэтому плохо координируют действия своего тела. Да и свои силы они плохо концентрируют и распределяют в это столь раннее утреннее время!

В этот момент в сознании Ивана вдруг возникло изображение лица вахмистра фельджандармерии Герберта Фишера. Некоторое время крупный план лица этого немецкого фельджандарма стабильно продержался в его сознании, а затем изображение начало как-то странно подмигивать, словно хотело, о чем-то ему напомнить. Этого малого мгновения вполне хватило Ивану на то, что связать в единое целое не очень-то приятный разговор с капитаном Картингом, а затем несколько странный разговор с вахмистром фельджандармом на выезде из Лиды. Если сложить эти мелкие факты вместе, то что-то подсказывало Ивану Фролову о том, что или в самом партизанском отряде, или в его окружении появился агент Картинга, который сдал его с потрохами! Да и к тому же Ивану Фролову слишком часто стал встречаться этот капитан Абвера на его пути, с ним нужно было кончать!

— Федор, снимай своей секрет. Пускай, ребята, уходят в северо-западную часть леса. Там в свое время была охотничья землянка! — Федор согласно кивнул головой, подтверждая слова Ивана. — В этой землянке зарыт небольшой склад продуктов. Да ты, Федор, и сам знаешь, где он находится! Прикажи им, ждать нашего появления, да и заодно прикажи им приготовить на завтра, на утро завтрак на двадцать человек! После чего, лети бегом к Лукашевичу, он с отрядом должен выдвинуться к

бобровой плотине, там мы и встретимся!

Когда Федор исчез в лесных зарослях, Иван Фролов направился к месту расположения группы красноармейцев лейтенанта Домбровского. Они продолжали сидеть, аккуратно и, не торопясь, ели бутерброды, которые им готовили два бойца. Эти бойцы огромными ножами разрезали хлеб на ровные куски, на кусок хлеба бросали сало или копченое мясо. Увидев Фролова, лейтенант Домбровский взял только что приготовленный бутерброд и, молча, его протянул Ивану.

— Ты мне обещал пулемет! — Только успел Иван Фролов произнести эти слова, как его зубы кровожадно сомкнулись на бутерброде.

Фролов стоял и наблюдал за тем, как лейтенант Домбровский грамотно, по-армейски готовил огневые позиции своего отделения. Три пулемета, один из них станковый «Максим» он установил прямо на дороге, перекрыв дорогу также пятью своими красноармейцами и восемью ястребками. Два РПД и пять красноармейцев он разместил на вершине невысокого кургана справа от дороги. Затем Лев долго объяснял сержанту, мрачноватому на вид парню, когда тот должен был своими людьми вступить в дело.

Когда оборона была построена, сектора обстрелов были определены, Семен Лукашевич вместе с лейтенантом Домбровским принял на себя командование главным сектором обороны. На этот сектор должен был прийти основной удар противника. Иван Фролов и Дмитрий Лукашевич как бы оказались без определенного дела, они стали свободными охотниками, то есть они должны были сами определить, чем же будут заниматься в этом бою. Лев Домбровский, как и обещал, принес и передал Ивану немецкий пулемет МГ34 и немецкую снайперскую винтовку К98. Недолго думая, Иван Фролов взял и пулемет, и снайперскую винтовку.

Иван Фролов вместе с Дмитрием расположились на левой стороне дороги, за плотиной. Их огневые точки находились на самой вершине невысокого прибрежного косогора с лысой вершиной. С этой позиции они хорошо просматривали подступы к плотине, по которой должна была пройти полурота капитана Леопольда Картинга. Но опять-таки, если, разумеется, именно его полурота сейчас шла к Старой мельнице. Пока у них еще оставалось время, то Фролов и Дима принялись копать себе окопы для одиночного бойца на расстоянии трех метров друг друга. Когда два окопа были вырыты примерно по грудь каждому, то они над своими окопами соорудили нечто подобие копны из скошенной травы.

— Семен? — Иван мысленно позвал старшего Лукашевича, которого он только что сделал телепатом.

— Да, я тебя, Ваня, хорошо слышу! — Дрожащим голосом ответил Иван Семенович.

Дима Лукашевич рассмеялся, он вспомнил, как его отец, Семен Иванович Лукашевич страшно испугался решения Фролова сделать его телепатом. Тогда старший Лукашевич окончательно пришел к выводу о том, Иван Фролов имеет самое непосредственное отношение к нечистой силе, если может научить нормального человека слышать и понимать замогильные голоса.

— Мы готовы к бою, Семен! Передай лейтенанту, что противник должен появиться примерно через час двадцать минут. Вы можете открыть огонь сразу же после моего выстрела!

2

Фролов, как только различил первые фигуры в камуфляже, вдруг промелькнувшие на дороге в предрассветном тумане, то он сразу же догадался о том, что это не обычное вермахтовское подразделение, а опять-таки подразделение специального назначения полка «Бранденбург 800». В этот момент фигура человека, шедшая впереди группы, с ног до головы закутанная в камуфляжный костюм зеленого цвета с подпалинами, настороже замерла на обочине дороги с винтовкой, приклад которой был уже приставлен к плечу. Осмотревшись, эта фигура подняла ладонь правой руки кверху, а руку согнула в локте, указывая направление движения, другим бойцам своей группы. В ответ на этот сигнал, из придорожных кустов на дорогу бесшумно скользнула группа в четыре человека, вооруженная «шмайсером» и тремя карабинами. С оружием наперевес эта четверка ловко заскользила по дороге, придерживаясь более или менее затемненных мест этой дороги.

— Командир, — послышался мысленный голос Дмитрия Лукашевича, — это именно то, что ты и хотел увидеть! Абверовские диверсанты на тропе войны! Перед нами снова группа диверсантов господина капитана Картинга! Абверовский капитан собственной персоной и его сопровождающие лица!

Эту реплику Димы, сделанную в мысленном диапазоне, услышал не только Иван Фролов, но и его отец, Семен Лукашевич. Он был совсем рядом, пристроился вторым номером к лейтенанту Домбровскому, легшему за станковый пулемет «Максим». Семен Иванович тут же шепотом предупредил своего

первого номера о том, что враг уже находится почти рядом с их позициями, что нужно быть готовым в любую секунду открыть огонь по противнику, а сам в это же время продолжил мысленный разговор с сыном:

— Дим, а ты не мог бы мне более толково объяснить, как же эти боевики на деле выглядят?

Пока Дима Лукашевич занимался политграмотой своего отца, в деталях ему рассказывая и описывая, как выглядят немецкие диверсанты, какие перед ними ставят боевые задачи, об их весьма специфичном поведении в бою, сами немецкие диверсанты в своей полной красоте и таинственности появились на лесной дороге. Авангард этой группы, продвигаясь вперед, соблюдал все меры предосторожности, он шел с оружием наизготовку, в любой момент был готов открыть огонь на поражение противника. Основная же часть этой группа диверсантов двигалась по дороге более расслаблено, чем положено. Не смотря на то, что каждый ряд немцев продвигался по дороге, придерживаясь только своей стороной дороги, они умудрялись переговаривать, шепотом, но обменивались друг с другом различными вульгарностями по отношению к своему противнику, красноармейцу.

Когда Фролов заметил, что за двумя цепочками диверсантов, сзади них двигаются еще две советские полуторки с минометами, и с несколькими подводами для раненых, то он подумал, что в подразделении спецназа обер лейтенанта Леопольда Картинга не все в порядке! Его диверсанты, да и, видимо, он сам не совсем с уважением относятся к бойцам и командирам Красной Армии! К тому же этот механизированный хвост колонны диверсантов полностью выдавал их точное местонахождение в лесу, рано или поздно за такое отношение к своему противнику этим немцам придется дорого заплатить!.

Авангард противника достиг поворота налево, который вел к бобровой платине, которая на многие километры вокруг была единственным мостом для переправы через речку Дитва. Вперед снова выдвинулась четверка вражеских разведчиков, которые быстро и вполне профессионально обследовали этот поворот дороги. И, видимо, разведчики остались недовольны этим своим обследованием, они прямо на дороге устроили двухминутное совещание по этому поводу. После совещания эта четверка развернула колонну диверсантов с тем, чтобы он прошла по дороге, находившейся глубже налево от себя, то есть эта колонна могла выйти на курган, на котором в засаду залег тот мрачный сержант со своими пятью красноармейцами. Но опять-таки, как будто нарочно, у Ивана Фролова с этой группой не было телепатической связи, в группе сержанта телепатов не было! Об

этом догадался и Дима Лукашевич, паренек беспокойно заворочался в своем окопчике, того и гляди копна сена над ним могла соскользнуть в сторону.

— Дима, ты не мог бы полежать более спокойно! Не дай бог, сено разворошишь над своей головой! Увидев тебя, немцы испугаются и постараются тебе показать, где раки зимуют! Не забывай, мы с тобой первыми открываем огонь, остальные начнут стрелять по немцам, только после наших выстрелов! Ты меня понял, Дима?

— Так точно, товарищ командир!

Иван Фролов тут же в мысленном режиме поинтересовался у Семена Ивановича:

— А вы, Семен Иванович, понимаете, что может сложиться такая ситуация, когда я с Димой должен буду взять на себя основной удар этих немецких диверсантов! Вам же с лейтенантом Домбровским придется тогда принимать решение в соответствии со сложившейся обстановкой! Будете или не будете вы выдвигаться вперед, чтобы станковым пулеметом обстрелять эту полуроту немецких диверсантов, тем самым нам помочь, то уж это вы сами решайте!

— Иван, да ты не беспокойся по этому поводу. Я уже рассказал Льву о возможных вариантов того, как будет складываться боевая обстановка. Он считает, что, если нечто подобное произойдет, то наша группа обязательно выдвинется вперед, чтобы помочь тебе и сыну! Что же касается сержанта и его бойцов, то лейтенант Домбровский сказал о том, что этот сержант воюет с первого дня войны, поэтому он знает, что нужно и когда это нужно делать в той или иной ситуации!

3

Фролов стоял, прикрываясь стволом сосны, и наблюдал за действиями разведки противника. После мысленного общения с сыном и отцом Лукашевич, в ходе которого он обсудил возможные варианты развития боевой обстановки, на него вдруг снизошло полное спокойствие. Иван хорошо помнил, как он сильно волновался, впервые встретившись с немецкими мотоциклистами в лесу, или перед первым боем с немецкими диверсантами. С момента такой неожиданной и такой преждевременной смерти своей Марии прошла ровно неделя. За это время Иван Фролов несколько изменил свое отношение к своей же жизни. Нет, он не стал по залихватски к ней относиться, мол, ему любое море по колено, делаю, что захочу, или поступаю,

как пожелаю!

Просто девятнадцатилетний Иван Фролов стал гораздо более сдержанным в выражении своих чувств человеком. Он как бы повзрослел, заматерел, его близкие товарищи, а многие из них были гораздо старше его по возрасту, часто воспринимали его, девятнадцати летнего парня, как человека, умудренного жизненным опытом, с которым можно посоветоваться по любым жизненным вопросам. Семен Лукашевич воспринимал его, как своего старшего сына, но в тоже время он не стеснялся с ним беседовать на темы, которые могли интересовать людей в более пожилом возрасте или стариков. Да и внешне Иван Фролов выглядел сейчас не девятнадцатилетним юношей, а вполне взрослым тридцатилетним мужиком!

Фролов стоял, держал в руке травинку, и как бы ею поигрывал пальцами руки, он внимательно наблюдал за действиями этой настырной вражеской разведгруппы. Сейчас он снова сменила направление своего следования, снова сменила позицию. Еще какой-то десяток шагов, и эта четверка появится прямо перед позицией, которую сейчас занимал мрачноватый сержант со своей пятеркой красноармейцев. Иван решительно травинку сунул в рот, в руки взял немецкий карабин с четырехкратным снайперским прицелом.

Теперь в прицел он хорошо видел лицо сержанта, видел, как судорожно сокращались его лицевые мускулы. Видимо, в этот момент сержант беззвучно матерился, умоляя всех богов, чтобы эти проклятые немцы не заметили бы его группы, не перестреляли бы их всех на глазах их же товарищей! Иван попытался мысленно внушить этому сержанту спокойствие, не спешить со вступлением в бой, а выбрать удачный момент и по группе диверсантов нанести огневой удар из всего своего оружия.

Так и не разобравшись, удалось ли ему внушить сержанту спокойствие или нет, Фролов принялся через прицел снайперской винтовки разыскивать вражеский разведчиков. Ему повезло первым, в прицел его снайперской винтовки попал лидер группы немецких разведчиков, тому оставалось только пройти только через кустарник, и он тогда бы появился бы прямо перед огневой позицией красноармейцев! Иван поинтересовался, мысленно обращаясь к Диме:

— Дима, ты готов открыть огонь по противнику?

— Так точно, командир! Держу на прицеле трех фрицев!

— Хорошо! После моего выстрела, можешь и ты стрелять!

Лидер вражеских разведчиков собрался сделать еще одну перебежку до следующего куста, как негромкий хлопок винтовочного выстрела его остановил. Удивленный этим

выстрелом, немец выпрямился во весь свой немалый рост, словно он собрался с его высоты найти этого нарушителя лесной тишины, его наказать, но в этот момент он лицом с красной точкой во лбу неожиданно вдруг рухнул в придорожную траву. Трое других немца так и не отреагировали на этой слабый по звуку выстрел из немецкого карабина Маузер 98к, они, уже действуя больше по инерции, придерживаясь лесной тени, продолжали двигаться к кустарнику, за которым открывалась панорама огневой позиции сержанта и пяти красноармейцев.

Три выстрела, последовавшие один за другим, покончили с этой группой разведчиков, они также покончили и с лесной тишиной. Последовали две коротенькие очереди «шмайсера», каждая в два патрона, еще два немецких диверсанта свалились мертвыми телами прямо на обочину лесной дороги. Последовал пятый, очередной винтовочный выстрел, снайпер немецкой диверсионной группы решил отреагировать на выстрелы неизвестного пока противника. Он попытался перебежать дорогу, так как, по его мнению, с другой стороны дороги было бы лучше видна позиция вражеского снайпера, но споткнулся на ее середине, выронил из рук свою снайперскую винтовку и, широко раскинув руки, он носом как-то деревянно ткнулся в тележную колею этой лесной дороги. Остальные немецкие диверсанты тут же растворились в лесных зарослях.

Пока Иван Фролов перезаряжал свою снайперскую винтовку, Дима Лукашевич длинной автоматной очередью обстрелял минометный расчет 50 мм ротного миномета. С первыми же выстрелами два диверсанта бросились к грузовикам, сняли с него свой миномет, чтобы его попытаться установить посередине этой дороги. Дмитрию удалось убить командира этого расчета, ранить в ногу заряжающего. Первый громкий стон этого раненого немца разнесся над полем боя. А Дима в этот момент уже обстреливал подозрительный кустарник, после обстрела из кустарника выпал еще один снайпер. Этот немец упал на четвереньках и быстро пополз, перебирая коленями, чтобы спрятаться в ближайшем кустарнике.

Перезарядив снайперскую винтовку, Иван снова прильнул к ее прицелу, он принялся внимательно, одно за другим осматривать густую лесную растительность и кустарники вдоль дороги, которыми немецкие диверсанты могли бы воспользоваться в качестве укрытий для ведения огня по своему противнику. Но уже через некоторое время Фролов убедился в том, что все эти места оказались безлюдными, там никого не было. Иван про себя чертыхнулся, опять все стало походить на то, что эти чертовы немецкие диверсанты не желают воевать с

регулярными подразделениями противника, им подавай возможность нанести скрытые и внезапные удары по своему противнику.

Немецкие части специального назначения привыкли работать по принципу, нанес удар по врагу в его слабое место, нанести ему кое-какой урон в живой силе и в боевой технике, а после этого они должны были бежать, скрываться, не подставлять себя под удар более сильного противника! Но этот постулат хорошо работал именно тогда, когда имеешь дело с противником, который является регулярным подразделением противника, а ты имеешь над ним численное преимущество. Но в данном случае противник этих немецких диверсантов не отвечал требованиям этого постулата!

Как бы отвечая на этот вопрос Фролова, примерно в четырехстах метрах от него мощной волной зашевелилась трава. Это, примерно, десять спецназовцев капитана Леопольда Картинга пошли в атаку на позиции своего врага.

Иван Фролов отложил в сторону снайперскую винтовку, взял в ручки ручной пулемет МГ34. Тот ласково своим прикладом прильнул к его плечу, правым большим пальцем Иван отжал кнопку предохранителя и перевел его в положение «открытие огня». Также правой рукой он перевел в крайнее нижнее положение переводчик автоматического ведения огня, потянул на себя рукоятку заряжания и тут же ее отпустил. Все было готово к открытию огня, оставалось только дождаться момента, когда немецкие диверсанты поднимутся на ноги, чтобы рвануть на него в атаку.

— Товарищ командир, — послышался голос Димы в мысленном диапазоне, — возможно мне это показалось, но к немцам подошло подкрепление. Это подкрепление будет нас атаковать с левого фланга. Если вы не возражаете, то я на всякий случай сейчас поменяю свою позицию, на вас оставлю диверсантов, а сам займусь этим подкреплением, словом, я перехожу на левый фланг.

— Я не против! — Односложно ответил Иван. — Но ты, Дима, не очень-то увлекайся ведением огня с одного и того же места. У немцев для этого имеется еще один ротный миномет. Поэтому прошу тебя, чаще менять свою огневую позицию!

— Сынок, ты уж там осторожней! Не очень-то открывайся перед этими фрицами! — Откуда-то издалека донесся голос старшего Лукашевича!

Фролов решил не вмешиваться в разговор сына и отца, чтобы еще раз им напомнить, что сейчас идет настоящий бой, что нельзя время тратить на семейные переговоры. В этот момент в

центре десятка немцев поднялась на ноги и пошла в атаку. МГ34 басовито прогудел в его руках, короткой очередью в пять патрон, в сторону поднимающихся на ноги фрицев. Ивана всего передернуло, когда он увидел, что голова одного из немцев бегущего в камуфляже лопнула, словно арбуз, облаком красного сока, от прямого попадания пулеметной пули. Переведя ствол пулемета чуть в сторону по направлению группы в три диверсанта, Иван Фролов снова выжал курок пулемета, снова басовито прогудел МГ34. Но на этот раз это была напрасная трата пулеметных патронов! Тройка немецких диверсанток за секунду до открытия огня, видимо, почувствовала, что она сейчас находится в зоне работы вражеского пулеметчика. Все трое одновременно мгновенно разбежались в разные стороны!

Тогда Иван Фролов изменил свой способ ведения огня по атакующим диверсантам, он начал вести огонь более длинными очередями в десять — пятнадцать патронов. Одновременно движением ствола пулемета он попытался своими пулями насытить, как можно большее пространство. Это изменение сразу же дало положительный результат! На землю, кувыркаясь через головы, свалились два бездыханных трупа, еще два немца прямыми попаданиями были отброшены далеко назад. Атакующая цепь немедленно залегла и, по колыханию травы, Иван понял, что эти бравые немецкие диверсанты ползком возвращаются на исходные позиции. С левого фланга послышались винтовочные выстрелы, дикий русский мат и отдельные очереди «шмайсера».

Открыл огонь Димин «шмайсер», он стреляя короткими, но частыми очередями, так обычно стреляют по наступающей пехоте. А главное, глазами Димы Лукашевича он увидел поле, по которому толпой бежала пара сотен странных людей в полугражданской одежде и с оружием в руках. С самого начала войны Ивану и Диме частенько общались по мысленным каналам, поэтому они отлично сработались, понимали друг друга с полуслова, с одной только мысли.

Поэтому глазной контакт позволял Ивану глазами Димы наблюдать за тем, что происходило на глазах его друга. Этот глазной контакт позволил Фролову хорошо разглядеть подкрепление, только что подошедшее к диверсантам капитана Картинга. Тех людей, которые сейчас по ним стреляли из винтовок карабинов, и даже пытались атаковать их по левому флангу. Иван Фролов сразу же убедился в том, что это были простые белорусы, русские и украинцы, если судить по их выкрикам, когда они поднимались в атаки. Все они были одеты в гражданскую одежду, только их пиджаки были подпоясаны

красноармейскими кожаными ремнями, а на правом рукаве белела белая повязка с какой-то надписью на немецком языке.

Так вот эти простые мужики, матерно ругаясь, шли в атаку, а Дима их поливал очередями из своего «шмайсера». Младший Лукашевич в этом бою убил трех человек из этой толпы странных мужиков, а двух серьезно ранил. Но этих мужики было гораздо больше, их даже не останавливал и вид погибших их собратьев, а все перли и перли вперед. До Димы им оставалось пробежать еще двести шагов, но Диме вред ли удастся одному их остановить!

В этот момент Иван Фролов появился на левом фланге. Он остановился, осторожно положил на землю снайперскую винтовку, а сам же своим плечом уперся в сосну, и дал по этой матерно орущей толпе длинную пулеметную очередь в двадцать патронов. Веер выпущенных пуль хлобыстнул по бегущим людям, остановил толпу, и даже на несколько шагов отбросил ее назад.

Толпа разгоряченных самогоном и крепким русским матом полицейских остановилась, посмотрела на землю, где так неудобно расположились семь трупов только что убитых их собратьев. Затем эта толпа, молча, развернулась и на такой же скорости рванула прятаться в лесные заросли. Через секунду на дороге никого из полицейских не было, только семь трупов их товарищей остались лежать неприкаянными в различных позах. Фролов стоял и смотрел на оставленное противником поле боя. Он, даже будучи идейным врагом НКВД СССР, никак не мог понять, сообразить, откуда и как это немцы сумели набрать, всего лишь на седьмой день войны, целый батальон уездной полиции, вооружить ее и бросить в атаку этих мерзавцев против своих собратьев.

В этот момент Иван вдруг увидел Диму Лукашевича, который пытался подняться с земли, но почему-то никак не мог этого сделать. Немного приподнявшись на руках, Дима тут же почему-то бессильно заваливался на землю! Скорой рысью, подскочив к другу, Иван сразу же увидел, что парень ранен. Его майка парня на левом плече была вся покрыта кровью. Видимо, Дима получил ранение еще в бою, но ни словом о нем он так и не обмолвился! Иван достал из внутреннего кармана бинт и, наложив на рану ватный тампон, ее перевязал.

— Дима, ты как? Можешь сам передвигаться?

— Да, разумеется, товарищ командир!

— Хорошо, тогда бери свой «шмайсер» и той лесной полосой, что растет вдоль берега реки, иди к бобровой плотине! Семен Иванович, вы нас слышите?!

— Иван, я тебя хорошо слышу! Что с Димой? Насколько серьезна его рана?

— Его левое плечо насквозь простреляно! Нужен хирург, чтобы почистил ствол раны, а так все нормально! Передай Домбровскому, чтобы со всеми своими людьми выдвигался за плотину! Мне нужна помощь, я один смогу продержаться максимум пять минут! Очень надеюсь и на то, что сержант тоже является думающим человеком и уже начал двигаться в мою сторону.

Иван некоторое время понаблюдал за тем, как Дима спустился к реке и вдоль нее направился встречать своего отца и группу лейтенанта Домбровского. Фролов настолько привык к тому, что этот белорусский парнишка всегда был рядом, поэтому сейчас ему совершенно не хотелось с ним расставаться. Когда Дима скрылся в прибрежных зарослях, Иван вернулся к тому месту, где оставил снайперскую винтовку, поднял ее и еще раз осмотрелся вокруг себя, чтобы выбрать себе новую огневую позицию!

Очередную атаку позиций противника немецкие диверсанты начали несколько необычно. Прежде чем поднять в атаку свою живую силу, они решили провести артиллеристскую подготовку. В том месте, где располагались окопчики Ивана и Димы в течение пяти минут взорвалось восемь 50 мм мин. Иван своими собственными глазами наблюдал за тем, как одна из мин взорвалась прямо в его окопчике. Если бы он остался бы на прежнем месте, то сейчас бы в образе ангела парил бы в райских небесах. Сам того не понимая, почему он это делает, Иван длинной пулеметной очередью прошелся по кустарнику на противоположной стороне дороге. В ответ над лесом возник новый крик и стоны раненных диверсантов. Оказывается, в этом кустарнике они накапливались для последующего рывка в атаку.

В этот момент за спиной противника послышался многолосый прерывистый рык трех пулеметов РПД. Этот задумчивый сержант все-таки покинул свою позицию, своими бойцами он вовремя ударил в спину основной группе противника. Иван отложил в сторону МГ34, снова взял в руки снайперскую винтовку. Он своим туловищем еще немного повернулся влево, чтобы встретить огнем ту группу людей, с которой только что сражался Дима Лукашевич. На этот раз мужики появились из леса совсем пьяными, то один из них, то другой полицейский вдруг заваливался в придорожную траву, чтобы затем с трудом поднимался на ноги. Фролов едва не рассмеялся, наблюдая этот бесплатный цирк на поле боя. А эта пьяная толпа снова перла на него в атаку. Фролов хорошо понимал, как ему будет трудно остановить эту пьянь, которая сейчас ничего не соображала, а горела лишь одним желанием, пролить его кровь.

Быстро просканировав атакующих полицейских своими глазами, Иван Фролов разыскал их командира. Разумеется, тот не принимал участие в атаке, а стоял на опушке леса, прикрываясь стволом сосны, и оттуда командовал своим взводом полиции посредством вестовых или просто голосом.

Прямо с плеча Фролов пять раз выстрелил из своей снайперской винтовки. Пять мужиков остались лежать в траве, всем пятерым пули пробили головы! Быстро перезарядив винтовку, Иван Фролов снова расстрелял обойму, новые пять полицаев тоже не поднялись с земли. Полицейские были очень пьяны, но не смотря на это, среди них нашлись и такие мужики, чьи головные мозги еще работали, соображали! Они же первыми догадались, что их сейчас расстреливает вражеский снайпер. Эти мужики нерешительно затоптались на месте, вскоре к ним присоединились и другие, которым мало чего соображали, им море сейчас все еще было море по колено!

Командир полицейских мгновенно сообразил, что, если его полицейские застопорятся, то он больше уже не сумеет поднять их в атаку! Он высунулся из-за сосны и зло прокричал своим матерщинникам:

— Братцы, не останавливайтесь, идете вперед! Заворачивайте свои фланги! Берите в захват этого вражеского снайпера! Он один, а один — в поле не воин!

Но в этот момент пуля Ивана Фролова попала ему в глаз, полицейский умер, так и не закончив своей фразы!

Глава 5

1

Иван Фролов, наверное, уже в десятый раз обходил поле только что закончившегося боя, среди убитых диверсантов он все еще пытался разыскать тело капитана Леопольда Картинга. Но все его поиски завершались неудачей, убитых диверсантов оказалось слишком много, но тела капитана среди них не было. К слову сказать, никто из этих диверсантов живыми так и не сдались в плен, Фролов, честно говоря, пока еще не понимал, было ли это проявлением массового героизма со стороны немцев или же над немцами довлело какое-то проклятие в этой связи, повлиявшее на такое их отношение к плену. Ведь, когда диверсанты были атакованы с тыла группой сержанта Олейникова, а с фронта — группой лейтенанта Домбровского, то они оказали довольно-таки вялое сопротивление! Бой после этих неожиданных атак закончился практически мгновенно, начался простой отстрел этих хваленых немецких спецназовцев, но в плен немцы так и не сдавались. Они предпочитали раскусывать ампулы с цианидом, зашитые в воротнички их одежды!

С полицейскими все было ясно и понятно, их всех или перестреляли, или они дребезги пьяными попали к партизанам в плен, сейчас они лежали вон в тех кустах, приходили в себя и трезвели. Иван остановился и посмотрел в сторону пленных полицейских, сейчас они притихли. Они больше уже не буянили, не пытались выяснять отношения с ястребками. Почесав затылок, Фролов продолжил свою грязную одежду, он продолжил обыскивать трупов немцев, пытаясь выяснить, что же с ними было не так, почему не стали сдаваться в плен?! Почему сорок два немцами выбрали добровольную смерть, отказавшись поднять руки и сдаться в плен? Да и такого, чтобы погибли все члены диверсионно-подрывной группы, такого еще на памяти Фролова еще не случалось. Он не понимал, как небольшая группа в двадцать пять неопытных в военном деле ястребков сумела покончить с такой большой группой профессионалов военного дела. Эти диверсанты имели специфическую, но все же военную подготовку! Поэтому Иван Фролов решил, как бы это было ему неприятно, продолжить осмотр и тщательный обыск тела каждого убитого немца диверсанта.

Занимаясь трупами, Фролов не выпускал из своего поля зрения все то, что происходило вокруг него! Иван хорошо видел,

что назначенный им командир партизанского отряда Семен Лукашевич занимался только своим раненым сыном, от него он ни на шаг не отходил. Поэтому как-то само собой получилось так, что ястребки все чаще и чаще со своими вопросами обращались к лейтенанту Леве Домбровскому, который как бы стал временно исполняющим обязанности командира партизанского отряда. Он был повсюду, старался разобраться в каждом возникающем вопросе или проблеме, одним словом, этот могучий лейтенант принял ястребков под свое крыло, принялся ими командовать.

Первым же делом лейтенант Домбровский приказал собрать все оружие, начать его складировать прямо на дороге. Он также приказал, захваченных в плен полицейских собрать в одном месте, приставив к ним караул из своих красноармейцев и ястребков. Двум тяжелораненым немцам, которые, видимо, из-за своего состояния не смогли принять ампул с ядом, Домбровский представил двух девчонок санитарок. Но они ничем не могли помочь этим немцам, а только сидели рядом с ними и из-за присущей женщинам жалости пытались смягчить их страдания, накладывая мокрый компресс на их лбы, прямо-таки раскаленные от внутреннего жара. Немцы одной ногой уже были в могиле, их ранения в грудь и живот не оставляли никакого сомнения в том исходе, который их ожидал!

Незадолго до этого момента Фролов попытался получить от этих раненых немцев хоть какую-нибудь полезную информацию. Он своим зондом залез в их сознание и практически тут же его покинул. Информация, содержавшаяся в их разумах, была обширна, но она мало его интересовала. Поэтому Иван эту информацию записал на отдельный носитель в своем разуме и до поры до времени убрал ее на полку не столь активной информации, чтобы несколько позднее с ней разобраться.

Через два часа Фролов все еще продолжал осмотр и обыск тел убитых диверсантов. Он переходил от одного трупа к другому, внимательно всматривался в лица убитых или отравившихся людей, обыскивал тело, прощупывал карманы одежды, а затем переходил к следующему трупу. Тело капитана Картинга среди убитых не было, хотя обыск трупов диверсантов все же принес кое-какую полезную информацию.

В руки Ивана попалось одно письмо, в котором унтер-фельдфебель Виктор Пфенниг, диверсант подрывник, писал своей жене о своем житье в команде капитана Картинга. Разумеется, немецкое командование строго-настрого запрещало всем диверсантам, поддерживать контакты или переписываться со своими родственниками. Когда диверсанты отправлялись на очередное боевое задание, то все документы личности они

оставляли на базе! В этом же письме унтер-фельдфебель Пфенниг как бы между строчек упомянул о том, что через неделю вся их команда во главе с капитаном Картингом должна была отправлена в Берлин, где в течение трех месяцев будет проходить специальную подготовку к высадке на Остров.

Виктор Пфенниг ни словом, ни намеком не пояснил, что же он имеет в виду под этим словом «Островом» но Иван сразу же догадался, что в его письме речь шла о Великобритании. Если уж честно говорить, то этот маленький кусочек информации мало влиял на ход второй мировой войны, но некоторым заинтересованным людям даже такой незначительный кусочек информации позволит правильно спланировать, осуществлять важную операцию. А берлинский адрес семьи унтера Пфеннига, может и поможет кому-нибудь из наших нелегалов, работающих в этом городе! Поэтому Иван продолжал делать свою грязную работу с особой аккуратностью при обыске каждого убитого немца.

От трупа унтер-фельдфебеля Виктора Пфеннига Иван Фролов перешел к другому трупу немецкого диверсанта, который валялся в кустарнике, наружи виднелись его зад и ноги. Ивану пришлось этот труп за ноги вытаскивать из кустарника. Затем он перевернул труп на спину, отчего Иван мысленно охнул, перед ним, на траве широко раскинув руки, лежала молодая женщина в камуфляже диверсанта. Она была молода, максимум ей было двадцать четыре — двадцать пять лет. Эта красивая молодая немка умерла от пули, которая пробила ее сердце. Поначалу Иван не решался обыскивать ее тело, но затем он плюнул на все условности, и прошелся по карманам ее комбинезона и камуфляжа. В карманах ничего не оказалось, все они были абсолютны пусты! Фролов уже было поднялся на ноги, чтобы перейти к другому телу, но вдруг его внимание привлек православный крестик, висевший на шее этой мертвой девчонки.

Он всего на пару пуговиц расстегнул ее армейскую рубашку, чтобы лучше рассмотреть этот золотой православный крестик. Фролов на секунду задумался, он хорошо знал, что немцы были христианами, но исповедовали католицизм и лютеранство. А эта девчонка, видимо, была православной, но почему она тогда вместо того, чтобы заниматься любовью, рожать и воспитывать детей, полезла с оружием в руках сражаться с собратьями по вере? Вот она и довоевалась, дуреха, получила пулю в сердце от собрата по вере, сейчас валяется никому не нужной куклой в белорусском лесу! Иван осторожно расстегнул и снял с девичьей шеи цепочку с православным крестиком.

Он внимательно его осмотрел, поворачивая из стороны в

сторону! В этот момент внутри Ивана родилась и всплыла на поверхность сознания мысль о том, что этот крестик не просто так попал в его руки! Тогда Фролов снова принялся внимательно осматривать тело этой молодой и безымянной православной немки! В этот момент к нему подошел Семен Лукашевич и сказал, что хочет с ним переговорить по очень важному делу. Иван на секунду прекратил обыск немки, внимательно посмотрел на старшего Лукашевича и просто сказал:

— Слушай, Семен, насколько я понимаю, твое важное дело может подождать до сегодняшнего вечера! Так что вечером мы можем собраться все вместе, обсудить этот вопрос. Ты не возражаешь против этого моего предложения? Отлично! Тогда мы договорились! До вечера, Семен, как дела у Димы?

— С ним все нормально! Лейтенант Домбровский говорит о том, что к нам в отряд нужно подыскать хорошего терапевта и отличного хирурга. Тогда все наши проблемы в области медицины будут мгновенно разрешаться!

— Я с вами обоими согласен по этому вопросу. Но, Семен, ты уж меня извини, я тут занимаюсь не очень хорошим делом. Обыскиваю немецкие трупы. Поэтому хочу это дело быстрее закончить, так что поговорим об твоем вопросе сегодня вечерком!

— Иван, ты что, ты делом называешь, ощупывание этой голой убитой немки?! Да, ты ли в своем уме, Фролов? А ну-ка прекрати этим делом заниматься, не то весь отряд будет над тобой смеяться!

Фролов не ожидал от старшего Лукашевича подобного наскока и обвинения в некрофилии, он уже собрался резко оборвать этого пожилого белоруса, как вдруг увидел на запястье немки красный браслет. Он пару раз переводил взгляд своих глаз с этого красного браслета на лицо Семена Ивановича. Фролов был на сто процентов уверен в том, что пару минут назад этого браслета на руке у немки не было! Уже не обращая внимания на Лукашевича, он снял браслет с руки женщины, внимательно его осмотрел.

В этот момент в его голове прозвучал неизвестный голос:

— Пожалуйста, этот браслет одень на свою руку! Всегда его носи с собой, никогда не снимай с руки! Он предназначен тебе!

На глазах удивленного Семена Лукашевича, найденный браслет Иван Фролов тут же примерил на запястье своей правой руки, а затем щелкнул его застежкой! На какое-то мгновение в глазах Ивана воцарилась полная темнота, затем наступило просветление! И тогда осознание случившегося пришло в голову Фролова, от неожиданности он затряс головой, своим руками схватился за голову и тихо застонал!

Этот браслет принес ему новое видение этого мира, Иван Фролов не сразу об этом догадался. Просто где-то внутри него стали появляться картинки изображения, которые он раньше не мог видеть. Такие как, к примеру, он вдруг увидел со стороны самого себя и Семена Лукашевича. Причем, Семен Иванович прямо-таки полыхал негодованием по поводу его нехорошего поведения с трупом молодой немки. Но самым удивительным было то, что, оказывается, Иван мог воздействовать на эти чувство близкого ему человека. Он увидел собственными глазами, как красный цвет, это и был гнев, в спектре настроений Семена Ивановича начал уходить, сменяться на другой цвет. И действительно старший Лукашевич успокоился и, пожелав, Ивану всего хорошего, тут же отправился по своим делам. А Фролов долго и удивленно посмотрел ему вслед, но после ухода Семена Ивановича, ему вдруг снова показалось, что на него сейчас кто-то посматривает с большой ненавистью!

Осмотревшись вокруг, Фролов вдруг обратил внимание на слишком густую крону лиственницы, росшую в тех шагах от него. Вероятно, в ее кроне кто-то скрывался, пришел к выводу Иван?! Не поднимая головы, он еще раз внимательно осмотрел крону лиственницы, и тогда ему стало ясно, что в этой кроне лиственница кто-то прячется, но камуфляж этих немцев превращал в самых настоящих невидимок, было трудно даже сосчитать, сколько именно диверсантов сейчас там скрывается! Но уже через мгновение Иван Фролов знал, это знание пришло откуда-то изнутри самого Флорова, что в кроне лиственницы скрываются четыре диверсанта, среди них был и капитан Леопольд Картинг, который не погиб и не отравился в этом бою. Эти немцы правильно рассчитали, что победители не будут задирать голов, занимаясь поисками недобитых диверсантов.

А Фролов же неожиданно для самого себя вдруг оказался в не очень-то приятном положении. У него с собой не было оружия, да и у людей рядом с ним в руках тоже не было какого-либо оружия. Все люди занимались делом, сложив оружие неподалеку пирамидками! Теперь же получалось так, что, как только Леопольд Картинг догадается о том, что его убежище раскрыто, то этот абверовец мог открыть огонь на поражение, или даже попытаться бежать! Имея преимущество в оружии, которое он мог применить в любую минуту, этот немецкий капитан мог бы воспользоваться любым способом, что выйти победителем из этой ситуации.

Иван напряг все свои внутренние силы, он попытался телепатически вызвать на связь старшего сержанта Олейникова. Очень долго сержант не отвечал на вызов, но затем Иван вдруг

услышал:

— Изыди, сатана! Сколько можно меня так мучить? Как только я слышу голоса в своей голове, то на меня находит умопомрачение! Я не могу избавиться от сильной головной боли!

— Валера, подожди, не гони меня прочь от себя! Выслушай меня, пожалуйста! Весь этот день я пытаюсь телепатически вызвать тебя, но ты мне не отвечаешь! Прошу тебя спокойно выслушать меня! Валера, повторяю, выслушай меня и сделай так, как я, Иван Фролов, тебя об этом попрошу! Одним словолм, Валера возьми четырех бойцов, дай каждому по РПГ! А потом, сержант, вместе с ними подойди ко мне! Этими пулеметами обстреляйте крону третьей от меня лиственницы! В кроне этого дерева сейчас прячутся четыре немецких диверсанта. Сам я не могу уйти со своего места, не вызвав у них подозрений. Поэтому, сержант, прошу тебя, помоги мне решить эту проблему. Поможешь мне, и тогда я вылечу тебя от постоянной головной боли!

Иван Фролов стоял на своем месте, наблюдал за тем, как после обстрела пулеметами кроны лиственницы, на землю повалились четыре тела немецких диверсантов! Среди них было и тело капитана Леопольда Картинга! Теперь Фролову можно было докладывать своему начальству о том, что с полуротой диверсантов капитана Картинга окончательно покончено!

Подбежавший к месту этой столь внезапно возникшей перестрелки лейтенант Домбровский чуть ли не с кулаками набросился на сержанта Валерия Олейникова. Он обвинил его в том, что тот своей пулеметной стрельбой выдал немцам временное расположение их партизанского отряда. Но Валера даже и не попытался ответить на обвинения лейтенанта, он лишь, молча, пальцем ткнул в сторону Ивана Фролова, мол, лейтенант, разбирайся с ним сам.

— Лейтенант, — строгим голосом Фролов обратился к Домбровскому, — прекрати биться в истерике! Это я приказал сержанту Олейникову расстрелять крону сосны, в которой спрятался капитан Леопольд Картинг со своим бойцами. В этом ты сам, Лева, можешь убедиться. — Иван подбородком указал на тела четырех диверсантов, валявшихся под лиственницей. — Так что успокойся и продолжай командовать отрядом. Через два часа мы должны покинуть эту дорогу и эту поляну. Прикажи, бойцам заминировать плотину, и мы должны, ка можно быстрей, отправляться в путь.

Сам же Фролов подошел к телу капитана Картинга, он долго рассматривал своего противника. Еще в Швеции полковник Карл Витборг, который в свое время дал ему наводку на агентурную

сеть НКВД в Швеции, он ему рассказывал о своем родственнике, неком Ларсе Юхансоне, который под именем Леопольд Картинг служил в немецком Абвере. В одном из разговоров шведский полковник Витборг поведал ему секрет этого Ларса, он был волком оборотнем. Поэтому в свою группу он набирал таких солдат, которые имели склонность становиться оборотнями. Со своими телами эти немецкие парни могли вытворять всякие невероятные вещи. Во время недавней польской кампании полурота Картинга уничтожила дивизион польских танков без единого выстрела.

Мертвый Ларс Юхансон был совершенно не похож на капитана Картинга, сейчас он выглядел истинным скандинавом, а не каким-то там немцем. Хотя последние десять лет своей жизни он и был Леопольдом Картингом. Сейчас он лежал на траве ничком, свое лицо, плотно прижав к земле, словно хотел его скрыть от глаз Ивана Фролова. Фролов нагнулся, и тело Картинга перевернул на спину, пулеметная пуля попала ему в лицо, из-за чего и чуть ли не полностью исказились черты его лица. Но оно все-таки оставалась узнаваемым, если к нему присматриваться по скулам, по овалу лица, очертаниям глазниц и рта, а также по глазам.

Тяжело вздохнув, Иван присел на обочину дороги. Со смертью Картинга была решена основная проблема, стоявшая на пути его проникновения в Абвер, в штаб Валли 2. Теперь он мог покинуть этот уголок Белоруссии, и смело отправляться для представления Абверовскому командованию в Польшу, где сейчас и располагалось Валли 2. Но Иван Фролов также хорошо понимал, что в данный момент он попросту не мог этого сделать, бросив на произвол судьбы другие свои дела, а именно: он должен наладить работу радиоретрансляционного центра в Лиде, создать городское подполье и партизанский отряд. Но, похоже, о создании партизанского отряда ему теперь не придется особо беспокоиться. Лейтенант Лева Домбровский может стать хорошей заменой нерешительному старшему Лукашевичу, а Семен Иванович в свою очередь мог бы стать, хорошим комиссаром этого партизанского отряда. К тому же он мог взять на себя создание сети партизанских информаторов, а также начать работу с городским подпольем.

2

— Дима, ты как себя чувствуешь? Выглядишь, не ахти как! Весь стал каким-то желтым и нервным! С тобой все в порядке?

Может быть, тебя что-то тревожит?

Поинтересовался Иван Фролов, подходя к подводе, на которую, помимо захваченного оружия, загрузили раненого младшего Лукашевича. Поговорив с Дмитрием, он собирался отправиться в лес, где вчера вечером оставил свой трофейный мотоцикл. Ему хотелось его снова забрать, снова начать им пользоваться. Этот мотоцикл в действительности оказался самым настоящим даром небес, он позволял Ивану в течение одного только дня побывать во многих местах, решить многие вопросы. Ничего подобного он не сумел бы сделать, если бы передвигался только пешим порядком.

— Да со мной все в порядке, командир! Девчонки меня хорошо перевязали. Только вот появился легкий озноб, от которого я пока не могу избавиться.

— Слушай, Дима, пока наш обоз еще не тронулся с места, то, давай, я тебя сам осмотрю.

И не слушая возражений мальчишки, Иван взял в свои руки его голову и, не отрывая взгляда своих глаз от его глаз, проник в Димино сознание. Наличие браслета на руки позволило Ивану практически мгновенно установить прямой контакт с сознанием пациента. Как только этот контакт был установлен, то он сразу же услышал постоянный и тревожный звон колокольчика. Бесполый голос постоянно и без каких-либо знакомых человеческих интонаций повторял:

— Внимание, тревога! В организме больного может возникнуть заражение крови из-за загрязнения огнестрельной раны! Нужно срочно почистить ее ствол.

Уже больше не раздумывая о последствиях, Иван мысленно перенесся в канал прохождения пули, он начал как бы передвигаться по этому каналу, внимательно осматривая внутреннюю сторону этого канала. Он тщательно иссекал и удалял омертвевшую или поврежденную ткань, а также встречавшиеся по пути остатки рубашки парнишки, которые пуля занесла в ствол раны. В одном месте раны ему вдруг показалось, что там назревает какой-то нарыв, гнойный абсцесс. Иван впервые в своей жизни оказался в столь сложном положении, он попросту не знал, что ему делать в той или иной ситуации, но проблемы, когда наступала их очередь, решались как бы сами собой. Дмитрий негромко застонал, когда Фролов начал заниматься рассасыванием гнойника в ране. В конце концов, пройдя насквозь раневой канал или ствол раны, Иван как бы оказался за спиной Димы, а сам канал тут же наполнился марганцовокислым калием.

Когда Фролов снова проверил температуру и пульс мальчишки, то они были в норме, а Дима крепко спал, при этом

он легко дышал и улыбался, его больше не бил озноб. Иван улыбнулся в ответ этому симпатичному парню, развернулся и отправился дальше по своим делам. Когда он на порядочное расстояние отошел от Диминой подводы, то совершенно случайно столкнулся со взглядом лейтенанта Домбровского. Тот сидел на соседней телеге и, видимо, уже давно наблюдал за тем, чем он делал с Диминой раной. Заметив, что взгляд Ивана Фролова обращен на него, лейтенант Домбровский соскочил с подводы, по-армейски вытянулся и отрапортовал:

— Товарищ майор, разрешите доложить, партизанский отряд в количестве двадцати пяти человек оружие загрузил на восемь подвод. Сейчас он готов двигаться на базу. Прошу разрешить начать движение?

Фролов устало посмотрел на Леву, не совсем понимая, о какой партизанской базе тот говорит. Поэтому он решил в этой связи задать лейтенанту Домбровскому вопрос:

— А какую именно партизанскую базу вы, лейтенант, имели в виду в своем рапорте?

На что Лева Домбровский сделал непонимающим свое лицо, но Иван так и не дал ему слова, а продолжил свою мысль:

— Дело в том, лейтенант, что партизанская база этого отряда была только что разгромлена полуротой капитана Картинга. Они захватили наше оружие, продукты питания, наши молодые и неопытные партизаны сумели покинуть или, попросту говоря, бежать с базы подземным ходом. Благодаря наличию такого подземного хода, нам удалось сохранить живую силу отряда, но на настоящий момент мы голы и бездомны! Я полагал, что вы изучили карту окружающей местности, предложите мне один или два варианта размещения нашей новой партизанской базы!

— Извините, товарищ майор, я этого попросту не знал! Обычно партизанские отряды создают две базы, одну действующую, а другую — резервную. Поэтому подумал, что у вас, по крайней мере, функционирует одна из таких баз!

— Слушай, Лева, сегодня исполнилась ровно неделя с того момента, когда началась эта проклятая война! Нам пора исходить из существующих реальностей, а не из индивидуальных мыслей и предположений. Ведь, сегодня, куда мы не сунемся, то повсюду окруженные красноармейцы ведут бои с немецкими войсками. Переговори со старшим Лукашевичем, он старожил и великолепный знаток этих мест. Семен Иванович, наверняка, может нам подсказать, где мы можем построить новую партизанскую базу. Да и, честно говоря, нам уже давно пора было покинуть это место. У меня внутри складывается такое ощущение, что по этой дороге нам навстречу уже движется

немецкая разведка, примерно через час она здесь появиться. Так что я предлагаю, чтобы избежать встречи с регулярными частями Вермахта, нам пора начать выдвигаться по направлению к городу Слоним. А уж в дороге мы окончательно решим, куда именно будем двигаться. И у меня имеет еще один вопрос к вам, товарищ лейтенант Домбровский, почему в нашей походной колонне я вижу полицаев?

— Они же пленные!

— Лейтенант, вы, что не знаете, что партизанские отряды берут пленных только в исключительных случаях, когда им требуется срочная информация. Но, когда такая информация получена, то принимаются… Вы, что, Лева, собираетесь этих одиннадцать предателей родины кормить, поить, когда нам совсем нечем покормить своих партизан. А скольких партизан вы еще будете выделять для охраны этих мерзавцев? А если один из них случайно сбежит, так он же немцам обязательно выдаст месторасположение нашего нового лагеря. В этой связи я приказываю вам, товарищ лейтенант, как можно быстрее, решите проблему этих полицаев!

— Товарищ майор, я категорически отказываюсь убивать безоружных людей! Это не как-то не по-нашему, не по-советски…

— Тогда вызовите к нам сержанта Олейникова!

Но, прежде чем, отдать соответствующий приказ сержанту, Фролов взял в обе свои руки его голову и несколько секунд ее поддержал в руках. Затем он долго смотрел Валерке в глаза. После этой процедуры старший сержант позвал своих бойцов. Его красноармейцы заменили караул пленных полицаев, состоявший в основном из ястребков, а затем толпой гурьбой повели их в лес. Все это время лейтенант Домбровский стоял в стороне и, молча, наблюдал за всей этой картиной, а по его небритым щекам текли слезы. Этот парень хорошо понимал, что сейчас произойдет с этими пленными полицейскими, но он уже не вмешивался и не пытался остановить казнь предателей родины! Иван стоял рядом с ним, исподтишка наблюдая за лейтенантом. В глубине души он также размышлял о том, правильно ли он сейчас поступает, заставляя недавнего советского школьника на собственной шкуре почувствовать, что же это такое варварство, подлость войны! Вскоре сержант Валерий Олейников вернулся из леса, с ним вернулись одни только красноармейцы! Все они выглядели так, словно они только что прошли огонь, воду и медные трубы! Ивану было хорошо заметно, что у некоторых бойцов дрожали руки, а сам сержант стал еще более мрачным и нелюдимым!

Через пять минут перегруженные оружием подводы партизанского обоза тронулись в путь, примерно через

пятнадцать километров в глубине леса, по словам старшего Лукашевича, находилась сухая лощина, которая могла бы стать отличным партизанским лагерем. Семен Иванович взял в руки вожжи первой подводы, чтобы, ребят и обоз провести, как можно более безопасным маршрутом. Партизанский обоз двигался по лесной дороге, а вокруг него, то близко, то далеко от него временами слышались артиллеристские залпы.

Иван Фролов вместе с бойцами отряда брел по обочине дороги, изредка поглядывая в небо. Там, по-прежнему, бесчинствовала немецкая авиация. Иногда вражеские истребители или штурмовики снижались до такой малой высоты, что с земли можно было рассмотреть лица немецких пилотов. Все они почему-то улыбались и что-то показывали на пальцах. Лейтенант Домбровский однажды едва не приказал пулеметчикам обстрелять один такой чересчур нахальный «Юнкерс 87», который, пролетая на этой лесной дорогой своими шасси едва ли не касался верхушек деревьев. Но Иван Фролов во время вмешался и мысленно попросил Домбровского этого не делать, не раскрывать себя перед немецкой авиацией. Тот же поясняя свое решение, предположил, что в настоящий момент немецкая авиация вела разведку местонахождения красноармейских частей, которые были окружены или прорывались Восток, поэтому на обыкновенный крестьянский обоз, по его мнению, немцы не обратили бы внимания даже после их обстрела из пулемета.

Отряд двигался по шоссе республиканского значения Волковыск — Слоним. Партизаны не знали и не могли знать о том, что вскоре это шоссе вскоре станет основной дорогой отхода частей Красной Армии, выходивших из окружений, куда они попали под Гродно и Белостоком. Немецкая штурмовая бомбардировочная авиация постоянно висела над этим шоссе, высматривая, а затем нанося бомбоштурмовые по этим частям. Красный браслет, висевший на правой руке Ивана Фролова, по утрам и вечерам в общих чертах описывал ему ситуацию, сложившуюся на фронтах Западной Белоруссии, перед самым падением Минска. Сейчас же Фролов автоматически переставлял ноги, стараясь вникнуть и ситуацию, разобраться в информации, полученной от красного браслета. Он думал о том, что они, как партизанский отряд, могли сделать, помогая красноармейцам выбраться из окружения на белостокском выступе.

Он подошел к передней подводе и поинтересовался у Семена Ивановича, где же именно находится лощина, не нужно ли им будет пересекать шоссе Слоним — Волковыск.

— Да, нет, Ваня, мы не будем пересекать того шоссе! —

Начал отвечать старший Лукашевич. — Наш новый партизанский лагерь будет располагаться в километрах тридцати от этого шоссе.

В этот момент Лукашевич увидел, что по соседней дороге движется большая масса красноармейцев. Что самое интересное, эти красноармейцы шли по дороге без боковых и переднего дозоров, но тоже направлялись к Слониму, который второй день, как был занят немецкими войсками. Очень часто такие колонны частей Красной Армии, бесцельно бредущие по лесным массивам, становились предметами нападения и разгрома немецкими танками и мотоциклистами. Глубоко удивленный всеми этими обстоятельствами, Иван остановил свою подводу и решил также остановить колонну красноармейцев, чтобы переговорить с их командиром и объяснить ему складывающуюся ситуацию на фронтах.

Иван Фролов внешне спокойно воспринял эту встречу с красноармейцами. К этому времени его красный браслет уже разъяснил ситуацию на фронтах, он также сформулировал боевую задачу, которую партизанский отряд совместно с этими красноармейцами должен был бы выполнить в этот день!

Сегодня 3-я армия всеми своими частями начнет осуществлять прорыв из окружения, в которое попала на белостокском выступе! Ивану Фролову только предстояло убедить командира этих красноармейцев временно войти к нему в подчинение. Если же ему не удастся этого сделать, то тогда ему придется воздействовать на этого командира путем прямого контакта с его сознанием. Второй вариант воздействия, даже по мнению Фролова, был более чем бесчеловечен! Но сегодня шла война, и речь шла о спасении сотен тысяч жизней красноармейцев и командиров 3-й, 4-й, 10-й и 14-й армий РККА, попавших в немецкое окружение.

Тем временем, подбежавший Лева Домбровский первым представился майору РККА, который назвался командиром отдельного инженерного батальона 29-й моторизованной дивизии, майором Борисовым.

Лева Домбровским был великим оптимистом, после успешно проведенного партизанским отрядом боя с немецкими диверсантами, он чувствовал себя на подъеме. Он честно верил в то, что, несмотря на войну, этот мир не остался без добрых людей, с каждым из которых можно было бы всегда найти общий язык.

А тем временем, майор Борисов, не теряя времени зря, прошелся вдоль первых двух подвод партизанского обоза. Он убедился в том, что подводы загружены оружием, среди которого

было много пулеметов, в которых так нуждался его батальон! Он вернулся к своим красноармейцам, решив, по ходу общения с партизанами вести себя с ними грубо и неучтиво. И если бы не одно небольшое обстоятельство, то майор Борисов решился бы на один очень неприятный шаг, он бы арестовал и расстрелял бы всех этих партизан, а сам обоз с оружием забрал бы себе! Хорошо зная, что красноармейцы и командиры рот и взводов его в этом решении не поддержат, Борисов решил не рисковать своей шкурой, а выждать и посмотреть, чем все это дело для него закончится.

Но он все же нагло потребовал от лейтенанта Домбровского:

— Слушай, лейтенант, я не знаю и не хочу знать, почему ты, кадровый военный человек, командуешь каким-то партизанским отрядом, о существовании которых я пока и не слышал! Я тебе приказываю, в течение десяти минут все пулеметы с боекомплектами сдать моему батальонному старшине. Если этого не будет сделано в течение десяти минут, то я прикажу тебя расстрелять перед строем, как изменника родины!

И лейтенант Лева Домбровский вдруг сник и поник головой, настолько этот мужественный парень оказался неуверенным в самом себе! Он развернулся лицом к своим парням, собираясь им отдать соответствующий приказ о сдаче оружия. Но его вовремя мысленно остановил Иван Фролов! Когда тот внезапно почувствовал, что его Лева, которому он так доверял, вдруг внутренне сломался перед майором Борисовым, то он был не просто удивлен. Иван мысленно приказал Леве заткнуть свой рот, не отдавать никаких приказов своим красноармейцам и партизанам. Переговоры с майором Борисовым он решил забрать в свои руки.

Фролов, словно нехотя, вышел из общего партизанского строя, и как был в порванном мундире немецкого майора, с висящим на груди пулеметом МГ34, подошел к майору Борисову, смело посмотрел в его глаза и поинтересовался:

— Майор, интересно, а ты кто такой? Почему со мной не знакомишься? Приказы какому-то лейтенанту отдаешь через мою голову? Да и еще пытаешься на него воздействовать гипнозом! Это мне не нравится, я не согласен с тобой так работать!

Майор Борисов чуть ли не присел от так неожиданно начавшегося разговора с немецким майором. Ему вдруг захотелось перед ним вытянуться, отдать честь и отрапортовать на немецком языке, но Борисов справился, сумел преодолеть это свое желание. Он внимательно осмотрел с головы до ног этого загорелого до черноты дылду в порванном немецком мундире. К слову сказать, немецкий офицерский мундир ладно сидел на

фигуре этого парня. Иван Фролов продолжал стоять перед майором в свободной позе, положив руки на немецкий пулемет, и ожидая ответа на свои вопросы. Правда, он уже знал, чем же именно закончится эта встреча, красный браслет ему в этом немало помог. Но так и не дождавшись ответа майора Борисова, Фролов решил резануть правду-матку тому прямо в лицо:

— Слушай, Михаил Михайлович, не уходи от прямого разговора, мне нужно срочно с тобой переговорить! Мы с тобой должны объединить наши силы, создать передвижную сводную группу. Затем тремя батальонными подразделениями этой группы взять под свою охрану мосты через реки Зельвянка и Щара в Деречине, Куриловице, Щарах и Кароле по дороге Слоним — Деречин — Зельва. Если мы сегодня… сейчас этого не сделаем, то погибнут три советские армии, которые сегодня пойдут на прорыв из белостокского выступа. У тебя, майор, наверняка, имеется карта, так что прямо на местности я могу тебе показать, что именно мы должны сделать для того, чтобы 3-я, 4-я, 10-я и 13-я армии прорвали фронт немецкого окружения, пробились бы к нашим под Борисов, Витебск, Гомель и Могилев.

3

В конце концов, майор Борисов все же принял предложение Ивана Фролова на объединение сил отряда партизан и его инженерного батальона. Дальше майор как бы отстранился от дел, со стороны наблюдая за тем, как командиры рот и взводов его батальона общаются с Фроловым, планируют совместные боевые действия. Иван же первым делом ознакомил этих командиров с ситуацией, сложившейся на данный момент в треугольнике Слоним, Лида, Волковыск, рассказал о том, как примерно штабы окруженных армий планируют прорывы из окружений и примерные направления отхода четырех советских армий. Он примерно так сформулировал стоящую перед их сводным отрядом боевую задачу:

— По имеющимся у нас данным, сегодня вечером подразделения 3-й армии под командованием генерал-лейтенанта Кузнецова Василия Ивановича предпримут попытку переправиться через реки Зельвянка и Щара через мосты в населенных пунктах: Деречин, Куриловице, Кароле и Щары. Армия генерала Кузнецова сильно ослаблена после боя с немецкими танковыми и пехотными дивизиями в белостокском выступе и под Гродно. Поэтому существует вероятность того, что, если немцам удастся захватить мосты в перечисленных выше

населенных пунктах, то этой армии едва ли удастся сбить стоявшие там немецкие заслоны. Ведь, 3-й армии придется одновременно вести тяжелые арьергардные бои с подразделениями 9-й армии Вермахта. Таким образом, перед нами поставлена задача, не позволить немцам до полуночи сегодняшнего дня занять населенные пункты, в которых имеются эти мосты. Товарищи командиры, вы поняли задачу, которую я ставлю перед вами?

Пять командиров, один капитан, а другой старший лейтенант, они были командирами рот, а также три лейтенанта — командиры взводов, молчали, упорно рассматривали мыски своих запыленных сапог. Что-то их удерживало от того, чтобы высказать свое мнение, хотя Иван Фролов всеми фибрами своей души чувствовал, что им есть чего сказать. Не желая больше тянуть времени, он сам обратился к капитану, как старшему по званию командиру в этой группе, присутствующей на совещании:

— Товарищ капитан, прошу вас представиться и первым высказаться по обсуждаемому вопросу!

— Капитан Головин Николай Иванович, командир роты саперов! Товарищ майор, боевая задача, которую вы нам поставили, ясна и понятна, но я не совсем уверен, что она нам по плечу. Для вашей информации, в моей роте девяносто два рядовых и сержанта, пять командиров. Но на всю роту мы имеем двадцать пять винтовок, ни одного пулемета, ни одной пушки. Да, у нас имеется несколько сотен противопехотных мин и пара десятков противотанковых мин. Как саперы, мы можем выполнить поставленную перед нами боевую задачу, защитить населенные пункты с мостами, устроив минные поля. Но, чтобы остановить врага, не позволить ему захватить эти самые мосты, мы должны воевать, как пехотинцы. А для этого нам нужны винтовки, пулеметы, гранаты и пушки, хотя бы полкового калибра. Иначе нам будет просто нечем воевать, нечем будет останавливать немецкие танки!

— Ну, что же ответ ваш, товарищ капитан Головин, мне понятен! — Тут же ответил Фролов, затем он сделал смысловую паузу. — Что же касается пулеметов, то я думаю, что партизаны смогут с вами ими поделиться. Пулеметов у нас много, так же, как и винтовок! А вот, что касается мин, то вы меня информацией о них очень обрадовали. Я согласен у мостов мы успеем построить предмостные укрепления с минными полями. Это просто замечательно, ну, а что вы, товарищ старший лейтенант, можете нам рассказать о готовности вашей роты к бою?

Невысокого росточка старший лейтенант поднялся на ноги, аккуратно оправил гимнастерку под поясным ремнем, поправил

пилотку на голове и начал говорить негромким голосом:

— Старший лейтенант Торопынько! О своей роте я могу говорить только хорошие слова! В ней служат не какие-то там мальчишки, а солидные мужчины по той или иной причине получавшие отсрочку от службы в армии, а сейчас пришедшие в армию, чтобы вернуть свой гражданский долг родине. Эти бойцы не побегут от одного только вида немцев или от вида их танков! В отличие от первой роты, бойцы моей роты имеют карабины, но только по одной обойме выстрелов на карабин. Нам нужны пулеметы и, в крайнем случае, минометы, чтобы хорошо держать свою позицию. К, сожалению, мин в моей роте не имеется, так как наша задача преодолевать водные переправы. Если потребуется, то мои мужики могут выстроить мост для живой силы или даже для танков. В боях рота не принимала участия, но однажды мы залповым огнем обстреляли один немецкий штурмовик, и, кажется, что мы его сбили. По крайней мере, он взорвался прямо в воздухе, выходя на нас в атаку.

Фролову снова пришлось повторить свои слова о том, что партизаны имеют достаточное количество пулеметов с боекомплектами, что они готовы ими поделиться со своими товарищами красноармейцами. Затем он посмотрел на майора Борисова и, желая, чтобы он выступил перед своими подчиненными, этим сохранил бы лицо командира. Словом, Иван предложил майору выступить, поделиться перед собравшимися командирами своей информацией по инженерному батальону. Ивана же интересовала такая информация, сколько в батальоне активных штыков, командиров и каким транспортом в настоящий момент располагает батальон?

Майор Борисов Михаил Михайлович нехотя поднялся на ноги, он выступил со следующим сообщением:

— Докладываю вам, дорогие товарищи! Еще вчера мой батальон потерял связь со штабом 29-й моторизованной дивизии. Мы чуть не целый день провели в поселке Пески, построили там временный командный пункт для нашей дивизии, ожидая там ее появление. Но наша 29-я моторизованная дивизия в Песках так и не появилась, не появились там и наши дивизионные разведчики. Все наши вызовы по рации оставались без ответа. Таким образом, мой батальон оказался в положении, когда, как командир батальона, я был вынужден принимать единоличные и самостоятельные решения. Тем более, что невооруженному батальону оставаться в Песках с каждым часом становилось опасным, на окраине этого поселка то и дело появлялись разведывательные группы немецких мотоциклистов. Таким образом, я был вынужден принять решение о выдвижении

батальона на Слоним. Я надеялся, что по дороге мы встретимся с какой-либо воинской частью РККА, и с ее командованием проясним ситуацию на дорогах, узнаем, где наша дивизия находится. Но по дороге нам пока так и никто не встретился, случайно мы наткнулись на партизанский отряд майора Фролова!

Сделав это сообщение, майор Борисов прошел к старшему лейтенанту Торопынько и уселся на пенек рядом с ним. Всем своим видом этот чем-то обиженный майор сейчас старался продемонстрировать, что его совершенно не интересует, как будут дальше развиваться события. Иван Фролов усмехнулся, но продолжал расхаживать перед собравшимися командирами, думая о том, как ему дальше с ними строить отношения. Затем он подошел к командирам и негромким голосом произнес:

— Принимая во внимание тот факт, что в нашем распоряжении практически совсем не имеется свободного времени, я, старший майор НКВД СССР Горчаков Александр Иванович, принял решение взять на себя командование отдельным инженерным батальоном. В этой связи я также решил сформировать объединенный штаб сводного отряда. Членами эта штаба становятся: лейтенант Домбровский, майор Борисов и старший лейтенант Торопынько. Сейчас объявляется привал на один час. В этой связи я приказываю первой роте сформировать и выставить дозоры и посты охранение. Штабу собраться и приступить к разработке операции по захвату и обороне мостов по рекам Зельвянка и Щара. Когда будете готовы, я приду вас послушать.

Когда командиры разошлись по своим подразделениям, то Иван Фролов попросил задержаться майора Борисова и лейтенанта Домбровского.

— Извини, майор, но сейчас я переговорю с лейтенантом, а затем мы с вами переговорим. — Сказал Иван и, повернувшись, к Домбровскому, ему приказал. — Лева, прикажи сержанту Олейникову наших парней разбить на три боевые группы. Он должен проследить, чтобы бойцы этих групп имели бы в достаточном количестве автоматическое оружие и патроны к нему. Также они должны отобрать по пятнадцать немецких пулеметов со снаряженными лентами для передачи в батальон. Сам сержант должен среди наших парней разыскать Ворошиловских стрелков и из них сформировать снайперскую группу, которая будет работать под моим командованием. После этого Лева делай, что хочешь, но в течение двух часов в этих лесах ты должен разыскать три или четыре наших грузовика с полными баками бензина, на них мы будем перемещать наш резерв, в случае возникновения такой необходимости. И

последнее, Лева, нам нужна артиллерия, ты должен найти батарею 76 мм пушек. Лева, постарайся, серьезно отнестись к выполнению этого приказа. Приложить к этому всю свою удачу и умение выполнять приказы вышестоящих командиров Красной Армии и тогда удача придет и к нам.

Некоторое время Фролов смотрел вслед побежавшему исполнять его приказ лейтенанту, затем он повернулся к майору Борисову. Некоторое время он с интересом его рассматривал, затем поднялся на ноги и вплотную подошел к нему. Продолжая смотреть майору Борисову прямо в глаза, Фролов тихим, но угрожающим голосом произнес:

— Майор, я не понимаю твоего поведения. Просто не могу поверить в то, что ты на произвол судьбы бросаешь бойцов своего батальона. Поэтому, майор, хочу тебя предупредить о следующем, если ты и в бою продолжишь себя вести подобным образом, то пеняй на себя, я тебя расстреляю на месте. Делай, что хочешь, но, как командир Красной Армии, ты должен восстановить к себе уважение со стороны своих же бойцов. Я назначу тебя командиром основной группы, которая будет оборонять дорогу перед Слонимом. Ты должен беспрепятственно выпустить из города оба немецких батальона, и мотоциклетный, и разведывательный, но не позволить подразделениям 29-й моторизованной пехотной дивизии Вермахта до позднего вечера покинуть сам город Слоним. Теперь ты, майор Борисов, хорошо понимаешь, что твой отряд может оказаться под ударом не только этой 29-й дивизии, но и наступающего 47 механизированного корпуса 4-й армии Вермахта. Иными словами, твой отряд может оказаться под ударом главным сил армий группы Центр. Столкнувшись с немцами, ты должен продержаться только сутки, до полуночи этого же дня, после этого времени можешь оставить свои позиции. Но этого времени будет достаточно для того, чтобы 3-я армия вышла из окружения. А уцелеть ты сможешь только в том случае, если свой сводный отряд от преследования немцев уведешь глубоко в лес. Только там ты сумеешь сохранить жизнь бойцов своего отряда. Со временем я тебя и твой отряд обязательно найду в этом районе.

Фролов не стал интересоваться от майора Борисова, понял ли тот или не понял того, о чем он только что с ним говорил. По налившимся кровью глазам майора ему стало понятно, что своими словами он все-таки пронял этого непонятного майора. Причем, сумел так глубоко его оскорбить, что он уже никогда этого забудет и ему не простит! В заключение Фролов поверил в то, что майор Борисов уже не отступит даже перед смертью, выполняя его приказ! Удовлетворенно хмыкнув себе поднос, Иван

отправился к повозке, на которой дожжен был находиться Дима Лукашевич, но парня там уже не было. Он поинтересовался у Наперстка, который вертелся у него под ногами, не видел ли тот, куда пропал младший Лукашевич.

— Так он же за Анфиской последнее время ухлестывает, а сейчас ему, как раненому герою, все этой девчонкой позволено, вот Димка к ней и побежал, чтобы под подол к ней залезть. Наверняка, они сейчас где-нибудь под сосной целуются! — С чистым сердцем и с благородными намерениями, предав своего лучшего друга, Наперсток с быстротой молнии исчезает из поля зрения Ивана.

Почесав свой затылок, Иван Фролов подумал о том, что за молодежь пошла! Война сейчас или не война, а она все в любовь играет! В этот момент где-то в самом хвосте объединенной колонны послышалась стрельба из винтовок и автоматов. Эта перестрелка продолжалась минуты три, но Иван уже крупной рысью бежал по направлению только что прозвучавших выстрелов. Пробегая мимо красноармейцев инженерного батальона, он обратил внимание на то, что они по-разному восприняли эти близкие выстрелы. Некоторые красноармейцы продолжали спокойно отдыхать, курили армейскую махорку и беседовали друг с другом. А вот некоторые молодые бойцы, испуганно озирались по сторонам. Фролов вдруг внутри себя ощутил желание, этих молодых бойцов бежать, куда глаза глядят, так как они совершенно не понимали, что же сейчас происходит вокруг них.

Когда он подбежал к концу обоза, то у последних подвод никого из бойцов уже не было, но слышались громкие голоса людей за поворотом дороги. Отдышавшись, Фролов прошелся по дороге, когда он был почти готов сделать поворот, идя по дороге, то из-за поворота на него вдруг выскочил рядовой стрелок Вермахта. Этот парень был страшно испуган. Его глаза почти выскочили из глазниц, он с глубоким придыханием дышал, словом, выглядел загнанным охотничьими собаками зайцем. В руках этот рядовой немецкий гренадер держал свою винтовку. Не раздумывая, Иван сильный ударом апперкотом в скулу немца свалил его на землю. Этот гренадер выдержал удар кулака Фролова, он не свалился в обморок, а копошился на земле, всеми силами пытаясь подняться на ноги.

В этот момент из-за поворота выскочила толпа красноармейцев и партизан, в человек десять, она с кулаками и матом навалилась на немецкого гренадера, поднимавшегося на ноги. В одно мгновение перед Иваном образовалась самая настоящая детская куча-мала, разве что, из этой кучи очень часто

доносились совсем не детские слова и выражения! А затем из-за поворота выбежал младший Лукашенко с автоматом «шмайсер» в правой руке, а левой рукой он тащил за собой девчонку с вышитым красным крестом на белой блузке. Присмотревшись более внимательно в этой девчонке, Иван узнал одну из городских комсомолок, которая вместе со своими друзьями и подругами вступила в комсомольский истребительный батальон в первые же часы войны!

Глава 6

1

Пленный немецкий гренадер перед своей смертью показал, что мотоциклетный батальон 29-й моторизованной пехотной дивизии Вермахта, совместно с разведывательным батальоном этой же дивизии только что получил боевое задание от самого командира дивизии, генерал-майора Вальтера Фон Больтенштерна. Согласно его приказа оба батальоны должны произвести разведку дороги Слоним — Зельва — Пески — Мосты. Главная цель этого боевого задания заключается в том, что командир этой дивизии перед выступлением 29-й моторизованной пехотной дивизии из Слонима на соединение с 256-й пехотной дивизией наступающего 7-го корпуса Вермахта, хотел установить, имелись ли какие немецкие части или подразделения Красной Армии на этом участке дороги. Если да, то где эти подразделения находятся? Если будут обнаружены подразделения Красной Армии, то разведке было необходимо установить их точное месторасположения, примерную численность? Словом на восьмой день войны эта разведка стала рутинным мероприятием командира 29-й моторизованной пехотной дивизии.

Иными словами, предположения Ивана Фролова, предоставленные во многом благодаря мистике красного браслета, неожиданно получили конкретное подтверждение информацией, полученной от пленного немца. После этого Иван почувствовал себя гораздо более уверенным командиром, так как теперь в своих действиях полагался на реальную информацию. Он вызвал к себе, чтобы лично поблагодарить Диму Лукашевича и Анастасию Ляхову, которые первыми обнаружили немецкую разведку. Немецкие разведчика обследовали эту дорогу, они случайно на двух мотоциклах наткнулись последние подводы их колонны. Дима и Настя, увидев немцев, тут же подняли тревогу. И, пока бойцы группы сержанта Олейникова ловили и уничтожали эту гитлеровскую разведку, эта сладкая парочка не позволила вражескому лазутчику, оставшемуся в живых, убежать с поля боя. Дмитрию Фролов торжественно пожал руку, а зардевшейся от смущения Анастасии подарил настоящий парабеллум с двумя запасными обоймами.

Вскоре штабисты принесли на утверждение Фролову ими разработанный план предстоящего боя. Штабисты предложили

инженерный батальон поделить на три равные части, назвав каждую часть сводным отрядом. Каждый такой сводный отряд имел примерно по сто пятьдесят активных штыков, а также десять-двенадцать партизан. Командирами сводных отрядов штаб предложил назначить следующих командиров: майор Борисов становился командиром 1-го такого отряда, капитан Головин вступал в командование 2-м таким отрядом и старший лейтенант Торопынько становился командиром 3-го отряда. В этом же приказе были сформулированы боевые задачи, которые должны были решать командиры этих сводных отрядов. Командир 1-го свободного отряда должен был попытаться блокировать Слоним, чтобы воспрепятствовать 29-й дивизии Вермахта выдвинуться из города, пойти на соединение с 256-й дивизией 9-й армии Вермахта. В этой связи данный отряд должен был окапаться под городом, построить укрепления, поставить минные заграждения. 2-й сводный отряд маневрирует в районе, расположенном между поселком Мосты и водохранилищем Зельва, всячески препятствует передвижению частей и подразделений противника. Его основанная задача этот отряд не должен позволит войскам противника переправиться через реку Зельвянку. 3-й отряд обороняет район Деречин — Мосты, всячески препятствуя противнику овладеть мостами через реку Щара. Общее командование батальоном будет осуществляться старшим майором государственной безопасности Горчаковым Александром Ивановичем.

К этому времени лейтенант Домбровский прислал в распоряжение батальона четыре полуторки, реквизируемых им в ближайших колхозах. Ему по дороге также случайно встретились шесть армейских грузовиков ЗИС 5, груженных ящиками с винтовочными патронами. Эти грузовики принадлежали интендантам 4-й армии, которая вместе с 10-й и 3-й армиями вела бои в белостокском выступе. Интендант, сопровождавший эти грузовики, очень обрадовался, когда узнал, что его остановили красноармейцы. Когда он рапортовал Фролову, то радостно заявил:

— Товарищ майор, за сутки, получив патроны на фронтовой базе, мы проехали столькими дорогами, что невозможно себе вообразить! Пытаясь прорваться в свою армию, нам приходилось иногда ехать такими разбитыми проселочными дорогами, что нам казалось, что рессоры наших грузовиков не выдержат дорожных ухабов и рытвин, остановятся! Два наших грузовика подорвались на минах, неизвестно кем установленных. Оба водителя грузовиков погибли. Один грузовик нам пришлось бросить, у него кончился бензин. Но вот три часа назад в лесу мы наткнулись на

армейскую передвижную бензозаправочную станцию, там нас без разговора заправили под завязку, так что сейчас мы готовы ехать, куда угодно! Вот только немецких мотоциклистов мы постоянно встречаем практически на каждой дороге. Иногда они сами при виде такого количества грузовиков удирали, частенько нам приходилось по ним стрелять. Но пока, как видите, товарищ майор, нас бог миловал, мы живы и здоровы, готовы родине послужить!

— Товарищ военный интендант, как ваша фамилия?

— Извините, товарищ майор, на радостях, что встретил вас, позабыл представиться, как положено! Техник-интендант 1 ранга полка тылового обеспечения 4-й армии РККА, Александр Николаевич Гаврилов!

— Александр Николаевич, а вы снова сможете разыскать армейскую передвижную автозаправочную станцию в этом лесу, если нам это потребуется?

— Так точно, товарищ майор, смогу!

— Отлично, техник-интендант! Постарайтесь пока быть у мена на виду! Ваша помощь может нам потребоваться в любую минуту! Товарищ красноармеец, срочно разыщите и пришлите ко мне старшего лейтенанта Торопынько?! — Попросил Фролов, пробегающего мимо красноармейца.

Вскоре Геннадий Торопынько доложил ему о своем прибытии. Взмахом руки Иван подозвал к себе военинтендата, познакомил его со старшим лейтенантом Торопынько и предложил обоим командирам:

— Товарищ Торопынько, не можешь ли ты этому смекалистому технику-интенданту выделить отделение красноармейцев во главе с каким-либо смекалистым отделенным командиром! А вы, товарищ техник-интендант постарайтесь в лесу снова разыскать ту самую ПАЗС. Предложите ее персоналу присоединиться к нашему отряду. Тогда у нас появится возможность вовремя заправлять весь наш автотранспорт. Товарищ интендант, а сейчас я попросил бы вас своим водителям отдать приказ о том, чтобы они приступили бы к разгрузке своих грузовиков, ящики с патронами раздайте поровну по только что сформированным отрядам. Сами же, когда вернетесь из поиска, то поступайте в распоряжение командира нашего резерва, сержанта Олейникова. Сделаем наш резерв мобильным, тогда мы получим возможность вовремя затыкать этим резервом все образовавшиеся дырки в нашей обороне!

Фролов еще долго смотрел за тем, как в лесу исчезает последний красноармеец из отделения, которое вместе с интендантом Гавриловым отправилось на розыск передвижной

автозаправочной станции. Ему все больше и больше нравилось одно уж то, что операция по организации выхода четырех советских армий из окружения в белостокском выступе приобретала все более зримые черты. В этот момент он услышал за своей спиной:

— Товарищ майор, разрешите обратиться?

Фролов повернулся на голос и увидел перед собой майора Борисова и капитана Головина.

— Да, разумеется! Что-нибудь случилось, товарищи командиры?

— Мы вот тут с Николаем Ивановичем Головиным посоветовались и решили, просить вашего разрешения на выдвижение наших отрядов на боевые позиции. Чем раньше мы туда придем, тем больше времени у нас будет на их подготовку к бою!

— В принципе, вы правы, товарищи командиры! Но я полагал, что если лейтенанту Домбровскому удастся каким-либо образом получить в наше распоряжение артиллерию, то вместе с артиллеристами вы бы отправились на эти позиции.

— Ничего страшного в этом нет, товарищ майор! Будут пушки, то мы встретим их прямо на своих позициях! Покажем, артиллеристам, где им было бы лучше установить свои пушки!

— Ну, что ж, товарищи командиры, я не имею возражений в отношении вашего предложения. Можете уже сейчас отправляться на свои огневые позиции! Только перед расставанием, я бы хотел с каждым из вас переговорить наедине!

Михаил Михайлович был сильно удивлен тем обстоятельством, что ему пришлось снова услышать голоса из преисподней. Но уже через минуту он повел себя, как простой деревенский мальчишка, мысленно трепался, не переставая. С глубочайшим интересом он также наблюдал за процедурой превращения своего товарища, капитана Головина, в телепата. Майор Борисов стал первым человеком телепатом, с которым начал общаться капитан Головин после того, как и сам стал телепатом. Общаясь друг с другом мыслеречью, они покинули Ивана Фролова, забыв с ним даже попрощаться. Вскоре в двух сводных отрядах началась подготовка к выступлению.

Лева Домбровский появился в лагере с двумя капитанами артиллеристами через пять минут после того, как Фролова покинули майор Борисов и капитан Головин. Лейтенант был очень оживлен, он все это время убеждал в чем-то этих симпатичных артиллеристских капитанов. Увидев Ивана Фролова, одетого в рваный мундир немецкого майора, оба капитана сильно растерялись. Они стояли перед Иваном,

нерешительно переступая с ноги на ногу, не зная, о чем можно рапортовать этому здоровому немцу. Пришлось Фролову залезать в их мозги, что слегка подправить их жизненный тонус, не обращать внимания на то, что он был одет в немецкий мундир.

— Капитан Горелов, командир конной батареи полковых орудий!

С большим трудом, заикаясь, промямли первый капитан.

— Капитан Жданов, командир батареи дивизионных орудий на тракторной тяге.

— Парни, вы же оба капитаны РККА, а это очень многое значит! В вашем подчинении находятся артиллеристы и орудия, а вы не можете толком доложить о себе и своих батареях. — Не выдержал и Фролов слегка подзадорил обоих капитанов. Давайте, выясним, в каком состоянии находятся ваши орудия, можете ли вы из них по гитлеровцам стрелять?!

Рапортовать эти капитаны, как оказалось, действительно не умели, хотя в армии были уже два года, пришли на службу сразу же после окончания училища. В простом же разговоре они сумели рассказать о том, полковая батарея состоит из шести 76 мм орудий. В настоящий момент эти пушки имеют всего лишь половину боекомплекта. Поэтому эта батарея и двигалась в сторону Слонима, где, по словам, каких-то неизвестных свидетелей, стояла 8-я артиллерийская бригада с тылами. Там капитан Игорь Горелов собирался пополнить боекомплект своей батареи. С дивизионной батарей капитана Жданова дела обстояли еще хуже. Этот капитан был вынужден стать командиром батареи, когда, отражая танковую атаку немцев погиб ее бывший командир.

В том бою эта дивизионная батарея потеряла сразу два орудия, артиллеристы этой батареи, покидали свои огневые позиции под огнем немецких танков, поэтому они так и не смогли забрать с собой хоть какой-нибудь боекомплект. Иван Фролов по-крестьянски почесал свой затылок, он пока еще не знал, каким образом будет выходить из этого положения. Но он знал точно, что полковая батарея в любом случае примет непосредственное участие в предстоящем бою. Что же касается дивизионной батареи, то он подумывал о том, топливные баки тракторов тягачей заправить оставшейся соляркой, трактора и орудия затем передать в расположении частей 3-й армии, которые будут выходить из окружения.

В этот момент незнакомый голос вдруг обратился к нему в мысленной диапазоне.

— Что, товарищ майор, испытываете большую потребность в 76 мм снарядах?

— Да, вы правы! У нас появились орудия и артиллеристы, но снарядов к дивизионным пушкам практически нет! Я прошу меня извинить, но я не узнаю вашего голоса! Кто вы такой?

— Да, это же я, ваш хорошо знакомый, майор Борисов! Мне так понравилась ваша телепатия, Иван Фролов, что я теперь балуюсь подслушиванием чужих разговоров, чужих мыслей. Вот я случайно и наткнулся на ваши мысли о том, что, если найти снаряды к различным пушкам, то одно это во многом может решить вашу правильной организации боев с немцами. Так вот, хочу вам официально заявить о том, что мне одно местечко, где этих снарядов храниться до чертовой матери!

— И где оно, это местечко находится?

С глубокой надеждой в голосе поинтересовался Иван Фролов.

— Третий отряд старшего лейтенанта Торопынько будет работать на шоссе Мосты — Деречин. Деречин сам по себе небольшой поселок городского типа. А вот в двух от него километрах располагается военный городок, принадлежавший одной из артиллеристских бригад РККА. Когда мы вчера по дороге в Слоним случайно заглянули в этот военный городок, то ахнули от удивления. Там не было ни одного живого человека, а артиллеристские склады сплошь и рядом забиты снарядами различных калибров. К тому же депо артиллерийского парка было забито новенькими ЗИС 6 и новенькими тракторами тягачами. Если за ночь местные крестьяне это артиллерийского депо и склады не разграбили, то нам будет там, чем поживиться, Иван!

— Спасибо, Миша, за информацию! Ты не обратил внимания, Торопынько с этим интендантом еще не вернулся обратно?

— Он только что прислал вестового! С минуту на минут они должны вернуться? Ты только, Ваня, не забудь, и его, и интенданта сделать, телепатами тогда твой отряд станет непобедимым! Никому еще не снилась такая связь между командирами во время боя! А сейчас мы вас покидаем, да, я чуть не забыл, а эта твоя телепатия на каком расстоянии действует?

Когда лейтенант Домбровский вернулся в лагерь, то он сразу же обратил внимание на то, что в лагере оставался один отряд старшего лейтенанта Торопынько, а два других отряда уже покинули место стоянки. Иван Фролов сидел на немецком мотоцикле и разговаривал со старшим лейтенантом Торопынько. Увидев лейтенанта Домбровского, Фролов ему улыбнулся, и рукой показал, чтобы он присоединился к его разговору с Торопынько.

— Вы, Геннадий Сергеевич, быстрее собирайтесь и вместе со своим отрядом отправляйтесь на позиции под Деречин, там и встретимся. Обстоятельства сложились таким образом, что на ваш

отряд, товарищ Торопынько, пал удел стать главным отрядом всей нашей братии особого назначения. Тут совершенно случайно выяснилось, что в поселке Деречин имеется серьезная артиллерийская база. Сержант Олейников со своими разведчиками сорвиголовами уже туда отправился. Вы вместе с лейтенантом Домбровским гоните туда оба наших артиллерийских полка. Пускай, они там набирают свои боекомплекты! А вашего интенданта назначьте ответственным за автотранспорт, может быть, тогда мы сможем всех наших бойцов пересадить в грузовики. Тогда немцы нас берегитесь, мы вам покажем, где кузькина мать зимует! Да, парни и не забывайте прихватывать с собой всех встретившихся по дороге окруженцев, красноармейцев и командиров Красной Армии. Я же пару часов тут еще немного покручусь, посмотрю, что к чему. Через два часа планирую прибыть в Деречин!

Из кустов выпрыгнул Дима Лукашевич и ловко запрыгнул в мотоциклетную коляску с пулеметом МГ34. Он снова был одет в ладную форму рядового немецкого гренадера. Фролов выжал педаль акселерата, поддал немного газу, мотоцикл легко тронулся с места, он покатил по лесной дороге, придерживаясь общего направления на Слоним.

2

Фролову правил мотоциклом, осторожно объезжал дорожные ухабы и рытвины. Но, чем они ближе приближались к Слониму, тем больше дорога ему не нравилась! Помимо того, что она было сильно разбита, эта дорога еще шла с постоянным понижением. Тут слева от них появилось болото, и чем ближе они подъезжали к городу, тем больше становилось болото!

— И откуда здесь, могло появиться такое большое болото? — Мысленно поинтересовался Дмитрий Лукашевич.

— Да и я сам этого не понимаю! — Ответил Иван, слегка притормаживая мотоцикл и, привстав в седле, он пытался рассмотреть, куда же они попали.

Но тут он вспомнил о существовании телепата майора Борисове, чей отряд должен был пройти этой дорогой к Слониму:

— Михаил Михайлович, вы слышите меня?

— Да, Иван, даже очень хорошо слышу! Насчет болота вы особо много не беспокойтесь, оно скоро совсем уйдет в сторону, а дорога станет суше и гораздо лучше. Что же касается нас, то мы уже достигли своих позиций, принялись за рытье окопов, отправил сапером ставить минные поля. Да, Иван, а как у нас

решается вопрос артиллерии, когда на нее мы сможем рассчитывать?

— Да все нормально с артиллерией, майор! Вас будет поддерживать дивизионная батарея, орудия которой уже становятся на огневую позицию, с которой она сможет вести огонь, как по Слониму, так и по поселку Зельва. Жаль только, что мы имеем всего только два таких мощных орудия, а то бы немцам от нашего огня кошмары по ночам стали бы сниться! Артиллеристы уже закапывают эти два своих орудия в землю, а через час, полтора им привезут снаряды. Так что готовьтесь работать вместе с артиллеристами. Я полагаю, что командир этой батареи, капитан Игорь Жданов, студент четвертого курса математического факультета МГУ, неплохо знает секреты своей военной профессии!

Вскоре болото действительно ушло в сторону, дорога подсохла, стала гораздо лучше, на ней уже не было глубоких рытвин или высоких ухабов. Когда лес закончился, то Фролов притормозил мотоцикл. В бинокль он начал осматривать окружающую местность. И практически сразу же он увидел отряд майора Борисова за работой, бойцы копали окопы в полутора от него километрах. Несколько саперов возились на дороге, видимо, закладывали минное поле.

— Михаил Михайлович, вот я тут неподалеку стою и наблюдаю за тем, как твои бойцы копают одиночные окопы. Я бы на твоем месте не стал бы своих бойцов сажать в такие окопы, они в них будут предоставлены самим себе во время боя! Того и глядишь, неопытные парни испугаются атак немцев и, как зайцы, побегут из таких окопов. Мой тебе совет, пока у тебя в запасе имеется время, копай траншеи. В траншеях красноармейцы не будут ощущать себя брошенными и никому не нужными людьми. Вместе с товарищами всегда как-то ловчее отбивать атаки врага!

— Извини, Иван, в суматохе боя я об этом психологическом моменте и не подумал, хотя комиссар батальона мне в свое время говорил о влиянии психологии на ведение боевых действий. Может быть, ты нам в этом поможешь?

— Мог бы, то обязательно это сделал бы, Михаил! Я бы постарался бы нашим бойцам преодолевать это психологический шок. Понимаешь, такой шок возникает у всех нормальных людей, когда на них начинают двигаться вражеские танки! Но не все они могут его самостоятельно преодолевать. Да, между прочим, а водку ты в запасе имеешь?

— Кто же не имеет в запасе столь драгоценного напитка!

— Так, попробуй, бойцам налей по сто грамм водки, сразу же увидишь, как изменится их поведение в бою! Ну, да, ладно, за

тебя, Михаил, я спокоен! Поеду, посмотрю, как у других обстоят дела? Связь будет держать телепатически! Так что бывай, до встречи, майор!

Фролов отъехал примерно на километр от места, где наблюдал за тем, как закапывались в землю бойцы отряда майора Борисова, как вдруг услышал винтовочные выстрелы. Он посмотрел на Дмитрия, сидевшего за пулеметом в коляске, тот утвердительно кивнул головой и пальцем показал в сторону совсем незаметной дороги, отходящей вправо от этого большака. Иван круто вывернул руль мотоцикла вправо, он тут же резко снизил его скорость движения. Так как требовалось честно признать, что эта новая дорога совершенно не годилась для езды на ней на велосипеде или на мотоцикле. По этой дороги человек мог бы пройти, но чтобы по ней проехать, водитель должен был продемонстрировать чудеса акробатической вольтижировки. Тем не менее, примерно, через километр движения по дороге послышалась новая россыпь винтовочных выстрелов. На этот раз кто-то стрелял совсем от них близко. Дима приладил приклад МГ34 к своему не раненому плечу, словом он был готов открыть огонь в любую секунду.

Эта проселочная дорога при выходе из леса практически сразу же переходила в короткую деревенскую улицу. По обе ее стороны стояли добротные дома с большими дворами и огородами. Но жителей в этих домах и дворах не было видно. Эта единственная улица деревни сразу же переходила в небольшую деревенскую площадь, на которой собрались человек восемьдесят различных возрастов и полов. По тому людскому гулу, который сейчас стоял над деревенской площадью, можно было понять, что там собрались все жители этой деревни. Видимо, все то, что сейчас происходило на площади, так сильно приковывало к себе внимание всех жителей этой деревни, что они даже не обратили внимания на появление за их спинами мотоцикла с двумя седоками в форме мышиного цвета.

Чтобы прояснить ситуацию на площади, Фролов перешел на первую скорость, мотоцикл возобновил свое движение по улице. Так медленной скоростью они стали приближаться к деревенской площади. В этот момент толпа деревенских жителей совсем примолкла, над площадью пронеслась команда, подаваемая на русском языке:

— Эй, вы, братва, мать вашу так, а ну-ка становись в шеренгу, сейчас этих краснопузых шмалять будем!

Вскоре Фролов и Дима на своем мотоцикле оказались в самом конце деревенской улицы. Они остановились именно там, где улица переходила в площадь. С этого же места им обоим было

также хорошо наблюдать за всем тем, что сейчас творилось в центре площади.

А там какие-то суетливые людишки, одетые в красноармейские галифе, в черные пиджаки, подпоясанные солдатскими ремнями с красными звездами на ременных бляхах, и с белыми повязками на левых рукавах творили форменный беспредел на глазах сельской общественности. Там они расстреливали красноармейцев, случайно попавших в их руки. Причем, первый десяток расстрелянных красноармейцев уже валялись в лужах крови у самой стены этого большого и единственного каменного дома во всей этой деревни.

Сейчас вдоль стены эти суетливые людишки выстраивали второй десяток красноармейцев, среди которых были три заплаканных девушки. Эти людишки бегали взад и вперед вдоль этой шеренги, громко и матерно требуя, чтобы молодые парни и девушки выровняли бы свой строй, держа каблуки ботинок и сапог вместе, а мыски раздельно. Разумеется, у красноармейцев ничего подобного не получалось, да и они были слишком подавлены этой процедурой расстрела. Парни и девушки глубоко ушли в себя, не обращали внимания на то, что с ними вытворяли такие же, как и они сельские парни, но только в гражданских костюмах.

А вокруг расстреливаемых красноармейцев собрались деревенские жители, они вели себя подобно зевакам больших городов. Эти крестьяне стояли и с каким-то тупым интересом наблюдали за всем происходящим перед их глазами. Он не роптали, не возмущались, своими криками не требовали, прекратить расстрел невинных людей. Эти люди просто стояли и смотрели!

— Быстрей шевелись, братва! — Снова послышался теперь уже знакомый голос. — Кончай копошиться, а то краснопузых у нас столько, что мы до вечера не управимся! Господин вахмистр, будет нами не очень доволен!

— Будь готов открыть огонь из пулемета! — Приказал Иван Фролов младшему Лукашевичу.

А сам Иван повернул голову в сторону, откуда послышался этот командный голос. На право краю площади стоял немецкий мотоцикл, в кресле которого восседал вахмистр немецкой полевой жандармерии, хорошо ему знакомый Герберт Фишер. Рядом с ним стоял атлетически сложенный мужчина, который и подавал команды этим людишкам, уездным полицаям. По всей очевидности, он и был командиром этих полицаев. Сейчас он беседовал с вахмистром Фишером, совершенно не обращая внимания на работу своих полицаев, и как-то чисто по-бараньи

заглядывал в глаза своему немцу.

— Расстреляй полицаев, которые собираются расстрелять красноармейцев. И сразу же переносишь огонь на фельджандарма и на этого командира полицаев. Постарайся своим огнем не затронуть пленных красноармейцев. — Фролов отдал мысленный приказ Дмитрию.

— Ребята, что у вас там происходит?

Тут же в мысленном диапазоне послышались взволнованные голоса всех телепатов Фролова.

— Тут немцы и полицаи расстреливает красноармейцев! Нам некогда с вами разговаривать! Свяжемся с вами, когда все закончится.

Из поясной кобуры Фролов достал пистолет «Вальтер», а из маленького железного ящика за своей спиной достал две немецкие гранаты, колотушки М-24. Пока суть, да дело, он привел обе гранаты в боевое состояние, отвинтив снизу у их ручек предохранительные колпачки, наружу вывались два фарфоровых шарика, привязанные шнурами к детонаторам. В этот момент одному из полицаев не понравилось поведение одной медсестры, которая плакала и своей ладошкой пыталась вытереть слезы с лица. Это замызганный мужичонка с винтовкой в руках подскочил к этой симпатичной девчонке и поднял свою винтовку, желая ее прикладом ударить свою жертву. Тут, видимо, нервы у Димы не выдержали, пророкотали короткая пулеметная очередь. Этот мужичонка пулеметной очередью был прямо-таки размазан по каменной стене дома.

Дима развернулся вправо и долгой очередью прошелся по расстрельной команде из полицаев. Иван Фролов с силой метнул одну гранату в сторону немецкого вахмистра фельджандармерии, а вторую гранату — в строй полицейских, которых продолжал к тому же еще обстреливать из своего пулемета Дима.

Все закончилось как-то очень быстро, на площади после взрыва двух гранат, громкой пулеметной стрельбы вдруг наступила тишина.

Сельчане разбежались по домам еще во время перестрелки. Вахмистр Гербер Фишер погиб, погибли и два его фельджандарма. Они охраняли пленных красноармейцев, а те их просто-напросто их растерзали, когда поняли, что их кто-то освобождает из плена. Десяток красноармейцев, которых полицаи собирались расстрелять, так и остались стоять у стена, только своими спинами они почти в нее впились. Сейчас же перед ними лежали убитые и тяжелораненые полицаи, некоторые из них почему-то шепотом молили о помощи. Первой к этим нелюдям шагнула та ладная дивчина медсестра, она с земли подняла

трехлинейку Мосина и с винтовкой наперевес пошла к полицаям.

— Ни шага вперед! Я приказываю всем стоять на место! — Приказал Фролов.

Медсестра подняла свои глаза на него, увидела его форму, она некоторое время размышляла. А затем брезгливо швырнула в его сторону только что подобранную с земли винтовку, и пошла к своим товарищам, пленным красноармейцам.

— Да, их тут больше чем рота! — Подумал Иван, а горло его уже раздирало в диком крике-приказе. — Командир красноармейцев срочно подойдите ко мне!

От стены, у которой расстреливали красноармейцев, отклеился командир, одетый в командирскую форму РККА, но без знаков различия на воротничке, так как тот был вырван с корнем из гимнастерки. Этот командир оправил свое обмундирование и, немного подволакивая правую ногу, подошел к Фролову. Ладонь правой руки он, действуя автоматически, хотел бросить к правой брови глаза, но вовремя вспомнил, что на его голове нет фуражки, остановил руку на середине выполнения козыряния!

— Батальонный комиссар Козырев, Иван Иванович! Следовал из Москвы в политотдел 10-й армии, где меня должны были направить для продолжения службы в полк или на батальон. Но не доехал, под Лидой наш эшелон разбомбила немецкая авиация. Решил пешим порядком добираться до 10-й армии, но у меня как-то это не получалось. Вместо того, чтобы двигаться к границе, под постоянным натиском немецких танков мне приходится отступать вглубь страны. Извините, товарищ майор, а почему на вас форма немецкого офицера?

— Извините, товарищ батальонный комиссар, но для выполнения приказа своего командира, вынужден носить эту форму! Значит, вы, Иван Иванович, никакого отношения не имеете к этим красноармейцам?

— Так точно, товарищ майор! Товарищ батальонный комиссар наш случайный попутчик и ничего более! Разрешите представиться, товарищ майор?! Майор Игнатьев Александр Иванович, командир 251-го полка 8-й стрелковой дивизии. Мы вели бои на самой границе, пытаясь врага, перешагнувшего границы нашей родины, отбросить обратно. Четыре дня мы не выходили из боев, сами ходили в атаки, отбивали атаки противника, многому научились в военном деле. А главное научились не бояться танков противника, научились жечь их бутылками с коктейлем Молотова. Вчера ночью остановились на ночевку в этой деревушки, очень хорошо отоспались, но утром оказались в руках местных полицаев. А дальше вы, товарищ майор, уже сами все видели!

— Где же находится оружие ваших красноармейцев?

— Прошу извинить, товарищ майор, но я не знаю, где наше оружие! Утром проснулись, а оружия с нами уже не было. Одни только эти полицаи и шныряли вокруг!

— Тогда я вам, товарищ майор, приказываю срочно разыскать свое оружие! Жители этой девушки, наверняка не могли его далеко спрятать! Вернув оружие, вместе со своими бойцами следуйте в поселок Мосты, чтобы там воспрепятствовать переправе немецких танков через Неман!

3

Как это было не удивительным, но первыми в бой с немцами вступили бойцы отряда Торопынько под Деречином. Причем, эти бойцы не успели даже хорошенько окопаться, как оказались под огнем пулеметов немецких мотоциклистов, неизвестно откуда появившиеся в этом белорусском поселке.

Примерно, около часа назад до появления в Деречине красноармейцев, десять мотоциклов, целая рота немцев, появилась на центральной площади этого поселка. Слава богу, что немцы вместо того, чтобы на своих мотоциклах лететь к мостам через реку Щару, а то бы эти мосты без единого выстрела были бы ими заняты! Эти немецкие мотоциклисты принялись себя вести подобно иностранным туристам, решившим познакомиться с достопримечательностями этого небольшого белорусского поселка. Они с деловыми лицами заходили в дома белорусов и, не поздоровавшись с хозяевами, сразу же направлялись в хлев или ясли, чтобы полакомиться свежим молоком, сметаной или набрать десяток только что снесенных белорусскими курами яиц. Хозяева, белорусские крестьяне, стояли рядом с растерянными лицами, они не понимали, почему эти немцы, о которых так много говорил, что они — культурная европейская раса, их грабят среди белого дня?!

В диапазоне мысленной связи Фролов хорошо слышал, как старший лейтенант Торопынько, добрейший на свете интеллигентный человек, сейчас почему-то дико матерится, подгоняя своих красноармейцев быстрее взяться за свои винтовки и пулеметы, чтобы перестрелять этих проклятых немецких мотоциклистов. Он недоумевал по поводу того, о чем сам столько раз говорил своим людям, что немецкие солдаты уже прошли несколько войн. И во всех этих войнах они побеждали, военную структуру европейских стран они ломали в течение двух-трех недель! Поэтому, Фролов говорил командирам и красноармейцам

о том, что им нужно проявлять особую предосторожность, вступая в контакт с немцами.

Красноармейцы Торопынько, да и сам старший лейтенант, въезжая в Деречин на двадцати подводах, свои винтовки и пулеметы разбросали по этим подводам. На краткий момент они были попросту ошеломлены, когда по двум первым телегам в упор заговорила два немецких пулемета. Словом нежданно-негаданно старший лейтенант Торопынько потерял целое свое отделение бойцов. Но, видимо, мат старшего лейтенанта воздействовал правильным образом на его старшин и сержантов, привел их в боевое настроение. Они в свою очередь пинками ног, зуботычинами и просто кулаками молодых необстрелянных красноармейцев привели в сознание! Заставили их быстренько разобрать свое оружие, и гранатами прикончить немецких пулеметчиков! После чего, наступила боевая пауза!

Геннадий Сергеевич Торопынько, по количеству мотоциклов, стоявших на центральной поселковой площади, сумел правильно определить общее количество немцев, вдруг оказавшихся в Деречине. Он приказал своей разведке, найти и уничтожить похитителей домашней птицы, свежих продуктов питания, а сам вместе с отрядом отправился на возвышенность, с которой отлично просматривался сам Деречин и подъезды к мостам через речушку Щары. На этой возвышенности он и собирался построить небольшой укрепрайон, чтобы не позволить немецким танкам и пехоте помешать частям и подразделениям 3-й и 4-й армий переправиться через эти мосты, выйти из окружения.

По тональности переговоров, которые Геннадий Сергеевич сейчас вел с своей разведкой и со своими взводами, Иван Фролов почувствовал, что этот старший лейтенант, так неожиданно встретившись с немцами, так и не впал в паническое состояние страха перед ними! Поэтому он изменил свое прежнее решение, оставив Торопынько самому решать все возникающие проблемы по созданию своего укрепрайона, а сам направился в военный городок, который находился в двух километрах от Деречина.

На территории этого военного городка Фролов полагал, что может еще раз встретиться с майором Борисовым, капитаном Головиным, обоими капитанами артиллеристами, но, проехав настежь распахнутые ворота этого военного городка, сразу же понял, что никого, кроме техника-интенданта Гаврилова, лейтенанта Домбровского и взвода красноармейцев в военном городке больше никого не было.

Лева Домбровский прямо-таки обрадовался, увидев, как через ворота на территорию военного городка проехал мотоцикл с Иваном Фроловым за его рулем. Он подскочил к Ивану,

вытянулся по стойке смирно, хотел ему доложить о сложившейся к данному часу обстановке, но Фролов попросил его сделать сообщение, но без армейских выкрутас с козырянием, со стойкой смирно. Причем, сам Иван не сдержался, первым делом он поинтересовался, где сейчас находятся пушки обеих батарей? Фролову явно хотелось посмотреть на эти орудия, коснуться их своей рукой.

— Товарищ майор, все шесть орудий уже на своих огневых позициях, расчеты окапывают и маскируют свои орудия. Командиры батарей ведут расчеты таблиц стрельб по живой силе и танкам противника. Мы с Александр Николаевичем сейчас ожидаем прибытия отделения водителей грузовиков, так как собираемся этих водителей посадить за руль ЗИС 6 для перевозки снарядов с базы хранения до огневых позиций.

— Что, на этой базе хранятся еще и наши грузовики? Сколько же их?

— Да, примерно, рота! Тридцать грузовиков ЗИС 6. Десять грузовиков мы планируем отдать артиллеристам для подвозки снарядов со склада на батареи! Но помимо грузовиков здесь имеются трактора тягачи орудий большой мощности. Да и вообще на этой базе многое что имеется! Винтовки, пулеметы РПГ и боекомплекты к этому оружию.

— Лева, у меня к тебе имеется личная просьба. Этот артиллерийский склад будет находиться в наших руках, по моим расчетам, до завтрашнего утра. Завтра утром немцы обязательно на нас обрушатся всей своей массой танков и пехоты, попытаются нас окружить, чтобы уничтожить под корень. В такой ситуации в нашем распоряжении будут только две возможности, или полностью погибнуть, или же вместе со своими подразделениями укрыться в белорусских лесах! Те же, кто укроется в лесах, со временем развернут широкое партизанское движение. Некоторые же сразу же отправятся к линии фронта, чтобы ее перейти и сражаться с немецкими оккупантами в регулярных частях Красной Армии. Но и тем, и другим подразделениям обязательно потребуются эти винтовки и пулеметы, которые сейчас хранятся на этом складе. В этой связи, Лева, мне нужен человек, который мог бы заняться организацией нескольких партизанских схронов. В лесу роются безопасные тайники, на которых складируется это оружие и боекомплекты к нему. Когда работа по созданию им таких тайников схронов будет закончена, то этот человек информацию о таких схронах передает мне!

— Товарищ майор, я понял, что вы имели в виду? По моему мнению, таким человеком мог бы стать техник-интендант 1 ранга Александр Николаевич Гаврилов! Он человек совершенно новый в

вашем окружении, но ответственный. Может выполнить любое ваше поручение. К тому же о нем мало кто чего-либо знает!

В этот момент, подбежавший к ним, Дима Лукашевич сообщил, что к военному городку приближается какая-то военная часть, видимо, это были все-таки красноармейцы! Но Фролов уже знал, что это был 315-й полк майора Игнатьева. Александр Иванович только что выходил на него по каналу мысленной связи, доложил о прибытии своего полка.

Вскоре майор Игнатьев к ним присоединился. Они стояли втроем и внимательно наблюдали за тем, как ведут себя красноармейцы обоих подразделений. Бойцы 315-го полка были кадровыми армейцами, прошедшими обучение, успевшие повоевать с немцами на границе. Они вели себя более нахально, чем красноармейцы инженерного батальона, что ли?! По крайней мере, они гораздо быстрее, чем саперы и понтонеры принимали решение и также быстрее выполняли команды своих командиров!

— Александр Иванович, — Фролов обратился к майору Игнатьеву, — вам все-таки придется в основном действовать в отрыве от нас, самостоятельно. Вашим основным противником станет 256-я пехотная дивизия Вермахта, которая вскоре начнет прорываться к Слониму. Постарайтесь не дать полкам этой дивизии свободно переправиться через Неман. Для этих целей и для большей подвижности вашего полка мы выделим вам пятнадцать грузовиков ЗИС 6. Этими грузовиками вы свой полк можете очень быстро перебросить в поселок Мосты. Но на пять грузовиков мы советуем вам установить зенитные пулеметы ДШК, эти пулеметы, по нашему мнению, позволят вам решать многие дополнительные проблемы. По крайней мере, для врага окажется неприятной неожиданностью, когда из этих пулеметов вы откроете огонь по танкам и пехоте немцев! Из них можно вести огонь и по воздушным целям! Так что, майор, постарайтесь найти водителей среди ваших бойцов полка. Получите грузовики и и побольше пулеметов с боекомплектом.

Командиры отрядов занялись своими делами, оставив Ивана Фролова на время в покое.

Он же отошел в сторонку и задумался. Последние часы у него вдруг начались проблемы со здоровьем, слишком часто билось сердце, появилась странная одышка, после нескольких шагов ему становилось нечем дышать! Иван даже начал опасаться того, что ему не хватит сил и здоровья выполнить боевое задание, которое ему подбросила судьба злодейка и немецкий Абвер. Теперь он должен был спасти души и жизни нескольких сотен тысяч красноармейцев и командиров РККА. Но он также хорошо понимал, что в предстоящих боях погибнет сегодня вечером и

ночью погибнут тысячи солдат. От этих мыслей о смерти Ивану становилось все хуже с каждой минутой. Ему даже показалось, что кто-то хочет его забрать из этого мира. И в этот момент перед его глазами всплыло лицо Машки, которая с открытыми глазами, но у же мертвая, сидела, облокотясь спиной о березу, на косогоре встречая последний восход солнца в своей такой короткой жизни.

— Ты хочешь меня увидеть, Мария? — Мысленно прошептал Фролов. — Но сейчас я не могу покинуть этот мир, так как я еще не выполнил своего слова, я не могу бросить посреди пути не доделанного дела! Из-за нас с тобой, Маша, не должны умирать сотни тысяч красноармейцев!

Возможно, ему это показалось, но, кажется, Маша согласилась с его словами.

Когда Иван Фролов пришел в себя, то он весь в испарине лежал на траве, его сердце едва билось. Вокруг него собрались все его товарищи, они с бледными лицами и с явным испугом наблюдали за ним. Рядом с ним на коленях стояла та фельдшерица из полка майора Игнатьева, которую хотели расстрелять полицаи, но так ее и не расстреляли. Она по стетоскопу внимательно прослушивала его сердце. Женщина подняла глаза на командиров и тихо сказала:

— Майор, умирает! Если он не умрет сейчас, то может умереть в любую другую минуту. У него совершенно плохое сердце, сейчас оно едва бьется!

Перед глазами Фролова снова появилось лицо Маши, на этот раз оно было заплаканным. Губы любимой девчонки задвигались, Иван так и не услышал ее голоса, но он понял каждое слово своей любимой Маши:

— Сегодня ровно девять дней, как я умерла. Я не хочу, но меня заставляют твою душу, любимый, забрать вместе с собой! С большим трудом мне удалось добиться, чтобы ты до сорокового дня оставался бы на этой земле!

Фролов решительно вырвался из рук фельдшерицы и поднялся на ноги. Он улыбнулся своим боевым друзья и сказал, обращаясь к женщине:

— Не знаю, как, но ты отодвинула мою смерть на несколько дней! С этого момента и до моей смерти ты теперь должна находиться рядом со мной! Мне нужно встретиться с местным батюшкой, заодно, если ты этого захочешь, он нас обвенчает! Дима, давай, подгоняй мотоцикл, у нас совсем нет времени. Нужно поспешить сделать все свои личные дела до начала боя.!

— Ты же совсем юноша, да еще к тому же одержим черной силой?! — Испуганно проговорил женоподобный батюшка, только взглянув в глаза Ивану Фролову.

Иван не стал вдаваться в подробности того, что с ним только что случилось, так как он сразу же понял, что этот батюшка предоставит ему помощь, но только очень ограниченную. Даст ему небольшую отсрочку, все остальные свои проблемы ему придется решать после этого боя. Поэтому он отвел свои глаза в сторону, тихим и смиренным голосом проговорил:

— Батюшка, моя судьба сложилась таким образом, что она, а не я сам определяю свою жизнь! Сегодня случилось так, что я, возможно, не вернусь из боя, а мне нужен наследник, который продолжит мое дело! Обвенчайте меня с рабой божьей Анной, я вам хорошо за это заплачу!

Глава 7

1

Когда они покидали церковь, то Анна, по-прежнему, молчала, послушно следуя за мужем. В этот момент она, видимо, находилась под глубоким впечатлением таинства своего венчания с Иваном перед богом в церкви!

Иван и Дима прислушивались к той перекличке, которая сейчас происходила в мысленном эфире. Там новоиспеченные телепаты, особо не стесняясь в выражениях, обсуждали все то, что происходило перед их глазами. Они высказывали свои мнения, давали друзьям советы, как действовать в той или иной боевой ситуации. Из этих переговоров Иван понял, что только 2-й отряд под командованием капитана Головина из других подразделений его бригады в какой-то мере пришлось повоевать с танками генерала Гота. Что этот бой развивался и закончился не тем результатом, на который рассчитывали немецкие танкисты. Фролов вслушивался в перекличку своих друзей, размышляя о том, что же там, на Зельвовских переправах, происходит не так, а его глаза в этот момент бесцельно блуждали по лицом сельчан, собравшихся на площади перед сельским храмов.

Прежде всего, Фролова удивило то обстоятельство, что так много людей собралось на этой площади. Они постоянно крестились, протягивали к ним руки, их губы шевелились, словно они что-то у него с Анной просили. Его же Анна шла рядом с ним, рука об руку, девушка была одета в белое подвенечное платье. Она о чем-то разговаривала с этими простыми крестьянами, она что-то им обещала. Сегодня было 29-е июня 1941 года, восьмой день войны. Сегодня эта девушка свою девичью фамилию Загоруйко сменила на фамилию своего мужа, она только что стала Анной Фроловой. Только сейчас Иван Фролов вспомнил о том, что, как только они втроем вышли из церкви уже с обручальными кольцами на пальцах, селяне почему-то бросались поздравлять именно Анну, а на Ивана Фролова почти не обращали внимания. Иван почувствовал, что поздравления Анны несколько затянулись, поэтому он негромко жене напомнил:

— Извини, Аня, но нам пора возвращаться в бригаду! Не могла бы ты переодеться в военную форму, а не то в этом белом платье будешь уж слишком заметна.

Ни единым словом не возразив своему мужу, Анна вернулась в церковь с двумя местными подружками, чтобы там переодеться.

Вскоре она оттуда вышла в уже ставшей Ивану привычной формы военфельдшера. Он же обратил внимание только на одну деталь, Анна в своей военной одежде заменила одну деталь, вместо длиннополой юбки она на себя натянула штаны десантника. Когда она подошла к мужу, то сельский народ просто ахнул от восхищения, увидев, что эта девчонка по всем своим статьям подходит своему мужу. Она была такой же высокой, только на полголовы ниже Ивана. Ее плечи, разумеется, не были такими широкими и могучими, как у ее мужика, но зато девичье бедра были чуть более широкими, чем его. Сельские бабы тут бросились к Анне целоваться и прощаться, просить ее благословения. Иван же сильно удивился тому обстоятельству, заметив, как сельчане всячески изощрялись, желая, чтобы Анна как бы случайно коснулась бы их своей рукой!

Иван, перекинув ногу через мотоцикл, сел на водительское сиденье, руками коснулся его руля. Снайперская винтовка привычно расположилась у него за спиной. Немецкий пулемет МГ34 был прикреплен к коляске мотоцикла специальными зажимами. В любую минуту Иван, протянув руку, мог бы без особых усилий его вытащить из этих зажимов. Дима же в этот момент склонился над своей коляской, что-то в ней разыскивая. Вскоре на божий свет появилась его взлохмаченная голова на свет, на его губах бродила счастливая улыбка, а в руках он держал свой «шмайсер». И как-то нерешительно этот пока еще мальчишка свой автомат он протянул Анне. Та, не раздумывая, взяла «шмайсер» в свои руки, извлекла рожок с патронами, быстренько проверила, полон ли он патронок, и также легко и ловко снова вставила рожок в приемник, сам «шмайсер» бросив себе за спину.

Когда Иван покидал это село, названия которого даже не мог вспомнить, то все женщины и девушки, встречавшиеся им по дороге, поясно им кланялись и крестили их правой рукой!

В этот момент в мысленном диапазоне послышался голос лейтенанта Левы Домбровского:

— Товарищ майор, только что полный боекомплект доставлен последнему нашему орудию. Обе батареи в любой момент готовы открыть огня по противнику. В этой связи командиры батарей интересуются, будете ли вы им каждый раз отдавать команду на открытия огня по определенной цели. Или же они сами будут решать, когда и по какой цели им открывать огонь?

— Слушай, Лева, одно не противоречит другому! Возникнет такая необходимость, и я скомандую по какой цели вести огонь. Но, в принципе, командиры батарей могут и сами определять

цели для ведения по ним огня из орудий! Разумеется, они должны также прислушиваться к мнению командиров отрядов, открывать огонь и по их требованию.

— Внимание всем! — Мысленный голос майора Борисова перекрыл голоса других командиров. — В данный момент Слоним покидают разведывательный батальон на бронемашинах и на бронетранспортерах, а также чертова куча мотоциклистов. Видимо, это и есть мотоциклетный батальон. Как мы и договаривались, этих охламонов я пропускаю без единого выстрела через свои огневые позиции. Только вы уж, мужики, будьте с этими немцами осторожней! Слишком уж их много сейчас едет по дороге! Такой своей большой массой они рядовых красноармейцев одним только своей колонны запросто могут запугать!

— Спасибо, Михаил Михайлович, за предупреждение! Постараемся сделать все возможное для того, что стереть с лица землю эту вражью силу! — Коротко произнес Иван Фролов, уже двигаясь по лесной дороге.

Вскоре впереди послышались далекие отзвуки пулеметно-винтовочной стрельбы. Это пехота Вермахта пыталась сбить с возвышенности отряд капитана Головина.

— Они, что, Николай Иванович, не атакуют твои позиции танками?

— Да, Иван, со своих позиций я вижу много немецких танков. Но они все мечутся вдали, вне зоны моего пулеметного и орудийного огня! У меня создается впечатление, что немецкие танкисты сейчас не желают вступать со мной в бой, а ищут обходные пути, чтобы идти дальше на прорыв к Минску! Я не вижу того, чтобы они спешили бы перекрыть дорогу нашей отступающим армиям, выходящим из белостокского окружения. Да и не рвутся они почему-то к нашим мостам через Зельву!

— Лейтенант Домбровский, вы не могли бы меня проинформировать, где именно сейчас находится наш резерв под командованием сержанта Валерия Олейникова? Да и капитану Жданову давно уже было бы пора определиться с целями по этой группе танков!

— Товарищ майор, хочу доложить вам о том, что штаб вашей бригады неплохо поработал по организации этого боя. Сержант Валерий Олейников уже давно вместе со своим резервом прикрывает левый фланг отряда капитана Головина. Капитан Жданов готов открыть огонь из дивизионных орудий, но этот огонь будет открыт только в том случае, если немецкие танки начнут форсировать речушку Зельву.

В этот момент Анна легко коснулась плеча мужа, когда Иван

повернул голову в ее сторону, то она глазами показала, что неподалеку от них что-то происходит.

— Да она права, очень похоже на то, что немецкие танки находятся вблизи от нас! — Мысленно пробурчал младший Лукашевич, который последнее время, как заметил Фролов, не отрывался от своего пулемета.

Фролов понял, что он слишком увлекся мысленными переговорами с командирами своей бригады, и как бы отключился от внешних источников приема информации. Вот он и несколько задержался с правильной оценкой складывающейся боевой обстановки. Он принялся внимательно вслушиваться в лесную тишину, разливавшуюся вокруг них, но которая, в принципе, уже перестала быть полной тишиной. В воздухе носились едва слышные звуки пулеметно-винтовочной стрельбы, грохот работающих танковых двигателей. Иван заглушил двигатель своего мотоцикла, поднялся из седла и, легко ступая, начал углубляться в глубину леса. Тотчас же с заднего сиденья мотоцикла соскочила Анна, она взяла в руки «Шмайсер», двинулась вслед за мужем, во всем повторяя его шаги и движения.

Они прошли метров сто, как снова уперлись, но уже в другую лесную дорогу, которой, видимо, более часто пользовались люди. Сейчас же эта дорога была к тому же изувечена танковыми гусеницами. Осторожно выглядывая из-за кустов, Фролов попытался определить, в каком же именно направлении двигался немецкий танк. Гусеницы у этого танка не были такими уж широкими, поэтому он еще более глубоко провалился в колею, этим почти совсем разрушая дорогу. Пройдя немного вправо, Фролов вдруг увидел этот самый танк, четыре человека в черных комбинезонах немецких танкистов возились с его правой гусеницей.

— Дима, у тебя имеются гранаты или мины, чтобы подорвать немецкий танк! — Мысленно поинтересовался Фролов у младшего Лукашевича.

— Никак нет, товарищ командир! У нас нет, ни гранат, ни мин! Зато имеется пара зажигательных бутылок!

— Тащи их сюда! Мы с тобой атакуем этот немецкий танк, а Анна нас прикроет огнем из своего автомата!

Дожидаясь появления Димы с зажигательными бутылками, Фролов связался с техником-интендантом Александром Гавриловым и у него поинтересовался:

— Александр Николаевич, вы можете прямо сейчас и в большом количестве начать производство бутылок с зажигательной смесью? Стеклянная тара заполняется бензином

или чистым спиртом. Это эффективное средство борьбы с немецкими танками. Готовые зажигательные бутылки нужно развести по отрядам и пустить в дело!

— Сейчас немедленно займусь организацией этого производства!

— Ну, и отлично! Ну, а я с Димой займусь этим немецким танком! — Сказал Иван и отключился от мысленного канала связи интендантом Гавриловым.

Сейчас он вместе с Анной, которая прикрывала его спину, находился с одной стороны немецкого танка, слегка над ним возвышаясь, а Дима — с другой. К сожалению, получилось так, что Диме для того, чтобы поджечь этой танк, свою зажигательную бутылку приходилось бросать снизу вверх! Немецкие танкисты заметили Диму в тот момент, когда его бутылка находилось в верхней точке броска. Он выхватили свои пистолеты и начали его обстреливать. Диме пришлось залечь в кустарник и отстреливаться из карабина, но стрелять ему было очень неудобно, противника он практически не видел, а сам у них был практически полностью на виду!

— Анна, как только моя бутылка поразит цель, немедленно открывай огонь по немецким танкистам.

А сам привстал и, широко размахнувшись, горящую бутылку швырнул на решетку воздухозаборника моторного отделения бронированной машины. Послышался звук разбившегося о железо стекла, пламя как бы слилось внутрь моторного отсека, на минуту оно совсем пропало из вида. Фролов стоял над немецким танком и наблюдал за тем, как из моторного отсека немецкого танка сначала потянул клуб дыма, в котором едва просматривались слабые язычки пламени и затем рванул мощный сгусток пламени. За его спиной тут же слышались короткие автоматные очереди. Это открыла огонь Анна, она тоже поднялась на ноги и короткими автоматными очередями одного за другим пристреливала немецких танкистов. Когда закончились автоматные очереди, то четыре фигуры в черных танковых комбинезонах безжизненно валялись не дороге, а немецкий танк пылал жарким пламенем!

Дима, опираясь на карабин, взбирался к ним на возвышенность, а Фролов в этот момент мысленно беседовал с капитаном Николаем Ивановичем Головиным:

— Да, ты, Иваныч, теперь особенно не беспокойся за свои позиции! Немцы тебя не атаковали потому, что прекрасно понимали, насколько выгодны твои позиции! Они искали обходные пути, но таковых не нашли! Так что жди, сейчас тебя атакует немецкая штурмовая авиация, а потом пойдут танки

Гудериана на приступ.

Фролов сумел добраться до КП отряда капитана Головина до налета немецкой авиации. Николай Иванович, был занят оперативной обстановкой и не мог Фролову уделить внимания, так что Иван был предоставлен самому себе. Он тут же посоветовал Дмитрию найти наиболее безопасное место для мотоцикла, а затем заходил кругами по траншеям, вырытым вокруг КП отряда.

Со стороны многим бойцам показалось, что их командир Иван Фролов был чем-то взволнован, нервничал, он явно чего-то ожидал. И действительно на КП вскоре появился небольшой грузовик с десятком ящиков бутылок, к горлышкам которых была привязана ветошь, пропитанная горючим масло. Бойцы тотчас же эти зажигательные бутылки разнесли по опорным пунктам траншей. А Фролов практически сразу успокоился. Первая волна немецких штурмовиков. Это были штурмовики с неубирающимися шасси, они появилась в небе в четыре часа вечера. Еще на подходе к цели они один за другим начали нырять с высоты в полторы тысячи метров, пикируя на укрепленные позиции батальона, вставшего на пути следования танков Гудериана. Один взрыв пятидесяти и ста килограммовых авиабомб следовал за другим. Позиции русского батальона затянуло дымом и все еще продолжающими взрывами авиабомб. Двадцать минут эскадрилья немецких «штукас» из двенадцати штурмовиков «Юнкерс 87» провисели над траншеями и укрепленными узлами сопротивления этого вражеского батальона. Командир эскадрилью штурмовиков капитан Люфтваффе Ангельберд, получив подтверждение земли о хорошо проделанной работе, приказал своим товарищам:

— Парни, мы свою работу хорошо проделали! Нам пора возвращаться на базу, на свой аэродром! Танкисты Гудериана теперь могут доделать начатую нами работу!

Капитан Ангельберд в этот момент ощущал себя каким-то опустошенным человеком, выжитым лимоном. Его голова пульсировала по каким-то своим, сейчас ему непонятным законам. Зажав рычаг штурвала коленями, капитан из кармана летного комбинезона вытащил большой платок и начал им вытирать пот со своего лица.

А внизу, спиной на земле лежал Иван Фролов, он улыбался, но его глаза были плотно прикрыты веками. Иван только что прервал мысленный контакт с немецким капитаном, командиром немецких штурмовиков. Он сумел-таки его убедить в том, что авиабомбы необходимо сбросить на соседнюю высоту, а не на ту высоту, которая сейчас была вся изрыта траншеями и окопами

бойцов отряда капитана Головина. Подошла Анна, она протянула мужу руку и помогла ему подняться на ноги. Если бы не она, то Иван тотчас же снова рухнул бы на землю, двадцати минутный мысленный контакт вытянул из него все жилы!

Фролов посмотрел вслед удаляющейся немецкой эскадрилье и на прекрасном немецком языке произнес:

— Спасибо за понимание, брат! Если что, обращайся, чем могу я постараюсь и тебе помочь!

2

На восьмой день войны с Советским Союзом генерал полковник Вермахта Гейнц Гудериан, как никогда прежде, вдруг ощутил раздвоенность своего сознания, своего мышления, как военного стратега!

Немецкий генерал полковник не понимал, он никак не мог разобраться в причинах того, почему два корпуса его 2-й танковой группы, 47-й моторизованный корпус и 43-й армейский корпус, имевшие практически аналогичную военную силу и мощь, в последние дни вдруг стали выдавать в своих сообщениях столь различные результаты, достигнутые ими за день. С первых же дней боев в СССР 47-й механизированный корпус Вермахта воевал замечательно, он исправно прорывал вражеские оборонительные линии, вырывался далеко вперед наступающих танков и пехоты. Вчера он брал первый крупный советский город Минск.

43-й же армейский корпус имел простую боевую задачу, закрыть дыру в линии окружении четырех советских армий, 3-й, 4-й, 10-й и 13-й армий Западного фронта, оказавшихся в белостокском выступе под Гродно. Но подразделения этого корпуса еще на подступах к реке Зельва встретили ожесточенное сопротивление красной пехоты, хотя по информации разведки, каких-либо серьезных вражеских подразделений в том районе вообще не должно было быть!

Генерал полковник Гудериан зло приказал связистам штаба 2-й танковой группы немедленно его связать с генералом Готхардом Хейнрици, командиром 43-го армейского корпуса. Через минуту он уже говорил по рации с этим своим генералом, с которым иногда был не прочь часок другой провести на берегу какой-либо речушки с удочкой в руках. Сейчас же его голос кипел от едва сдерживаемого негодования:

— Генерал, я никак не пойму, что вчера и сегодня происходит с твоим корпусом?! Если раньше мне приходилось постоянно тебя

и твои войска осаживать, постоянно тебе говорить, мол, не спеши, Готхард, все равно эта страна будет нашей! Так сегодня ты, Готхард, демонстрируешь мне свою полную неповоротливость. Твой корпус уже давно должен был заткнуть эту единственную дыру в окружении четырех советских армий! А мне эти проклятые штабисты то и дело докладывают, что 3-я армия генерала Кузнецова уже на подходе, что она вот-вот появится в зоне прорыва, а дыра в окружение, так и продолжается оставаться дырой! Хорошо, дружище, если ты сам не можешь этого сделать, тогда мы тебе поможем, вытащить эту занозу из твоей же собственной задницы. Приготовься, начинай действовать, как только увидишь штукас над своей головой!

Перед линией обороны отряда капитана Головина горело до десятка немецких танков. Эта поработала батарея Игоря Жданова! Еще до начала боя этот артиллеристский капитан на передовую прислал корректировщиком одного из своих лейтенантов, командира взвода управления огнем батареи. Взвод этого лейтенанта дезертировал, разбежался во время налета вражеской авиации, когда были уничтожены два из четырех орудий батареи. Капитан Игорь Жданов оказался довольно-таки слабохарактерным человеком вместо того, чтобы этого московского мальчишку, отдать под трибунал, он отправил его корректировщиком на передний край. Может быть, подобную слабость своего характера капитан Жданов проявил только потому, что этот лейтенант только что окончил артиллерийское училище, у него на батарее он прослужил только две недели.

Как корректировщик, этот лейтенант вдруг оказался настоящим маэстро по организации залпового огня из тяжелых 122 мм гаубиц! Имея в своем распоряжении всего лишь две 122 мм гаубицы, он ставил такие плотные артиллеристские завесы, что немецкие танки не могли их пройти. Они вспыхивали один за другим, словно стояли в очереди на то, чтобы загореться согласно расписанию, составленному этим артиллеристским корректировщиком. Во время боя Фролов пару раз к нему приближался, хотел пожать тому корректировщику руку, подержать, но каждый раз останавливался, чтобы со стороны полюбоваться тем, как тот слаженно работал, организовывая залповый огонь своей батареи.

К этому времени в свиту комбрига Фролова, как красноармейцы стали последнее время называть своего Ивана, влился и старший сержант Валерий Олейников. За собой этот сержант притащил целый взвод своих разведчиков, которых, для быстроты перемещения с места на место, посадил на мотоциклы. Они приехали на семи немецких мотоциклах с колясками, а из

каждой такой коляски торчал ствол опять-таки немецкого пулемета МГ34. Так что теперь этот взвод бригадного резерва обладал немалой огневой мощью, большой маневренностью, и только благодаря своим мотоциклам ВМВ. Сам взвод расположился в одной из вырытых запасных землянок, а сержант отправился в траншеи представиться командиру. Фролова он разыскал неподалеку от поста артиллерийского корректировщика.

В этот момент над их головами начали бесшумно пролетать какие-то большие и неуклюжие самолеты. Они шли на снижение прямо над передним краем. Фролов смотрел на силуэты этих самолетов, а его головной мозг суматошно перебирал названия немецких истребителей, штурмовиков и бомбардировщиков, пытаясь определить, что это за самолеты пролетают над их головой?! Артиллерист корректировщик повернулся в сторону Фролова и прокричал:

— Командир батареи, капитан Жданов, сообщает, что на лесную поляну, перед орудийными позициями начали приземляться эти самолеты. Они высаживают вражеский десант. А у нас нет даже пехотного прикрытия, расчеты ложатся перед орудиями, чтобы отстреливаться от вражеского десанта!

Тут вперед Фролова выскочил сам Валерка Олейников и негромким голосом приказал корректировщику:

— Собирайся парень! Покажешь нам дорогу к своей батарее!

Вскоре восемь мотоциклов, Фролов с Анной и Димой успел присоединиться к разведчикам, на бешеной скорости рванули по дороге, разведчики спешили спасать артиллеристов и их драгоценные орудия. Следуя на высокой скорости в общей колонне мотоциклистов, Иван Фролов успел по мысленному каналу связи переговорить с капитаном Головиным:

— Молодец, Иваныч, ты правильно поступаешь! Построил правильную, грамотную оборону! Так продолжай и дальше поступать, крепко держать свою оборону! В двенадцать ночи можешь оставить свою позицию! Можешь уходить или с отступающими частями Красной Армии, или уходи в белорусские леса. В лесах Белоруссии я тебя обязательно разыщу!

— Служу Трудовому Народу, товарищ командир! Но я, вероятнее всего, уйду с отступающими подразделениями Красной Армии! В армии я лучше понимаю, что должен делать, партизанить в Белоруссии, это все-таки не мое дело! Так что, давай договоримся о том, что встретиться после войны! Скажем, через месяц после ее окончания, мы все встречаемся на Красной площади в десять часов вечера! Вы согласны, ребята?!

Послышал одобрительный гул голосов, телепаты одобрили

предложение капитана Головина, но Фролов в этот момент получил толчок в правый бок от Анны, сидевшей у него за спиной. Повернув голову вправо, Иван увидел, как приземляется очередной планер с немецкими парашютистами. Скользнув над вершинами деревьев, планер своими посадочными полозьями коснулся травяного покрова лесной поляны и на скорости заскользил к другой ее стороне. А на его месте уже появился еще один планер, который начал заходить на посадку.

— Рядовому Харитонову, срочно со своим пулеметчиком выдвинуться и обстрелять этот немецкий планер с парашютистами. Постарайся, Серега, сделать так, чтобы он не сел! — Послышался негромкий, но спокойный голос сержанта Олейникова.

Один из мотоциклов покинул общий строй и прямо по траве рванул к точке, из которой пулеметчику было бы удобнее всего работать по вражескому десантному планеру. Колонна влетела в лес и практически сразу же резко повернула вправо. А за спинами мотоциклистами сердито забасил МГ34. Затем небо озарилось яркой вспышкой света, это детонировали боеприпасы, перевозимые планером вместе с парашютистами. Чей-то голос Фролову подсказал, что взорвался последний планер вражеского десанта, накрыв своим корпусом пулеметчика и рулевого мотоциклиста.

— Валера, — мысленно сказал Иван, — рядовой Харитонов вместе с пулеметчиком погиб!

Но сержант Олейников ему никак не ответил, он только начал командовать, чтобы все готовились бы к бою:

— Пулеметчикам расстреливать парашютистов прямо с мотоциклов! Когда неожиданность нашего удара пройдет, то пулеметчикам продолжать бой, оставаясь в колясках мотоциклов, если пулемет невозможно снять с транспортной треноги. Всем другим бойцам немедленно спешиться, перейти к поиску и уничтожению парашютистов противника. Имейте в виду, что немецкие парашютисты хорошо подготовленный спецназ, без рукопашного боя они не сдаются!

— Да и вообще эти немецкие солдаты не любят сдаваться в плен! — Подумал Иван.

Он заглушил двигатель своего мотоцикла и вместе с Анной головой вперед нырнул в густую траву. Дима Лукашевич остался в коляске и короткими пулеметными очередями начал вокруг себя постригать траву, в которой прятались немецкие парашютисты. Одновременно он успевал то одной, то другой пулеметной очередью поддержать других таких же, как он, пулеметчиков, прикованных пулеметами к мотоциклетным

коляскам. Иван Фролов, стараясь не ввязываться в перестрелку с парашютистами, оставляя такую возможность Анне, автомат которой то и дело взрывался короткими очередями, пробирался к артиллеристам. Когда он увидел красноармейцев, которые с карабинами в руках лежали перед своими орудиями, то сразу же догадался, что артиллеристы не собирались за просто так отдавать свои жизни. Он обернулся через плечо и увидел, что трава на лесной поляне ходила ходуном. В ее высокой траве сейчас не на жизнь, а на смерть сражались немецкие парашютисты и советские разведчики.

— Валера, ты уж своими людьми постарайся оттеснить парашютистов от этой стороны поляны. Не позволяй им приближаться на близкую дистанцию к той стороне леса, где расположена батарея. Я же сейчас попытаюсь орудия батареи поставить на передки, чтобы, как можно быстрей, убраться из этой естественной ловушки.

— Капитан Жданов, где капитан Жданов? — Уже голосом прокричал Фролов, но ему никто не ответил.

Тогда он подошел к цепи артиллеристов и повторил свой вопрос, глядя в глаза одного из из пожилых бойцов. Тот поднял свои глаза на Фролова и коротко проговорил:

— Нет больше нашего капитана! Кончился он весь!

И головой этот старикан кивнул в сторону одного из орудий. На лафете 122 мм гаубицы лежал мужчина средних лет, его глаза были прикрыты веками, а руки сложены на груди. Машинально Фролов рукой коснулся заушной вены, она не пульсировала. Капитан Жданов, организовав и проведя великолепное побоище немецких танков, погиб от слепой пули немецких парашютистов. Несколько секунд Иван Фролов простоял, молча, раздумывая, что делать дальше, не взять ли ему на себя командование этой батареей. Но, как только он вспомнил о математических расчетах по организации артиллеристского огня, то тут же отбросил в сторону, как негодную, саму идею ему взять на себя командование артиллеристами.

— Думаю, что тот парень, наверняка, с этим справится! — Вдруг послышался за его спиной голос Анны. — Он может стать неплохим командиром батареи. По крайней мере, математика у него на высоте!

Не оборачиваясь, Иван утвердительно кивнул головой. Анна была права, тот лейтенант, корректировщик с передового края, наверняка, лучше, чем он, справится с обязанностями командира батареи. Он снова подошел к старикану, все еще продолжающему лежать с карабином в руках в оборонительной цепи и у него поинтересовался:

— Ты, кто по должности в батарее? — И не ожидая ответа, приказал. — Назначаю тебя старшиной батареи. Сейчас на твои плечи ложится бремя организации похорон своего командира. Но, прежде всего, ты должен батарею поставить на передки и вывести ее из-под вражеского удара! Так что занимайся выполнением моего приказа.

Старикан ретиво приступил к выполнению только что полученного приказа. Он что-то прокричал лежавшим в цепи артиллеристам, цепь мгновенно распалась, красноармейцы разбежались по местам. В глубине леса загудели автомобильные и тракторные моторы. Вскоре оттуда появились два гусеничных трактора ДТ-75, они подъехали к орудиям, чтобы взять их на передки. Продолжая наблюдать за подготовкой к эвакуации своей тяжелой артиллерией, Фролов по мысленному каналу связался со старшим сержантом Олейниковым и срочно потребовал:

— Валера, ты мне срочно разыщи того молоденького лейтенанта артиллериста, который работал корректировщиком на переднем крае! Он должен принять на себя командование этой батареей.

— Он рядом со мной! Сейчас мы проберемся к тебе! Коротко ответил Олейников. — Командир, на поляне происходят какие-то странные вещи! Мы давно уже перебили немецких парашютистов, но сейчас нас атакуют, гоняются за каждым моим бойцом какие-то другие немцы. Я уже потерял трех человек, совершенно не хочу потерять весь свой взвод! Но трава нас разъединяет, из-за нее я не вижу поля боя в целом!

— Тогда я тебе, Валера, посоветую, ты прикажи своим бойцам сгруппироваться, вернуться к мотоциклам и уже всем вместе на них порываться к нам на батарею.

— Его тоже зовут Валера! — Гордо произнес сержант Олейников.

Они вдвоем подошли к Фролову, встали по стойке смирно. Правым плечом старший сержант при этом слегка подтолкнул вперед артиллеристского лейтенанта. Из-за этого дружеского толчка, лейтенант был просто вынужден сделать шаг вперед. Правую руку он четко приложил к козырьку своей командирской фуражки, а затем четким голосом отрапортовал:

— Лейтенант Голубев, прибыл по вашему приказу, товарищ командир!

3

Когда авангард 29-й моторизованной пехотной дивизии

Вермахта покинул город Слоним и начал выдвигаться на шоссе Слоним — Мосты, то авангард дивизии встретил неожиданное, разумеется, для немцев, сопротивление со стороны отряда майора Борисова. Отряд, имевший в составе всего сто пятьдесят штыков, в течение одного часа удерживал свои позиции, держа на жесткой привязи почти семнадцатитысячную моторизованную дивизию Вермахта.

Казалось бы, час — это совсем небольшой промежуток времени, в течение которого мало чего могло бы вообще произойти! Но, когда за этот промежуток времени было подожжено двенадцать танков этой соколиной дивизии моторизованной немецкой дивизии, это уже что-то означало! Немецкие танки горели на минных полях, а шесть других были сожжены красноармейцами, которые впервые воспользовались бутылками с зажигательной смесью. Ружейно-пулеметным огнем были уничтожены шесть немецких грузовиков, потери же в личном составе танкового батальона этой дивизии, который шел в ее авангарде, составили до взвода невозвратных потерь и целой ротой раненных гренадеров. Впервые с начала этой войны Соколы несли такие большие потери, но и после этого командир дивизии генерал-майор Вальтер фон Больтерштерн не отдавал приказа на прекращение танковых атак. Вместо этого он своим приказом вывел в дивизионный резерв остатки танкового батальона, а вместо него ввел в бой один из своих танковых полков.

Только тогда бойцы отряда майора Борисова вынуждены были попятиться. Они не бежали, но покинули свои позиции, организовано отошли от города. И, прикрываясь белорусскими болотами, они автомобильной колонной потянулись на Запад, оставляя свободной дорогу Слоним — Мосты. Чем немедленно воспользовалась 29-я моторизованная пехотная дивизия Соколов.

Генерал-майор Вальтер фон Больтерштерн, сидя на заднем сиденье своего Майбаха Цеппелина, который степенно следовал в середине колонны танков и грузовиков его моторизованной дивизии, размышлял о некоторых странных вещах. Его, как генерала Вермахта, вдруг сильно обеспокоили проявившиеся разночтения в развединформации, которая была предоставлена военной разведкой и его дивизионными разведчиками.

Как ни крути, но получалось, что Абвер впервые предоставил его дивизии недостоверную информацию по району военных действий! Информация Абвера утверждала, что в треугольнике Барановичи, Слоним и Лида отсутствуют какие-либо крупные подразделения Красной Армии. Абвер также утверждал, что наступательные бои под Гродно пытались организовать три советские армии 3-я, 4-я и 10-я, которые в настоящий момент

окружены дивизиями Вермахта и должны вот-вот сдаться в плен Вермахту! Но что же получалось на деле, когда он, генерал майор Вермахта, сегодня утром своим личным приказом отправил на разведку этого самого района два своих батальона, разведывательный и мотоциклетный. Два батальона — это же полторы тысячи хорошо вооруженных солдат, унтер-офицеров и офицеров, они ушли на разведку этой дороги, этого района, и до сих пор от командиров этих батальонов он так и не получил требуемой развединформации. По настоящий момент он не имел ни малейшего понятия, где эти два подразделения его дивизии сейчас находятся?!

На практике такое положение дел требовало от командира дивизии, чтобы он немедленно прекратил бы движение своей дивизии по этому району. Он должен был сформировать и выслать новую разведку для выяснения того, что же именно произошло с его двумя батальонами.

За окнами Майбаха промелькнуло очередная белорусская деревня под названием Сеньковщина, что в свою очередь означало, что 29-я моторизованная дивизия отошла на двадцать километров от Слонима. В этот момент впереди неожиданно грянул орудийный залп, затем второй… Генерал-майор Вальтер фон Больтерштерн попросил водителя остановить автомобиль, открыл свою дверцу и вышел наружу. Адъютант тут же подал генералу бинокль. Несколько минут в бинокль он наблюдал за тем, как вражеская артбатарея вела удачный обстрел головы колонны его дивизии. Вражеские артиллеристы нанесли сильнейший удар по тому же батальону, который только что понес серьезные потери в танках, когда дивизия покидала Слоним. И вот сейчас в голове колонны горели еще четыре танка этого же батальона!

Командир батальона, чтобы не оставаться в роли агнца на закланье, приказал оставшимся танкам атаковать вражеских артиллеристов, которые свои огневые позиции устроили на самой опушке леса. Они осторожно спустились с дорожной насыпи и, разойдясь веером, пошли в атаку на позиции батареи. Честно говоря, генерал-майор фон Больтерштерн легко догадался о том, чем же закончиться эта танковая атака. По крайней мере, он сам бы так, лет тридцать назад, поступил, когда был совсем молодым капитаном в армии немецкого Кайзера. Поставил бы минное поле перед своими артиллеристскими позициями!

В принципе, все так оно и вышло, один за другим эти танки начали подрываться на минах. Вскоре к небу поднимались восемь черных клубов дыма, восемь немецких экипажей так и не оставили своих танков, они погибли вместе со своим железным

другом. Но с откоса дороги спустилось еще восемь танков, они пошли в атаку на вражеских артиллеристов, точно следуя по следам гусениц предыдущих танков. К слову сказать, эта вражеская артбатарея ни на секунду не замедлила темпа своих выстрелов, а на дороге к этому времени горели еще два танка и одно штурмовое орудие «Штуг 3».

— Свяжите меня с командиром артиллеристского дивизиона! — Не поворачивая головы в сторону адъютанта, потребовал фон Больтерштерн.

— Разверните свои 107 мм гаубицы прямо на дороге! И, не теряя время, своим огнем накройте эту шалую батарею красных!

Вскоре перед вражеской батареей выросли семь султанов разрывов 107 мм снарядов. Немецкая дивизионная батарея открыла огонь по своему противнику. Русская батарея практически сразу же прекратила свой огонь! Между деревьев замелькали люди, шесть полковых орудий — одно за другим стали исчезать в глубине леса.

Иван Фролов встретил майора Борисова уже в лесу, тот скакал верхом на коне рядом с капитаном Гореловым, они о чем-то переговаривались. Заметив мотоцикл и стоящих рядом с ним Ивана Фролова вместе с Анной, майор Борисов поднял руку, приветствуя Ивана, что-то сказал Горелову, и своего коня направил к мотоциклу. Он спешился и узду своего коня передал подбежавшему бойцу. По глазам майора, Фролов практически мгновенно догадался о том, что тот чем-то очень недоволен!

— Что случилось, Миша! Ты опять чем-то недоволен? Что на этот раз не так, не по тебе?

— Ну, а чем можно быть довольным, Иван, воевать в таких отвратительных условиях? Опять нас немцы метелят, как хотят! Только успеваешь задницу убрать подальше от их сапога, как они тебя уже кулаком шпыняют по морде! Мне это, честно говоря, порядком надоело! Так и хочется, встать во весь свой рост и этого немца кулаком, сапогом — по морде! Да так, чтобы юшка в полной мере потекла! Вот сейчас мы немного постреляли из своих пушек, нанесли немчуре минимальный урон и довольные сами собой удались! А я бы на твоем месте сейчас вместе со своими бойцами поднялся бы атаку, ударил бы по хвосту этой немецкой колонны и разнес бы ее в пух и прах!

— Миша, очнись! Приди в себя! О чем ты говоришь? Как можно ста пятьюдесятью штыками пойти в атаку на восемнадцать тысяч человек? Немецкие пулеметы считаются лучшими в мире, они в секунду положат на землю тебя и всех твоих бойцов! Даже видимости боя у тебя не получится! — Почти простонал Фролов. — Ты только посмотри, твои короткие удары

артиллерией по этой дивизии, минные поля, едва ли не заставили командира этой немецкой дивизии отказаться от активных действий. Он уже потерял почти тридцать танков и до роты живой силы. Твои же потери составляют лишь десяток раненых бойцов! Так кто же, как не ты, Михаил Михайлович, победил в этом столкновении?!

Фролов стоял, смотрел на майора Борисова, а в его сознании все более и более утверждалось мнение в психической неуравновешенности этого командира РККА. Сейчас бы его следовало бы отстранить от командования бойцами этого отряда, отправить в Москву на лечение, но у него не было достойной кандидатуры на замену этого чересчур вспыльчивого и решительного майора. Да и где ее найдешь в таких условиях, когда бои ведутся в условиях практически полного окружения. Да и кто ему в Москве поверит, что командира следует заменить только потому, что он неуравновешенный человек!

Углубившись в эти свои мысли, Иван не обратил внимание на то, как майор Борисов, козырнув ему, отобрал у бойца своего коня, вскочил в седло и ускакал в расположение своего отряда. А его отряд в этот момент занимал очередную позицию для нового удара по продвигающейся вперед немецкой дивизии. Фролов стоял и все думал, не подведет ли его майор Борисов в последнюю минуту.

В этот момент с Фроловым по мысленной связи связался майор Игнатьев, командир 251-го полка 8-й стрелковой дивизии:

— Иван Тихонович, позвольте вам сообщить о том, что все три моста в районе поселка Мосты сейчас задействованы для переправы через Неман частей и подразделений 3-й армии генерала Кузнецова. С ними переправляются также подразделения 4-й армии и частично подразделения 10-й армии. Одним словом, сейчас полным ходом по этим трем мостам переправляются танки, тяжелая артиллерии и пехота 3-й, 4-й армий и частично 10-й армии. Для вашей информации, до нашего появления поселок Мосты и сами мосты через Неман были захвачены немцами. Наше внезапное появление в этом районе в какой-то мере сказалось на организации частей и подразделений РККА, уже переправившихся на нашу сторону. Несколькими последовательными ударами нам удалось, сохранив мосты, немцев отбросить на достаточно большое расстояние от мостов и от населенных пунктов, в которых стоят эти мосты. По крайней мере, танковые и пехотные подразделения не могут вести по ним огня прямой наводкой! В этих условиях центральное командование Вермахта бросило против нас свою штурмовую и бомбардировочную авиацию, всячески стараясь разбомбить эти

мосты. Мы же против немецкой авиации выставили всю свою зенитную артиллерию, особенно хорошо и успешно с немецкими самолетами дерутся пулеметные расчеты ДШК, установленные на грузовиках. Бои завязался нешуточные, но нам до поры до времени пока удается сдерживать фронтальные удары немецких частей. Обещаю вам, что мы продержимся эту ночь, дав возможность перебраться на нашу сторону всем тем войскам, которые этого пожелают!

Голос майора Игнатьева исчез, пропал. Больше он уже не выходил на связь! Но Фролов оставался полностью уверенным в том, что, если не сам майор, то обязательно его товарищи по оружию выполнят стоявшую перед ним задачу. Ценой своей жизни они позволят советским армиям выйти из немецкого окружения!

Вернувшись в реальность и вспомнив о своем разговоре с майором Борисовым, Иван Фролов беспокойно огляделся кругом, но майора Борисова уже нигде не было. Спокойный голос Анны произнес:

— Он отправился в расположении своей части! — Последовала короткая пауза, а затем снова послышались ее слова. — Этот бой он еще выдержит!

Фролов развернулся и по лесной тропе зашагал к тому месту, где их ожидал Дима Лукашевич. А по дороге на конной тяге двигались орудия артбатареи капитана Горелова. Эта полковая артбатарея пока еще ожидала информации по результатам предстоящего обстрела противника тяжелыми орудиями. От того, насколько успешным окажется первый залп дивизионной артиллерии зависело месторасположение ее новой огневой позиции.

Практически одновременно в темнеющим к вечеру небе появились огненные всполохи трассеров артиллеристских снарядов, лейтенант Голубев своими гаубицами начал обстрел колонны 29-й моторизованной пехотной дивизии Фальке. А в голове Фролова послышали сразу же два голоса, один принадлежал сержанту Олейникову, а второй — капитану Головину. Иван только успел сказать сержанту:

— Срочно, со всеми своим людьми выдвигайся ко мне!

И тут же начал слушать то, что ему хотел рассказать капитан Головин.

— Товарищ командир, хочу доложить о том, что мой отряд оторвался от передовых частей 43-го армейского корпуса, вышел в указанное расположение, занял ранее выкопанные траншеи, готов вступить в бой с противником.

— Николай Иванович, вскоре к вам подойдет отряд майора

Борисова. Он, как мы и раньше договаривались, вступает под ваше командование. Чуть позднее подойдем и мы с сержантом Олейниковым. Думаю, что объединенными усилиями мы справился с этим передвижным отрядом немцев, освободим дорогу для прохождения отступающих частей Красной Армии!

Глава 8

1

Неделя ожесточенных боев на территории Советского Союза заставила немецких солдат и офицеров несколько по-иному взглянуть на эту войну. Никогда еще немецким солдатам и офицерам не приходилось сражаться с таким противником, который даже после ожесточенных боев не сдавал своих позиций, он не бежал от одного только вида немецких танков. Во время последних войн в Западной Европе, страны этого региона мира одна за другой склоняли свои головы перед дивизиями Вермахта всего лишь после одной — двух недель вооруженного сопротивления. Три недели сражались польские солдаты, но и они сдались в плен швабам после того, как немецкие танковые дивизии, словно нож в масле, прошли насквозь всю их страну! Три — четыре недели боев, и одна из сильнейших армий мира такой страны, как Франция, сдалась Вермахту со всем своим современным вооружением, авиацией и военно-морским флотом. Перейдя границу Советского Союза, армии Вермахта вот уже неделю вели пограничные сражения. Пока еще можно было утверждать, что немцы побеждали в этом сражении, но они пока еще не имели возможности выйти на оперативный простор для наступления вглубь СССР. Причем, сами генералы Вермахта в своих послевоенных мемуарах отмечали, что эти пограничные сражения велись на равных с кадровым и хорошо обученным составом Красной Армии!

Если бы не стратегические ошибки верховного командования Красной Армии, то не было бы окружения четырех советских армий под Гродно, мы бы так рано не сдали бы Минск. Тогда многого чего могло бы не случиться, но, к великому нашему сожалению, верховное командование Вермахта оказалось более искусным в военном ремесле, немецкие генерала превзошли советских генералов и поля пограничных сражений остались за Вермахтом. Эту грустную история мы были вынуждены принять и нести в себе до окончания Великой Отечественной войны. Сегодня нельзя изменить историю нашей Красной Армии, сегодня нельзя по-другому озвучить, прочитать историю всего нашего государства, Советского союза. Но мы обязаны хранить в народной памяти великий подвиг советского солдата, красноармейца, который сумел сдержать самый первый и самый страшный удар дивизий Вермахта, перешедших нашу границу 22

июня 1941 года!

Артиллеристы лейтенанта Голубева постарались от всей своей души, они отлично отстрелялись по двум немецким батальонам 29-й моторизованной пехотной дивизии Вермахта. Этими залпами дивизионной артбатарей продвижение этих немецких батальонов было остановлено в районе поселка Пески. До своей конечной цели, поселка Мосты, раскинувшегося по обоим берегам белорусского Немана, этим батальонам оставалось пройти всего лишь десять километров. Еще утром эти оба батальона, разведывательный и мотоциклетный, командиром 29-й моторизованной дивизии соколов были отправлены на разведку двух дорог республиканского значения: Слоним — Мосты и Слоним — Волковыск.

Командиры же этих двух батальонов проявили неслыханную для немцев беспечность и разгильдяйство! Их батальоны, как два мешка с дерьмом, чуть ли не впустую проболтались на этих белорусских дорогах. Своей информацией о том, что противника на этих двух дорогах не наблюдается, командиры этих двух батальонов своих же генералов вводили в заблуждение. Те попросту не понимали складывающейся обстановки, разведчики сообщают о том, что противника не наблюдают, а дивизионные колонны постоянно подвергаются артиллеристскому обстрелу, как только появляются на этих дорогах и пытаются по ним продвинуться!

Но время не останавливалось, оно отсчитывало свои минуты и часы, первые подразделения 3-й, 4-й армии и частично 10-й армий уже начали переправляться по трем мостам, расположенным в поселке Мосты, через Неман. Так что сейчас, по мнению комбрига Ивана Фролова, наступило время, когда нужно было бы покончить с этими двумя немецкими батальонами, чтобы они случайно не превратились бы в пробку при прохождении частей и подразделений отступающих советских армий по этим белорусским дорогам! Да и сами по себе эти немецкие батальоны были очень большой военной силой, одних только бойцов в них насчитывалось почти полторы тысячи штыков.

Фролов вместе с Анной и Димой стоял у дороги и терпеливо дожидался появления своего резерва. Он был приятно удивлен, увидев, как аккуратная колонна из двадцати мотоциклов приблизилась к нему и остановилась рядом. С одного из мотоциклов соскочил старший сержант Олейников и он, словно чертик из табакерки, печатая парадный шаг, направился к своему командиру. Остановился в трех шагах от него, лихо козырнул и начал громким голосом рапортовать:

— Товарищ комбриг, дежурная рота поднята по боевой

тревоге, прибыла в ваше распоряжения для получения боевого задания!

Фролов сразу же обратил внимание на то, что бойцы дежурной роты сидели на трофейных мотоциклах немецкой компании БМВ. Что они были вооружены немецкими винтовками Маузер 98к, пистолетами-пулеметами МП38 и МП40, а также ручными и станковыми пулеметами МГ34. Чтобы более походить на немецких мотоциклистов, бойцы этой роты на свои плечи набросили плащ-палатки, не смотря на теплую июньскую погоду.

— Спасибо, сержант! Твой рапорт я принял! Ну, а что касается предстоящего боя, то я полагаю, что нам следует в его план сейчас внести кое-какие изменения. Капитан Головин, ты слушаешь нас?

— Так точно, товарищ майор! Я сейчас одно сплошное внимание! Какое же именно изменение ты хочешь внести в план организации предстоящего боя. Но мне кажется, что я все-таки догадался о том, что ты, Ваня, хочешь нам предложить. И прямо сейчас говорю, что я с этим изменением я полностью согласен!

— Но выдержат ли в этом случае твои красноармейцы натиск немецких мотоциклистов? Смогут ли они их остановить?

— Остановить немецких мотоциклистов, товарищ командир, разумеется, мы остановим! Даже сможем продержаться первые часы без особой поддержки. Но нельзя забывать о том, что бойцов у нас все же не хватает! Поэтому нам обязательно потребуется поддержка, когда эти вражеские мотоциклисты и разведчики поймут всю серьезность своего положения. Ведь тогда они накинутся на нас всей своей силой, будут постоянно нас давить, атакуя нас каждую минуту! Все же, как ни говори, но ста пятидесяти бойцов недостаточно для того, чтобы сдержать прорыв, или тем более просто покончить с одной тысячью вражеских солдат.

— Хорошо, товарищ капитан, я думаю, что в этом случае мы понимаем друг друга! Старший сержант Олейников со своими парнями готовит и наносит по немцам серьезный удар с тыла. После чего немедленно со своими бойцами присоединяется к вам на оборонительных позициях, а мы с вами не должны позволить этот колонне мотоциклистов прорваться к поселку Мосты, взять под свой контроль мосты через Неман. Затем к вам должен присоединиться отряд майора Борисова, тогда мы может попытаться совместными силами стереть с лица земли эти два вражеских батальона! Должен вам сказать, что на настоящий момент эта операция по уничтожению вражеских батальонов становится для нас приоритетной.

Капитан Головин, старший сержант Олейников подтвердили

готовность своих бойцов, но майор Борисов на этот раз почему-то промолчал. Фролову это молчание майора не понравилось, но в присутствии сержанта он не стал с ним связываться, чтобы узнать о причине его молчания. Неожиданно к разговору подключился старший лейтенант Торопынько, отряд которого, по-прежнему, находился под Деречином.

— Товарищ командир, может быть, мне со своими бойцами следует помочь отряду капитана Головина?! Мы имеем достаточное количество грузовиков ЗИС 6, чтобы в их кузова посадить до роты бойцов. В течение какого-то часа мы по дороге мы сможем добраться до Песков, а там совместно со всеми вами принять участие в отражении вражеских атак. После чего я снова сажаю своих бойцов в грузовики, мы возвращаемся на свои позиции. А то с тех пор, когда мы заняли свои позиции по Деречином, нас только один раз обстреляли какие-то блуждающие немцы, а так сейчас через мосты реки Щара переправляются одиночные части Красной Армии. А сейчас мы сидим в обороне, наблюдаем за переправой наших частей через реку Щары!

— Отлично, товарищ старший лейтенант! Продолжайте наблюдать за переправой частей Красной армии через реку Щару. В случае появление немецких танков и пехотных подразделений окажите им достойное сопротивление. Ваша боевая задача остается неизменной, вы должны удерживать свои позиции до ноля часов сегодняшней ночи.

Майор Борисов так и не ответил на вызовы. Он промолчал и после слов старшего лейтенанта Торопынько, выступившим со своим предложением.

Фролов, подумав, решил не говорить старшему лейтенанту Торопынько о том, что очень скоро подразделения 29-й моторизованной дивизии Вермахта выйдут на позиции его отряда. А затем на эти же позиции с Запада должны были обрушится подразделения 256-й пехотной дивизии 9-й армии Вермахта. Три часа бойцы этого отряда должны будут отражать атаки двух этих немецких дивизий, чтобы позволить, как можно большему числу, подразделений Красной Армии выйти из окружения и, переправившись по мостам через реку Щару, уйти вглубь советской территории.

Завершив переговоры в мысленном диапазоне, Иван Фролов дал отмашку старшему сержанту Олейникову. Жестами своих рук он подтвердил Валерию свое разрешение на выполнение его отрядом специального задания.

Тот, будучи во главе колонны из двадцати мотоциклов, ловко ее развернул на этой очень уж узкой лесной дороге, направляясь

по ней обратно к первому же перекрестку, чтобы там круто уйти вправо. Следуя уже по другой дороге, его мотоциклисты должны были выйти в хвост большой мотоциклетной колонны. Колонна, помимо ста мотоциклов BMB, имела еще тридцать бронетранспортеров Sd Kfz 251/20 Hanomag, а также десять тяжелых колесных броневика Sd Kfz 247, используемых в качестве командирских машин. Во время внезапного нападения на арьергард вражеской колонны бойцы отряда старшего сержанта должны были в основном пользоваться гранатами, а также вести огонь из автоматического оружия. Они должны были за краткий момент контакта с противником вывести из строя, как можно больше, вражеской техники и живой силы. В этих целях на каждый мотоцикл своего отряда сержант Олейников выдал еще по десять немецких гранат М-24, колотушек.

Фролов возвращался к своему мотоциклу, но еще на подходе к нему он вдруг заметил, что Дима разговаривает с Анной, он что-то горячо пытался доказать девушке. К этому времени он уже настолько привык, что Анна молчалива, что она постоянно находится в поле его зрения, поэтому эта беседа двух молодых людей его чем-то раздосадовала. Стараясь изо всех сил, чтобы этой досады или, может быть, ревности никто бы из этих ребят не заметил, Иван мысленно у Димы поинтересовался:

— Дима, что это тебя так волнует?

— Да, вот, Анна, ни с того, ни с чего потребовала, чтобы к отряду капитана Головина мы бы поехали другой дорогой! Я не совсем понял этого ее требования? Поэтому попытался ей доказать, что эта дорога наиболее безопасна, к тому же она является самой короткой дорогой до поселка Пески.

Иван только перевел вопросительный взгляд своих глаз на девушку, как та односложно ответила.

— Эта дорога стала очень опасной!

Прошло некоторое время, прежде чем, Фролов осознал, что его жена ответила ему в мысленном диапазоне!

2

Иван Фролов сильно удивился тому, когда его остановил неизвестно откуда здесь появившийся немецкий регулировщик, фельджандарм. Сначала действия этого фельджандарма были понятны, когда своим жезлом он попросил Фролова остановиться и подождать, так как в этом момент по перпендикулярной дороге проходила небольшая колонна из десяти немецких тяжелых броневиков. Из-за июньской жары экипажи этих броневиков

высыпали на броню и в полуголом виде принимали солнечные ванны, немецкие танкисты загорали. Некоторые, сидя на броне, самозабвенно на губных гармошках пиликали популярные в Вермахте мелодии, военные марши или песни из последних кинофильмов, а им вполголоса подпевали другие загорающие танкисты. Иван машинально обратил внимание на то обстоятельство, все эти немецкие танкисты были молодыми парнями в двадцатилетнем возрасте. Именно танкисты этого возраста не оставили без своего внимания симпатичную девушку, сидевшую за спиной майора. Они начали ей выкрикивать всякие мальчишеские любезности, комплименты, приглашать сегодня вечером сходить в кино.

Когда колонна бронетранспортеров прошла, то сначала этот фельджандарм своим жезлом показал, что они могут проезжать. Но, когда они повернули направо и совсем уж собрались следовать дальше, то он приказал им остановиться. Краем глаза Иван Фролов заметил, как Дима незаметно вытащил из кобуры на поясе пистолет парабеллум, который совсем недавно приобрел у одного из раненных красноармейцев и с тех пор с этим пистолетом уже не расставался. Анна, как сидела на заднем сиденье мотоцикла, так и продолжала сидеть, ни на что, не обращая внимания.

Фролов ловко соскочил с седла мотоцикла, сделал несколько приседаний, разгоняя кровь в ногах. Когда фельджандарм оказался в трех шагах от него, то он лениво поинтересовался:

— Что случилось вахмистр? Почему вы нас остановили?

— Прошу извинить меня, господин майор! Но недавно из Слонима поступил циркуляр, приказывающий останавливать и проверять документы у всех наших мотоциклистов!

— Хорошо, вахмистр, вот вам мои документы? После того, как вы их проверите, то я хотел бы вам задать один вопрос! Вы не будет возражать по этому поводу?

— Хорошо, господин майор! Если я смогу, то с удовольствием отвечу на любой ваш вопрос!

Затем он принялся внимательно изучать офицерскую книжку майора Вермахта, Вальдемара Косински! На эту процедуру у фельджандарма ушло три минуты, он даже сходил к своему мотоциклу и по рации с кем-то связывался. Вскоре вахмистр вернулся, протянул Фролову его офицерскую книжку, лязгнул каблуками сапог, и почтительно отрапортовал:

— Господин майор, с вами все в порядке. Только командир ваше подразделения поинтересовался, когда же вы, наконец-то, появитесь в своем подразделении для продолжения службы!

— Спасибо, вахмистр, за проявленное беспокойство и за

разговор с моим будущим начальником по поводу моего дальнейшего прохождения службы в штабе Абвера Валли 2. Ну, а теперь я надеюсь на то, что вы честно ответите на мой вопрос. Итак, как так получилось, что в местности, еще не занятой немецкими войсками вдруг появилась немецкая фельджандармерия в вашем лице?

Фельджандарм, не отвечая на вопрос Фролова, вдруг, как молодой горный козел, скакнул слегка в сторону, одной рукой он потянулся к кобуре с парабеллумом, а второй пытался из-за голенища правого сапога достать засапожник. Иван, словно ожидал этого движения вахмистра, за секунду до него он вытянул вперед свою правую ногу, от которую со всего размаха споткнулся фельджандарм и, перевернувшись через голову, он кувырком скатился под откос дороги. Фролов внимательно следил за тем, как падало вниз тело вахмистра, когда за его спиной гулко прогремел выстрел из еще одного парабеллума. Он невольно развернул голову на выстрел, чтобы увидеть, как появившийся из-за кустов фельджандарм со «шмайсером» в руках, носом тупо рухнул в полотно дороги. Это Анна прикончила еще одного постового жандарма! В этот момент мелкой дрожью продрожал ствол Диминого пулемета МГ34. Через мгновение Иван глазами Младшего Лукашевича увидел, как безжизненной куклой дернулся уже мертвое тело вахмистра, который его допрашивал.

После этого Фролов нагнулся и из-за голенища своего правого сапога он вытащил свой собственный засапожник. Осторожно он начал подкрадываться к кустарнику, из которого только что выскочи убитый Анной фельджандарм. Но третьего фельджандарма там уже не оказалось. Согласно правилам дорожный пост полевой жандармерии должен был состоять из трех фельджандармов! У них оставалось в запасе еще минуты две — три до момента, когда здесь могли бы появиться другие немцы. Уходить им отсюда пока было нельзя, третий фельджандарм, наверняка, видел их лица, к тому же он узнал, что они работают тройкой — мужчина, женщина и мужчина. Если сейчас они не уберут свидетеля, то в дальнейшем должны будут изменить стиль своей работы в тылах противника.

Анна первой поняла, где мог бы спрятаться фельджандарм, и пока Иван с Дмитрием прочесывал ближайший подлесок, она вторым выстрелом из своего парабеллума его прикончила. Вернувшийся к дороге, Фролов не поверил своим глазам, когда увидел, что этот фельджандарм прятался в кроне большого дуба, практически прямо над их головами. Взглядом Иван поблагодарил свою супругу, затем он оседлал своего верного коня-мотоцикл, вскоре их группа исчезла в лесу.

Примерно, через полчаса движения по дороге где-то впереди их вдруг разгорелась мощная перестрелка. Ее начали винтовочные выстрелы, затем заговорили два пулемета! Фролов все ожидал, когда же они услышат взрывы гранат, но этих взрывов так и не последовало. Тогда Иван не выдержал и сам по мысленной связи связался с Валеркой Олейниковым, который ему тут же сообщил о том, что эта перестрелка к ним не имела ни какого отношения. Что она прошла где-то в стороне от их пути их движения.

Слушая переговоры своего командира, Дима Лукашевич на всякий случай в свой пулемет тут же вставил новую ленту на двести пятьдесят патронов, а Анна поменяла магазин в своем парабеллуме. За сегодняшний день она прекрасно изучила характер и натуру своего супруга. В общем, Дима и Анна были уверены в том, что Иван немедля отправится в ту сторону, где только что закончилась перестрелка, чтобы на месте прояснить картину того, что же там происходило. Практически через десять минут они были уже на месте, увидели картину партизанской засады, в которую попал один немецкий бронеавтомобиль Sd.Kfz. 234/1. Его экипаж четыре немецких танкиста был партизанами растрелен, три члена экипажа были убиты сразу, их трупы валялись прямо у колес бронеавтомобиля. Четвертый член экипаж уже раненым вернулся в десантный отсек бронеавтомобили, из бортового пулемета он до последней минуты своей жизни отстреливался от партизан.

Партизанам так и не удалось захватить эту боевую машину! После десятиминутной перестрелки они забрали тела своих убитых и раненых бойцов, ушли на свою партизанскую базу.

Фролов только одному ему известным методом сумел вскрыть это немецкий бронеавтомобиль. Последнего убитого партизанами немца он вытащил наружу, чтобы затем самому полезть в моторное отделение бронеавтомобиля, проверить, в каком состоянии он сейчас находится. Как показал осмотр, и двигатель, и вооружение бронеавтомобиля, 20 мм автоматическая пушка, и бортовой пулемет МГ34, и его боекомплект: — все они были в полном порядке! На этом бронеавтомобиле можно было хоть сейчас идти в бой. Иван настороженно посмотрел на Диму Лукашевича и на Анну, он хотел им рассказать о том, что такую грозную боевую машину нельзя просто так оставлять бесхозной в лесу! Заметив улыбку, которую оба его боевых товарища пытались от него же спрятать, Фролов догадался насколько он по-детски, по-ребячески он сейчас себя ведет!

— Ну, так вы, как я понял из ваших улыбок, согласны с моим мнением, что этот немецкий бронеавтомобиль нельзя бесхозным

оставлять в лесу. Мы его обязательно заберем вместе с собой, доставим до расположения отряда капитана Головина, а там уж все вместе решим, как им распорядиться?!

Дима сел за руль мотоцикла и на невысокой скорости поехал по на правлению расположения отряда капитана Головина. Фролов же вместе со своей Анной залез в отсек механика-водителя бронеавтомобиля. Он сам сел на место его помощника, а Анну усадил механиком-водителем, подробно объясняя, как заводится двигатель этого бронеавтомобили и как он управляется. Анна оказалась способным учеником, через пару минут она уже рулила этой грозной боевой машиной. Сначала машина шла на невысокой скорости, но вскоре девушка водитель не отставала от мотоцикла Дмитрия.

Николай Иванович даже вышел во двор, чтобы полюбоваться внешними обводами и внутренним устройством этого немецкого бронеавтомобиля. Он даже посидел в креслице командира экипажа этой машины, который одновременно выполнял обязанности наводчика 20 мм автоматического орудия. Но Иван Фролом явственно ощущал, что Головина что-то сильно беспокоит.

Уже стоя вместе с Головиным у борта бронеавтомобиля, прикуривая папиросу, Иван поинтересовался у Головина:

— Что тебя так тревожит, Иваныч?! Насколько я понимаю, что у тебя все в порядке, все готово к отражению вражеских атак?!

— Понимаешь, Иван, я места себе не нахожу, когда вспоминаю майора Борисова?! Он часа три тому назад со своим отрядом должен был у нас появиться! А его все нет и нет! Несколько раз я попытался его сам вызывать, а он даже не отвечает на мои вызовы!

— Я с тобой согласен в одном, Иваныч, нам здорово не повезло в том, что нам повстречался такой эгоистичный, честолюбивый и себе на уме командир батальона, как майор Борисов. Что вместе с ним мы вынуждены воевать с немцами! Но, ведь, ты, Иваныч, был командиром роты этого батальона и, наверняка, еще во время своей службы не раз сталкивался с проявлением с его стороны этого непонятного никому честолюбия, ослиного упорства? Так, почему, ни ты, никто другой из командиров этого батальона мне ни единым словом об этом не упомянул! Итак, я, почувствовав, что в этом майоре иногда проявлялись, начинали звучать непонятные мне ноты, не сделал его командиров всего батальона!

— Ну, во-первых, Иван, ты не совсем прав, мы тебя предупреждали и говорили тебе, что этот майор совершенно новый для нас человека. Получилось, что наш командир батальон

был убит, из всего батальона он был единственным, кто погиб в ту бомбежку. Как старшего по званию, командир нашей дивизии, майора Борисова и назначил командиром инженерного батальона. И тут же по его приказу мы покидаем расположение дивизии и идем, куда наши глаза глядят. Никто даже сейчас не знает о том, был у Борисова на то приказ высшего командира, или же так он поступил по собственному решению?! Если бы не встреча с тобой, то существует вероятность того, что и сегодня мы бы продолжали бы свое движение в неизвестность! Слава богу, ты, Иван, остановил и поставил перед нами точную задачу.

— Спасибо, Иваныч, за разъяснение ситуации, постараюсь и дальше с ней разобрать.

Иван по мысленному каналу связался с Димой, поинтересовался у парнишки:

— Дима, когда ты последний раз разговаривал с отцом?

— Только что!

— Что он тебе говорил о том, где они сейчас находятся?

— Идут в распоряжение отряда старшего лейтенант Торопынько!

— Дима, ты можешь мне помочь, переговорить с твоим отцом, но так, чтобы об этом не узнал бы майор Борисов?

— Но я не знаю, как это сделать, товарищ командир! Вы же сами нас учили и говорили, что, когда говорит один телепат, то все другие его слышат! — С каким-то отчаянием в голосе проговорил младший Лукашевич.

3

— Николай Иванович! — Прокричал старший сержант Олейников! — Вражеская колонна снова тронулась! Пошла на нас!

— Сейчас мы ее остановим! Покажем, эти немцам, где русские раки зимуют! — Сказал капитан Головин.

Он взял в руки свой бинокль и полез на бруствер окопа. И действительно в бинокль капитан Головин увидел, как на дороге появились первые бронетранспортеры Sd Kfz 251/20 Hanomag. В открытых кузовах бронемашин сидело по отделению немецких гренадеров. Эти полугусеничные машины выползали на дорогу Слоним — Мосты, чтобы по эней продвинуться дальше по направлению к Дунаю, а там, в районе поселка Мосты захватить в свои руки три моста через эту реку. Рассматривая в бинокль эти вражеские бронетранспортеры, капитан Головин мысленно связался с капитаном Гореловым, расчеты уже замерли у своих

орудий, они были готовы в любую минуту и по команде своего капитана нажать на спусковой рычаг.

К этому времени Фролов успел и артиллериста Горелова превратить в телепата, что немедленно улучшило качество общения командиров на поле боя. Стало ненужным восстанавливать телефонные коммуникации и посылать вестовых для подтверждения приказа. Головин даже сумел продемонстрировать Горелову, как вражеские бронемашины выползали на дорогу, а вокруг этих бронемашин вертелись множество немецких мотоциклистов.

Первые шесть выстрелов полковой батареи были пристрелочными, но весьма удачными! Все шесть разрывов 76 мм снарядов пришлись по самого гребню дороги. Вражеские бронемашины, к этому моменту появившиеся на дороге, от разрывов пристрелочных снарядов особо не пострадали. Но многие мотоциклисты были ранены разлетающимися повсюду осколками снарядов. Некоторые мотоциклы взрывными волнами были попросту выброшены за пределы полотна дороги. Снарядов на батарее было достаточное количество, поэтому артиллеристы работали в хорошем темпе. После пристрелочного залпа, боевые залпы следовали залп за залпом, взрывы снарядов как бы выстраивались рядком, этим рядком они двигались по дороге, сметая все на своем пути и немецкую технику, и живую силу противника.

Уже на первых минутах от прямых попаданий 76 мм снарядов загорелось пять бронетранспортеров Sd Kfz 251/20 Hanomag, вскоре число их увеличилось до десяти! После двадцати минут обстрела дороги, артиллеристы сделали небольшую паузу для того, чтобы выверить прицелы орудий и к ним поднести новые ящики со снарядами. К этому времени на дороге уже горело двенадцать бронемашин, штук тридцать мотоциклов пришли в полную непригодностьсть. Этот участок дороги превратился в свалку брошенных бронетранспортеров и мотоциклов, среди которых беспорядочно метались хваленные немецкие гренадеры, которые в своей жизни еще никогда не попадались в подобную артиллеристскую ловушку. К слову сказать, только в этот момент выяснилось, что немецкие разведчики и мотоциклисты не имели артиллеристской батареи для своего прикрытия! Поэтому немецкой стороне было попросту нечем ответить на вражеский артиллеристский огонь!

Немецкая попытка выйти на поселок Мосты, захватить там мосты через Неман провалилась, какие-то остатки авангарда колонны были вынуждены вернуться в лес, чтобы начать готовиться к новой попытке прорваться на Мосты. Командир

разведывательного батальона в этот момент с громадным удивлением узнает о том, что в его распоряжении имеется всего лишь девять пушечных бронеавтомобилей Sd Kfz 247, а не десять, как было тогда, когда он с батальоном покидал расположение своей дивизии. Только сейчас ему донесли, что один Sd Kfz 247 исчез по неизвестной причине во время перехода из Слонима до Песков. Командир батальона разведчиков был вынужден отдать приказ о том, чтобы эти пушечные бронеавтомобили использовать в качестве артиллеристского прикрытия всей автоколонны во время ее движения на Мосты.

Девять пушечных Sd Kfz 247, шедшие в арьергарде, поднялись на дорогу и стали пробиваться вперед, в голову колонны. Бронетранспортеры Sd Kfz 251/20 Hanomag были вынуждены разойтись по сторонам этой республиканской дороги. Следует отметить, что дорога Слоним — Мосты в те времена не имела асфальтового покрытия, ее никогда не мостили булыжником. Она была очень узкой дорогой, по современным меркам в те далекие военные времена эта дорога была дорогой в одну только полосу движения. Поэтому продвижение вперед пушечных бронеавтомобилей было сопряжено с большими трудностями, они едва проползали между бронетранспортерами Sd Kfz 251/20 Hanomag.

И в этот момент на дорогу хлынули еще какие-то мотоциклисты. Непонятно по какой причине сначала вдруг загорелась пара пушечных бронеавтомобилей. Причем самый последний бронеавтомобиль открыл огонь из своей 20 мм автоматической пушке, немецкие танкисты, видимо, стреляли по мотоциклистам, которые, как мошка, вились вокруг этих пушечных бронеавтомобилей. Но эти пушечные очереди пришлись по другим мотоциклистам и бронетранспортерам Sd Kfz 251/20 Hanomag, что, естественно, вызвало их ответную реакцию, попытаться уйти, спрятаться от орудийного обстрела.

Паника на дороге только усиливалась! Со всех сторон вдруг полетели гранаты. А сумасшедшие мотоциклисты бросили опекать пушечные бронеавтомобили Sd Kfz 247, которых осталось только четыре единицы, а остальные уже полыхали огнем на дороге. Эти сумасшедшие мотоциклисты вели пулеметных огонь по живой силе, мечущимся повсюду немецким гренадерам. На своих мотоциклах они попытались порваться к центру автоколонны, к штабным автомобилям.

Словом с появлением мотоциклистов на дороге начался настоящий ад, а эти мотоциклисты, разбившись на пары или тройки, нападали на один бронетранспортер и не отставали от него, пока он не загорался. Он вели огонь из пулеметов, бросали

гранаты, убивали и убивали немецких солдат, но они так и не смогли пробиться в центр автоколонны чисто по технической причине! Просто дорога оказалась сильно забита немецкой боевой техникой. В результате этого нападения были подожжены и полностью сгорели три колесных бронеавтомобиля, у двух других были повреждены двигатели! Было также сожжено и повреждено двадцать пять мотоциклов, убито восемьдесят немецких гренадеров. Еще ни разу 29-я моторизованная пехотная дивизия Фальке не имела таких больших потерь в личном составе и по боевой техники. Ее командир, генерал-майор Вальтер фон Больтерштерн приказал своим разведчикам и мотоциклистам окопаться под Песками, ожидать подхода частей дивизии.

В одном километре от дороги старший сержант Олейников подводил итоги этого боя, его отряд потерял погибшими пятнадцать красноармейцев, было ранено восемь красноармейцев и все они нуждались в срочной медицинской помощи. Но его разведчики потеряли все свои мотоциклы, таким образом, моторизованный отряд Валеры Олейникова на данный момент превратился в пеший отряд с восемью ранеными на своих руках. Что на деле означало, что с этого момента его отряд потерял скорость продвижения, теперь, передвигаясь пешим порядком, он со своим разведчиками будет мало, куда будет успевать!

Старший сержант Валерий Олейников прекрасно понимал, что самым первым делом, чтобы сохранить жизнь своим раненым разведчикам, он должен был им найти хорошего врача. Он мысленно связался с комбригом Фроловым, в нескольких словах описал ситуацию, в которой оказался он со своими разведчиками. Иван Фролов согласился с его мнением, о необходимости передачи раненых разведчиков крестьянам того села, в котором имеется хороший врач или хирург.

— Валера! — Далее сказал Иван. — Постарайся у крестьян особо не задерживаться. Ты со своими разведчиками, как можно быстрее, должен появиться у Торопынько. Старшему лейтенанту в любую минуту может потребоваться помощь твоих разведчиков, чтобы арестовать и держать под охраной майора Борисова. Майор становится все более непредсказуемым человеком и, по-моему, до предательства ему остался один лишь, последний шаг! Когда появишься в Торопынько, то мы с тобой этот вопрос еще раз и более тщательно прокачаем, обговорим! Да и с крестьянами тебе следует быть несколько осторожней, так как они еще не решили, по-прежнему, держаться советской власти или идти к немцам?! Когда окажешься в какой-либо деревушке, то обязательно свяжись со мной, я постараюсь тебе помочь в этом вопросе.

Только несколько разведчиков старшего сержанта Валерия

Олейникова на своих плечах носила красноармейскую форму, остальные разведчики были одеты немецкими гренадерами, крестьяне Березовки мгновенно догадались о том, что к ним в деревушку пожаловали партизаны и красноармейцы окруженцы. Они старшему сержанту на его вопрос, с кем бы из деревенских начальников он мог бы переговорить, они тут же заявили, что переговоры с ними проведет начальник уездной полиции Соловьев, промолчав о том, что этот полицай вместе со своей семьей проживал в этой же деревушке. Валерий Олейников последнего обстоятельства не знал, поэтому к моложавому мужчине, обратился с вежливой просьбой, принять на постой и лечение своих раненых бойцов.

— А скольких раненых вы хотите оставить в нашей деревушке? — Тут же поинтересовался полицай.

— Восемь человек. — Особо не хитря, ответил Валерий. — В принципе, мы готовы советскими рублями оплатить их постой и лечение! Но я только не знаю, принимаете ли вы рубли?

— Почему же нет?! Деньги остаются деньгами при любой власти!

В этот момент Валера обратил внимание на мимику лица шестнадцатилетней девчонки, которая накрывала стол в гостиной. Эта сельская пигалица, словно предупреждала Валерия о какой-то опасности. Она страшно округляла свои и так большие глазища, словно хотела этим сказать, мол, ребята вы будьте осторожней, разговаривая с этим человеком! Тогда Валерка вспомнил о просьбе Фролова, он тут же мысленно с ним связался и вкратце рассказал о своей предварительной договоренности.

— Валера, ты слегка расслабь свое сознание, я хочу твоими глазами взглянуть на этого человека!

Через мгновение Иван Фролов произнес:

— Валера, фамилия этого человека Соловьев! В недавнем прошлом он работал на одном из заводов Лиды. Был заместителем председателя партийной ячейки на этом заводе, привык не работать, а руководить по партийной линии. Когда началась война, то он не пошел в военный комиссариат, а отправился к родственникам в Березовку. Когда и там появились немцы, сам вызвался стать начальником уездной полиции. Ведет с тобой переговоры только с одной целью, получить от тебя большие деньги на лечение раненых партизан, а позднее их всех сдать в криминальную полицию на расправу немцам. Одним словом, этот подлец хочет получить деньги от тебя и от немцев, но в Березовках действительно имеется отличный хирург!

— Товарищ командир, ну, и как мне в этом случае поступать? Не прикончить ли его что ли!

— Подожди, Валера, не торопись! Давай-ка, я с ним переговорю! После этого разговора мы и решим, что будем дальше с ним делать!

К этому моменту Рифат Игнатьевич Соловьев сам поверил в то, что ему удалось-таки этого мальчишку в форме немецкого солдата, обвести вокруг пальца! Он уже мысленно подсчитывал, сколько денег нужно будет запросить у этого мальчишки, и сколько ему заплатят немцы за восемь раненых красноармейцев. Он сидел за столом, спокойно наблюдал за тем, как Валерия, дочь Николая Мышакова, в доме которого он сейчас находился, собирает еду на стол. Рифат Игнатьевич даже не обращал внимания на то, как это девчонка флиртует с командиром красноармейцев. Она бегала вокруг этого парнишки, касаясь его, то своим бедром, то своей грудью, но он ничего не замечал, так как был погружен в свои мысли.

В этот момент Соловьев вдруг почувствовал, как остро заболела его голова, в ней вдруг возник таинственный потусторонний голос, который вдруг поинтересовался:

— Привет, Рифат Евгеньевич! Так ты считаешь, что сумел обмануть, вокруг пальца обвести этого парнишку?! Понимаешь, но я хотел бы тебе сказать, что это не совсем так. Сейчас я решаю, как с тобой поступить? Расстрелять ли тебя на месте, или отпустить? В этом деле меня смущает только одно то, что ты только задумал совершить преступление, раненых защитников родины выдать, продать за деньги врагу нашего государства, то эта твоя задумка пока еще не стала преступлением! Преступление можно назвать преступлением только в том случае, когда оно действительно совершается! Но и в таком случае, как ты сам понимаешь, я уже не могу просто тебя отпустить, так как ты многое знаешь! Так что дилемма, или отпустить или тебя расстрелять, все еще остается?!

Иван Фролов стоял в траншее, выпрямив спину, в данный момент он продолжал мысленную беседу с предателем родины Соловьевым. Одновременно Иван наблюдал за тем, как шесть орудий полковой артиллерии капитана Горелова принялись за методичное уничтожение этой вражеской колонны. Фролов нутром своим ощущал, что еще немного усилий и враг побежит, бросая оружие и технику на дороге, спасая свои души! В какой-то момент обстрела к орудиям полковой артиллерии присоединилась дивизионная артиллерия. Участок дороги Слоним — Мосты перед поселком Пески по сути дела превратился в огнеопасное поле, там то и дело рвались 76 мм снаряды полковой артиллерии и 122 мм снаряды дивизионных гаубиц.

Наступил момент, когда разведчики и мотоциклисты 29-й моторизованной пехотной дивизии не выдержали такого сосредоточенного огня советской артиллерии, они побежали с поля боя, немецкие солдаты рассыпались по близлежащим рощам и перелескам, спасая свои жизни. Бойцы капитана Головина поднялись в атаку, они вышли на шоссе, осторожно начали по нему продвигаться, уничтожая вражескую живую силу.

— Иваныч, не теряй зря времени, прикажи своим бойцам собирать трофеи и готовься к боям с регулярными подразделениями Вермахта. — Затем он снова переключился на разговор с Соловьевым. — Итак, Рифат Игнатьевич, очень похоже на то, что мы с вами все-таки договорились! Вы и ваши полицейские не будут препятствовать крестьянам Березовки заниматься лечением наших раненых бойцов. Мы же вам выплатим определенную сумму в рублях за каждого бойца, прошедшего такой курс излечения. Помимо этого, мы с вами договорились о том, что будем с вами поддерживать нормальные рабочие отношения…

Глава 9

1

Примерно, в десять часов вечера старший лейтенант Торопынько находился на командной пункте своего отряда, он продолжал в бинокль наблюдать за тем, как в полутора километрах от его позиции движутся красноармейские войска, командиры которых с подозрением встречались с его бойцами делегатами связи. Они категорически отказывались встречаться с ним, как командиром сводного отряда поддержки, и только родным матюгом подгоняли своих красноармейцев, заставляя их быстрее пройти мостами через Щару, чтобы снова скрыться в белорусских лесах, распростершимися за переправой.

Геннадий Сергеевич все еще вспоминал, как его командный пункт посетил молодой полковник из 13-й армии, который ему и рассказал о том, что два дня назад в наступление на Гродно принимала участие еще и 13-я армия, которая выдвинулась из-под Гомеля. Но контрнаступления под Гродно, как такового, так и не состоялось, а немецкие танковые дивизии 3-ей танковой группы немецкого генерала Гота сумели выйти на тылы 3-й, 4-й, 10-й и 13-й советских армий, их чуть ли не полностью разгромили. Он рассказал также, что по слухам и по этим мостам управление 13-й армии уже давно переправилось, сейчас оно находится под Минском, руководит его обороной.

— Насколько я информирован, Минск был захвачен немецкими войсками еще 28 июня 1941 года, на шестой день войны. — Глухо сказал старший лейтенант и потупил голову.

— Ах, вот оно как! Мы этого еще пока не знали! — Горестно произнес полковник. — Собирались после переправы двигаться на Минск, но в нашей 5-й танковой дивизии танки остались без горючего и без боекомплекта. Видимо, нам придется их здесь бросить!

— Но у нас имеется и топливо, и целый склад снарядов любого калибра! Так что мы готовы заправить ваши танки, выдать им несколько боекомплектов. Но не могли бы, товарищ полковник, попросить своих танкистов, остаться с нами. На позиции моего полка сейчас выдвигаются две немецкие дивизии, одна моторизованная, а другая пехотная.

— А кто это «мы»? — Поинтересовался полковник.

— Да, мы это сводная бригада! На базе инженерного батальона 8-й стрелковой дивизии была сформирована сводная

бригада трехбатальонного состава, а также полковой артбатареи и дивизионной артбатареи. Вот уже сутки держим оборону в треугольнике Слоним — Зельва — Мосты и Деречин. Мне два часа назад сообщили, что 3-я армия переправилась по мостам через Неман и сейчас ее подразделения продвигаются к мостам через Щару.

— И кто командует этой бригадой?

— Иван Фролов…

— Не слышал о таком! — Резко возразил полковник.

— Извините, командир нашей сводной бригадой старший майор НКВД Горчаков Александр Иванович!

— Но он же не русский, иностранец! — Вырвалось у полковника.

— Не имею чести знать, какого именно Горчакова, вы имеете в виду? Но наш, Александр Иванович, самый настоящий русский человек! Под его командованием мы уже столько немцев положили в могилы, что страшно об этом подумать!

— Не мог бы я с ним с ним встретиться или хотя бы переговорить на расстоянии?

— Хорошо, я попытаюсь узнать, возможно, ли это?

Иван Фролов только что мысленно переговорил со старшим Лукашевичем, который ему сообщил, что последние два часа он майора Борисова не видел и с ним не разговаривал. Их отряд сейчас движется лесными тропами, но точно движется в направлении позиций отряда старшего лейтенанта Торопынько. Подумав, Семен Лукашевич сказал:

— Ты, понимаешь, Иван, ничего подозрительного в поведении майора Борисова я пока не заметил! Но я верю твоим предчувствиям, поэтому всех своих ястребков и красноармейцев, которым полностью доверяю, буду держать не далеко от себя. В случае чего, всегда могу положиться на их помощь!

Только Фролов завершил этот разговор, как его вызвал Торопынько.

— Слушай, Иван! — Тут же зачастил старший лейтенант. — Тут один полковник хочет с тобой переговорить!

— Что это за полковник и о чем он хочет говорить?

— Да, он мне не представился, но запахом от него тянет НКВД! К тому же он утверждает, что он якобы знаком с майором НКВД Горчаковым Александром Ивановичем!

— Хорошо, давай поступим так, ты его попроси, чтобы он, не отрываясь, смотрел бы в твои глаза, так как мне пока не хотелось незнакомого человека делать телепатом!

— Товарищ полковник, Иван хочет с вами сам переговорить! Для этого вам нужно, не отрываясь смотреть мне в глаза!

— Это ты, но что ты здесь и сейчас делаешь? — Удивленно вырвалось у Фролова, когда глазами Торопынько он увидел лицо полковника.

Но сам полковник ничего, кроме глаз старшего лейтенанта, не увидел. Поэтому он так и не смог признать, с кем именно сейчас общается. Услышав восклицание собеседника, он тут же поинтересовался:

— Ну, а кто же вы такой, прошу вас, представьтесь?

— Подождите, не спешите со своим представлением через посредство второго лица! Сейчас я постараюсь вас превратить в телепата, после чего и поговорим! — Прервал его Иван Фролов. — Иваныч, прекращай этот контакт! Постарайся, своего полковника превратил в телепата, наложением своих ладоней на виски его головы.

Практически через мгновение он вышел, но уже непосредственно на полковника. Увидев лицо своего мысленного собеседника, тот удивленно воскликнул:

— Пан Вальдемар Косински, но чем вы занимаетесь в этих лесных дебрях Западной Белоруссии, когда вы должны были находиться уже в Берлине?

Пришлось Ивану свою историю рассказывать самого начала, с того момента, когда немецкие истребители его самолет сбили на территорией Западной Украины. Собеседник оказался очень внимательным человеком, он слушал рассказ Фролова, ни разу его не перебив. Когда Иван, завершил свой рассказ, то полковник обратился в нему со следующим предложением:

— Я очень надеюсь на то, что мы с тобой вместе продолжим работу во благо нашей родины?

— Подожди, Михаил, не торопись вперед батьки лезть в печь, не спеши со своим предложением! Я хочу свой рассказ завершить следующими словами. Уже в те времена я понял, что моя с тобой случайная встреча была запланированной встречей, над организацией которой немало поработали оперативники центрального аппарата НКВД. Вот только не понял, почему нас так рано разъединили? Сейчас могу предположить только одно, что кто-то из высшего руководства этой организации посчитал меня бесперспективным агентом. Поэтому меня взяли за шкирку и выбросили на свалку уголовного сообщества! Сегодня времена, видимо, изменились, я оказался снова востребованным агентом. Тебя, Миша, направили на мои розыски и ты меня нашел! Теперь ты мне хочешь предложить поработать твоим помощникам по выполнению отдельных заданий руководства НКВД. Так вот я хочу тебе сказать, что на это предложение я не согласен, хотя не отказываюсь сотрудничать с НКВД по своему усмотрению! Тебе

же лично, Миша, я предлагаю перейти на самостоятельную работу со мной или не со мной, это уже не имеет значения! Ты уже сам будешь определять, как будешь жить дальше, чем будешь заниматься в своей жизни! Мы с тобой встретимся в Москве, тогда ты сам там мне объявишь о принятом тобой решении! А теперь возвращайся в свою 5-танковую дивизию, последний танк которой сгорел два дня назад, пришли старшему лейтенанту Торопынько пять танков БТ 7, мы их заправим, дополним боекомплект и на них вступим в бой с немцами.

Старший лейтенант Торопынько обрадовался, как ребенок, когда увидел, что от мостов через Щару вдруг оторвались пять точек. Они быстро побежали по направлению к их огневым позициям. Вскоре пять легких танков БТ 7 замерли вблизи его командного пункта. Из орудийной башни ловко выскочил молодой в таковом промасленном комбинезоне. Стащив с головы танковый шлемофон, парень поинтересовался у пробегавшего мимо него красноармейца:

— Эй, чувило, не подскажешь, где твой командир?

Тот лишь головой кивнул на землянку, где располагалось КП, и торопливо побежал дальше. Танкист поправил комбинезон под поясным ремнем, пробежался по ступенькам и кулаком поступал в дощатую дверь, перекрывавшую проход в землянку. Неизвестно откуда вынырнул Наперсток, он серьезно посмотрел в глаза танкисту и сказал:

— Возьми меня в свой танковый экипаж, я обязательно тебе пригожусь. Умею стрелять из пулемета, могу подавать снаряды в орудие.

— Парень, подрастешь, тогда мы с тобой об этом и поговорим! А сейчас мне нужен твой командир? Полковник, пославший нас к вам, сказал, что у него есть танковый бензин и снаряды к нашей танковой пушке?!

— Командир ушел к артиллеристам, а мне приказал проводить вас на склад, где хранится и бензин, и снаряды! Так что, товарищ танкист, поехали, я покажу вам дорогу к этому складу.

Наперстку, или партизану Николаю Гвоздеву два километра до склада пришлось проехать на внешней броне танка. Танкист ему показал, за что можно было бы держаться, лежа рядом с башней, Наперсток едва успел вцепиться обеими руками в эту штуковину, как БТ 7 тронулся и на высокой скорости помчался по дороге. Позже, когда танкисты уже заливали танковый бензин в топливные баки танка, Наперсток, как ни старался, так и не мог вспомнить, как же ему удалось продержаться всю эту поездку и не свалиться под гусеницы танка?! Только тогда он посмотрел и

подсчитал, сколько же с собой танков он привел на склад. Общим счетом получилось девять.

В этот момент Димка Лукашевич на склад пригнал для дозаправки горючим немецкий пушечный бронеавтомобиль. Наперсток едва не умер от зависти, увидев, как его одногодок, односельчанин и одноклассник Димка Лукашевич по-хозяйски обращался с этим самым бронеавтомобилем, на всех покрикивал, требовал не приближаться ближе, чем на три метров к этой секретной боевой машине. Но, когда подошла его очередь заправляться, то он тут же и при всех опростоволосился, не знал, где находится патрубок помпы для заправки бензином. Ему помогли танкисты, они быстро заправили немецкий бронеавтомобиль. Они также быстро предложили ему поменяться машинами. Наши танкисты были готовы на эту немецкую машину ему передать танк БТ 7 или даже танк Т-34, но Димка испугался такого обмена и на него не согласился. Обратно Наперсток решил возвращаться вместе с Димой Лукашевичем, во время переезда они даже сумели немного поговорить, вспомнить свое деревенское детство.

Но, как только они покинули отсек управления Sd Kfz 247, Наперсток тут же наткнулся на очень сердитого Ивана Фролова. Тот сразу же схватил парня за шиворот, его лицо приблизил к своему лицу и поинтересовался:

— Наперсток, я, что тебе приказал, о чем просил, чтобы ты лично проследил?

— Вы мне приказали, чтобы я встретил бы пять танков с экипажами, проводил бы их на наш склад! Чтобы там лично проследил бы за тем, чтобы они заправились, и получили боекомплект снарядов. Они так все и сделали!

— Но сколько было танков?

— Девять!

— А сколько их должно было бы быть, Наперсток?

— Пять!

— Так, в чем же дело?

— Но это были же наши люди! Патриоты Советского Союза, которые собираются на своих танках сражаться с фашистами!

— Наперсток, да ты, оказывается, умеешь правильно думать! Ну, тогда скажи мне, а что ты сейчас видишь перед собой? — И Фролов показал на пять чудовищ, которые когда были танками БТ 7 и Т- 34.

— Ну, танки!

— Только без «ну, танки», пожалуйста! Так, что это такое?

— Наши подбитые танки!

— Правильно думаешь, Наперсток! А зачем их нам оставили?

Что мы с ними можем сделать?

— Закопать в землю, использовать, как неподвижные артиллеристские точки!

— Слушай, Наперсток, а я об этом даже не подумал и до твоего появления все ломал голову, а что же нам с этими подбитыми танками делать? Благодаря твоему мышлению, я теперь знаю, что с ними можно сделать! Спасибо тебе, Наперсток! По крайней мере, ты меня вернул к жизни, а то я подумал, что эти хитрые танкисты нас попросту обманули, забрали себе бензин, снаряды, чтобы повоевать с немцами. Так что, Наперсток, бери лопату и вместе со своим другом отправляйся, копать себе танковый окоп.

2

Подразделения 13-й советской армии давно уже сменились подразделениями 3-й и 4-й армий, которые продолжали переходить через Щару по деречинским мостам. С каждым прошедшим переправу полком или дивизией, или же даже с отдельным танком на сердце Ивана Флорова становилось легче и веселее. Он был уверен, что эти подразделения РККА обязательно доберутся до своих, там их заново переформируют, и они снова вступят в бой с немецкими оккупантами. И во многом этот круговорот событий сейчас происходят благодаря тем усилиям, которые Иван и его друзья, товарищи сейчас вкладывали в дело обороны своих позиций в этом белорусском треугольнике! Их красноармейцы не отступали, не бежали, не оставляя своих позиций немцам. Будучи кадровыми красноармейцам, они прошли хорошую армейскую подготовку. И сейчас они воевали с немцами, искренне веря в то, что победят, благодаря своим профессиональным навыкам, знаниям и умением воевать.

Первые танки 29-й моторизованной пехотной дивизии медленно и лениво один за другим выползали из леса перед самым Деречином. Их было много, не менее батальона, правда, в основном это были танки Т 3, но все равно это были те немецкие танки, которые прошли всю Европу. Этих танков боялись практически все европейские армии, они чуть ли не хором, все одновременно вставали перед ними на колени, полным составом сдаваясь в плен!

Выйдя из леса, танки веером расползались в стороны, стараясь своим флангами охватить позиции советского отряда, обороняющего этот белорусский поселок городского типа. Сначала немецкие танки останавливались каждую минуту и,

словно ищейки, водили из стороны в сторону короткими стволами своих танковых орудий. Командиры взводов, рот и батальона, не опасаясь быть подстреленными вражескими пехотинцами или снайперами, демонстрируя свою куртажную храбрость, по пояс высовывались из командирских башенок, в бинокли пристально рассматривая позиции советской пехоты. Затем танки, экипажи которых, видимо, получили соответствующий приказ, начали убыстрять ход своих боевых машин, все быстрее и быстрее серой волной накатываясь на советскую пехоту, с головой закопавшуюся в свою же землю.

Старший лейтенант Торопынько с телефонной трубкой в одной руке, по которой поддерживалась связь с обеими артбатареями, и с биноклем — в другой руке, охрипшим голосом кричал красноармейцам и командирам своего сводного отряда:

— Не бойтесь, братцы, этих немецких танков! Нам нечего их бояться, это они нас должны бояться! Мы воюем на своей земле, мы защищаем свою землю, свою родину, свой народ и великого Сталина! Скоро мы откроем по ним огонь, сначала будем стрелять из пушек! И если танки к нашим траншеям подойдут совсем близко, то мы их встретился гранатами и бутылками с зажигательной жидкостью. Командиры рот и взводов помогите своим красноармейцам разобраться в ходе боя, покажите им слабые места во вражеских танках!

В этот момент немецкие танкисты, видимо, желая продемонстрировать свое арийское превосходство над красноармейцами и командирами, на секунду приостановили бег своих танков, чтобы произвести единый залп из танковых орудий. Залп-то прогремел, но общее впечатление от этого залпа было явно подпорчено двумя мощными султанами разрывов 122 мм снарядов, которые вдруг поднялись в небо чуть не в самом строю немецких танков. Это дивизионная батарея лейтенанта Голубева открыла огонь по противнику. Снаряды же танковых орудий в большинстве своем разорвались за траншеями с красноармейцами, да и к тому же эти разрывы этих 37 мм снарядов было трудно сравнить с теми мощными разрывами 122 мм снарядов!

Как только немецкие танки начали снова стали набирать скорость, чтобы быстрее достичь вражеских окопов, чтобы там своими гусеницами их разрушить, завалить землей их защитников красноармейцев! Но в этот момент последовали два новых разрыва мощных снарядов. Красноармейцы, выглядывавшие из своих траншей, увидели, как один из снарядов попал прямо в башню немецкого танка. Эта башня сначала слегка приподнялась из своего гнезда, затем резко, словно ракета,

рванула кверху, в небо. Скоро земля содрогнулась, приняв на себя удар упавшей с высоты на землю многотонной танковой башни!

Чтобы не мешать старшему лейтенанту Торопынько, командовать обороной своего сводного батальона, Иван Фролов вместе с Анной и Дмитрием Лукашевичем отошел на крайний левый фланг второй траншеи, которую оборонял второй взвод первой роты под командованием главстаршины Неманской флотилии Михаила Деревянко. Проходя мимо главстаршины, который вместе со своими бойцами находился в траншее, Иван дружески хлопнул его ладонью по спине и, когда тот обернулся, рукой ему показал, что со своими друзьями будет с немцами сражаться на крайнем левом флаге этой траншеи. Михаил Деревянко посмотрел на него, соображая, а затем согласно кивнул головой.

Продолжая двигаться траншеей, Иван вспоминал свою первую встречу с этим речным моряком, который, как чуть позже выяснилось, до самозабвения любил море. Он и служить пошел во флот, загнав военного комиссара городка своей неожиданной просьбой в угол, у того же попросту не было распределения на какой-либо флот. Так благодаря чудесам военной бюрократии Михаил Деревянко начал служить на бронекатере Днепровской флотилии, затем его вместе с этим бронекатером перевели служить на Неман. Когда началась война, и немцы перешли границу, то бронекатер Михаила Деревянко провел всего два боя и из-за предательства литовских националистов попал в ловушку, где и погиб вместе со своим экипажем, только главстаршина Деревянко каким-то чудом избежал смерти. Словом, с первого дня войны Михаил Деревянко не выпускал из рук оружия, воюя за свою родину, Советский Союз!

Фролов установил свой МГ34 на бруствер, помог Анне углубить выемку в траншее, где она устроилась с винтовкой СВТ 40 и пистолетом-пулеметом МР38. Дмитрий сам справился с обустройством своей позиции пулеметчика. Таким образом, левый фланг взвода главстаршины Деревянко оказался хорошо насыщен пулеметами! Иван взялся за бинокль и с того времени от него уже не отрывался, высматривая, что происходит на поле, которому предстояло превратиться в поле боя. Анна и Дмитрий устроились каждый на своей огневой точке, там они заснули, предоставив возможность своему старшему товарищу, оберегать их сон!

Фролов, проследив своим взглядом полет танковой башни, хорошо понимал, что старший немецкий командир допустил серьезную ошибку, бросив в бой одни только танки без пехотной поддержки. Видимо, немцы все-таки оказались сильно

избалованы своими последними походами по странам Европы, когда один только танк мог взять в плен целую вражескую армию. Да и этот пьяный кураж, когда немецкие офицеры танкисты по пояс высунулись из люков своих танков, словно они находились не на поле боя, а прогуливались по Елисейским полям Парижа! Следующие два залпа дивизионной батареи лейтенанта Голубева оказались безрезультатными, тогда Фролов вспомнил о существовании своей снайперской винтовки. Он взял ее в руки, проверил, полон ли ее магазин, пару раз приложился к прицелу, а затем замер на очень короткое время, вглядываясь в ее прицел. Он медленно выжал курок винтовки, последовал выстрел, который в танковом грохоте был практически не слышен.

Командир немецкого танка, шедший в передовой линии, но чуть слева от центра, вдруг как-то странно сломался в поясе. Он вывалился из башни своего танка, прокатился по броне и сверзился прямо на землю под гусеницы своего же танка. Последовал еще один выстрел, и еще один офицер танкист покатился по броне танка. К тому же этот офицер оказался тяжело раненым, он все время пытался хоть за что-то ухватиться своими пальцами, чтобы не попасть под гусеницы танка. Но ему не повезло…. от него практически ничего не осталось! Когда Иван Фролов перезаряжал свою винтовку, то у него был очень неплохой результат: пять выстрелов и пять убитых немцев танкистов. Но, к великому Иванову сожалению, немецкие танки больше не останавливались, они спешили сблизиться с окопами пехоту противника.

Но вот залпы дивизионной артиллерии стали более эффективными и результативными. Один залп, два выстрела и еще одно прямо попадание, немецкий танк загорался, или попросту распадался на более мелкие детали. Но этих танков было очень много, сейчас их на поле было, примерно, штук сорок, семь танков уже горело, но до траншей с пехотой оставалось не так уж далеко, всего лишь метров триста! В этот момент послышался более мощный залп, это полковая артиллерия открыла огонь по немецким танкистам из шести 76 мм орудий. Прямых попаданий в танки пока не последовало, но сам артиллеристский залп насторожил, заставил немцев слегка притормозить продвижение вперед своих танков! Мало кому из танкистов было бы приятно увидеть, что по твоему танку огонь прямой наводкой стреляют шесть вражеских орудий. Немецкие танки в центре еще следка притормозили. Но немецкие танкисты, работавшие по краям флангов, когда увидели, что до траншей с советской пехотой осталось всего ничего, только прибавили скорость. Наступал критический момент немецкой атаки, когда

красноармейцы пехотинцы вот-вот должны были вступить в этот бой!

Но тут-то в общую артиллеристскую канонаду подключились еще пять орудий, но уже советских танков, закопанных по башню в землю. Заговорили пять 45 мм орудий, которыми были вооружены танки БТ 7. Пять выстрелов танковых орудий и два прямых попаданий в броню, на поле боя загорелись еще два немецких танка Т 3. Встреча с советскими танками, видимо, не входила в планы немецкого командования, да, и нервы немецких танкистов этого не выдержали. Казалось бы, смертельная лава немецких танков вдруг остановилась, замерла практически перед самыми вражескими траншеями, что позволила артиллеристам повредить еще два немецких танка! Затем все эти танки попятились назад, лихо развернулись, и на высокой скорости помчались на свои исходные позиции. Первая и поэтому самая тяжелая танковая атака немцами была отбита, немцы ее проиграли, потеряв семь танков Т 3! А советская пехота пока так и не вступила в бой!

Фролов тут же связался с Торопынько, собираясь его поздравить с достигнутым успехом, но в ответ он вдруг услышал веселый смех старшего лейтенанта и голос капитана Головина. Капитан Головин своих бойцов привел к Деречину, сейчас эти два командира обсуждали, какие траншее займут бойцы капитана Головина. Иван тут же отключился от канала мысленной связи и, перевернувшись на спину, решил покурить. У проходившего мимо главстаршины Деревянко он попросил папиросу. Курить он, в принципе, особо не хотел, но ему хотелось хоть чем-то отпраздновать и свою личную победу, рождение двух хороших командиров полка, которыми только что в сегодняшнем бою стали два его ученика. Но главстаршина, как оказалось, с детства не курил! Он откуда-то достал немецкую флягу и ее, молча, протянул майору. Отвинтив колпачок, Иван глотнул из ее горлышка прямо из фляги, но тут поперхнулся немецким шнапсом. Пока Иван вытирал слезы, фляга исчезла из его, она почему-то оказалась в руках Анны. На его глазах девчонка приложилась к фляге и довольно-таки долго удерживала ее у своих губ. Главстаршина из-за это даже обиженно хрюкнул, и Диме, протянувшего руку к фляге, он грубовато посоветовал:

— Молод еще! Подрасти!

И фляга так же, как и появилась, незаметно куда-то исчезла.

В небе послышался завывающий звук авиационных двигателей. Это эскадрилья «Юнкерсов 88» выходила на точку бомбометания по позициям вражеской пехоты. «Юнкерсов 88» бомбили не очень точно, как скажем, штурмовики «Юнкерсы 87»,

но на борту они несли слишком много авиабомб, поэтому и бомбежка по времени продолжалась очень долго. Фролов свернулся в калачик и полез в укрытие, вырытое к стене траншеи. В принципе, эта ниша была не укрытием, а так просто… ниша, но когда в ней прячешься, то казалось, что это настоящее бомбоубежище. Первой туда успела юркнуть Анна, девчонка явно полагала, что объятие любимого мужа ее, наверняка, спасут от всех военных напастей!

Первая авиабомба упала за бруствером траншеи, от нее слегка содрогнулась земля. Анна что-то пискнула и тесней вжалась в руки Фролова. А он в этот момент почему-то вспомнил о пулемете МГ34, оставшегося лежать на бруствере. Иван нежно освободился от объятий Анны, поцеловал ее в холодные губы и тяжело полез из ниши. Когда он выпрямился и посмотрел на небо, то кроме вражеских бомбардировщиков там ничего не было видно. МГ34 как бы сам прыгнул ему в руки, Иван положил его на ствол дерева, упавшего поперек траншеи и попытался из него прицелиться. Но тут же убедился в том, что для того, что стрелять по вражеским самолетам для этого пулеметчику требовалось стоять на земле, вести огонь из пулемета длинными очередями, не забывая о предупреждении. Когда он оказался на земле, то понял, что он правильно думал в отношении организации стрельбы из пулемета по воздушным целям, но вот опоры для самого пулемета он так и не мог найти.

В какой-то момент он вдруг увидел, что Дима Лукашевич стоит рядом с ним, и как-то странно свою голову вжимает в плечи, одновременно отводя ее в сторону. Иван поднял голову и увидел, что очередной «Юнкерс 88» выходит на разворот, чтобы затем, следуя по прямой, атаковать бомбами их траншею. Ствол пулемета сам собой лег на Димкино плечо, мгновение на прицеливание, затем длинная очередь на двадцать патронов. Над ними пролетел первый бомбардировщик, затем второй…, а Фролов все стрелял и стрелял по воздушным целям из своего МГ34.

Когда «Юнкерсы 88» покинули воздушное пространство, то Иван Фролов долго стоял и смотрел им вслед. Он не понимал и пытался разобраться в том, почему их бомбили десять «Юнкерсов 88», а на базу возвращается всего лишь восемь вражеских бомбардировщиков?! В конце концов, когда вражеские бомбардировщики исчезли вдали, Иван Фролов спрыгнул в траншею от греха подальше, и только тогда увидел мальца Лукашевича. Он лежал ничком на бруствере и тихо плакал, его успокаивала Анна, приговаривая:

— Не надо плакать, Дима! Все уже прошло! Ты с Ваней

настоящий молодец, вы не позволили немцам точно отбомбиться!

— И вы вдвоем вместе сбили два немецких бомбардировщика «Юнкерс 88»! — Добавил Михаил Деревянка.

Он с группой бойцов только что притащил станковый пулемет «Максим», а сейчас устанавливал его на бруствере!

3

Немцы, как военная нация, во все времена развития человечества от других народов отличалась своим умением быстро находить и исправлять свои собственные ошибки в военном ремесле! Сообразив, что бойцы и командиры Красной Армии не какие-то там европейские лохи, а вполне вменяемые солдаты, которые способны в полной мере постоять за свою отчизну, командование 29-й моторизированной пехотной дивизии тут же приняло решение воевать с этим красноармейцами, оборонявшими Деречин, так, как их учили в училищах и в военных школах. Тут же были подготовлены и отправлены заявки на нанесение бомбоштурмовых ударов не только по позициям вражеской пехоты, но и по артиллеристским позициям. Генерал-майор Вальтер фон Больтенштерн вызвал к себе полковника Иоганна Шмидта, который командовал тылами его дивизии и ему приказал:

— Иоганн, всего неделю мы воюем на этом чертовом Востоке, а моя дивизия имеет такие большие потери в живой силе и танках, каких мы никогда не имели с момента ее создания. А ведь, если говорить серьезно, то на деле мы только начали по-настоящему воевать, у нас наконец-то, появился достойный противник — Красная Армия Иосифа Сталина! Но, что же с моей дивизией будет после месяца таких же боев. Только в последнем бою мы потеряли семь, понимаешь, Иоганн, семь танков, это же почти целая рота танков, а нам предстоит снова и снова атаковать этот самый Деречин, пока мы его не захватим! Ты знаешь, что за этим Деречином находятся мосты через реку Щара, по которым сейчас полки и дивизии Красной Армии отходят на Север и Восток. Понимаешь, Иоганн, эти краснопузые не бегут, а отходят, чтобы где-нибудь снова встать у нас на пути к Москве! Уже сегодня я могу открыто сказать, что блицкриг у нас не получился, что его попросту не будет! Дивизиям Вермахта придется снова и снова доказывать этим красноармейцам, кто из нас более сильный противник, кто из нас победит в этой войне на истребление?!

— Вальтер, мне кажется, что ты зря об этом беспокоишься!

Как в этом вопросе не крути, Вермахт на голову выше Красной Армии! И пока мы, немцы, являемся законодателями военной моды! Мы хорошо знаем, где и как нужно наступать, чтобы переломать хребет противнику! Потому что именно мы являемся настоящими ремесленниками войны!

— Да, может быть, ты, Иоганн, в этом вопросе прав! Только немцы хорошо знают, что же это такое война. Я бы даже сказал, что война — это и есть продолжением нашей жизни! Но, Иоганн я вызвал тебя к себе не для того, чтобы обсуждать общие темы! — Сказал генерал-майор фон Больтенштерн. — Помнишь, вчера ты приводил ко мне русского, не помню его имени, но он рассказывал мне о том, что стал командиром какого-то полицейского отряда и что в отряде у него почти тысяча полицаев?!

— Да, помню. — Ответил полковник Шмидт. — Это был господин Соловьев, его только что назначили начальником уездной полиции! У него в подчинении…

— Хватит, хватит, Иоганн, мне говорить о нем! Прошу передай ему мой приказ! Со своими полицейскими он должен атаковать вот эту точку. — Фон Больтенштерн наклонился и на топографической карте красным карандашом пометил одну точку. — Здесь расположены артиллерийские позиции нашего противника. Твой протеже должен атаковать и захватить эти вражеские орудия! В противном случае на его место, главного уездного полицейского, мы найдем другую кандидатуру.

Принимая во внимание тот факт, что станковый пулемет «Максим» значительно укрепил позиции левого фланга взвода главстаршины Михаила Деревянко, Иван Фролов решил вместе со своими друзьями переместиться на другую позицию. Где-то в глубине души Ивана беспокоило то обстоятельство, что обе батареи, расположившиеся в том лесочке за его спиной, пока оставались без пехотного прикрытия. Ранее он планировал на их прикрытие бросить резерв, который к этому времени должен был освободиться, и которым командовал Валера Олейников. Но сейчас все походило на то, что этот резерв увяз в боях с недобитыми разведчиками и мотоциклистами противника. Тогда Фролов и решил самому воспользоваться открывшейся возможностью, вместе со своими друзьями, прикрыть артиллеристов лейтенанта Лебедева и капитана Горелова.

Еще находясь в траншее взвода главстаршины Михаила Деревянко, он обратил внимание на одинокий старинный курган, высившийся в полутора от них километров. Подобно ослам, они трое, навьючившись оружием и патронами, отправились в дальний путь. Когда они уже совсем собрались вылезать из

траншеи, то им неожиданно повстречался батальонный комиссар Козырев, который тоже куда-то потащился с пулеметом РПД и четырьмя к нему дисками. После первой встречи и разговора, Иван больше не встречался с этим комиссаром и был чрезвычайно удивлен его неожиданным появлением здесь, в этом месте, да еще с пулеметом на плече.

— Вы, куда именно, Иван Иванович, собрались? — Он только поинтересовался.

— Да, вот весь предыдущий бой я просидел на телефоне, на командном батальонном пункте, но за весь бой никто нам ни разу никто не позвонил! Тогда я решил поменять свою позицию, и переместиться туда со своим пулеметом! Ведь службу в армии я начинал простым пулеметчиком! Правда, это было так давно, что я успел многое забыть! Но, разумеется, я не забыл, как нужно стрелять из пулемета! А вон ту позицию я успел присмотреть для себя. Вон, Иван Анатольевич, видите тот старый курган, с его вершины очень многое хорошо просматриваться, но вот только стрелять на дистанцию в километр из РПД будет слегка трудновато, этот пулемет не рассчитан для стрельбы на такие дистанции. Но ничего, возможно, на этом кургане еще сохранилось оружие нашего полка, тогда я смогу этой немчуре показать, где русские раки зимуют!

Мокрые и потные четыре человека вскоре добрались до вершины кургана. Они хором ахнули, когда увидели, что вершина кургана перепахана траншеями и уже готовыми гнездами для пулеметов и стрелков. Два крупнокалиберных пулемета ДШК уже были установлены, своими стволами они угрожающие, как Фролову показалось, обнюхивали пространство вокруг себя, но на километр вокруг не было видно ни единой живой души.

Тогда Иван, по праву старшего командира, выбрал себе самую высокую огневую точку, с которой он из уже установленного там пулемета ДШК мог вести огонь на все четыре стороны света, а также стрелять и по воздушным целям. ДШК имел еще пять запасных лент по пятьдесят патрон каждая. Вторым пулеметом деловито занялся Дмитрий, который, видимо, он еще никогда не стрелял из такого монстра, поэтому с глубоким почтением и уважением посматривал на своего нового боевого товарища. Иван Иванович же достал из кармана кисет с табаком, клочок газетной бумаги, тут же принялся себе сворачивать себе самокрутку. Со стороны Иван хорошо видел, что эта работа по собственноручного изготовлению самокрутки доставляла батальонному комиссару истинное удовольствием. Комиссар Козырев прикурил самокрутку, посмотрел на Ивана, улыбнулся, и просто сказал:

— Это пулеметы моего полка! На этом кургане мы проводили

учебные бои, одни наши взводы оборонялись, а другие пытались взять эту вершину! Станковые пулеметы были тяжелы и очень неудобны в переноске, вот наши командиры и держали их постоянно на позициях! Я знал об этом, поэтому и хотел добраться до этого кургана, который даже внутри себя имеет лабиринт ходов, так что нам будет, куда прятаться от авианалетов! Поверь мне, это не курган, как настоящая крепость. Было бы у нас больше пехоты, мы могли бы занять вон тот курган, еще и тот, и тогда немцу вообще не было бы здесь дороги!

— Здорово. — Ответил Иван. — Я и не знал, что такое вообще возможно! Но сегодня ночью, когда пройдут последние подразделения 3-й и 4-й армий, то мы уйдем вместе с ними!

— Командир, но я с вами не пойду! — Сказал Иван Иванович. — Хватит, я уже набегался!

Этот разговор был прерван появившимся где-то высоко в небесной синеве звуком работающего авиационного двигателя. Сколько бы Фролов не вглядывался, но огненный шар летнего солнца не позволял ему рассмотреть, что именно сейчас происходило прямо над их головами.

— Там летает какой-то маленький, почти как игрушечный, самолетик! — Сказала Анна, прищурив глаза, она вглядывалась в небо.

— Это немецкий самолет разведчик! — Уверенно заявил Дима. — Он ведет разведку наших артиллеристских позиций. Немцы, наверняка, готовят удар по этим позициям, что заткнуть нашей артиллерии рот. Ведь, именно артиллеристы нанесли им сегодня основное поражение во время предыдущего боя, подожгли и сожгли семь танков!

— И что бы ты, Дима, сделал бы в этом случае? — С улыбкой на лице поинтересовался Фролов.

— Ну, во-первых, я бы постарался, каким-либо образом еще до боя уничтожить этих артиллеристов. Может быть, нанес бы по ним бомбоштурмовой удар! Или спустил бы на них отряд диверсантов, чтобы они под каким-либо прикрытием прорвались на огневые позиции обеих батарей и подорвали бы их орудия!

К этому момент немецкий воздушный разведчик, немного времени покрутившись в небе, развернулся и направился куда-то в сторону. Наблюдая за тем, как удаляется немецкий самолет, Фролов ругал себя самыми последними словами. Он никак не мог понять самого себя, ведь, опыт боев ему уже продемонстрировал выгоды мысленной связи, которая так помогала ему решать все сложные вопросы по организации и проведению боя.

Дима Лукашевич поднял голову и посмотрел на своего командира. Он хотел ему предложить и самому сбегать до

артиллеристов, а там он уже сможет сделать их телепатами! Но не будет ли это слишком поздно? Подумав, Иван Фролов кивнул головой и сказал, обращаясь к младшему Лукашевичу:

— Дима, вероятно, тебе придется туда сбегать! И я думаю, что там тебе следует остаться!

— Я бы сбегала вместе с тобой, Дима! — Смотря мальчишке в глаза, сказала Анна. — Но ты же знаешь, что я не могу даже на минуту оставить одного своего мужа!

Эта сцена мысленного разговора троих человек происходила прямо на глазах батальонного комиссара, Ивана Ивановича Козырева, который уже докуривал свою самокрутку. Комиссар недоуменно поднял глаза на Фролова и просто поинтересовался:

— Иван Анатольевич, не могли бы вы объяснить, что происходит на моих глазах? Мне показалось, что вы разговариваете между собой, но ни одного слова я так и не услышал! Вы не подскажите, что же именно сейчас происходило на моих глазах?

Фролов не стал вдаваться в подробности произошедшего, а просто сказал:

— Мы тут решали, кому из нас следует сбегать к артиллеристам, чтобы установить с ними постоянную связь на время боя!

— Ну, зачем кто-то должен постоянно бегать такую длинную дистанцию? Когда имеется другой, более современный способ связи!

— Чтобы установить такой современный способ связи, для начала мы должны, встретиться с артиллеристами лицом к лицу, а затем уже задействовать этот наш новый способ связи! — Пояснил Иван Фролов.

— Да, я не совсем понял, зачем же вам потребовалось бежать и встречаться с артиллеристами, когда и у нас, и у них имеется телефон! Бери телефонную трубку, и разговаривай с ними, сколько душе удобно!

С этими словами батальон комиссар Козырев прошел в землянку командира батальона. Там, внутри он всем командирам и красноармейцам, пришедшими за ним, показал полевой армейский телефонный аппарат. Он уверенно снял с рычагов телефонную трубку и громко в нее прокричал:

— Алло, это штаб артиллеристской батарее! Наш командир хочет переговорить с вашим командиром!

Глава 10

1

Огненный шар солнца стоял в зените, своими лучами он, казалось бы, старался выжечь глаза Ивану Фролову, не давая возможности ему их открыть и посмотреть, что же сейчас происходило вокруг него. Парень стоял и ревел, как корова, слезы двумя широкими протоками текли по его щекам, покрытым трехдневной щетиной. Обеими руками Фролов держался за рукоятки пулемета ДШК, удерживая его ствол в строго вертикальном положении. Он прицелился в самый центр гало дневного светила, в солнце, Иван ожидал, когда из этого солнечного гало на него начнет валиться, падать немецкий штурмовик «Юнкерс 87»!

В этот же момент другие немецкие штурмовики летали над самыми головами красноармейцев, укрывшихся от авианалета в траншеях, над кронами деревьев. Они вели по обороняющимся красноармейцам пулеметно-пушечный огонь, бросали малые и средние авиабомбы, бросали на их головы ампулы с огнеметными смесями. Одним словом, немецкие пилоты старались сделать все, чтобы своими штурмовиками, их бортовым оружием и боевыми возможностями, уничтожить вражескую пехоту, которая перекрыла путь немецким танкистам и пехоте, прорывающимся к мостам, по которым части и подразделения РККА выходили из окружения. Вот уже тридцать минут эскадрилья из двенадцати «Юнкерс 87», а если говорить простым солдатским языком, то эскадрилья «Лапотников», бомбами, пулеметно-пушечным огнем и ампулами с огнеметными смесями обрабатывала укрепленные позиции отряда капитана Головина и лес, в котором, по мнению немецких разведчиков, были расположены огневые позиции артиллеристских батарей краснопузых.

Во время телефонного разговора с Сергеем Сергеевичем Гореловым, капитан артиллерист сухо заверил своего комбрига Фролова в том, что его батарея полковых орудий не нуждается в перебазировании на новые огневые позиции. Горелов открыто и прямо подчеркнул, что он и его артиллеристы не боятся вражеских авианалетов, так как огневые позиции его шести 76 мм орудий надежно прикрыты этим самым лесом.

В заключение беседы капитан Горелов все же высказал свои опасения по поводу того, что в случае появления вражеской пехоты в этом лесу, то его артиллеристам будет нечем ей

противопоставить. Капитан Горелов подчеркнул:

— Я сейчас нахожусь в положении, когда в любом деле могу надеяться, рассчитывать только на своих артиллеристов. Эти простые парни в последних боях с фашистскими оккупантами демонстрируют самый настоящий героизм! Номера пушечных расчетов настолько сработались, они сегодня бьют довоенные нормативы практически по всем позициями нормативов. Каждое мое 76 мм орудие может сделать до 15 выстрелов в минуту, что в свою очередь позволяет шести полковым пушкам выпускать по врагу до 90 снарядов выстрелов в течение одной только минуты. Общий вес выпущенных снарядов, выпущенных моей батареей в течение одной минуты, составляет почти 700 килограмм взрывчатого вещества.

Честно говоря, Ивану Фролову не понравилась тональность этого разговора с капитаном Гореловым. Так как находись он сам на его месте, командуя полковой батареей, то он сам бы попытался найти эффективное противодействие возможным атакам вражеских пехотинцев на своих же артиллеристов. В конце концов, ему удалось убедить этого заносчивого артиллериста в необходимости, выделить артиллеристский взвод, в составе двух 76 мм орудий, для охраны тылов его же полковой батареи. Помимо этого, на свой страх и риск, Иван Фролов рискнул предложить капитану Горелову, чтобы тот сразу же эвакуировал бы свою батарею, как только вблизи нее появится вражеская пехота.

Разговор же с лейтенантом Голубевым начался из рук вон плохо, он чуть ли не прервался в самом его начале. Не успел Фролов представиться, как Голубев уже на него кричал о том, что держать в одном маленьком лесочке две батареи — это есть вверх генеральской глупости и тупости! Ивану Фролову хотелось выслушать реальные предложения Голубева по поводу того, как же тот собирается исправить это положение, но лейтенант теперь раскрывал свой рот только для того, чтобы высказать очередную грубость. Когда Иван был на грани и собирался телефонную трубку положить на рычаги, в разговор вмешался комиссар Козырев. Он сумел каким-то образом успокоить этого молодого и очень нервного лейтенанта. После краткого разговора с комиссаром лейтенант Голубев сумел услышать вопрос Ивана Фролова о том, как же он собирается решить эту проблему?

— Да все очень просто, товарищ генерал! — Начал говорить Игорь Голубев. — Посмотрите на карту, если капитан Горелов хочет свою батарею оставить на прежних огневых позициях, тогда мою батарею было бы целесообразно переправить через Щару и поставить вон в той небольшой роще. С этой новой позиции я, по-

прежнему, могу вести огонь по танкам противника, в тоже время, остаюсь вне его огневого воздействия. К тому же противнику потребуется дополнительное время на то, чтобы меня разыскать на новой позиции, а за это время покажу этой немчуре, что может сделать настоящий советский артиллерист. А в том случае, если немцы прорвут наш фронт своим танками, то они далеко не уйдут! Я же тогда свои орудия выведу на прямую наводку!

Ивану Фролову понравился стиль мышления этого парня в лейтенантской форме, но он на всякий случай поинтересовался:

— То есть вы этим хотите сказать, что с новой огневой позицией вы можете активно работать по прежним целям. Вероятнее всего, через корректировщика огня?

— Так точно, товарищ генерал! — Тотчас же ответил командир батареи.

Только Фролов собрался прояснить ему ситуацию с его якобы званием «комбриг», сказать, что он никакой не генерал, как примерно в двух километрах от переднего края в тылу у немцев что-то взорвалось. Бросив телефонную трубку на стол, Иван выскочил из землянки и приложил к глазам свой цейсовский трофей, бинокль немецкого армейского офицера. Он сразу же увидел, что над лесом километров полтора от линии фронта поднимается гигантский султан черного столба дыма.

— Не волнуйтесь парни, мы только что взорвали склад с боеприпасами в военном городке. — Послышался далекий и очень усталый голос старшего сержанта Валерия Олейникова. — Немцы попытались его захватить, а у меня уже не было бойцов на его защиту. Вот нам и пришлось этот склад взорвать, к чертям собачьим! Иван, если ты меня слышишь, то извини, пожалуйста! Видимо, мы ужн в этом мире не увидимся, так как я вряд ли смогу к тебе прорваться с остатками моего отряда! После того, как мы атаковали хвост немецкой колонны и к чертям собачьим разнесли ее в пух и прах, то за нами увязался какая-то специальная команда эсэсовцев. Они начали нас преследовать по пятам! Вначале я полагал, что, когда только захочу, то смогу от них оторваться. Но у нас этого не получилось, эсэсовцы преследовали нас повсюду, не позволяли нам остановиться, отдохнуть, они одного за другим убивали моих славных мальчишек! Сейчас нас осталось всего четверо, но мы и сейчас не собираемся сдаваться каким-то там эсэсовцам. Но, Иван, я тебя прошу, этим эсэсовцам ты постарайся не попадаться! Эти сволочи, кажется, имеют какое-то оборудование, которое глушит наши ментальные переговоры. В течение последних двух часов я, как ни пытался, так и не смог с тобой связаться.

После этих слов Олейникова снова наступила тишина в

мысленном эфире. Фролов вернулся в землянку, подошел к телефонной трубке и приложил ее к своему уху и прислушался. Лейтенант Голубев оставался на линии, терпеливо ожидал его возвращения. Но помимо дыхания лейтенанта, Ивану показалось, что он слышит дыхание еще одного человека! Тогда он медленно повернулся лицом к Дмитрия и в мысленном диапазоне ему приказал:

— Тебе, Дима, все-таки придется сбегать к лейтенанту Голубеву. Сейчас мне кажется, что нас кто-то подслушивает по той телефонной линии. Тому, кто нас подслушивает, лучше было бы не знать о том, что наша артиллерия сейчас займется переездом на новые огневые позиции. Так, что, Дима, тебе придется сбегать к лейтенанту Голубеву, теперь от тебя будет многое зависить!

Дима тут же вскочил на ноги и вьюном проскочил в дверь землянки. Тогда Голубева Иван Фролов сообщил о том, что только что к нему отправил своего курьера связи! В этот момент в небе снова послышались ухающие звуки работающих двигателей немецких бомбардировщиков «Юнкерсов 88» и «Дорнье 17», которые шли с Лидского аэродрома.

С Иваном Флором тотчас же по мысленной связи связался капитан Головин:

— Товарищ командир, мы с Торопынько только что окончательно договорились, кто и за что каждый из нас будет отвечать во время боя. Словом, я становлюсь его заместителем! Так что вы не волнуйтесь за общий порядок в наших рядах.

К этому времени Фролов уже находился рядом со своим крупнокалиберным пулеметом ДШК на вершине кургана, а комиссар Козырев уже возился со вторым крупнокалиберным пулеметом ДШК, на котором Дима Лукашевич положил свой глаз, он так надеялся на нем поработать. Комиссар как-то по-хищнецки выгнул свою спину, прицелился и сделал движение пальцами рук, которыми держался за рукоятки пулемета. Тут же в воздухе послышался металлический лязг и рокот, чем-то напоминавший королевский львиный рык!

Иван припал к своему пулемету, пытаясь прицелиться по немецкому штурмовику и нанести по нему удар пулеметной очередью. В определенный момент пальцы рук сами собой выжали гашетки. Возможно, нечто подобное случилось и в самой реальности, Иван Фролов хорошо видел, как острые иглы, вырвавшиеся из ствола его пулемета, полетели к одному из немецких штурмовиков, Они врезались в броневой капот авиационного двигателя, разнесли его в клочья, остаток в десяток игл попал в авиационный двигатель, они полностью его

разрушили. Вражеский штурмовик встал на правое крыло, на огромной скорости он с высоты три тысячи метров посыпался к земле.

Фролов наблюдал, как пилот штурмовика предпринимал отчаянные попытки спасти штурмовик и самого себя. Когда он убедился в том, что штурмовик невозможно спасти, то попытался на парашюте покинуть штурмовик. Немец пальцами нажимал какие-то кнопки на передней панели управления штурмовиком. Но колпак фонаря так и не сбрасывался, не смотря на все усилия, прилагаемые пилотом. За несколько мгновений до столкновения с землей, немецкий пилот, молодой парень в полетном комбинезоне Люфтваффе, все еще продолжал бороться за свое спасение.

Эта картинка изображение так быстро скользнуло по сознанию Фролова, что он даже подумал о том, что она была воссоздана одним только его сознанием. Уж слишком четкой и красочной у него получилось эта картинка крушение штурмовика! Обычно, когда производились съемки нечто подобного в реальности, то такого высокого качества никогда не получалось. Но у Фролова оказалось уже не так много времени даже на то, чтобы об этом подуматься. В прицел его крупнокалиберного ДШК вошел силуэт еще одного немецкого штурмовика Лапотника, который резкими кренами влево или вправо пытался выйти из пулеметного прицела. К тому же довольно трудным делом, оказалось, удерживать Лапотник в перекрестие пулеметного прицела, одновременно мягко перемещать вслед за его полетом ствол крупнокалиберного пулемета.

Только тогда, когда он услышал сердитый окрик комиссара Козырева:

— Стреляй, твою мать, Ванька, стреляй! Штурмовик же у тебя давно в прицеле! Ты, чего, Ванька, мать твою, не стреляешь?

Иван Фролов обеими пальцами снова впился в гашетку пулемета, его тело тут же задрожало мелкой сладостной дрожью одновременно с пулеметом! Немецкий же штурмовик, в который Иван Фролов так долго прицеливался, вдруг растворился в воздухе прямо у него на глазах. Оказывается, этот Лапотник взорвался и разлетелся на мелкие детали в воздухе, когда от крупнокалиберной пулеметной пули детонировала его бомбовая подвеска.

Этот взрыв в воздухе получился такой огромной силы, что взрывная волна расшвыряла далеко в сторону другие Лапотники, летевшие в одном строю вместе с взорвавшимся штурмовиком. Фролову пришлось некоторое время приходить в себя от

испытанного им сверхперенапряжения! Он снова начал осознавать реальность, когда увидел, как другой немецкий штурмовик, пролетевший всего в двух метрах над его головой, практически в упор, но только в спину расстрелял комиссара Козырева, когда тот из своего ДШК вел огонь по воздушным целям! Комиссар Козырев слишком увлекся своим противником, он во время не ушел из-под удара, не спрятался в траншее, когда его атаковал второй Лапотник!

Те же, не смотря на потери, все еще продолжали заниматься своим делом, бросать бомбы, строчить из пулеметов и пушек, едва ли не в упор, расстреливая окопы и траншеи с красноармейцами, а также лес, в котором укрылись советские артиллеристские батареи. Иван Фролов стоял в траншее, бессильно опустив руки, он наблюдал за тем, что сейчас происходило над курганом и над лесом. Там что-то горело, черные клубы дыма то тут, то там поднимались над курганом, деревьями и домами поселков Деречина и Дорогляны, на улицах поселков происходили какие-то взрывы. В общем, создавалось впечатление, что все то, что находилось в том лесу, немецкими штурмовиками было уничтожено!

А Лапотники снова один за другим лезли в наше небо, чтобы там, у солнца развернуться, и в пикировании долго падать на многострадальные поселки, траншеи красноармейцев и на советский лес. Чуть ли не у самой земли пикировщики выплескивали очередной факел пламени, от которого занимался огнем новый участок этого леса. Вскоре чуть ли не весь лес скрылся в этом тошнотворном дыму.

А Иван Флоров все еще стоял и стоял в траншее этого старинного кургана. Он никуда не бежал, никуда не торопился, даже Анна его никуда не тащила! Они оба стояли, своих глаз не могли оторвать от всего того, что сейчас творилось с позициями красноармейцев и этим лесом. Мертвый комиссар Козырев стоял неподалеку от них, он своими мертвыми, очень сердитыми глазами наблюдал за всем тем, что вытворяли в небе эти немецкие штурмовики. Ивану кто-то подсказал, а может быть, он сам это решил, что настала пора снова взяться за свой пулемет, когда увидел, что один из Лапотников вдруг развернулся и пошел на них в атаку.

Получилось так, что Флоров с большим трудом к этому времени вышел из своего непонятного оцепенения! Но еще, к большему сожалению, за пулеметные рукоятки он встал лишь тогда, когда один из Лапотников снова полез в гору к солнцу, чтобы от него пикированием атаковать вершину кургана с установленными на ней крупнокалиберными пулеметами, и

живыми людьми! Огненный шар солнца, казалось бы, своими лучами старался выжечь глаза пулеметчику Ивану Фролову. Парень же, не стесняясь, плакал горючими слезами, которые двумя полноводными потоками текли по обеим его щекам, вот уже три дня небритым. Он стоял и, по-прежнему, обеими руками держался за рукоятки затворной коробки, удерживая ствол пулемета ДШК в строго вертикальном положении, чтобы выстрелами в упор встретить пикирующий немецкий штурмовик. Иван Фролов прилагал немалые физические усилия с тем, чтобы в перекрестие прицела удерживать солнечное гало. Он стоял и терпеливо ожидан, когда в гало появиться тень штурмовика!

Иван Фролов дождался-таки момента, когда черная тень вдруг появилась в центре перекрестия прицела пулемета. Обеим руками он нажал гашетку, и тогда его тело задрожало в унисон с пулеметной дрожью…!

2

Авианалет все еще продолжался, но былая ярость сражения куда-то ушла. Лапотники, по-прежнему, бесились в синеющей высоте, но, кажется, у них кончались боеприпасы, к концу подходили боекомплекты. Поэтому пилоты штурмовиков стали приберегать пулеметные патроны и пушечные снаряды, они сейчас гораздо меньше стреляли! Донельзя усталый Фролов сидел на бруствере траншеи, пустыми глазами он продолжал следить за авианалетом. Но все чаще и чаще посматривал в сторону позиций, занятых бойцами отряда старшего лейтенанта Торопынько, который только что ему кратко отрапортовал:

— Товарищ комбриг, мы отбили все атаки противника, но не уступили ни дюйма своих позиций! Сейчас саперы ремонтируют наши доты и дзоты, кладут новые минные поля! Жалко только, что у нас закончились противотанковые мины! Ну, в общем, у нас пока все в порядке, товарищ комбриг, готовимся к следующим немецким атакам. Но меня беспокоит только что состоявшийся разговор с майором Борисовым?! Он мне сообщил, что собирается прорываться к нам своим отрядом, который только что подошел к поселкам Деречин и Дорогляны, минут через тридцать он будет готов начать прорываться через позиции немцев! Майор попросил, подготовить ему танковые проходы, так как по дороге в Деречин он встретил несколько танков Т-34, экипажи которых хотели бы к нам присоединиться!

— Хорошо, Геннадий Сергеевич! Если судить по топографической карте, то местность, по которой борисовцы

будут к тебе прорываться, одновременно является и наиболее удобным местом для прохода танков к нашим позициям. Ты знаешь, Сережа, но то, что Борисов собирается к нам прорываться вместе с какими-то танками, эта идея мне почему-то не нравиться! Сейчас у нас нет ни времени, ни сил на то, чтобы заниматься разгадкой замыслов этого майора. Поэтому я бы тебе, Геннадий Сергеевич, посоветовал бы, свяжись-ка ты снова с Борисовым, и ему предложи, что бойцы его отряда и танки прошли бы по дороге, которая лежит у подошвы нашего кургана!

Фролов продолжал сидеть на бруствере траншеи, всеми силами стараясь не уснуть. На него вдруг вышел лейтенант Голубев:

— Понимаешь, товарищ комбриг, хочу с тобой поделиться одной информацией, Красноармейцы из взвода инструментальной разведки моей батареи искали в лесу родник или ручей вблизи нашего нового места базирования. Эти ребята — умные бойцы, они, по крайней мере, никогда не слыли лопухами. Так вот они случайно уже в лесу наткнулись на большую группу красноармейцев, которые отдыхали, перекусывали, а их командир вел странные и непонятные переговоры. С двумя средними командирами он отошел подальше от своих красноармейцев и вышел на связь с командиром еще какого-то отряда. К сожалению, мои разведчики так и не узнали имени его собеседника, но он его называл «старшим лейтенантом»!

С этого момент Фролов насторожился, он стал более внимательно вслушиваться в каждое слово лейтенанта Голубева.

— Ну, а в чем, по-твоему, заключалась эта непонятная странность в поведении красноармейцев и их командиров? — Фролов поинтересовался у лейтенанта Голубева.

— Понимаешь, комбриг, у моих парней создалось впечатление, что эта тройка командиров что-то затевает втайне от своих же красноармейцев! Разумеется, я сам не могу этого утверждать, но, по словам моих парней, эти командиры свои переговоры вели так, чтобы красноармейцы случайно бы их не подслушали. Причем, как говорили мои разведчики, сразу же после первого разговора, эти командиры переговаривались еще с одним человеком. Причем, этот разговор мои парни гораздо лучше слышали, но они так и не разобрались, о чем же в нем шла речь?!

— Не мог бы ты просто повторить, а что именно тебе рассказали твои же ребята?

— Ну, как бы тебе это рассказать, — несколько задумчиво произнес лейтенант Голубев, — думаю, что об этом можно было

сказать так. Эти командирам очень хотелось бы, чтобы красноармейцы в определенное место и в определенное время приехали бы на танках. Но вот с этими танками происходило что-то непонятное. Они должны были бы появиться в определенное место, в точно определенное время. Но по какой-то причине сделать этого было попросту невозможно. Словом в этом деле можно было бы легко запутаться!

Фролов задумался, затем, словно кошка, потряс головой, отгоняя от себя сон, глупые мысли и только затем он произнес:

— Ты, знаешь, лейтенант, ты и сам так же, как и твои ребята, очень наблюдателен. За очень короткое время пребывания с нами ты научился обращать внимание на такие вещи, которых мы попросту не замечаем. Так что сейчас я могу сказать тебе «спасибо» и за информацию, и за поведение твоих бойцов. Я, кажется, догадываюсь, о чем именно говорили и с кем переговаривались те командиры. Спасибо тебе, лейтенант Голубев, если потребуется, то я снова свяжусь с тобой. — Иван тут же отключился от мысленного канала связи с лейтенантом Голубевым.

Дима, — он обратился к младшему Лукашевичу, — ты, когда последний раз разговаривал с отцом?

— Часа три назад, а что, он тебе нужен? Так я сейчас тебя с ним могу соединить!

— Да, не надо меня с кем-либо соединять! Если мне какой человек нужен, то я ним сам могу соединиться! Дима, ты мне лучше расскажи о том, твой отец на кого либо, тебе в последнее время не жаловался?

— Да, как будто бы нет, не жаловался! Правда, он мне рассказал об одной интересной вещи. Их командир, майор Борисов где-то разыскал несколько советских танков и теперь моего отца вместе с другими красноармейцами хочет посадить на эти танки, чтобы передать их в распоряжение командира саперной роты отряда старшего лейтенанта Торопынько!

Этого разговора с Димой Лукашевичем оказалось для Ивана Фролова достаточным, чтобы прийти к определенному умозаключению. Он тут же связался со старшим лейтенантом Торопынько и его строго-настрого предупредил о том, что он ни в какие сговоры с майором Борисовым больше не входил.

— Предложи ему, Геннадий Сергеевич, своих красноармейцев передать в твое распоряжение или в распоряжение капитана Головина. А самому явиться в мое распоряжение. А я уж сам разберусь, как нам дальше следует поступать с майором Борисовым! Так что, Иваныч, крепко держись нашего уговора, а то наш майор, похоже, связался с последышем обер лейтенанта

Картинга! Словом, он все-таки выбрал себе неправильную дорогу!

Последний немецкий Лапотник еще некоторое время покружился над местностью в треугольнике: поселки Мосты — Пески и Зельва, а также Деречин, а затем, покачав крыльями, он отправился на свою авиабазу.

На Деречин пошла вторая волна танков 29-й моторизованной пехотной дивизии Вермахта. Только на этой раз танки сопровождала немецкая пехота, только что подошедшего к Деречину 43-го армейского корпуса Вермахта. Немецкие танки первыми открыли орудийный огонь по окопам и траншеям сводного отряда старшего лейтенанта Торопынько, который в одиночестве командовал обороняющимися красноармейцами. Капитана Головина, комбриг Фролов, как полномочного представителя войск, обороняющихся в треугольнике Мосты, Деречин и Зельва, направили в штаб 13-й армии с информацией о реальном положении дел в этом районе. Как сообщила Москва, генерал-лейтенант Петр Михайлович Филатов, командующий 13-й армией слишком увлекся обороной сектора Сураж — Бельск, и в этой связи не собирается отступать с этого рубежа. Но любая задержка 13-армией на этом рубеже грозило ей немедленным окружением. Когда Нина вышла с этой информацией из Москвы на Ивана Фролова, то он тут же приказал капитану Головину, срочно отправляться в 13-ю армию, чтобы проинформировать командарма 13 о реальном положении дел по этому району.

С вершины кургана Фролов хорошо видел немецкие танки, концентрирующиеся перед Деречиным и Дорогляными. Ему было также хорошо заметно, насколько изменилось поведение немецких танкистов. Если днем они беспардонно метались по всем имеющимся дорогам, то сейчас следовали только по дорогам, обследованным немецкими саперами. Немецкие танкисты были страшно напуганы саперами капитана Головина. Незадолго до этого времени капитан Головин приказал своим же саперам, устанавливавшим противотанковые мины, установить, как можно больше, противопехотных мин на самых опасных направлениях. На полях, на которые мин у саперов попросту не хватило, они ставили простые указатели с информацией-предупреждением о минном поле. И таких обманных указателей было установлено великое множество. И эта простая, казалось, шутка саперов сыграла злую шутку с немцами. Они теперь двигались только по рокадам, по которым танки шли один за другим, гуськом, словно гусиный или утиный выводок. Вечером немецкие танки, даже в атаку на противника, выходили только по дорогам, проверенным немецкими саперам.

Словом, немецкие танки перед атакой стали накапливаться в

трех определенных точках перед Деречиным, Дороглянами и выходить в атаку они также должны были лишь по дорогам, обследованным немецкими саперами. Артбатарея лейтенанта Голубева на этот раз молчала, она должна была нанести удар по танкам только в в тот переломный момент, когда немецкие танки могли бы выйти непосредственно к траншеям красноармейцев.

Первой заговорила батарея капитана Горелова. Снаряды ее первого залпа точно легли перед сорока танками 29-й моторизованной пехотной дивизии, в результате прямого попадания артиллеристского снаряда загорелся один немецкий танк Т 3. Второй и третий залпы советской артбатареи подожгли еще два танка, но уже Т 4. Оставив за собой три горящих танка, лавина немецких танков двинулась на позиции сводного отряда. Тут случилось то, чего опасался Иван Фролов, эта танки 29-й моторизованной пехотной дивизии были поддержаны пехотой 43-го армейского корпуса.

Немецкие стрелки и гренадеры были доставлены на поле боя бронетранспортерами и грузовиками. Фролов с кургана хорошо видел, ка немецкие пехотинцы покидали кузова грузовиков и немецкие бронетранспортеры. Немецкие стрелки и гренадеры быстро сократили расстояние до своих танков, они, прикрываясь броней танков, устремились позиции советской пехоты.

Красноармейцы старшего лейтенанта Торопынько открыли огонь из винтовок и пулеметов по приближающейся немецкой пехоте. Танки непонятно почему, слегка притормозили. Возможно, они хотели своими бронированными корпусами прикрыть от пулеметного огня противника своих стрелков и гренадеров. Это, казалось, совсем небольшая остановка немецким танкам дорого стоила. Из-за меткого артиллеристского огня загорелись сразу три немецких танка. Но на флангах немецкие танки почти вплотную приблизились к окопам и траншеям советской пехоты. Наша артиллерия была вынуждена прекратить огонь по немецким танкам, свой огонь перенести на немецкую пехоту.

В этот момент с вражеской пехотой произошло что-то непонятное, хваленая немецкая пехота остановилась, она вдруг попятилась назад, а затем ее цепи повернули назад, а стрелки и гренадеры побежали вспять. Немецкие танки как бы остались в одиночестве перед самыми окопами с красноармейцами. Со своего кургана Фролов также хорошо видел, как некоторые красноармейцы схватили связки гранат и обрушили их на замершие перед их окопами немецкие танки. В небо тут же поднялись четыре черных султана дыма. После этого немецкие танки медленно стали отползать назад, а перед окопами

советской пехоты продолжали гореть четыре танка Т 4.

Иван Фролов по телефону связался с командиром полковой батареи, капитаном Гореловым, и поинтересовался:

— Товарищ капитан, почему ваша батарея прекратила вести огонь по отступающим немецким танкам?

— Прошу меня извинить, товарищ комбриг, но неизвестные гражданские люди с оружием в руках только напали на батарею. Они взрывчаткой уничтожили одно мое 76 мм орудие. Через четыре минуты батарея снова откроет огонь по немецким танкам. Но вы должны помнить наш уговор о том, что теперь мы сами принимаем решение о том, продолжать или не продолжать нам бой.

Через четыре минуты полковая батарея возобновила огонь по вражеским танкам. Но к этому времени они уже все вернулись на исходные позиции, поэтому батарея, по приказу Фролова, вскоре прекратила огонь.

Не кладя телефонную трубку на рычаги, Иван Фролов продолжил разговор с капитаном артиллеристом:

— Товарищ Горелов, я помню наш уговор! И в этой связи предлагаю, вашей батарее срочно сменить огневую позицию. Может быть, вам лучше будет отвести батарею под Дорогляны. Там вы можете переправиться на другой берег Щары, а затем с армейскими подразделениями уйти за линию фронта! А пока я вам предлагаю, приготовиться по стрельбе по противнику с закрытых позиций. Для организации такой стрельбы, пришлите ко мне вашего корректировщика огня.

А затем он связался с лейтенантом Голубевым и поинтересовался:

— Лейтенант, вы успели передислоцировать свою батарею?

— Так точно, товарищ комбриг! Мы уже на новом месте, установку и пристрелку орудий только что закончили. И хочу вас обрадовать, товарищ комбриг. Во время перемещения на новую позицию мы совершенно неожиданно встретились еще с одной бесхозной батареей из 10-й армии. Командир батареи и его артиллеристы уже собирались подрывать свои 152 мм гаубицы, так как в их тракторах тягачах полностью закончилась солярка. И перед артиллеристами встала дилемма, или бросать свои орудия, или же их подорвать?! Без солярки в тракторах батарея больше никуда теперь не могла двинуться. Ну, а я своим батарейцам приказал топливные баки этих тракторов залить нашей соляркой. Те же ребята сразу же согласились весь этот вечер поработать по нашим целяуказаниям, товарищ комбриг! В общем, батарея встала на позиции и через полчаса может работать по вашим заявкам!

— Спасибо, Валера, ты все правильно сделал!

3

Иван Фролов посмотрел на наручный хронометр, они показывали одиннадцать часов вечера! Оставался еще один час, после чего можно было бы сворачивать оборону Деречина и Дорогляны. Парень стоял и думал о том, что сегодня завершался всего лишь десятый день Великой Отечественной войны. Ему же казалось, что с ее начала прошло уже много времени, год или два непрекращающихся боев, столкновений и сражений с немецким Вермахтом. А ведь в действительности, оказывается, что всего десять дней он рыщет по лесам Белоруссии и беспощадно убивает солдат, одетых в военную форму мышиного цвета, говорящих не на нашем языке. Иван Фролов впервые в своей жизни осознал, что значит бороться за независимость своей родной страны, своей Родины!

Красный браслет на правой руке работал все хуже и хуже, чем ближе время боев за переправу приближалось к часу «Х». Он уже не выдавал информации о том, что происходит в Мостах, закончилась ли там переправа? Поэтому перед этим Иван попытался мысленно вызвать майора Игнатьева, командира 251-го полка, чтобы еще раз удостовериться в том, что части и подразделения 3-й, 4-й и 10-й армий уже переправились через Неман. Среди красноармейцев, части которых сейчас переправлялись по мостам через Щару бродили упорные слухи о том, что 10-я армия была полностью разбита немцами под Белостоком, до переправы через Неман ее части так и не дошли.

Майор Игнатьев ответил только на четвертый вызов, но его голос часто прерывался и пропадал во время сеанса мысленной связи. Александр Иванович подтвердил, что 10-я армия подверглась наиболее сильным ударам подразделений Вермахта. Он подтвердил, что некоторые части этой армии все еще продолжают вести бои под Белостоком, что немногие из этих частей вышли к мостам поселка Мосты, переправились через Неман. Но самое главное майор Игнатьев также подтвердил, что в настоящий момент последние части 3-й и 4-й армий переходят на левый берег Немана, что вскоре эти мосты можно уничтожит.

— Иван, хочу сказать только одно, что на Немане сейчас все завершается! Примерно, через тридцать минут мы взорвем оба моста. 251-й полк уже сейчас ведет оборонительный бой, отбивая атаки немецкой пехоты, так как танки Третьей танковой группы генерал полковника Гота уже давным-давно ушли к Минску! В

принципе, могу сказать, что только это обстоятельство, позволяет нам отбивать атаки немецких пехотинцев. У нас нет артиллерии, снарядов, чтобы драться с немецкими танками! Повторяю, когда мы уйдем, то бои на Немане к утру прекратятся. Что касается своего полка, то я планирую на сохранившемся автотранспорте, прорваться к Могилеву, и там попытаться перейти линию фронта. Так что, Иван, ты меня уж не жди, видишь, уходить мы будем другими дорогами! Хочу тебе сказать, Иван, что я был рад встрече с тобой, потому что ты настоящий товарищ и хороший друг! Так что до свидания, дружище, и до новых встреч!

Анна подошла к мужу, когда тот вышел из транса и сердито покачал головой, отгоняя мистические наваждения! Она ласково потрепала его рукой за плечо, привлекая к себе его внимание. Увидев, что глаза Ивана открыты и в них появился блеск разума, она тихим голосом поинтересовалась у него:

— Уже многие наши ушли, или с частями Красной Армии, или сами по себе. Лева Домбровский вместе с Семеном Ивановичем увел ястребков и красноармейцев, пожелавших стать партизанами, в новый партизанский лагерь. Остался только старший лейтенант Торопынько со своими красноармейцами, я с тобой и с нами Дима! Что же мы будем делать на этой высоте?

Фролов потянулся всем телом, загоняя кровь в жилах. Затем он извинился перед Анной за свою бестактность, и ласково ответил своей жене:

— К сожалению, война, Аннушка, для нас только начинается! Сегодня завершается ее только первый этап. Подошли к концу пограничные сражения. Красная Армия отступила, но мы, как советские люди, остаемся! Сама судьба определила нам те роли, которые мне с тобой, и с Димой предстоит еще выполнить! Сегодня мы примем еще один бой, только после которого можем уйти в леса Белоруссии! Но в этом бою мы вместе с артиллеристами прикроем отход красноармейцев старшего лейтенанта Торопынько, а затем самих артиллеристов! Так что, Аннушка, потерпи, у нас осталось не так уж много дел на этой высоте! Мы на ней немного посидим, а затем уйдем вместе со своими товарищами.

Из блиндажа выскочил раскрасневшийся Дима Лукашевич, увидев Анну и Ивана, он прокричал:

— Товарищ командир, только что прервалась телефонная связь с артиллеристскими батареями. Может быть, мне сбегать и ее исправить?

— Дима, не надо этого делать! На тропу войны вышла очередная группа полка Бранденбург 800. Всего лишь взвод, но бойцы этого взвода очень опасны! Это настоящие убийцы! Да и

эта группа не чета полуроте диверсантов обер лейтенанта Картинга! Сейчас ты мысленно свяжись с лейтенантом Голубевым и его попроси, чтобы он своего коллегу, командира батарее 152 мм гаубиц, сделал бы телепатом. Тогда мы будем в полной боевой готовности вступить в наш последний бой на этом кургане. Для начала мы проучим полицаев Соловьева, а затем займемся немецкой пехотой! Дима, поспеши, немецкие уже танки выдвинулись на позиции отряда. Торопынько.

В этот момент в траншею спрыгнули еще три человека, два красноармейца с армейскими телефонными аппаратами на боку, и с большими мотками телефонного провода на катушках, и один лейтенант. Этот лейтенант ловко приставил правую руку к козырьку своей артиллеристской фуражки и громким командным голосом представился Ивану Фролову:

— Лейтенант Сергей Овсянкин, корректировщик, в сопровождении делегатов связи прибыл в ваше распоряжение, товарищ комбриг!

— Хорошо, Сережа! — Сказал Иван. — Посмотри, видишь, вон там немецкие танки концентрируются перед началом атаки. А вон на тех высотах сейчас разворачивается полицейский полк, он собирается прочесать вот этот лесочек! Наша задача, нанести, как можно больший урон немцам в танках и в живой силе, и заодно уничтожить полицаев. Затем мы должны прикрыть отход в белорусские леса красноармейцев заградотряда. Отходя, эти красноармейцы прикроют отход ваших батарей, их переправу по мостам через Щару! Сережа, ты должен со своей артиллерией работать по своему усмотрению. Чтобы облегчить твою работу, я предлагаю тебе стать телепатом.

Первыми открыли огонь четыре 152 мм гаубицы, когда четыре высоких султана, образовавшиеся от разрыва снарядов, взмыли в воздух, Фролов невольно передохнул, он не ожидал увидеть таких мощных разрывов снарядов. Через двадцать секунд последовали новые разрывы этих мощных 152 мм снарядов. Немецкие танкисты из-за этого сильно разволновались, их танки начали в беспорядке расползаться в разные стороны. Но артбатарея все стреляла и стреляла, обработав одну площадку, где перед атакой концентрировались танки, она огонь своих орудий перенесла на вторую такую же площадку, а на первой площадке к тому времени горели восемь Т 3 и Т 4.

Сергей Овсянкин оказался жутко смелым парнем, он стоял на бруствере траншеи и корректировал огонь 152 мм гаубиц, когда же эта батарея пристрелялась по своим целям, то Сергей приступил к работе с батареей лейтенанта Голубева, огнем двух 122 мм гаубиц он накрыл колонну грузовиков, которая повезла

полк полицейских к лесу. Причем он стрелял так уверенно и так метко, что уже через полчаса обстрела половина грузовиков с полицейскими была сожжена. Дима стоял за своим ДШК и огнем этого крупнокалиберного пулемета полицаев крепко прижал к полотну дороги. Попросту говоря, он не позволял им поднять головы, или убежать с дороги, каждый раз накрывая их плотным огнем своего пулемета.

Иван Фролов, чтобы поддержать свою марку снайпера, время от времени из снайперской винтовки стрелял то по немецким пехотинцам у Деречина, то по полицейским на дороге. На какой момент корректировщик Сергей Овсянкин прекратил стрелять по полицейским, огонь 122 мм гаубиц он перенаправил на танки, которые обошли Деречин, и сейчас пошли к мостам через Щару. Подбив пяток этих танков, он заставил командира их группы свернуть в сторону, чтобы уйти из-под артиллеристского огня. Но в этот момент случилось нечто невероятное, Иван собственными глазами в бинокль наблюдал такую картину, как красноармейцы с одного из мостов вручную скатили несколько маленьких пушчонок, из которых в упор тут же расстреляли остальные немецкие танки. В бинокль Иван увидел незабываемую картину, как по мосту двигались отходящие части и подразделения РККА, а неподалеку от этого моста ярким пламенем пылали шесть немецких Т 4.

Сергей Овсянкин все же допустил небольшую ошибку, он слишком большое внимание уделил немецким танкистам. После того, когда он дерзко и вдохновенно из 122 мм гаубиц расстрелял автоколонну этого полка, то уже после этого он практически не обращал на них внимания. Это позволило оставшимся в живых полицаям снова собраться, и уже пешей колонной добрать до леса, а перед лесом развернуться в две цепи.

Услышав винтовочные выстрелы, Флоров с биноклем у глаз развернулся в ту сторону и как-то растерянно поинтересовался:

— Сергей, как же у нас получилось? Полицаи прорвались к лесу. Теперь они смогут уничтожить полковую батарею, если капитан Горелов еще не увел ее за речку?

— Да, не волнуйтесь вы, товарищ комбриг! У нас все под контролем! — Ответил Сергей.

Только цепи полицейских начали продвигаться к лесу, как эта цепь была накрыта 122 мм снарядами. Чем ближе цепи полицаев приближались к лесу, тем чаще гремели разрывы снарядов. Полицейские остановились перед самым лесом, а затем начали разбегаться. Но, примерно, около роты полицаев устремилось прямо в лес! Но на землю упали маскировочные сети, пять 76 мм пушек одновременно прямой наводкой дали залп по этой роте.

— Иван, ты не будешь возражать, если я начну повзводно отводить своих красноармейцев? — Послышался голос старшего лейтенанта Торопынько.

— Да, я думаю, что нам настала пора начать это делать! Первые два взвода, как я полагаю, тебе следует вывести в спину к тем полицейским, которые сосредоточились у леса. Нужно с ними окончательно покончить! Заодно позволишь капитану Горелову своих пушкарей вывести из той ловушки, куда попал по своей доброй воле! А остальными красноармейцами ты, Семеныч, должен прикрыть отход других батарейцев! Давай, Сергеич, не подкачай в последнюю минуту и до нашей новой встречи!

— До встречи, командир!

В этот момент корректировщик Сергей Овсянкин доложил Ивану Фролову:

— У батареи 152 мм гаубиц закончились снаряды. Поэтому она сворачивается, и в составе 13-й армии уходит на Восток, к Минску. На нашей батарее остался всего лишь боекомплект снарядов, он может нам пригодиться во время отступления по Белоруссии! Лейтенант Голубев шлет тебе свой привет и наилучшие пожелания! Да и я хочу вам сказать, Иван Тихонович, что мне было приятно вместе с вами бить этих немцев!

С этими словами лейтенант Овечкин выпрыгнул на бруствер траншеи и вместе со своим двумя красноармейцами канул в ночную темноту. Может быть, минуты через три, а может быть и дольше, в голове Ивана Фролова появился его голос. Он мысленно и с какими-то длинными паузами проговорил:

— Иван Тихонович, какие-то люди в красноармейской форме только что убили моих красноармейцев!.. Их зарезали прямо на моих глазах!.. Они неожиданно выскочили из поворота траншеи и сразу же взяли нас в ножи!.. Я не успел убежать, один из них в командирской форме догнал меня, и свой нож он мне всадил прямо в шею!.. Я умираю, но хочу сказать вам, чтобы вы не ходили по траншеям!..

Конец

Примечания

Май — стихи Константина Фофанова.

Уркаган — вор.

Первая кадровая! — маршевая песня Польской армии. Автор — Тадеуш Островский.

Правительство Польши в изгнании — правительство Республики Польша, действовавшее после оккупации страны в сентябре-октябре 1939 года. Этому временному Правительству изгнании подчинялись вооружённые формирования польского подполья, действовавшие в Польше (Армия Крайова) и за рубежом. Местопребыванием правительства был Лондон. Хотя немногими признанное, не имеющее реальной власти после Второй мировой войны, это правительство продолжало существовать до последних дней коммунистического правления в Польше. Временное Правительство завершило свою деятельность после избрания Леха Валенсы и принятия им присяги в качестве президента Польши.

Старший майор госбезопасности — специальное звание высшего командного состава органов НКВД и НКГБ СССР, введенное 7 октября 1935 года. Предшествующее более низкое звание: майор государственной безопасности. Следующее более высокое звание: комиссар государственной безопасности 3-го ранга. Соответствовало воинскому званию комдива в сухопутных войсках и званию флагман второго ранга — в ВМФ. Знаки отличия — два ромба в петлицах, две нарукавные шитые золотом звезды в ряд. В 1943 году это звание было упразднено и заменено вновь введённым званием комиссар государственной безопасности.

800-й полк особого назначения «Бранденбург» Вермахта — специальное подразделение германских вооружённых сил, созданное на основе батальона особого назначения в 1940 году по инициативе гауптмана Теодора фон Хиппеля, при активном участии руководителя Абвера адмирала Вильгельма Канариса.

Блатные — высшая каста в уголовной иерархии. Это, как правило, рецидивисты, профессиональные преступники. Зачастую этим блатным принадлежит реальная власть в тюрьме или на зоне. Блатным не может стать заключённый, служивший в армии, работавший официантом, таксистом и прочей обслугой (то есть т. н. «халдеям»).

Положенец — на воровском жаргоне уголовный авторитет, находящийся на положении вора (то есть может решать вопросы, отнесённые к ведению воров, в период их отсутствия в данном

месте) и отвечающий за положение на определённой территории. Назначается «вором». Положенцы назначают «смотрящих», которые следят за ситуацией в отдельных районах города, в лагерях — в отрядах, в тюрьмах — в камерах. Положенец, в свою очередь, сам является смотрящим высшего ранга, как правило, за лагерем, за городом, за тюрьмой и т. п.

Сучья война — борьба, происходившая в исправительно-трудовых учреждениях (ИТУ) СССР в 1946–1956 годах. В борьбе участвовали с одной стороны так называемые «суки», осуждённые, терпимо относившиеся к администрации исправительного учреждения (как правило, участники Великой Отечественной войны) и пожелавшие «стать на путь исправления», а с другой — «воры в законе», исповедовавшие старые правила, которые отрицали любое сотрудничество с органами власти.

Оберштурмфюрер СС — этот чин равен примерно обер лейтенанту или старшему лейтенанту.

Опель-блиц — немецкий грузовой автомобиль, ранние модели которого активно использовались Вермахтом во Второй мировой войне. Этот грузовичок «Опель-Блиц» был также популярен в Вермахте, как наша полуторка в Красной армии.

Шютце — рядовой стрелок, низший чин Вермахта и войск СС.

Полк Бранденбург 800 (с 1943 года — дивизия) — силы специального назначения фашистской Германии. До начала Великой Отечественной войны были переброшены через советскую границу. С началом войны действовали на тыловых коммуникациях РККА, нарушали связь, совершали диверсионные акты, проводили, как мелкие, так и крупные операции во взаимодействии с Абвером.

Штаб Валли — занимался организацией разведывательно-диверсионной и контрразведывательной деятельности против Советского Союза. Для руководства этой деятельностью на советско-германском фронте был создан специальный орган управления «Абвер-заграница», условно именовавшийся штаб «Валли». Начальником штаба «Валли» был подполковник Шмальшлегер Гейнц, который одновременно возглавлял контрразведывательный отдел «Валли 3».

БТ-7 — советский колёсно-гусеничный танк периода 1930-1940-х годов. Третий танк семейства лёгких танков БТ («Быстроходный танк»). В отличие от своих предшественников БТ-2 и БТ-5, имел сварной корпус несколько изменённой формы и новый двигатель. Вооружение было аналогично БТ-5. Выпускался, как и БТ-5, в варианте с радиостанцией и без радиостанции. Всего было произведено 5328 машин.

«Военная организация «Финляндия» — подразделение Абвера в Финляндии и Эстонии, было организовано в середине 1939 года в Хельсинки. В русскоязычной историографии это подразделение было известно, как «Бюро Целлариуса». Это подразделение было названо по имени фрегатен-капитана Александра Целлариуса (он же Келлер), возглавлявшего его с 1941 года. Одновременно фрегатен-капитан Целлариус занимал посты германского атташе в Швеции и Финляндии, а в начале 1941 года он был еще начальником германо-эстонского штаба. После оккупации немцами Эстонии «Бюро Целлариуса» переехало в Таллинн, сменив при этом свое название на «Abwehrnebenstelle Reval» («Местная резидентура «Ревель»).

К98 — снайперская винтовка на базе основной винтовки Вермахта Маузера 98к.

Техник-интендант 1 ранга — старший лейтенант РККА.

Батальный комиссар — специальное воинское звание для старшего военно-политического состава Красной Армии и Флота в 1935–1942 гг. По статусу и знакам различия оно было равное **армейскому** майору.

ДШК — станковый крупнокалиберный пулемёт под патрон 12,7в108 мм. Разработан на основе конструкции крупнокалиберного станкового пулемёта ДК.

Немецкие штурмовик **«Юнкерс 87»** имел неубирающиеся шасси.

29-я моторизованная пехотная дивизия в отличие от многих других дивизий Вермахта имела также дополнительное название Фальке, что в переводе на русский язык означало «Сокол».

Т 3 — средний немецкий танк, использовался Вермахтом с 1939 по 19433 год. PzKpfw III имел компоновку с расположением моторного отделения в кормовой, трансмиссионного отделения — лобовой, а отделения управления и боевого отделения — в средней части танка. Экипаж PzKpfw III состоял из пяти человек: механика-водителя и стрелка-радиста, находившихся в отделении управления и командира, наводчика и заряжающего, размещавшихся в трёхместной танковой башне.